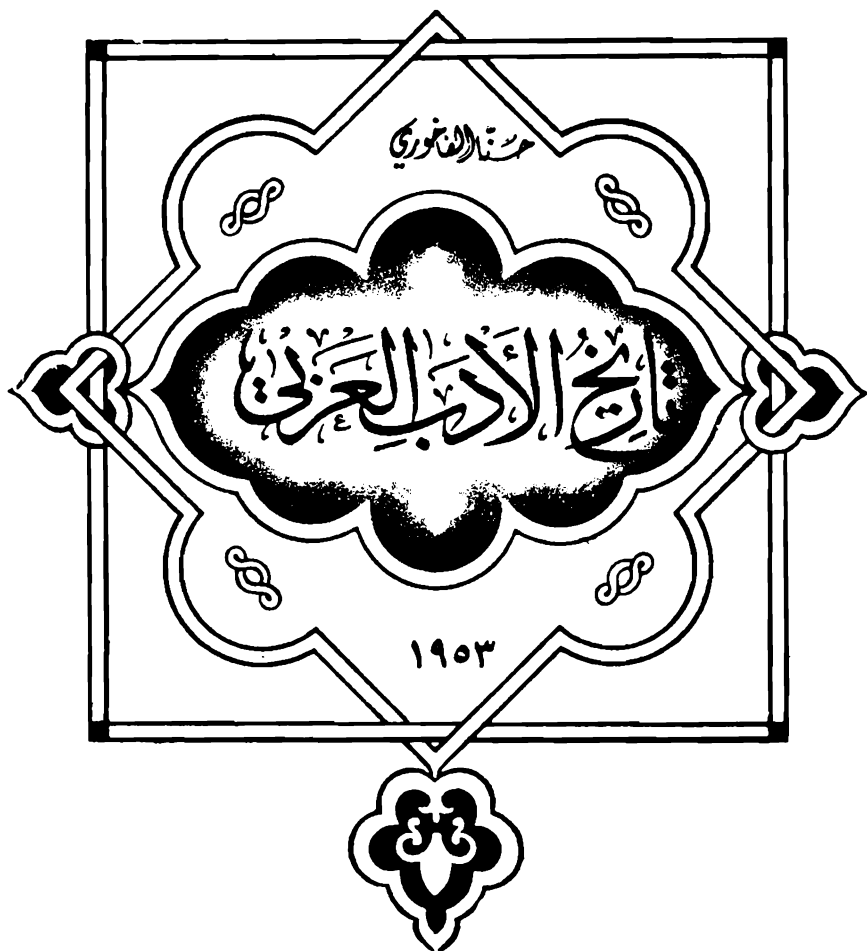
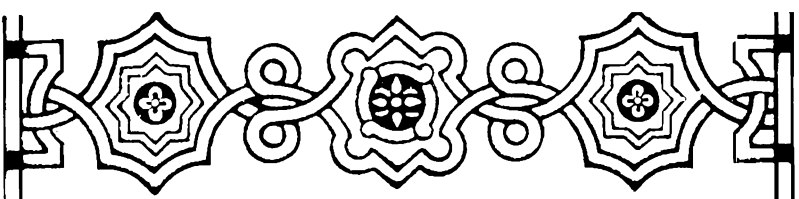

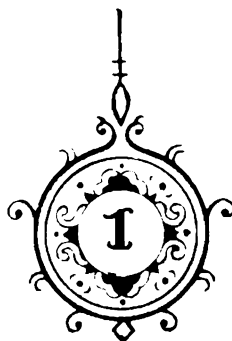

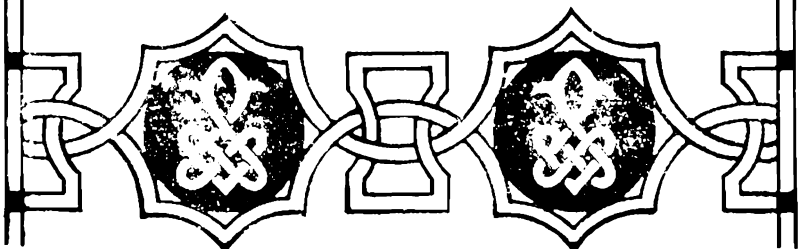
ХАННА аль-ФАХУРИ

ИСТОРИЯ
АРАБСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

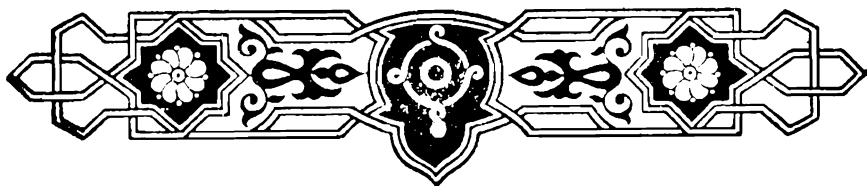
Перевод с арабского В. В. Атамали
Редакция и предисловие А. А. Ковалева и Г. М. Габучана

Предлагаемая вниманию советского читателя книга Ханны аль-Фахури „История арабской литературы“ представляет собой систематическое изложение истории арабской литературы с древнейших времен и до начала XX века. В первый том включены литературы доисламского, омейядского и части аббасидского периодов. Анализ творчества каждого из писателей автор начинает с биографических сведений, после чего переходит к разбору отдельных произведений, объединяя их по тематике и жанрам.

Благодаря обилию фактического материала данное исследование представляет определенный интерес, однако методология его автора требует критического отношения со стороны советского читателя.

Цель книги — познакомить широкие круги читателей с литературным наследием арабов; ее богатый фактический материал может быть также использован при изучении курса арабской литературы.

Редакция литературы по вопросам филологии

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении всей истории арабов значительная роль в формировании самосознания этих народов принадлежала арабской литературе. И в настоящее время, когда после тяжелой борьбы многие арабские народы обрели свою свободу и независимость, а другие еще продолжают вести эту борьбу, современная прогрессивная арабская литература, следуя лучшим своим традициям, отображает сегодняшний день и зовет к борьбе за светлое будущее. Борьбой за свою свободу и независимость народы Арабского Востока завоевали симпатии всего прогрессивного человечества. Этим объясняется и тот огромный интерес, который проявляется не только специалистами — историками, литературоведами, языковедами и т. д., но и широкими кругами читателей во всех странах к жизни, культуре и литературе народов Арабского Востока.

Советскому человеку дороги и понятны чаяния и стремления арабских народов. Советскому читателю понятны и интересны произведения современных прогрессивных арабских писателей, отражающие современную жизнь арабских народов, показывающие человека в его личной жизни и труде, в его борьбе. Все более растет интерес и к историческому прошлому арабских народов, к их культурному и, в частности, литературному наследию. В связи с этим возникла потребность в книге, которая знакомила бы с литературным наследием Арабского Востока, а потребность в пособии, содержащем систематическое изложение истории арабской литературы, стала настоятельной необходимостью.

Предлагаемая в русском переводе книга «История арабской литературы» Ханны аль-Фахури способна до некоторой степени восполнить существующий в этой области пробел. Она излагает историю арабской литературы с древнейших времен до современного этапа ее развития. Будучи сам преподавателем арабской литературы, Ханна аль-Фахури постоянно ощущал необходимость в пособии по этому предмету и поставил перед собой цель создать такую работу, которая бы с достаточной полнотой охватила все основные периоды развития арабской литературы.

Прежде чем приступить к изложению истории арабской литературы, автор рассматривает во «Введении» некоторые общие теоретические во-

просы, связанные с арабским языком и литературой. В первой части введения дается краткий очерк истории арабского языка и арабской письменности. Здесь же читатель знакомится с природными условиями Аравийского полуострова, образом жизни и психическим складом арабов, определившими до известной степени особенности арабской литературы на раннем этапе ее развития, когда закладывались основы тех литературных традиций, которым следовали целые поколения писателей. Вторую часть вводной главы Ханна аль-Фахури посвящает литературоведческим вопросам и дает свое понимание сущности литературы и ее взаимоотношений с другими видами искусства. Касаясь вопроса о периодизации арабской литературы, он выделяет следующие этапы ее развития:

1. Донисламский период (475—622).

2. Период правоверных халифов и Омейядов (622—750).

3. Аббасидский период:

а) аббасидская литература на Востоке (750—1258);

б) аббасидская литература на Западе (710—1492).

4. Период турецкого господства (1258—1798).

5. Период культурного подъема (с конца XVIII и до начала XX века).

В соответствии с этой периодизацией, кстати общепринятой в востоковедческой литературе, Ханна аль-Фахури делит свое изложение истории арабской литературы на шесть основных частей¹, посвященных отдельным этапам развития арабской литературы. Каждая из частей начинается с краткой характеристики исторической обстановки данной эпохи, а разделы, посвященные рассмотрению творчества отдельных писателей,—с кратких биографических сведений. Произведения отдельных писателей анализируются в основном по их тематике и жанрам.

Арабская литература, как и арабская культура в целом, прошла своеобразный путь развития начиная с первого тысячелетия до н. э. Будучи тесно связана своей судьбой с историей арабов, она развивалась на протяжении всех этих исторических периодов в разных территориальных границах и в разных этнических средах.

Самый ранний известный нам этап развития арабской письменности связан с древними государствами южной Аравии. В дальнейшем в результате ряда исторических событий политического и социально-экономического характера судьба арабской литературы связывается сначала с жизнью северных арабских государств, а потом, с распространением ислама и арабского языка, выходит за пределы собственно арабских стран. В VII веке арабы завоевали ряд стран Передней Азии и Северной Африки и создали халифат — феодальное государство, включавшее все завоеванные страны, с центром сначала в Дамаске, а затем в Багдаде. Идеологией арабских завоевателей и созданного ими халифата была религия, возникшая в Аравии в начале VII века,—ислам. Коренное население части завоеванных стран было арабизировано и либо целиком, либо частично восприняло язык

¹ В русском переводе книга Ханны аль-Фахури «История арабской литературы» издается в двух томах; первый том охватывает литературу доисламского, омейядского и части аббасидского периодов. Такое деление вызвано чисто техническими причинами.

и религию завоевателей. Народы других завоеванных арабами стран сумели отстоять в борьбе с завоевателями свою политическую, культурную и языковую самостоятельность.

Начиная с эпохи Багдадского халифата литература на арабском языке создавалась в Иране, Средней Азии, Египте, Испании. Традиционное арабское литературоведение включает в понятие «арабская литература» всю арабоязычную литературу народов Ближнего и Среднего Востока, игнорируя конкретные исторические и национальные условия их развития.

Главным критерием отнесения того или иного произведения или автора к арабской литературе являлся языковый признак. Такой подход к рассмотрению проблем развития арабской культуры вообще и литературы в частности, являясь традиционным, не может быть признан целиком правильным. Арабской эта литература и культура являлась лишь по своей государственной принадлежности, фактически представляя собой сложный конгломерат различных народных культур, использовавших арабский язык в качестве орудия творческой деятельности. Под арабской культурой в собственном смысле этого слова мы подразумеваем культуру тех стран, которые подверглись арабизации и в которых сложилась арабская нация, т. е. культуру Аравии, Ирака, Сирии, Палестины, Египта, Северной Африки. Что же касается народов других стран, вошедших в состав халифата (Ирана, государств Средней Азии, Испании), то они сумели отстоять свою самостоятельность в области культуры и литературы; поэты и писатели этих стран, хоть и писали на арабском языке, оставались до конца верными традициям своих национальных литератур и сами оказали немалое влияние на арабскую литературу.

Нельзя сказать, что аль-Фахури не видит этой сложной взаимосвязи между арабской культурой и культурой других стран халифата. Говоря, например, о поэтах — выходцах из Ирана, он неоднократно подчеркивает их приверженность ко всему персидскому, обращая внимание на антиарабские мотивы в их творчестве. Однако тенденция следовать традиции помешала аль-Фахури понять до конца сложные взаимосвязи между культурами и литературами государств Арабского халифата.

Необходимо также отметить, что в арабской научной традиции под «арабской литературой» понимается вся совокупность письменных памятников, куда включаются также труды по теории языка и литературы, истории, географии, философии, математике, медицине и т. д.

Следовательно, историю «арабской литературы» читатель должен понимать в условном смысле как с точки зрения термина «арабская», так и с точки зрения термина «литература».

При оценке исторических событий и изложении истории арабской литературы Ханна аль-Фахури не выходит за пределы объективистского, поверхностного анализа, и, разумеется, не все в его книге может быть принято советским читателем безоговорочно. Поэтому мы считаем необходимым остановиться на таких ошибочных теоретических положениях автора, которые послужили для него отправными пунктами при изложении истории арабской литературы и легли в основу литературного анализа.

В первую очередь следует обратить внимание читателя на общие положения, выдвигаемые автором во введении в связи с рассмотрением литера-

туроведческих вопросов. Эти положения не являются бесспорными, и читатель должен отнестись к ним критически. Например, пытаясь дать определение понятия «литература», Ханна аль-Фахури утверждает, что литература — это «совокупность письменных произведений, в которых человеческий ум проявляет себя в искусстве письменного творчества», что «в подлинно литературном произведении ярко раскрывается личность автора, рисуются полные жизненной правды картины, выражаются мысли людей и их чувства». На первый взгляд эти положения не вызывают возражений. Однако, чтобы действительно понять и правильно оценить их, нельзя забывать, что указанные положения выдвигаются в качестве определения понятия «литература». При такой постановке они не являются правильными, так как Ханна аль-Фахури выдвигает на первый план личность автора.

Может показаться, что автор в своем определении понятия «литература» действительно опирается на связь литературы с жизнью и историей народов. Так, он пишет: «Подлинная литература — это правдивое отображение жизни людей и народов». Однако это само по себе бесспорное положение понимается им несколько односторонне, ибо под жизнью людей и народов он понимает не историческое развитие общества с его социальными противоречиями и не жизнь людей как членов этого общества, а лишь цепь сменяющих друг друга дворцовых интриг и переворотов, войн и междоусобиц, побед и поражений правителей. Это непонимание исторического процесса развития общества и преувеличение роли личности писателя и ее влияния на его творчество не только проявляется в теоретических положениях, выдвигаемых во введении, но находит отражение как при оценке исторической обстановки, так и при анализе творчества писателей и конкретных произведений.

Так, в разделах, посвященных рассмотрению исторической обстановки той или иной эпохи, Ханна аль-Фахури нередко говорит об общественной и экономической среде, однако здесь читатель не найдет подлинно научного анализа общественных и социальных явлений, а лишь получит голые сведения о торговле и рынках, о значении географического положения того или иного города, об образе жизни при дворе, а в лучшем случае о нравах, обычаях и традициях, характерных для общества данной эпохи. При рассмотрении творчества писателей автор, давая краткие биографические сведения, акцентирует внимание на отдельных чертах личности писателя, на отдельных фактах его жизни и ставит в прямую зависимость от всего этого характер его творчества. В результате произведения не всегда получают у Ханны аль-Фахури подлинно научный литературный анализ, а нагромождение мелких, часто не имеющих определяющего значения событий или фактов оставляет в тени историческую действительность, которую тот или иной писатель, хотя, может быть, и несознательно, отразил в своих произведениях.

В ряде случаев автор дает искаженную картину развития литературы отдельных периодов и творчества отдельных писателей. Безусловно, неполным и слишком односторонним оказался, например, анализ творчества талантливейших сатириков омейядской эпохи аль-Фараздака и Джарира; бросается в глаза до нанности поверхностная оценка наследия Башшара, Абуль-Атахи и Абу Нуваса. Те антиисламские устремления, которые проявились в творчестве этих поэтов в форме прославления культа человека, сво-

бодного от догматов религии, установившей строгие нормы поведения, аль-Фахури толкует лишь как проявление необузданных желаний и страстей поэтов. Упомянув вскользь об антисламских тенденциях их поэзии, он не делает каких-либо серьезных выводов о причинах их протеста.

Известно, что периоды господства Омейядов и Аббасидов характеризовались серьезными социальными потрясениями. Одно за другим вспыхивали восстания бедуинов и народов завоеванных стран. Собственно, и сама династия Аббасидов пришла к власти на волне широкого движения народных масс против диктатуры Омейядов. Все эти события нашли отражение в арабской литературе. Однако аль-Фахури не видит этого и сводит литературный анализ к перечислению мелких подробностей личной жизни поэтов и писателей. Эти подробности закрывают от него сложную связь поэтического творчества с жизнью, которая находит свое отражение в литературе в различных, подчас довольно сложных формах.

Все это — следствие методологии автора и его мировоззрения, не отличающегося целостностью и подверженного влиянию различных религиозно-идеалистических концепций.

Наиболее ярко слабость методологии Ханны аль-Фахури проявляется в последней, шестой части книги, где рассматривается процесс развития арабской литературы с конца XVIII до начала XX века. Характеризуя историческую обстановку этого периода, автор дает картину политических событий конца XVIII — начала XX века и не без основания связывает проблески возрождения арабской литературы с тем толчком, который был дан в начале XIX века экспедицией Наполеона в Египет. Конечно, экспедиция Наполеона в Египет способствовала оживлению общения Арабского Востока с Западом, а это в свою очередь в известной степени способствовало определенному оживлению литературной деятельности. Однако этим нельзя ограничиваться при объяснении развития экономической, политической и культурной жизни страны. Ханна аль-Фахури не видит тех предпосылок общественного развития, которые зрели внутри страны, не видит возникшего еще до захвата Египта и Сирии империалистическими державами процесса разложения феодального общества, процесса, приведшего к развитию антифеодальных освободительных движений. Именно эти движения, направленные к национальному самоопределению, к созданию арабского национального государства, и послужили основой для развития нового этапа национальной культуры (и, в частности, литературы) Арабского Востока. Усилившийся в дальнейшем процесс закабаления стран Арабского Востока империалистическими державами и рост экономической зависимости от них вызывают еще более бурное развитие освободительного движения. Решающее влияние на этот процесс оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. Все эти события нашли отражение в подъеме арабской литературы периода XIX—XX веков, в частности в бурном развитии прессы. Ханна аль-Фахури не отмечает и того этапа развития арабской литературы, который наметился в период второй мировой войны, когда борьба с фашизмом дала толчок новому подъему в общественной жизни и развитию прогрессивных тенденций в арабской литературе.

Все эти важнейшие события не получили освещения в книге Ханны аль-Фахури при изложении исторической обстановки развития арабской

литературы XIX—XX веков. И литература в подлинном смысле современная, и литература настоящего возрождения не получили глубокого и разностороннего освещения в данной книге. На это обстоятельство читатель должен обратить внимание, чтобы увидеть и понять ограниченность охвата материала части, озаглавленной «Период культурного подъема (с конца XVIII и до начала XX века)».

Достоинством книги Ханны аль-Фахури является привлечение большого библиографического материала. В ней широко использованы, например, ряд трудов египетских филологов Таха Хусейна и Ахмеда Амина, сирийского историка и филолога Джирджи Зейдана, ливанского филолога Фуада Афрама аль-Бустани, ливанского арабиста Лунса Шейхо, а также капитальная работа «История арабской литературы» известного немецкого востоковеда К. Брокельмана, «Литературная история арабов» Р. А. Никольсона и, наконец, статьи Ф. Кренкова, Р. Вассэ, Коссена де Персевала и других лучших представителей западноевропейского востоковедения. Известно, что при всех недостатках их методологии эти ученые стремились поставить изучение арабской литературы на более научную основу, чем это делала традиционная арабская филология. Научные труды арабских филологов и европейских востоковедов использованы как при литературном анализе, так и при рассмотрении проблемных вопросов истории арабской литературы. Ханна аль-Фахури знакомит читателя с разными точками зрения, всегда определяя свою позицию по спорным вопросам. Следует отметить, что при этом он нередко приходит к наиболее верным и объективным решениям. Например, в разделе, посвященном древнеарабской литературе, автор, касаясь вопроса о подлинности доисламской поэзии, вступает в полемику с Таха Хусейном и опровергает его доводы. Известно, что Таха Хусейн в своей работе «О доисламской поэзии» (1927) дошел до крайностей, признав всю доисламскую поэзию за позднюю подделку. По этому поводу И. Ю. Крачковский еще в 1931 году писал: «Едва ли в настоящее время кто-нибудь из ученых сомневается в том, что *часть произведений* так называемой доисламской поэзии подложна. Однако отсюда остается еще очень большой шаг до признания всей доисламской поэзии за позднюю подделку, и с таким крайним выводом, наоборот, едва ли кто-нибудь из ученых согласится. Между тем именно к такому выводу приходит автор в своем увлечении критическими методами и европейскими теориями, которые открыли ему новый мир»¹.

Итак, привлечение большого библиографического материала немалого обогащает книгу Ханны аль-Фахури, однако с сожалением нужно отметить, что в ней игнорируется русская школа арабистики. В то же время мы знаем, что богатая по объему и чрезвычайно разнообразная по форме художественная литература народов Арабского Востока издавна привлекала к себе внимание не только арабских и европейских филологов, но и русских востоковедов; они проделали большую работу по исследованию важнейших проблем развития арабской литературы, по освещению отдельных периодов ее истории, а также по ознакомлению широких слоев читателей с наиболее выдающимися ее произведениями. При перечислении имен известных востоковедов Ханна аль-Фахури не упоминает даже такого крупнейшего советского ара-

¹ И. Ю. Крачковский, Избр. соч., т. III, стр. 197.

биста, как академик И. Ю. Крачковский, значение трудов которого трудно переоценить. Работая над важнейшими проблемами арабской литературы, он внес неоценимый вклад в востоковедение. Известно, что И. Ю. Крачковский первым занялся систематическим изучением новоарабской литературы, отметил ее самостоятельное значение и тем самым открыл для современной науки новейший этап в развитии арабской литературы. Его статьи и исследования многосторонне освещают различные научные проблемы, связанные с историей арабской литературы, хотя и не восполняют пробел, создавшийся в нашем востоковедении, в том смысле, что не дают полного систематического изложения истории арабской литературы. Этот пробел в нашей востоковедческой литературе не остался вне поля зрения И. Ю. Крачковского. В своей статье «Общие соображения о плане истории арабской литературы»¹ он обращает внимание на «необходимость создания истории восточных литератур, достойной современного уровня науки и нашей страны», подчеркивает аналогичную потребность в области арабистики и дает свои предварительные соображения о проекте и общих принципах построения истории арабской литературы. Предлагаемый И. Ю. Крачковским план-проспект представляет собой большую научную ценность и будет играть неоценимую программную роль при создании в нашей стране капитальной работы по истории арабской литературы. В настоящее время в нашей стране ведется большая работа над исследованием ряда важнейших вопросов развития арабской литературы целой группой молодых арабистов под руководством ближайших учеников и последователей академика И. Ю. Крачковского, таких видных советских арабистов-литературоведов, как К. В. Оде-Васильева, В. И. Беляев и др.

Поскольку Ханна аль-Фахури не учел при рассмотрении теоретических вопросов и анализе отдельных произведений арабской литературы достижений русских и советских востоковедов, редакторы дополнили список рекомендуемой автором литературы.

Приступая к своей работе, Ханна аль-Фахури стремился также удовлетворить потребности средних школ в арабских странах и, следовательно, старался сделать свое изложение истории арабской литературы доступным и для учащихся. В некоторых местах книги это стремление привело автора к простоте языка, граничащей с упрощенчеством, и лаконичности стиля, близкой к конспективному изложению. Кроме того, он старается не выходить из определенного круга терминов и оборотов, в результате чего в его анализе творчества разных писателей постоянно повторяются одни и те же выражения. Это обстоятельство доставило известные затруднения переводчикам и редакторам и, безусловно, отразилось на стиле перевода.

При передаче на русском языке арабских имен, названий и терминов редакторы руководствовались принципом легкости чтения со стороны широких кругов читателей и потому не считали целесообразным использовать транскрипционные знаки.

Арабская художественная литература, и особенно доисламская поэзия, отличается не только своеобразием формы, но и своеобразием содержания, тематики. Неарабскому читателю иногда трудно понять произведения древ-

¹ И. Ю. Крачковский, Избр. соч., т. II, стр. 563—574.

ней арабской поэзии, и он не всегда сможет оценить их по достоинству. Частично это объясняется тем, что при переводе стихи неизбежно теряют свою красоту, свой поэтический колорит, а частично и тем, что читатель не всегда представляет себе совокупность различных условий, определяющих своеобразие этих поэтических произведений, не может почувствовать красоту их формы и содержания, понять их пафос, оценить своеобразие поэтических приемов и художественно-изобразительных средств.

В отдельных местах работы Ханна аль-Фахури для иллюстрации музыкальности и мелодичности языка того или иного поэта приводит соответствующие примеры. Такие цитаты были в русском переводе опущены, так как в русском варианте они не могли служить своей цели. В связи с цитированием примеров из поэтических произведений следует сделать еще одно замечание: стремясь сохранить сжатую форму изложения истории арабской литературы, Ханна аль-Фахури приводит крайне мало примеров из произведений арабской художественной литературы. В результате цитаты иногда оказываются непонятными. Разумеется, читатель, более глубоко интересующийся образцами арабской литературы, должен прибегнуть к чтению первоисточников; это позволит читателю сделать необходимые выводы и обобщения. Большую помощь в этом советскому читателю окажут труды русских и советских востоковедов по отдельным периодам арабской литературы, монографии о творчестве отдельных авторов, а также имеющиеся в нашей научной литературе работы по истории арабов.

Книга «История арабской литературы» Ханны аль-Фахури содержит богатый фактический материал. Благодаря ему читатель получает представление об арабской литературе в целом и об отдельных ее произведениях, написанных в разные исторические эпохи.

*А. А. Ковалев,
Г. М. Габучан*

ОТ АВТОРА

В последнее время число книг по истории арабской литературы значительно возросло; значительно расширился и круг вопросов, поставленных в этих книгах и в большинстве своем успешно разрешенных. Однако история арабской литературы подобна безбрежному океану: каждый исследователь может погрузиться в его волны, не боясь стеснить другого, каждый историк или критик имеет возможность заняться изучением определенной области литературы, не боясь никому помешать.

Поэтому автор и решил пойти навстречу многочисленным пожеланиям своих уважаемых коллег, а также руководителей учебных заведений и издать эту книгу. Будучи преподавателем арабской литературы, автор в течение десяти лет собирал различные материалы, тщательно анализировал и сравнивал первоисточники, знакомился с самыми последними научными трудами и открытиями в этой области, и теперь он с уверенностью может сказать, что использовал, за редким исключением, все научные работы, монографии и статьи, касающиеся предмета исследования, где бы они ни были опубликованы, поскольку им руководило настойчивое стремление дать по возможности полное и глубокое освещение предмета, не ограничиваясь общими формулировками и поверхностными суждениями. Им руководили бережное отношение к литературному наследию арабов и горячее желание показать, какой ценный вклад внесли они в бессмертную сокровищницу человеческой культуры. И, наконец, автор всей душой стремился преподавать студентам такой материал, который дал бы пищу их умам и сердцам и достойно подготовил их как к вступлению на самостоятельный путь, так и к успешной сдаче официальных экзаменов, где бы они их ни сдавали и какой бы вопрос им ни был предложен.

Настоящая работа построена на всестороннем анализе исторически достоверных фактов. Система периодизации арабской литературы и исследование материала основываются на установившихся требованиях и законах современной науки и учиты-

вают те высокие достижения человеческого духа, которые имеют воспитательное и эстетическое значение.

Стремясь к ясности и четкости изложения, автор старался сделать язык книги доступным; кроме того, стремясь к абсолютной точности формулировок, автор старался избежать неясных выражений и выводов, не подтвержденных убедительными доказательствами.

Автор считает своим долгом выразить искреннюю благодарность всем дорогим друзьям и уважаемым коллегам — как в арабских, так и в неарабских странах, — которые, воодушевляя его, подсказывая правильные мысли и снабжая необходимыми материалами, помогли ему завершить этот тяжелый труд.

Автор надеется, что все, кто помогал выпустить эту книгу в свет, окажут ему помощь и впредь и что присоединившиеся к ним критики и писатели выскажут о ней свое мнение и укажут на допущенные ошибки. Всем им автор заранее выражает свою глубокую благодарность.

Ханна аль-Фахури

АРАБСКИЙ ЯЗЫК

Колыбель арабского языка

Родиной арабского языка является страна, расположенная между Красным морем, Индийским океаном, Персидским заливом и воображаемой прямой, идущей от конца Акабского залива на восток до реки Евфрат. Эта страна — Аравийский полуостров, или, как ее часто называют, Аравия.

РЕЛЬЕФ АРАВИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА И ЕГО КЛИМАТ

Аравийский полуостров — это страна, большую часть которой занимают пустыня и степи. На западе ее рельеф более возвышен, к востоку плато постепенно понижается, а затем снова повышается к Оману. Территория Аравии расположена в жарком поясе, и климат страны, включая районы высоких плоскогорий, весьма неблагоприятный. Лишь изредка ее ясное небо затягивается тучами; дожди выпадают редко и только в отдельных районах, например в Йемене. В большинстве районов страны часты засухи. На полуострове нет реки, которая оставалась бы полноводной на протяжении всего года, поэтому весь он покрыт сетью высохших русел; в сезон дождей по ним текут ручьи. Для того чтобы перегородить немногие из этих русел плотинами и задержать таким образом воду, приходится прибегать ко всевозможным ухищрениям.

Что же касается ветров, то восточный мягкий ветер «ас-Саба» дует в северной части страны, западный ветер несет дожди со Средиземного моря, южный ветер прохладен зимой и зноен летом. В определенное время года дует самый страшный ветер пустыни — «ас-Самум», арабы узнают его по характерному запаху серы. Особенно сильно он дует в центре пустыни, иссушая воздух, уничтожая все на своем пути.

Аравийский полуостров делится на несколько частей. Йемен, благословенная страна, колыбель древней арабской цивилизации, граничит с Хадрамаутом — страной купцов и Оманом — страной мореплавателей. К числу наиболее крупных городов Йемена принадлежат: Неджран; Сана — родина производства плащей, полосатых тканей и сабель; Заффар — город благовоний и ладана; сабейский город Мариб, знаменитый своею платиной. К северо-западу от Йемена расположен Хиджаз с городом Меккой, прозванной «Умм аль-Кура» — «Мать городов». В Мекке находятся священный колодец Зем-зем и священный Черный Камень; к достопримечательностям Мекки относятся также холмы Сафа и Мерв¹ у подножия горы Абу Кабис, долина Мина и гора Арафат. Другим крупным городом Хиджаза является Ясриб (Медина). На побережье Красного моря, между Йеменом на юге и Хиджазом на севере, находится Тихама. Страна, граничащая на западе с Хиджазом, на севере с Сирией и на востоке с Ираком, называется Недждом. Она славится приятным климатом и породистыми скакунами. К югу от Неджда находится Йемама, а к юго-востоку острова Бахрейн — страна фиников и ловцов жемчуга.

Большая часть полуострова занята центральными пустынями (Нафуд-Дахи, Руб аль-Хали). Это безлюдные пространства, покрытые белыми или красноватыми песками; ветры перемещают пески, образуя дюны (барханы). Небо лишь изредка дарует этим пескам дождь; здесь кочуют бедуины со своими стадами, до тех пор пока в оазисах не иссякнет вода, а на редких пастбищах — корм для животных.

ЖИВОТНЫЙ И РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР

«Бедуин и верблюд, пальма и пустыня — вот что характеризует кочевую жизнь». Верблюда называют «кораблем пустыни» и «даром Аллаха»; существует два вида верблюдов: быстроходные верховые верблюды и верблюды, предназначенные для перевозки грузов. Верблюд — друг бедуина, без него бедуин не мог бы выжить в пустыне; он дает бедуину мясо и молоко, перевозит его с одного места на другое, из его шерсти бедуины делают свои палатки.

Плоды пальмы — лучшие и наиболее распространенные плоды из тех, которые можно найти в пустыне, поэтому финики и молоко составляют основную пищу бедуина; кроме того, из фиников бедуины умеют приготавливать очень вкусный напиток — «набиз».

¹ Два холма, расположенные между мекканской мечетью и долиной, в которой находится сам город.

Из домашних животных в Аравии наиболее распространены лошади, ослы, мулы, овцы, собаки. Среди диких животных чаще всего встречаются волки, гиены, антилопы и пр., из птиц — страусы, орлы, куропатки и дрофы; в пустыне много змей. Следует также упомянуть о саранче, из которой бедуины умели приготавливать аппетитное блюдо.

Арабы — носители арабского языка

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АРАБОВ; ОТСУТСТВИЕ СВЕДЕНИЙ ПО ИХ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Арабы принадлежат к семитским народам. Следы древней истории арабов исчезли, если не считать отдельных надписей, открытых сравнительно недавно в Йемене, древнейшая из них относится к VIII или к IX веку до н. э.; однако и эти надписи дают нам весьма незначительные сведения об их авторах — минейцах, сабейцах и химьяритах.

АРАБСКИЕ ПЛЕМЕНА

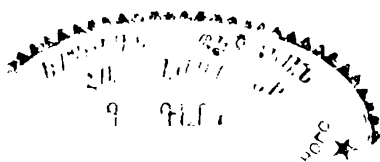
Среди арабских племен различают две большие группы: племена исчезнувшие и племена сохранившиеся.

Исчезнувшие арабские племена. Следы этих племен почти не сохранились; к их числу относятся племена Ад, Самуд, Тасм и Джадис. Ученые узнали о них из лихьянских, самудийских и сафских надписей, случайно обнаруженных близ города Тейма в северном Хиджазе. Надписи свидетельствуют о том, что язык данных племен отличается от языка тех памятников арабской литературы, которые дошли до нас.

Сохранившиеся арабские племена. Они в свою очередь делятся на две крупные ветви — Кахтан и Аднан. Арабы Кахтан считаются коренными арабами, ибо они являются предками арабов. Название племени произошло от имени его родоначальника — Яаруба ибн Кахтана. Арабы Кахтан — йеменцы — известны также под названием «южные арабы». Племя Аднан считается ассимилированным арабами, так как они переселились на Аравийский полуостров с соседних территорий и смешались с его коренным населением. Таким же путем образовалось племя Низар (или Маадд), населявшее Хиджаз, Неджд, Тадмор, Набатею.

СМЕШЕНИЕ ПЛЕМЕН

30 56 13
Экономическая и политическая обстановка вынудила ряд южноарабских племен покинуть родные места; переселение стало особенно интенсивным после разрушения знаменитой Марибской плотины (это событие известно в традиции под названием «Сайл аль-Арим»). Наводнение охватило всю страну, посевы и скот погибли, значительная часть южных племен была

вынуждена переселиться на север Аравии. Племя Саалаба ибн Амра обосновалось в Ясрибе, впоследствии от него произошли два племени — Аус и Хазрадж. Племя Хузаа достигло Мекки, обосновалось там и вытеснило оттуда племя Джурхум. Племя Джафны ибн Амра поселилось в Сирии. Его представителей стали называть Гассанидами — от слова «гассан», что значит на местном наречии «вода»¹. Племя Лахма ибн Ади направилось к городу Хира в Ираке. К этому племени принадлежал Наср ибн Раба, основатель династии Мунзиритов. Племя Тайи обосновалось к северо-востоку от Ясриба, в горах Аджа и Сульма. Таким образом, арабы рассеялись по всей территории полуострова, что породило поговорку: «Разъединились руки сабейцев». Переселение привело к активному смешению южных и северных арабских племен; соседство, войны, торговля способствовали его интенсификации, однако это не прекратило межплеменных раздоров — они продолжались на протяжении еще многих лет и даже после утверждения ислама.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ УКЛАД АРАБОВ

Арабы делились на оседлых и кочевых. Оседлые арабы населяли южную часть полуострова. Полностью усвоенный ими оседлый образ жизни основывался на торговле и земледелии. Благодаря распространению ремесла приобрели широкую известность изготавливавшиеся здесь полосатые ткани, плащи, йеменские сабли, кожи, в искусстве дубления которых арабы достигли совершенства, а также благовония и ароматические вещества, которые вывозились ими в разные страны.

Оседлые арабы строили города, крепости, храмы, возводили огромные дворцы, такие, как, например, знаменитый дворец Гумдан. Они создали несколько государств на юге полуострова, а также за его пределами. Наиболее известными среди них были следующие: государство химьяритов, где у власти стояла династия Туббаа, завершившаяся в 525 году н. э. правлением Зу-Нуаса; государство лахмидской династии Мунзиритов в Ираке (столицей государства была Хира), просуществовавшее с начала III века н. э. вплоть до мусульманского завоевания. Лохмиды находились на службе у персидских царей; из лахмидских правителей прославились ан-Нуаман I (400—418), построивший Хаварнак и Садир; аль-Мунзир III (505—554), получивший прозвище «Сын Небесной Власти»; Амр ибн Хинд (554—569), который превратил Хиру в город поэтов и писателей. Государство Гассанидов (потомков Джафны), в политическом отношении зависимое от Византии, находилось в Сирии, столицей его был город Джилляк. Наибольшей известностью среди гасса-

¹ Гассаниды положили в основу летосчисления год разрушения Марибской плотины, объявив это событие началом новой эры. Эта плотина неоднократно подвергалась разрушениям, развалины ее сохранились до сих пор.

нидских правителей пользовался Харис II, по прозвищу Хромой (529—569), который в «День Халимы» одержал победу над Хирой; прославился он также и тем, что собрал при своем дворе множество поэтов. И, наконец, государство Киндитов в Неджде, которое существовало приблизительно от 450 до 540 года н. э. К Киндитам принадлежал поэт Имру-ль-Кайс.

Кочевые арабы, или бедуины, составляли большинство населения северной части Аравийского полуострова. Общественный уклад бедуинов сформировался под влиянием условий жизни в пустыне. Они с презрением относились к ремеслам и земледелию, жили в палатках, разводили скот, который давал им мясо и молоко, шерсть и кожу. Они знали, где чаще всего шли дожди, и кочевали с места на место в поисках воды и пастбищ. Нуждаясь в том, чего не могло им дать скотоводческое хозяйство, они прибегали к обмену: за продукты животноводства и скот они получали финики и одежду. Случалось, что крайняя нужда или кровная месть заставляла их совершать грабительские набеги.

Единственные законы, которым подчинялся бедуин, были законы его племени¹. Бедуин не признавал никакой власти вне семьи и племени. Общественные связи сохранялись лишь в границах племени и кочевья, но отнюдь не в общенародных границах.

Каждое племя имело своего вождя, который являлся главой племени, его властителем. Вождь — это опора племени, символ его единства, вождю принадлежало решающее слово при обсуждении всех важных вопросов.

Члены племени взаимно поддерживали и защищали друг друга независимо от того, господствующее или подчиненное положение они занимали. Фанатическая привязанность бедуина к племени, которое он защищает и которое защищает его, получила название *асабийя*². Главой семьи считался отец, который пользовался неограниченной властью в своем доме, поступая во

¹ Сокращенная таблица арабских племен

1. Южные арабы, или ветвь Кахтая.

а) *Химьяриты*: племена Кудая, Танух, Кяльб, Джухайна, Узра.

б) *Кахляниты*: племена Тайи, Хамдан, Амилят Джузам (от этого племени происходят племена Лахм и Кинда), Азд (от него происходят племена Гассанидов, Хузаа, Аус, Хазрадж), Анмар.

2. Северные арабы, или ветвь Аднан.

а) *Мудариты*: племя Кайс Айлян (от него происходят племена Хавазин, Сулейм, Гатафан; от племени Гатафан ведут свое происхождение племена Абс и Зубьян); племена Тамим, Хузайль, Кинана (от него ведет свое начало племя Курейш).

б) *Рабииты*: племена Асад, Ваяль (от племени Ваяль происходят племена Бакр, Таглиб, а от племени Бакр в свою очередь — племя Ханнфа).

² Буквальный перевод — «душа племени»; этим словом арабы называли священную обязанность члена племени быть верным интересам племени, племенную привязанность. — *Прим. ред.*

всех случаях так, как он считал нужным. Женщина участвовала на равных правах с мужчиной во всех делах семьи, пользовалась в доме особым почетом, была независима и имела большую свободу действий.

КУЛЬТУРА БЕДУИНОВ И ИХ ВЕРОВАНИЯ

Уровень культуры арабских племен, кочевавших в пустыне, был настолько низок, что они не могли заниматься науками или размышлять о религии. Вместе с тем они уже приобрели определенные знания и навыки, которые были им необходимы в повседневной борьбе за свою жизнь, за средства к существованию. Эти знания и навыки появились в результате многих испытаний и многолетнего опыта. Бедуины имели практические знания по арифметике, медицине и ветеринарии, а южные арабы наряду с этим знали архитектуру, умели строить города, были знакомы с основами земледелия и ремесла. Кроме того, арабы располагали такими знаниями, которые могли оказать им помощь в безлюдной пустыне и в неизведанных местах — там, где легко можно сбиться с пути; они также постигали тайны атмосферных и других природных явлений, учились обращать их себе на пользу. Арабы имели некоторое представление о звездной системе, о географии, истории и генеалогии; они обладали способностью узнавать по внешним чертам человека его скрытые качества; так, по внешности человека, цвету кожи и движениям они определяли характер; эта способность называлась *фираса* (физиогномика). Они умели отыскивать беглеца по следу (*кийафат аль-асар*), определять по внешности и телосложению человека его принадлежность к определенному племени (*кийафат аль-башар*). Арабы занимались ворожбой (*кихана* и *ирафа*): они гадали по полету птицы, это гадание называлось *заджр ат-тайр* (буквально «вспугивание птицы»). Заключалось оно в следующем: в птицу бросали камешком или вспугивали ее окриком; если птица улетала направо, это означало счастливое предзнаменование, если налево — несчастливое.

Что же касается религии, то часть арабов (в особенности жители Йемена, а также городов Ясриба и Хайбара) исповедовала в доисламский период иудейство, другая часть (Мунзириты Хиры, сирийские Гассаниды, а также Гассаниды, обосновавшиеся в йеменском городе Неджране) исповедовала христианство — христианские монахи появлялись повсюду, от Палестины и Синайского полуострова до самых отдаленных уголков пустыни; однако большую часть арабов составляли идолопоклонники. Их примитивная религия была лишена изощренной мифологии или представления о едином боге. Первоначально она сводилась к культу камней, пещер, источников, деревьев, так как арабы были убеждены в одушевленности всех этих мате-

риальных предметов. Они обожествляли все силы природы, поклонялись звездам; основой первоначальной культовой системы бедуинов была луна.

Наряду со всеми этими тотемами у арабов были три высших божества: Манат — богиня счастья и удачи, которой поклонялись жители Мекки, и особенно племя Хузайль; богиня Лат — *рабба* («повелительница»), которой поклонялись жители ат-Тайфа, и, наконец, богиня Узза, олицетворявшая Венеру, — ей поклонялось преимущественно племя Курейш. Арабы высекали из камней идолов, которые должны были изображать их богов, эти идолы назывались *ансаб* («истуканы»). Кроме того, они поклонялись Черному Камню в Мекке и множеству других идолов. Главное божество набатейцев — знаменитого Зу-ш-Шара — олицетворял Черный Камень в Каабе.

Наивысшим божеством, которого арабы почитали больше, чем всех перечисленных, было божество по имени Аллах, признававшееся творцом вселенной, однако, считая, что Аллах слишком далек от них, арабы обожествляли также силы природы, которые были близки и ощутимы. Представление об этом высшем божестве существует у арабов с незапамятных времен, возможно, они восприняли его от предков семитов.

Однако у бедуинов, отягощенных заботами кочевой жизни, религиозные чувства были развиты весьма слабо. Они не придавали большого значения религии, и потому в литературе арабов почти невозможно найти описаний их тотемов.

НРАВЫ АРАБОВ

Характер и нравы арабов, в особенности бедуинов, складывались под несомненным влиянием кочевой жизни с ее весьма примитивным укладом. Пустыня, которая служила бедуину крепостью и защищала его от захватнических нападений, воспитала в нем свободолюбие и независимость; он никогда не склонял головы перед чужеземными угнетателями и в то же время не признавал никаких законов и порядков.

Жизнь бедуина, полная невзгод и лишений, сделала его неприхотливым и выносливым, стойким в беде и нужде, научила его подавлять в себе многие желания и не стремиться к улучшению условий своей жизни.

Изолированность бедуина до предела развила в нем дух индивидуализма, поэтому бедуину было очень трудно подняться до уровня людей, обладающих общественным сознанием, склонных к общению с другими народами. Дух индивидуализма мешал бедуину воспринять идею коллективного блага, стирающую племенные границы.

Наконец, опасности, всегда подстерегающие бедуина в пустыне, воспитали в нем смелость. Он постоянно либо нападает, либо подвергается нападению, живет в постоянной борьбе с вра-

гами, будь то люди, животные или суровые силы природы. При этом «защитой ему служит меч; крепостью — спина его скакуна; оружием — выносливость». Смелость бедуина проявляется во всей полноте в сражении, при обороне или при оказании помощи товарищу.

Хотя жизнь в пустыне превратила бедуина в анархиста, который мог позволить себе любую вольность, он сохранил чувства благородства и гостеприимства. К проявлению этих чувств его побуждали страстное желание заслужить похвалу, оставить по себе добрую память, а также надежда на то, что в стране, где его всегда подстерегает опасность, к нему в трудную минуту отнесутся так же доброжелательно. Особенно ярко эти качества проявляются в отношении бедуина к беглецу: он всегда даст беглецу приют, разожжет для него огонь и накормит его.

Благородство сочетается в душе бедуина с удивительной верностью слову, порожденной мужеством и самолюбием. Эта непоколебимая верность и преданность доходит до того, что бедуин готов на все, вплоть до объявления войны, если речь идет о защите родственника, соседа да и вообще любого человека, обратившегося к нему за помощью.

Если мы добавим к этому, что бедуин никогда не прощает обиды и способен, несмотря на ревностное стремление к справедливости, применить силу для принуждения слабого, перед нами встанет более или менее полный образ жителя широких просторов, выжженных палящим солнцем.

Происхождение арабского языка и его развитие

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Арабский язык является одним из семитских языков¹, и, хотя исторически он моложе других семитских языков, в нем сохранилось больше сходства с семитским языком-основой. Это произошло потому, что арабы были изолированы в своих пустынях от других народов и их язык избежал смешения, которому подверглись другие семитские языки². Однако о начальном периоде развития арабского языка мы ничего определен-

¹ Ученые подразделяют семитские языки на две группы:

1. Северную, состоящую из трех ветвей:

а) арамейской с языками халдейским, сирийским и рядом других;

б) ассирийской;

в) ханаанской с языками древнееврейским, финикийским и рядом других.

2. Южную, состоящую из двух ветвей:

а) исмаилийской (язык арабов племени Мудар);

б) яктанийской (или кахтанийской), куда входят языки племен, населявших юг Аравийского полуострова и Абиссинию.

² Арабский язык является самым новым из семитских языков также и по письменности:

ного еще сказать не можем. Достоверно известно лишь то, что вначале существовали два языка, от которых произошли все остальные арабские диалекты. Это — язык южных арабов (или химьяритский) и язык северных арабов (или мударитский язык).

Североарабский и южноарабский языки. Язык племен Кахтан, населявших Йемен, отличался от языка племен Аднан, живших в Хиджазе, по своим морфологическим и синтаксическим формам. Это отличие было настолько велико, что Абу Амр ибн аль-Аля (770) ¹ писал: «Язык химьяритов — это не наш язык, и они не такие арабы, как мы». Язык Йемена был более тесно связан с абиссинским и аккадским языками, а язык Хиджаза — с древнееврейским и набатейским языками. Некоторые ученые считают, что язык южных племен Кахтан явился одной из основ языка племен Аднан. При этом они ссылаются на надписи, недавно обнаруженные в Йемене. В них имеются выражения, весьма близкие по конструкции и по лексике к языку племен Мудар. В самых древних из этих надписей находят сотни слов, встречающихся как в одном, так и в другом языке, причем некоторые из них по написанию и значению совпадают с арабскими словами, например: أَخ «брат», أخت «сестра», وَثَن «идол», أَسَد «лев», شهر «месяц» и т. д.

РАЗВИТИЕ МУДАРИТСКОГО ЯЗЫКА

Хиджазский мударитский язык прошел длительный путь развития, претерпев различные смещения с другими языками, прежде чем он стал тем языком, на котором были созданы дошедшие до нас произведения доисламской литературы арабов и Коран. Вот основные этапы развития этого языка:

Смещение химьяритского и аднанского языков. Установлено, что южные арабские племена еще до нашей эры переселились в Хиджаз и северные районы Аравийского полуострова. Также установлено, что южные арабы часто совершали торговые поездки на север страны. В результате племена Кахтан и Аднан смешались друг с другом, а химьяритский и мударитский языки до такой степени сблизились, что говорившие на них стали понимать друг друга. Этот процесс взаимовлияния шел, непрерывно усиливаясь, на протяжении примерно

вавилонская и ассирийская письменности существовали с третьего тысячелетия до н. э. до V века до н. э.;

древнееврейская — с середины второго тысячелетия до н. э.;

химьяритская и арамейская — с VIII века до н. э.;

финикийская — с VII века до н. э.;

абиссинская — с середины IV века н. э.;

арабская — с V века н. э.

¹ Когда указывается один год, как в данном случае, он означает год смерти.

пяти столетий. В конце концов в связи с распадом южноарабского государства мударо-аднанский язык одержал верх над кахтано-химьяритским языком. Однако в результате этого общения мударитский язык стал более богатым, гибким и более восприимчивым к элементам культуры.

Племенные диалекты. Арабские племена имели свои племенные диалекты, связанные единством происхождения, которое можно проследить на таких явлениях, как замещение (субституция), например الخيام и الخباع «палатка»; наличие перестановки (метатеза), например صاعقة и صاعقة «гром»; различное употребление падежей, например именная часть сказуемого со словом ليس при наличии частицы

إلّا «исключать, кроме» выполняет функции винительного падежа исключительно в диалекте племен Хиджаза, а в диалекте племени Тамим она выполняет функции именительного падежа. Подобных примеров можно привести бесчисленное множество.

Наряду с этим в различных племенах существовали спонтанные изменения звуков. Так, для речи племени Кудаа было характерно неясное произношение некоторых звуков, а арабы племени Тамим традиционно произносили «хамзу» в начале слова как «айн», например слово أمان («безопасность», «пощада») звучало у них, как عَمان, и т. п.

Образцовый литературный язык. Рядом с племенными диалектами, на которых говорили различные племена и каждый из которых без труда понимали все арабы, создавался образцовый язык, свободный от неточностей и искажений. Это был язык образованных кругов, язык поэтов и ораторов. В нем ассимилировались все арабские наречия и диалекты, причем лучшие их элементы были сохранены, а все лишнее и наносное отброшено. Наиболее ярко достоинства этого языка проявляются в Коране и в дошедших до нас образцах доисламской литературы. Весьма сильное влияние на развитие этого образцового языка оказал по причинам, о которых мы упомянем ниже, диалект племени Курейш, наиболее свободный от искажений, существовавших в других диалектах, и вместе с тем наиболее выразительный.

Причин, обусловивших создание этого литературного языка, довольно много. Упомянем следующие из них:

Базары. Базары — это места в разных частях полуострова, куда в определенное время съезжались арабы по своим торговым или семейным делам, а также для решения спорных вопросов, участия в литературных диспутах и т. п. Здесь выкупали пленных, соревновались в поэтическом и ораторском искусстве, похваляясь друг перед другом знатным происхождением, щедростью, красноречием, красотой, смелостью. Здесь же состяза-

лись в верховой езде, в различных спортивных играх, торговали и т. п. Эти базары походили на большие ярмарки: сюда съезжались люди со всех концов полуострова. Наибольшей известностью пользовался базар Укяз, располагавшийся поблизости от Мекки, и два других базара — Маджанна и Зу-ль-Маджаз, также находившиеся в окрестностях Мекки.

Базар Укяз был «королем» базаров; он продолжался с 1 по 20 число месяца *зу-ль-каада*¹. Здесь собирались знатные люди и вожди племен для совершения торговых сделок, для участия в диспутах, для выкупа пленных, для решения споров и тяжб; некоторых приводило сюда желание совершить паломничество. Здесь говорили на языке, который понимали все; поэты и ораторы стремились употреблять в своей речи общепонятные выражения и при этом придерживались высокого стиля; тем самым они способствовали созданию единого образцового языка, который нравился слушателям и не вызывал ни у кого ни удивления, ни недовольства. Таким образом, базары сыграли огромную роль в деле формирования единого образцового языка, а поскольку наиболее популярный базар — базар Укяз — находился на территории племени Курейш, решающее влияние на формирование единого языка оказал диалект именно этого племени.

Племя Курейш. С незапамятных времен Мекка служила местом стоянки караванов. Она была родиной племени Курейш, пользовавшегося у арабов большим почетом, так как из поколения в поколение оно наследовало знатность и богатство.

К Каабе² стекались паломники из многих мест, и поэтому курейшиты сыграли огромную роль в деле создания единого языка; они совершенствовали свой диалект за счет заимствований из наречий различных племен, прибывавших в их страну, причем заимствовали слова и формы, наиболее легко произносимые и приятные для слуха. Остальные арабы подражали их диалекту. Так как важнейшие базары находились на территории племени Курейш, на его диалекте предпочитали выступать поэты и ораторы, а сами курейшиты весьма часто выступали на этих базарах арбитрами. Отсюда стихи распространялись по всему полуострову, а с ними получали все более широкое распространение язык и литературный стиль курейшитов. Все это и явилось причиной того, что образцовый язык очень приблизился к языку курейшитов.

Культура соседних народов. Арабы не были изолированы на своем полуострове от культурного влияния окружающих народов. Напротив, они поддерживали постоянный и тесный контакт со своими соседями. Язык племен Аднан впитал в себя богатства кахтанийской культуры, а также культур

¹ 11-й месяц мусульманского (лунного) календаря.— *Прим. ред.*

² Кааба — мечеть в Мекке, считающаяся у мусульман-суннитов священным храмом; главный объект паломничества (*хаджа*) мусульман.— *Прим. ред.*

Египта, Персии, Византии и Абиссинии. Этому обогащению за счет культур соседних стран способствовали торговля и соперничество Хиры, поддерживаемой персами, с Гассанидами, поддерживаемыми римлянами. Таким образом, язык арабов развивался и совершенствовался, пополняясь за счет языков народов, обладавших высокоразвитой культурой.

К периоду расцвета доисламской литературы арабский язык пришел вполне сложившимся, впитавшим в себя все лучшее, что содержалось в языках и культурах многих народов. На арабском языке этого времени уже можно было четко выразить любое понятие, каким бы утонченным или возвышенным оно ни было, описать душевные переживания и сердечные муки, передать или разъяснить все доступное зрению и уму. Появление же Корана на арабском языке еще больше способствовало утверждению этого языка и его сохранению, несмотря на все превратности времени и судьбы.

Арабский язык является флективным языком, в распоряжении которого имеются множество различных форм словообразования и словоизменения, богатая синонимика, широкие метафорические, метонимические, аллегорические и иные средства выражения. Крупный ученый-востоковед Броккельман писал об этом: «Язык арабской поэзии отличается неистощимым богатством грамматических форм и считается наиболее развитым из семитских языков с точки зрения структуры предложений и четкости выражения. Необыкновенно богата и лексика арабского языка, что, впрочем, неудивительно, ибо лексический состав арабского языка обильно пополнялся за счет лексики различных племенных диалектов».

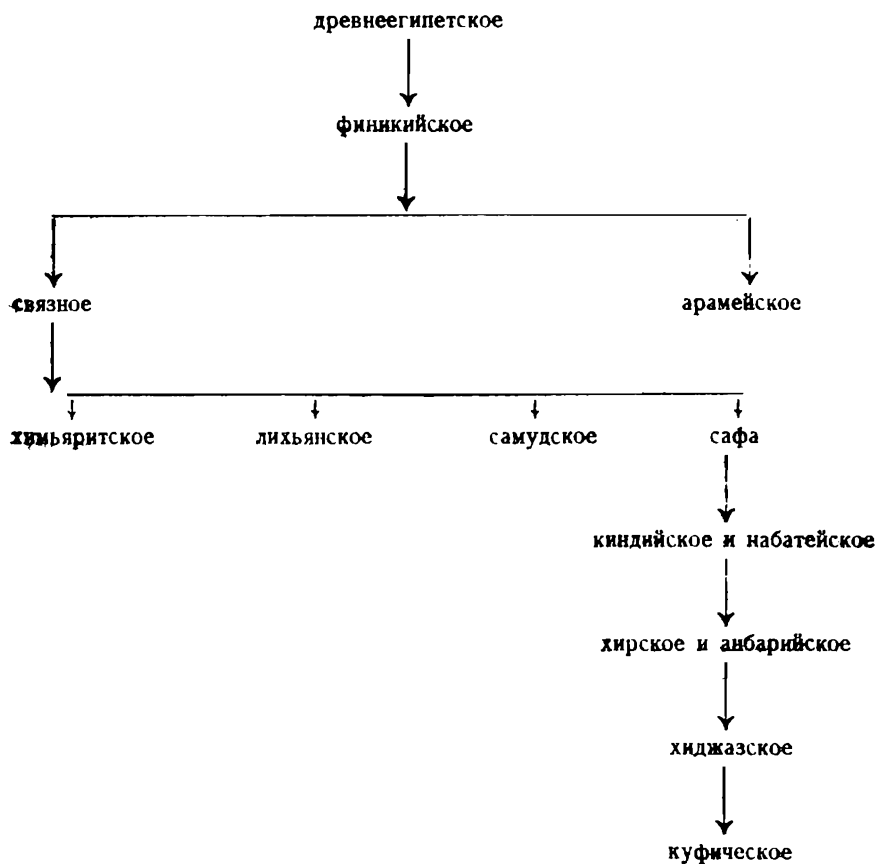
АРАБСКОЕ ПИСЬМО

Арабский алфавит не является самобытным. Он возник как видоизменение набатейского алфавита, который был широко распространен на севере Аравийского полуострова в доисламскую эпоху.

Процесс развития арабского письма представляет собою цепь, состоящую из трех последовательных звеньев. Первое звено — это древнеегипетское письмо в трех его видах (иероглифическое, иератическое и демотическое); второе — финикийское письмо и третье — связное письмо. Существовало несколько видов связного письма, из которых наиболее известны четыре: сафа, самудское, лихьянское и сабейское (или химьяритское). От связного письма ответвились два новых вида — киндийское и набатейское; от набатейского письма в свою очередь отделились еще два вида — хирское и анбарийское. Наконец, из анбарийского письма развилось хиджазское письмо (арабский «насх»). Куфическое письмо является орнаментированным вариантом хиджазского письма.

В древности арабы писали на лопаточных костях верблюда, на широкой части пальмовых ветвей, очищенных от листьев. Писали также на плоских белых камнях, на кожах, на глиняных и деревянных плитках, на египетском папирусе.

СХЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ АРАБСКОГО ПИСЬМА

АРАБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЧТО ТАКОЕ „АДАБ“

Слово *адаб* (أَدَب) арабы употребляли для выражения различных понятий. В доисламский период оно означало приглашение на пир. Кроме того, и в доисламский период и в эпоху ислама этим словом обозначалась совокупность норм поведения, считавшихся тогда «благородными», а также их проявление в общественной и личной жизни; поэтому под словом *адаб* стали понимать воспитание в человеке похвальных качеств, преподавание ему высоких знаний, ознакомление его с выдающимися образцами поэзии. В IX веке и в последующую эпоху под этим словом понимали целую группу наук и искусств, куда входили философия, математика, астрономия, химия, медицина, история, генеалогия, поэтика и ряд других отраслей знания, которые обогащают интеллект и способны воздействовать на общественные отношения. И только с XII века слово *адаб* стало употребляться для обозначения поэзии и прозы, а также наук, помогающих их пониманию, — грамматики, филологии, просодики, риторики, а также литературной критики, целью которой являлось установление эстетических норм.

В настоящее время под словом *адаб* подразумеваются два явления: во-первых, искусство владения пером; во-вторых, совокупность произведений, в которых проявляется это искусство. Поэтому мы можем определить понятие *адаб* как «литература» следующим образом:

Адаб — это совокупность письменных произведений, в которых человеческий ум проявляет себя в искусстве письменного творчества. Следовательно, литература — это не просто правильный подбор слов и последовательное изложение мыслей, а искусство, с помощью которого человек в совершенной форме выражает совершенные идеи. В подлинно литературном произведении ярко раскрывается личность автора, рисуются полные жизненной правды картины, выражаются мысли людей и их чувства. Подлинная литература — это правдивое отображение жизни людей и народов.

Литература, как и другие виды искусства, ставит своей целью эстетическое отображение зримых и незримых явлений. Так же как наука ищет истину, опираясь на теоретическую мысль, как промышленность стремится к созданию благ, опираясь на практический ум, так литература стремится отобразить красоту, опираясь на человеческий ум во всех его проявлениях. Художественная красота одновременно воздействует на разум, чувство и воображение; она обращена к человеку в целом.

Изящные искусства подразделяются на пять видов: поэзию, скульптуру, живопись, архитектуру и музыку. Каждый из этих видов искусства располагает своими средствами воплощения красоты. В поэзии это стихотворный текст и его декламация, в живописи — краски и воображение, в архитектуре — камень и точность расчетов, в музыке — голос, музыкальные инструменты и мелодия.

Художественная красота — это живое, убедительное, эстетически совершенное воспроизведение природы. Произведение искусства должно быть жизненным, должно оставлять живой след в душе читателя, слушателя, зрителя. Это достигается не механическим копированием природы со всеми ее деталями и подробностями, а отбором того, что обладает наибольшей впечатляющей силой и лишь косвенно передает те детали, излишнее внимание к которым может снизить силу воздействия произведения. Необходимо также, чтобы воспроизведение природы было убедительным и обоснованным, чтобы оно выражало глубокие чувства, которые вызывает изображаемое. Достичь такого результата писатель или оратор может только в том случае, если он сам пережил чувства людей, о которых говорит; для того чтобы понять и объяснить изображаемое, писатель должен сам проникнуть в его сокровенные глубины.

Наконец, произведение искусства должно быть эстетически совершенным. Это не означает, однако, что оно должно приукрашивать действительность, менять ее лицо. Это означает лишь то, что оно должно обобщать наблюдаемое, закрепляя и подчеркивая наиболее характерные его черты.

ЭЛЕМЕНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Литература — это совокупность идей, представлений и чувств, порождаемых разумом, воображением и ощущением, подчиненным нормам здорового вкуса. Литература выражает идеи, представления и чувства ярким, ясным и образным языком, сочетающимся с красотой и совершенством формы.

Разум порождает идеи, устанавливает нормы и критерии. Идеи должны отличаться ясностью, четкостью, новизной, силой, глубиной, возвышенностью; эстетические нормы должны быть

правильными. Таким образом, разум имеет огромное значение в литературном творчестве, ибо именно он закладывает основу литературы — идею. Произведения, лишенные мысли или полные идейных блужданий, не могут быть отнесены к подлинной литературе, хотя бы их авторами и были мастера слова. Правда — один из основных элементов красоты; где нет правды, там нет и красоты.

Воображение создает образы вещей и явлений, то есть облекает мысли в осязаемые образы, оживляет, одухотворяет неживую природу. Образы должны отличаться новизной, самобытностью, убедительностью.

Ощущение порождает чувства, то есть добрые или дурные побуждения; характер этих чувств определяется истинностью ощущений.

Наконец, вкус — это способность обнаруживать достоинства и недостатки литературных произведений как с точки зрения формы, так и с точки зрения содержания. Характерными чертами вкуса являются наблюдательность, тонкость, а также широта и здравость суждений.

Если какой-либо поэт или писатель обладает всеми этими качествами в масштабах, позволяющих ему создавать выдающиеся произведения, его считают талантливым или даже гениальным.

ОБЩИЕ ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ФОРМИРОВАНИЮ ЛИТЕРАТУРЫ, ЕЕ РАСЦВЕТУ И УПАДКУ

Поскольку литература представляет собой художественное отображение жизни отдельных лиц и общественных групп, постольку она неизбежно развивается с изменением образа и условий жизни, вызываемых эволюционным и революционным развитием психики людей, политической обстановкой, социальными отношениями и т. д. С этой точки зрения к числу факторов, воздействующих на литературу, меняющих ее лицо, относятся следующие:

О к р у ж а ю щ а я п р и р о д а, то есть совокупность географических и климатических условий, в которых живет человек. Горы и равнины, жаркий и холодный климат, город и деревня — каждый из этих факторов по-своему воздействует на человека. Окружающая природа является источником вдохновения писателя.

Общественная, материальная, политическая и культурная среда, то есть уровень жизни нации, характеризующийся богатством или бедностью, культурным прогрессом или отсталостью, обычаями и нравами, духовной жизнью, способами добывания средств к существованию, взаимоотношениями между людьми, формой правления. Все это оставляет глубокий след в языке и литературе, воздействуя на слог и стиль,

на представления и образ мышления, на чаяния народа, определяя цели творчества, способствуя подъему или упадку литературы.

Взаимосвязи между народами, приводящие к взаимосвязям между культурами, к расширению культурных горизонтов, к многочисленным и притом весьма глубоким изменениям в идеях, представлениях, стилях.

Религиозные верования. Религия пускает глубокие корни в сознании человека, она властно подчиняет умы и поэтому оказывает огромное влияние на литературу, формируя нравы и убеждения, указывая пути и средства достижения высшего духовного совершенства.

ВИДЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Литература делится на художественную и теоретическую («описательную») литературу.

Художественная литература создается людьми, обладающими врожденным или приобретенным даром слова. Этот вид литературы подразделяется на поэзию — строго организованную речь, имеющую своей формальной основой размер и рифму, своей идейной основой — воображение, и на прозу — речь, не подчиненную законам размера и рифмы. Проза абсолютно свободна, она не связана теми ограничениями, которые являются обязательными для поэзии. Идейной основой прозы является не только воображение, но и — чаще всего и главным образом — реалистическое, логически последовательное мышление.

Теоретическая литература занимается изучением художественной литературы и делится также на два раздела: литературную критику и историю литературы.

Литературная критика — это изучение литературных произведений с точки зрения их сущности и тех основных элементов и качеств, которые делают их произведениями искусства; литературная критика определяет также значимость литературного произведения.

История литературы — это описание развития литературы на протяжении веков, включающее ее анализ и систематизацию. Взяв в качестве объекта изучения художественную литературу, история литературы устанавливает периоды ее развития, анализирует ее сильные и слабые стороны, вскрывает причины ее прогресса и упадка, выявляет временные и причинные связи литературных явлений. Литературный анализ в книгах по истории литературы проводится обычно на фоне исторических экскурсов. Мы решили следовать именно этому методу.

Известно, что история литературы в современном значении этого термина появилась сравнительно недавно. Европейцы — сначала итальянцы, а затем и другие народы, в первую очередь

французы,— стали заниматься этой наукой в эпоху Возрождения. Что же касается арабов, то в древности они не знали истории литературы, занимаясь лишь составлением биографий различных писателей и поэтов, разъяснением достоинств и недостатков их творчества, собиранием их произведений, цитированием отдельных изречений и отрывков; при этом суждения составителей, их комментарии и анализ были поверхностными, непоследовательными, бессистемными, они не могли дать общего представления о развитии литературы в каком-либо веке или на протяжении ряда веков. Всем этим разнообразным биографиям не хватало стройности, системы и глубины анализа; они не могут служить историей литературы — они являются лишь источниками таковой¹.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЖАНРЫ

Литературные жанры — это основные, наиболее общие художественные формы выражения мысли. Каждый жанр имеет свои специфические законы и особенности. Литературные жанры являются отображением ступеней в развитии человеческой мысли; они подразделяются на две большие группы: поэтические жанры и прозаические жанры.

Поэтические жанры. Существуют четыре поэтических жанра: эпическая, лирическая, драматическая и назидательная поэзия.

Эпическая поэзия. Здесь поэт не говорит о себе. Он показывает героев и различные группы людей, описывает битвы и подвиги. Эпические произведения носят повествовательный характер, изобилуют описаниями необыкновенных происшествий. Примерами могут служить «Илиада» Гомера и «Шах-наме» Фирдоуси.

Лирическая (или сентиментальная) поэзия. В произведениях этого жанра автор раскрывает свои душевные переживания, описывает тончайшие проявления своих чувств и устремлений, выражает свои мысли, взгляды и представления об окружающем его мире.

¹ К числу подобного рода книг, написанных арабами, относятся, например, следующие: «Классы поэтов» («Табакат аш-шуара») Мухаммеда ибн Салаяма аль-Джумахи (845); «Поэзия и поэты» («Аш-Шиар уа-ш-шуара») Ибн Кутейбы (889); «Золотые ожерелья» («Қалянд аль-икйан») и «Предмет вожделений для душ» («Матмах аль-анфус») аль-Фатха ибн Хакана аль-Андалуси (946); «Словарь поэтов» («Муаджам аш-шуара») аль-Марзибани (994); «Уникальная книга о поэтах века» («Ятимат ад-дахр фи шуара аль-аср») Абу Мансура ас-Саалиби (1037); «Бесценная книга о достоинствах жителей полуострова» («Аз-Захира фи махасин ахль аль-джезира») Ибн Бассамз аль-Андалуси (1037); «Кумир дворца» («Думьят аль-каср») Абу-Хасана аль-Бахриз; «Прекраснейшая из книг века о достоинствах поэтов всего Египта» («Сулафат аль-аср фи махасин аш-шуара би кулли Миср») Садраддина аль-Мадини (XI в.); «Базилик разумных» («Рейханат аль-алибба») Шихаба ад-Дина аль-Хафаджи (1658).

Драматическая поэзия. В произведениях этого жанра поэт рассказывает об исторически достоверных или же вымышленных событиях. Драматические произведения предназначены для исполнения на сцене лицами, которые волею автора перевоплощаются в созданные им образы, причем каждого из своих героев автор наделяет речью, соответствующей характеру образа и той обстановке, которая складывается в произведении.

Назидательная поэзия — это жанр, в котором находит свое проявление стремление поэта к просвещению умов и душ людей.

Эпическая поэзия носит социальный характер, ибо в ней, как в зеркале, отражается жизнь человеческого коллектива. Возникая обычно на заре истории народа, она свидетельствует о пробуждении общественного сознания, о более глубоком понимании жизни.

Лирическая поэзия свидетельствует о развитии культуры, о таком расширении горизонтов мировоззрения, которое позволяет человеку углубиться в себя, обратиться к самопознанию, что знаменует собой новый шаг на пути формирования личности.

Драматическая поэзия указывает уже на значительный культурный прогресс, на огромные достижения человека в его стремлении к личной и социальной свободе.

Что же касается назидательной поэзии, то она свидетельствует об интересе отдельных лиц и групп людей к знаниям, к образованию.

В процессе изучения арабской литературы обнаруживается отсутствие эпосов, для которых характерны пространные героические сказания. Это можно объяснить многими причинами, в том числе тем, что доисламское арабское общество было далеко от понимания единства народа, а патриотические чувства были ограничены пределами племени; мысли арабов были слишком конкретны, и фантазия не вязалась с их сугубо реалистическими устремлениями, они были далеки от обожествления природы, не находившего отклика в их весьма пассивном религиозном сознании.

Религиозное сознание у доисламских арабов было развито крайне слабо. Арабы не были связаны какой-либо единой властью, чужеземцы не посягали на их землю. Кроме того, кочевая жизнь вообще исключала возможность организации многочисленного регулярного войска и его использования в захватнических целях; войны, которые вели бедуины, носили характер случайных и неожиданных набегов. К этому следует добавить, что поэт-бедуин — вольный человек; характер его непостоянен, а пределы его фантазии и воображения весьма ограничены. Он едва был в состоянии сложить *касыду*¹ на какую-нибудь

¹ *Касыда* — поэма, целевое стихотворение, близкое по характеру содержания к оде. — *Прим. ред.*

одну, определенную тему, как же он мог бы создать большую эпопею, которая должна была рассказывать о самых разных событиях и о судьбах множества героев? К тому же поэт-бедуин творил под влиянием своих чувств и впечатлений, а вовсе не из желания рассказывать о каких-либо событиях далеким и неведомым потомкам. Вдохновенный оратор, а не рассказчик, он не был в состоянии охватить всю совокупность происходящих явлений; над ним властвовали врожденные свойства его натуры, и поэтому все, что производило впечатление на его воображение, он рассматривал вне связи с прошлым и настоящим, без всякой последовательности. Все это ограничивало возможности поэтов-бедуинов, и потому они не создали крупных эпических произведений.

Однако, хотя в арабской литературе и отсутствуют крупные героические сказания, ей известны касыды, проникнутые пафосом героики. Описания событий, содержащиеся в этих касыдах, в особенности событий, имеющих отношение к самому поэту или к тем, о ком он пишет, напоминают по своему стилю героические сказания.

Драматический жанр также совершенно отсутствует в древнеарабской поэзии, что тоже имеет свои причины. Одной из них является то, что бедуин по своей природе не был склонен к изучению характеров, к тщательному психологическому анализу. К тому же он не стремился придумывать эффектные коллизии или ситуации, далекие от его реальной жизни, от его материального бытия, от его постоянных забот о том, как защитить свою жизнь, как обеспечить себя пищей и всем необходимым для существования. Другой причиной отсутствия драматического жанра в древнеарабской поэзии был индивидуалистский характер бедуина — ему был чужд дух коллективизма; общество, в котором жил бедуин, стояло на весьма низкой ступени развития.

Впоследствии, когда положение арабов упрочилось, а их культура достигла более высокого уровня, поэтами овладела страсть к обогащению. Они стали льстить власть имущим, посвящая им короткие подражательные касыды, и получали за это огромное вознаграждение. Они не пытались делать их длинными и подробными, так как и короткие касыды несли им привольную жизнь, благосклонность вельмож, восхищение толпы и восторги критиков, которые не смогли бы оценить по достоинству поэтическое произведение, отошедшее от норм старой арабской поэзии, от старого стиля.

Назидательная поэзия известна арабам еще с доисламской эпохи. Ее основоположником в арабской поэзии был Зухейр ибн аби Сульми, впервые изрекший «Тот, кто...»¹. Однако про-

¹ Традиционное начало арабских назиданий, например: «Тот, кто проявляет усердие, тот находит...» — *Прим. ред.*

изведения назидательной поэзии у арабов обычно лишены подлинного поэтического пафоса. В целом дидактическая поэзия слишком суха и более походит на прозу, нежели на поэзию.

Что же касается лирической поэзии, то она с незапамятных времен была известна арабам; здесь господствовали и все более развивались фантазия и воображение араба. Она включает следующие жанры: *газаль* (либо *ташбиб*, или *насиб*) — лирические стихотворения, где воспевается женщина, дается описание ее достоинств, где поэт часто беседует со своей возлюбленной или благоговейно вспоминает о ней, оплакивает следы покинутого становища и т. д. и т. п.; *фахр* — стихотворения, в которых автор восхваляет себя, свои личные качества или качества своего племени и своих соплеменников; к этому жанру относятся также стихи, воспевающие доблесть и отвагу; *мадх* — панегирик, перечисление и восхваление достоинств и заслуг героя и его племени; *риса* — элегия, перечисление достоинств и заслуг покойника, скорбь о нем; *хиджа* — сатира-пасквиль, сатирическое описание недостатков недруга и его соплеменников, саркастическое высмеивание их, унижение их достоинства; *зухд* — набожно-благочестивая поэзия, поэзия аскетического подвижничества, восхваление смерти, описание бренности мирского бытия, обращение мольбы к Аллаху, наставление на путь добра, отвращение от зла; *хикма* (или во множественном числе *хикям*) — философско-афористические стихи, нравоучительные сентенции, материал для которых поэт черпает из своего жизненного опыта, знаний и наблюдений, выраженные в лаконичной форме — одним или несколькими *бейтами*¹, содержащими наставление или совет; *васф* — описание или подробный разбор какого-либо явления, который дается с целью подготовки слушателя к восприятию основного содержания произведения.

Произведения арабской поэзии обычно короче поэтических произведений других народов. Основными формами арабской поэзии являются *касыда* (поэма, число бейтов которой иногда достигает ста и более, а иногда не превышает и десяти) и *мактуа* (стихотворение, число бейтов в котором не превышает семи). Как касыду, так и мактуа арабы считают обычно самостоятельным поэтическим произведением, посвященным одной теме или несколькими темам, связанным между собой. Касыда и мактуа состоят из бейтов, каждый из которых рассматривался арабами в древности как самостоятельное целое, содержащее законченную мысль и поэтому существующее независимо от других бейтов. Все бейты выдержаны в одном размере (*вазн*), каждый бейт заканчивается одним и тем же рифмующимся звуком (*равий*), за исключением произведений, написанных размером *рад-*

¹ Бейт соответствует стихотворной строке (стиху) и состоит из двух полустиший, каждое из которых называется *шатром*. — Прим. ред.

жаз, в которых бейты имеют различные рифмующиеся звуки, между тем как оба полустишия, из которых состоит бейт, имеют один и тот же рифмующийся звук. Однако, как это будет показано в ходе нашего исследования, с течением времени арабы постепенно освободились от этих формальных поэтических норм.

Прозанческие жанры. Существует пять прозанческих жанров: исторический, ораторский (риторический), повествовательный, назидательный и эпистолярный.

История — это наука, которая воссоздает события прошлого, связывая их между собой, и прослеживает общие законы развития человечества. *Исторические* произведения пишутся в живой, увлекательной форме, что дает возможность историку оказывать воспитательное воздействие на умы, объясняя настоящее прошлым и находя в прошлом то, что несет с собой будущее. Использование в исторических произведениях многочисленных примеров героизма и добродетели дает историку возможность воспитывать дух народа, пробуждать в людях чувство патриотизма.

Риторика — это искусство убеждения, призванное склонить слушателя на сторону оратора; создавая *риторическое* произведение, поэт стремится убедить слушателей поступать сообразно с его призывами.

Произведения *повествовательного* жанра посвящаются какому-либо событию, служащему основой для изучения и описания нравов.

В основе произведений *назидательного* жанра лежит изучение достижений и теорий в области естественных и гуманитарных наук, а также вопросов искусства. Прозе назидательного жанра присущи красота стиля и необыкновенная отточенность слога.

Произведения *эпистолярного* жанра представляют собой письменные беседы, изобилующие художественными приемами и риторическими построениями.

Некоторые арабские исследователи причисляют к основным жанрам прозы также *дискуссионный* жанр, произведения которого посвящены искусству спора, заключающемуся в том, что каждый из спорящих, подкрепляя свою точку зрения доказательством, стремится опровергнуть точку зрения и аргументацию своего оппонента.

Арабы делят прозу на два вида: *наср мусаджжаа*, или *садж* — рифмованную прозу и *наср мурсаль* — свободную прозу; эти виды различаются по наличию или отсутствию рифмы.

Изучение арабской литературы показывает, что в ней исключительно полно представлено большинство прозанческих жанров. Однако искусство владения некоторыми из этих жанров, например жанром романа, достигло высокой степени развития лишь в сравнительно недавнее время.

На протяжении огромного периода своей истории человечество не имело письменности и не знало книг. Однако представляется вероятным, что литература в этот период существовала. Прежде чем воплотиться в письменной форме, литература опиралась на устное повествование. Это относится и к арабской литературе, произведения которой длительное время передавались в устной форме. Тот, кто изучает мировую литературу вообще и арабскую литературу в частности, может заметить, что поэзия появилась раньше художественной прозы. Это, однако, не означает, что первые слова, произнесенные человеком, были воплощены им в стихотворную форму, это говорит лишь о том, что наиболее древние литературные памятники, созданные человеком, были стихотворными. Одна из причин этого заключается в том, что для создания прозаической литературы необходимо уметь писать, между тем как письменность в истории каждого народа появилась сравнительно поздно. В то же время поэтические произведения поддаются устной передаче, а прозу передать устно довольно трудно; кроме того, нельзя быть уверенным в достоверности устно передаваемой прозы, так как ее можно легко исказить. Другой причиной более раннего появления поэзии является то, что художественная проза — это язык разума, в то время как поэзия — язык чувств; человек же сначала чувствует, а уже затем мыслит. Поэтому художественная проза появилась лишь тогда, когда человеческое общество вступило в полосу более или менее заметного интеллектуального прогресса.

В период своего зарождения арабская поэзия была далеко не такой, какой мы знаем ее по дошедшим до нас памятникам доисламской литературы, и тем более не такой, какой она является теперь. Прежде чем достичь данного уровня зрелости, она прошла долгий путь развития и формы и содержания. Считают, что арабская поэзия родилась из пения, которым подгоняли верблюда, а арабские стихотворные размеры установились как соответствия различным ритмам его аллюра. Несомненно, что арабской поэзии с момента ее зарождения были присущи специфические особенности; их обуславливали подбор слов и их расположение в особом музыкальном порядке, который мы называем стихотворным размером, а также то, что слова, замыкающие бейты, оканчивались на один и тот же согласный звук, являющийся как бы заключительным аккордом стиха (по-арабски *кафийа*), рифмой. Некоторые критики считают, что рифмованная проза (*садж*) появилась раньше произведений в размере *раджаз*, однако историки литературы единодушны в мнении, что наиболее древняя форма арабской поэзии — *урджуза*.

Размер и рифма способствовали напевному скандированию стихов и роднили поэзию с пением; это было вполне естественно, так как «поэзия — это музыка слов, а пение — музыка

мелодий». По всей вероятности, первоначально арабы в зависимости от обстоятельств либо декламировали стихи, либо пели их.

АРАБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПСИХИЧЕСКИЙ СКЛАД АРАБОВ

Арабская литература, словно зеркало, отражает духовный склад арабов во всем многообразии его проявлений, в его истонной чистоте и в его смещениях и взаимовлияниях, в его силе и слабости, в условиях кочевой и оседлой жизни.

Арабская литература отражает борьбу за существование и за освобождение от угнетения во всех его видах, борьбу, характеризовавшую не только гордых сынов пустыни, воспитанных в духе свободы, но и всех арабов во все периоды их истории. Литература арабов, в особенности древняя, изобилует темами гордости, доблести и рыцарства, картинами битв, воспеванием оружия, рассказами о диких зверях и о бескрайних пустынях, где они обитают, словословиями коню и верблюдице — основным спутникам бедуина в его жизни и приключениях. В то же время она полна злой насмешки, защищавшей честь араба в тех случаях, когда ее не могли защитить меч и копье.

Арабская литература отражает склад ума бедуина, ума, который не мог охватить явления окружающего его мира во всей их полноте и совокупности. Врожденные свойства натуры араба-бедуина играют в его творчестве гораздо большую роль, чем приобретенные им ценою постоянных усилий знания и навыки. Это отрицательно сказывалось на арабской литературе, ибо порою в поэтических и других литературных произведениях нарушались нормы логики и последовательность изложения. Однако, с другой стороны, такой образ мышления придал арабской литературе своеобразную красоту, так как отсутствие в ней обобщения явлений компенсировалось развитием способности проникать в глубь явлений, в их сущность. Кроме того, постоянное обращение арабов к одному и тому же явлению раскрывало самые различные его стороны и позволяло высказывать о нем самые различные мысли, не претендовавшие на широту и полный охват явлений. Поэтому литературное творчество арабов представлено множеством блестящих афоризмов, мудрых пословиц и поговорок, прекрасных поэтических миниатюр.

Арабская литература отражает жизнь аристократии. С одной стороны, благодаря аристократии литература заняла высокое положение и обрела высокий стиль. С другой — аристократия, начиная с доисламской эпохи и вплоть до недавнего времени, причиняла немалый вред литературе, уводя известную часть ее от личной и общественной жизни, от бессмертных человеческих чувств и подлинного гуманизма, заставляя ее тесниться в прокрустовом ложе лести и стяжа-

тельства, толкая ее на путь панегирических восхвалений, элегических плачей и т. д. Все это сковывало поэтический талант, обладатели которого, удовлетворяя свои корыстные интересы, устремлялись по пути подделок и подражаний даже в лирике, возмещая таким образом отсутствие свободного вдохновения. Такая литература носила чисто конъюнктурный характер и не была ни плодом поэтического вдохновения, ни произведением высокого искусства. Особенно сильное развитие подобная литература получила в аббасидскую эпоху, однако в те же времена существовала и подлинно народная, не скованная условностями литература, которая была представлена творчеством Абу Нуваса, аль-Джахиза, сказками «Тысяча и одна ночь» и рядом других произведений.

Арабская литература отражает развлечения и игры арабов, как исконно арабские, так и восходящие к обычаям соседних народов, с которыми арабы общались в процессе завоеваний, торговых отношений и просто как соседи. Эти игры и развлечения положили начало застольной поэзии, любовной лирике и музыке.

Арабская литература является отражением арабской мудрости, которая, обогатившись мудростью греков, индусов и персов, породила у арабов склонность к размышлению и самопознанию, проявившуюся сильнее всего в аббасидскую эпоху, когда достигли расцвета аскетизм, суфизм, а также различные науки. Афоризмы и пословицы, созданные в эту эпоху, отличаются меткостью и глубиной.

Арабская литература является отражением суетности мирской жизни, в которой на внешнюю, показную сторону явлений обращается гораздо большее внимание, чем на истинную их сущность. Эта тенденция проявилась особенно активно в периоды развития цивилизации, увлечения роскошью, застоя мысли — в те годы, когда в арабскую среду активно проникали элементы чужеземного быта, внося в жизнь арабов свойственные этому быту декорум и внешний блеск. В результате такого влияния в литературе главствующее положение заняли форма изложения и искусство красноречия; это было характерно, например, для некоторых периодов аббасидской эпохи, а также для эпохи турецкого господства. Увлечение роскошью и творческая опустошенность отразились на значительной части *макам*¹, посланий, предисловий к книгам, стихотворений, написанных размером *раджаз*, исторических анекдотов в стихотворной форме и т. п.

Арабская литература является отражением способности араба к восприятию и усвоению. Араб легко воспринимает и усваивает достижения мировой

¹ *Макама* — цикл рассказов о приключениях и перевоплощениях одного лица — поэта, муллы и др., о его встречах и беседах с представителями различных слоев общества. — *Прим. ред.*

культуры, быстро приспосабливается к любой обстановке, свободно постигает любую науку.

Эта способность особенно проявилась в литературе конца XVIII—XIX веков и в современной арабской литературе, где нашли отражение элементы общечеловеческой культуры. Это также неизмеримо расширило возможности поэтических и прозаических жанров в арабской литературе.

РАЗВИТИЕ АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЕЕ ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Развитие арабской литературы шло в соответствии с законами развития общества. Она развивалась и изменялась вместе с историей страны; это развитие определялось, как правило, межплеменными отношениями и общениями арабов с другими народами и цивилизациями. Эти общения порождали обычно подъем литературного творчества, каждый из которых имел свою особую судьбу; наиболее значительными из них являются три:

Доисламский и омейядский подъем. Это первый зарегистрированный историей этап развития арабской литературы, начавшийся в доисламскую эпоху (532 год н. э.) и достигший своего расцвета уже в эпоху ислама, после появления Корана. Подъем литературы этого периода определяли смешение южных арабов с северными, межплеменные общения арабов на базарах и других сборищах, торговые отношения арабов с соседними народами; литература этого периода развивалась также в ходе иноземных завоеваний и под влиянием политической пропаганды персов и византийцев. Значительного расцвета литература этого периода достигла после появления Корана, содержащего высокие образцы красноречия. Кроме того, подъему литературы способствовали и новые горизонты, открывавшиеся перед арабами полуострова в результате мусульманских завоеваний.

Аббасидский подъем. Это второй этап развития арабской литературы. Его основой было общение и частичное смешение арабов с персами, греками, римлянами, индийцами, испанцами и другими народами. Кроме того, подъем литературы в этот период обусловили взаимодействие и смешение культур, различных религиозно-философских школ и направлений, чему особенно способствовала активная переводческая деятельность, давшая арабам возможность познакомиться с философией и науками греков, с историей, культурой и социальным строем персов, с индийской мудростью, с формами и стилями индийской литературы. Все это обогащало умы, расширяло кругозор, будило творческую фантазию. В этот период мудрость и знания становились основой всего; обновлялись и углублялись формы и содержание литературных произведений.

Современный подъем. Это последний, наиболее поздний этап развития арабской литературы. Он характеризуется контактом Востока с Западом, получившим особенно активное развитие с конца XVIII века. Этот подъем привел к расширению рамок литературных жанров и дал возможность арабской литературе идти в ногу с другими литературами мира во всех жанрах; подъем и совершенствование арабской литературы продолжают и по сей день.

Таким образом, мы можем выделить следующие периоды развития арабской литературы:

а) *Доисламский период*, длившийся с конца V века н. э. до появления ислама (475—622).

б) *Период праведных халифов и Омейядов* (622—750) [1—132]¹.

Первый этап развития арабской литературы охватывает оба этих периода.

в) *Аббасидский период* (750—1258) [132—656], включающий период господства Аббасидов на востоке и Омейядов на западе (в Испании). В этот период образовались: государство Аббасидов со столицей в Багдаде, независимые государства в Ираке, Персии, Хорассане, Египте, Сирии. Заканчивается этот период захватом Багдада монголами. Этот период совпадает со вторым этапом подъема арабской литературы.

г) *Период турецкого господства* (1258—1798) [656—1213] — так называемый «период упадка», охватывающий правление монголов, мамелюков и турок-османов и завершающийся началом экспедиции Наполеона в Египет.

д) *Период культурного подъема* (начинается с конца XVIII века и продолжается вплоть до наших дней).

Некоторые исследователи делят арабских поэтов в соответствии с тем, в какие эпохи они жили, на следующие три категории:

а) *Доисламские поэты*, то есть поэты, жившие в доисламскую эпоху.

б) *Поэты-мухадрамнты*, то есть поэты, жившие на стыке двух эпох — доисламской и мусульманской.

в) *Поэты-мувалляды*, жившие уже в эпоху ислама.

Другие авторы добавляют к этим трем категориям четвертую — поэтов-модернистов. К исламским поэтам-муваллядам они относят небольшую группу поэтов, живших в период зарождения ислама, причисляя к ним лишь аль-Фараздака, Джарира и аль-Ахтала. Всех более поздних поэтов они относят к числу модернистов.

Однако мы будем придерживаться первого деления, так как оно является более точным и к тому же более исчерпывающим.

¹ Здесь и далее в квадратных скобках даются годы по мусульманскому летосчислению, которое ведется с даты *хиджры* — переселения пророка Мухаммеда из Мекки в Медину, с 622 г. — *Прим. ред.*

ДОИГЛАМСКИЙ ПЕРИОД

475 — 622

ДОИСЛАМСКАЯ ЭПОХА И ДОИСЛАМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Прежде чем приступить к изучению доисламской литературы, необходимо составить общее представление о самой доисламской эпохе и о ее литературе, о дошедших до нас памятниках этого периода, об истоках доисламской литературы и о влиянии, которое оказала на нее окружающая среда.

Джахилийя¹. Ученые и историки по-разному объясняют причины, по которым доисламский период истории арабов определяется в Коране словом *джахилийя*. Одни объясняют это тем, что арабы того времени были невежественны и поклонялись идолам, другие — тем, что арабы часто враждовали друг с другом и вели кровопролитные войны. Однако нас интересуют не столько условия жизни арабов того времени, сколько элементы и формы их литературного творчества.

ДОИСЛАМСКАЯ (ДЖАХИЛИЙСКАЯ) ЛИТЕРАТУРА

В доисламский период арабы мало занимались изучением и совершенствованием искусств. Однако искусству слова, с помощью которого они выражали свои чувства, арабы придавали исключительно большое значение. Этот вид искусства является наиболее эффективным и сильным средством воздействия и убеждения. Корни этого искусства уходят в неведомую глубь веков, и нам известны лишь те его памятники, которые созданы в конце пятого — первой половине шестого века нашей эры, то есть почти за полтора века до возникновения ислама.

Какие памятники доисламской литературы

¹ Традиционное арабское литературоведение определяет весь период арабской истории от древнейших времен до возникновения ислама термином «аль-джахилийя», который обычно переводится как «состояние невежества», или просто «невежество». Венгерский востоковед Гольдциер убедительно доказывает, что слово «джахилийя» арабские критики употребляли скорее в значении «первобытность», чем «невежество». — *Прим. ред.*

дошли до нас? Бóльшая часть произведений доисламских поэтов и прозаиков до нас не дошла. По этому поводу Абу Амр ибн аль-Аля (770) говорил: «До вас дошла лишь ничтожная доля того, что создали арабы, а если бы до вас дошло все обилие того, что они создали, вы бы познали множество наук и стихов». Это произошло потому, что часть произведений была забыта, а другие исчезли вместе с многочисленными рассказчиками, погибшими в завоевательных походах.

Самые древние из дошедших до нас поэтических произведений относятся к эпохе «Войны из-за верблюдицы Басусы» или к несколько более раннему периоду; это прежде всего касыды, совершенство которых свидетельствует о том, что их появлению предшествовала огромная работа по улучшению формы, размера и языка поэтических произведений. Из прозаических произведений до нас дошло некоторое количество пословиц, речей ораторов, сказаний и других произведений.

Как дошли до нас памятники доисламской литературы? Доисламская литература дошла до нас через устных рассказчиков (*равиев*), то есть через людей, стремившихся услышать и запомнить наизусть прозаические и поэтические произведения. Среди курейшитов была, например, определенная группа рассказчиков, которые славились знанием стихов и поэмы и умением их декламировать. К их числу принадлежали Махрама ибн Нуфль, Хувайтаб ибн Абд аль-Азза и другие. В период ислама существовала еще одна группа людей, которые занимались изучением и декламацией стихов. В нее входили: Хаммад ар-Равийя. (771) [155], Халяф аль-Ахмар (796) [180], Абу Амр Исхак ибн Мирар аш-Шейбани (821) [206], Асма'и Абд аль-Малик ибн Кариб (828) [213], Абу Саид аль-Хасан ас-Суккари (888) [275], Абу Бекр Мухаммед ибн аль-Касим аль-Анбари. (939) [328].

Ученые, главным образом филологи, стремились собирать образцы древней поэзии, поскольку эти произведения являлись самыми древними и надежными источниками для изучения арабского языка, для понимания его особенностей, а также самым полным справочником для изучения условий жизни древних арабов и их истории. Язык этих произведений — язык народа, сохранившийся в них во всей своей чистоте. Начиная со второго века хиджры эти ученые стали записывать стихи доисламских поэтов, писать комментарии к ним, цитировать их в своих трудах. Наиболее известны следующие сборники произведений доисламских авторов, преимущественно поэтов:

1) Сборник «Аль-Муаллакат», составленный Хаммадом ар-Равийя, включающий семь наиболее известных *муаллак*¹.

¹ По преданию, на базаре Укяз в Мекке вывешивались наиболее популярные, лучшие произведения доисламских поэтов; такие произведения назывались *муаллакат* (мн. ч.), что значит по-арабски «висящие, подвешенные» (ед. ч. *муаллак*). — *Прим. ред.*

2) «Аль-Муфаддалият» — избранные произведения, собранные аль-Муфаддалем ад-Дабби; сюда вошло около 128 касид.

3) Два сборника (дивана) «Аль-Хамаса» («Доблесть»), первый — Абу Таммама и второй — аль-Бухтури, в них собраны многочисленные отрывки из произведений доисламских поэтов.

4) «Китаб аль-агани» («Книга песен») Абу-ль-Фараджа аль-Исфагани и «Поэзия и поэты» Ибн Кутейбы, содержащие много образцов доисламской поэзии.

5) Сборник, составленный Ибн аш-Шаджари, и сборник арабских стихов Абу Зейда аль-Курейша¹.

Подлинность памятников доисламской литературы. При устной передаче произведений древних авторов первоначальный текст, несомненно, подвергался искажениям, так как в него постоянно вносились изменения и добавления, которые нельзя не учитывать. Искажения усугублялись еще тем, что рассказчики обращались со стихами весьма небрежно, хотя зачастую они стремились найти подлинные источники произведений и с этой целью отправлялись в пустыню, чтобы послушать рассказы бедуинов. Соблазняя бедуинов деньгами, они старались узнать от них произведения древних авторов, передававшиеся в пустыне из уст в уста. А бедуины, лишь почуяв деньги, сбегались со всех сторон, предлагая свой товар тем, кто искал его. Стремясь выгодно продать свой товар и заработать на нем, они рассказывали и правдивые истории и всякие небывлицы — создавался ажиотаж, разгорались страсти. Не следует забывать о спорах и распрях, существовавших в первые века ислама между отдельными племенами, а также между арабами и другими народами, принявшими ислам, — шуубитами. Эти споры глубоко волновали арабов, и каждое племя бережно собирало и хранило все, что составляло его гордость, поэтому каждый бедуин стремился говорить языком поэтов своего племени. Соперничая друг с другом в поэтическом искусстве, арабы, да и все другие мусульманские народы, даже персы, включали в свои произведения отрывки из стихотворений доисламских авторов. Постепенно древняя литература засорялась образцами поэзии и прозы более поздних времен, и теперь проследить корни этих включений чрезвычайно трудно.

Стремление установить истину заставляет востоковедов и критиков — например, д-ра Марголиуса, д-ра Таха Хусейна — тщательно анализировать эти устные произведения доисламской

¹ Среди многих других сборников наибольшей известностью пользуется «Аль-икд-ас-самин фи аш-шуара, аль-джахилийин» («Драгоценное ожерелье из диванов доисламских поэтов»), в который включены стихи Имру-ль-Кайса, ан-Набиги, Зухейра, Тарафы, Алькамы, Антары. Эти стихи были собраны испанским филологом Абу Хаджаджем Юсефом ибн Сулейманом ибн Исой, известным под именем аль-Аалм (1019—1077) [410—470], ему же принадлежит полный комментарий к этим стихам. Сборник был опубликован немецким востоковедом В. Альвардтом в Лондоне в 1870 году.

поэзии в поисках их истоков. Однако некоторые исследователи, особенно д-р Таха Хусейн, перешли в своем анализе предел допустимого, что в конце концов привело их к ошибочным суждениям. Отказавшись признать некоторые стихи произведениями доисламского периода, они пришли, таким образом, к отрицанию существования целого ряда доисламских авторов. В подтверждение своих взглядов они приводили в основном следующие доказательства:

а) Стихи, которые относят к доисламской поэзии, дошли до нас на языке племен Аднан и на диалекте курейшитов, а язык племени Аднан во многом отличается от языка химьяритов; в то же время почти все доисламские поэты происходили не из племени Курейш, а были в своем большинстве йеменцами.

б) Политическая борьба и племенные раздоры вынуждали поэтов приписывать собственные стихи своим предкам, жившим в доисламскую эпоху, чтобы иметь возможность хвастаться их славой и подвигами.

в) В силу своих религиозных убеждений поэты отвергали все, что противоречило учению Корана, туманно намекали на миссию пророка и говорили об истинности его учения.

г) Рассказчики сами сочиняли стихи и вкладывали их в уста своих героев.

д) Соперничество в знании поэзии и в установлении на ее основе грамматических правил вынуждало рассказчиков сочинять стихи, а затем цитировать их, выдавая за произведения древних авторов, в качестве доказательства своей правоты.

е) Всевозможные легенды и противоречивые сведения о жизни некоторых доисламских поэтов, например Имру-ль-Кайса, вызывают сомнение в том, что эти поэты действительно существовали.

В какой-то мере эти доводы, может быть, и справедливы, но в них слишком много преувеличений и неверных обобщений, что лишает их убедительности. Возможно, они справедливы в отношении отдельных произведений доисламской эпохи, но не в отношении всех касид или всех произведений какого-либо поэта. Опровергнуть их можно с помощью следующих аргументов:

а) Язык доисламской литературы был единым классическим (образцовым) языком, в котором преобладали элементы диалекта курейшитов, и потому он был понятен всем племенам. Раньше упоминалось, что этот язык был распространен в центре и на севере полуострова, следовательно, нет оснований для сомнений в истинности произведений доисламской литературы, если мы видим, что поэты йеменских племен, как, например, Имру-ль-Кайс, создавали свои стихотворения на этом языке.

б) Не все произведения доисламской поэзии ставили своей целью прославление подвигов и самовосхваление; многие из них имели другие цели. Некоторые поэты, как, например, Аш-Шан-

фара, Тарафа и другие, высмеивали в своих стихотворениях соплеменников.

в) Что касается влияния религии, то оно не имеет большого значения: если в некоторых стихотворениях и упоминается о миссии пророка, то этому посвящено лишь несколько бейтов, разбросанных в разных местах. Следовательно, этот факт нельзя рассматривать в качестве доказательства.

г) Древние арабские филологи всегда видели, что в произведении является наносным, что добавлено рассказчиком от себя, а что подлинно, и уделяли исключительно большое внимание восстановлению произведений в их первоначальном виде.

К этому следует добавить, что если отдельные рассказчики по-разному передавали текст произведения, приписываемого какому-либо известному автору, то это ни в коем случае не означает, что данный автор не существовал, а, наоборот, подтверждает факт его существования.

Х а р а к т е р н ы е ч е р т ы д о и с л а м с к о й л и т е р а т у р ы . Влияние окружающей среды. Пустыня — постоянная среда бедуина; ее образ заполняет его сердце, его душу, все его существо. Она определяет его мысли, его чувства, его воображение, а также и то, что является плодом его мыслей, чувств и воображения, — литературу.

Природа его суровой и прекрасной страны предстает перед ним во всем своем величии; он хорошо знаком с могущественными стихиями пустыни и привык к ее зною. Результат общения бедуина с природой — ясность его мыслей и твердость его характера; он не знает сомнений и колебаний. Эти качества определяют литературное мышление бедуина, придают лаконичность его языку, поэтому его воображению чужда излишняя волюность. Разум его реалистически воспринимает весь окружающий мир, который он описывает искренне и правдиво, уделяя большое внимание мельчайшим подробностям. Логика бедуина проста, воображение ограничено, а философия весьма примитивна. Поэтому не удивительно, что бедуину все кажется ясным, не требующим глубокого анализа и изучения. Ничто не вызывает у него сомнения или желания проникнуть в сущность явления.

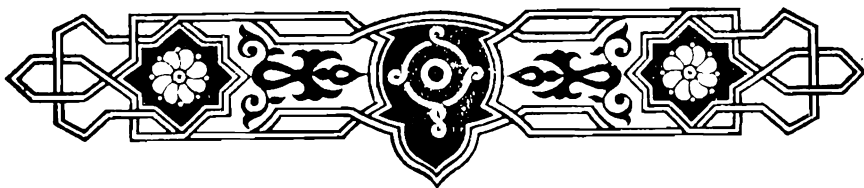
Постоянное общение со столь изменчивой, многообразной и коварной природой выработало у бедуина чувство интуиции и мгновенную реакцию, а также остроту и утонченность ощущений. Поэтому литература бедуинов носит подсознательный, интуитивный характер, а их произведения не подчиняются ни законам логики, ни правилам поэтики.

Музыка пустыни весьма однообразна, в ее мелодиях непрерывно повторяется один и тот же мрачный, суровый напев, который возбуждает в душе бедуина уныние, тоску и глухое волнение. Вот причина того, что литературные произведения бедуинов звучат так однообразно. Они лишены фантазии, и их по-

стоянно повторяющийся напев навевает глубокое и тяжелое уныние.

Таким образом, доисламская литература представляет собой точное отображение окружающей среды и является ее порождением. Что же касается языка, то его выразительные средства исключительно точны и многообразны лишь в тех случаях, когда речь идет о вещах, первостепенно важных в жизни бедуина: о верблюде, верблюдице, пастбище. В остальных же случаях язык бедуина довольно беден и неточен.

Литература, посвященная описанию пустыни, развивалась исключительно бурно и отличалась детальной точностью и правдивостью образов, отражающих жизнь бедуина.

ДОИСЛАМСКАЯ ПОЭЗИЯ

М

РОДИНА ДОИСЛАМСКОЙ ПОЭЗИИ

Местом зарождения и расцвета доисламской поэзии являются пустыни Неджда, Хиджаза и другие районы северной части Аравийского полуострова. Пустыня — это школа, воспитавшая всех известных поэтов: йеменцев, переселившихся на севере, например Имру-ль-Кайса, аль Кинди и Хатима ат-Тайй; аднанцев, обогативших литературу многими поэтами, такими, как аль-Мухальхиль, Тарафа и аль-Ааша из племени Рабиа, как ан-Набига аз-Зубьяни, Зухейр и Лабид из племени Мудар. Это не удивительно: ведь пустыня всегда была источником поэтического вдохновения, пламенных чувств и острых ощущений. Стихи, как средство передачи душевных переживаний, приобретали в то время исключительно большое значение. Поэт был певцом своего племени, летописцем исторических событий. Что же касается оседлых арабов, например жителей государства Хиры и государства Гассанидов, которые предпочитали поэзии политику и стремились прежде всего к расширению сферы власти, то они уделяли большее внимание чужеземной культуре и цивилизации западных стран — Римской империи, Персии и других. И хотя они заботились о том, чтобы в их дворцах собирались поэты, однако эта почва не была благодатной и на ней не могли расцвести поэтическое воображение и вдохновение.

ПОЛОЖЕНИЕ ПОЭТА В ДОИСЛАМСКУЮ ЭПОХУ

Поэтическое вдохновение вызывало глубокое уважение у всех древних народов. Арабы считали даже, что каждый поэт наделен таинственной силой, которая помогает ему сочинять стихи. Поэты той эпохи занимали высокое положение в обществе. По словам Нёльдеке, поэт был «пророком своего племени, его вождем в мирное время и героем во время войны; к нему обращались за советом при выборе новых пастбищ; достаточно было

одного его слова, чтобы разбить лагерь и поставить шатры или же заставить страдающих от жажды путников искать воду...» Поэт занимал более высокое положение, чем проповедник, и пользовался большим влиянием, потому что люди запоминали его стихи — они были всегда у всех на устах. Порой поэт пользовался даже большей властью, чем вождь племени, ибо им руководило в его советах вдохновение; к нему обращались при решении важных и сложных проблем. Его мнение ценилось больше, чем кого-либо другого, потому что его изречения были всегда меткими и острыми. Его суждения имели силу закона; он мог одним бейтом возвысить славу племени или уничтожить ее.

Каждое племя хотело, чтобы, кроме вождя и проповедника, у него был и поэт, и когда в племени появлялся поэт, в его честь устраивались празднества и пиры, а другие племена посылали этому племени свои поздравления, потому что поэт — это тот, кто своим словом ведет племя вперед, оберегает его честь, увековечивает его историю. Поэт — это трибун своего племени: он распространяет его идеи, охраняет мир и призывает к войне, умаляет достоинство врагов и публично позорит их; он воздаёт хвалу своему народу, охраняет его от позора и привлекает к нему союзников. За все это поэт пользуется огромным уважением. Поэтому каждый правитель, стремясь использовать славу и влияние поэтов для укрепления своего авторитета, всячески старался склонить их на свою сторону и привлечь к своему двору.

У каждого поэта был свой рассказчик-декламатор, который неотступно следовал за ним, как ученик за своим учителем, помогая распространять его стихи. Многие крупные поэты тоже были декламаторами, пока учились, например Имруль-Кайс был декламатором у Абу Дуада аль-Ияди, Зухейр — у Ауса ибн Хаджара, аль-Ааша — у аль-Мусайяба ибн Аласа.

КАКИЕ ЦЕЛИ СТАВИЛИ ПЕРЕД СОБОЙ ДОИСЛАМСКИЕ ПОЭТЫ?

Цели, которые ставили перед собой доисламские поэты, определялись условиями их жизни, окружающей природой, общественной средой, и потому поэт должен был описывать события, воздавать хвалу, оплакивать покойника и высмеивать врага, прославлять себя и свое племя, воспевать любовь и вино либо благочестие и мудрость.

1) Поэт-бедуин наблюдает все, что его окружает, с чем он сталкивается в повседневной жизни, и описывает это. Он говорит о красоте своего края, воспевает его небо и землю, его растения и животных, достопримечательности, памятники старины, разрушенные поселения и покинутые кочевья. Поэт описывает войны, общественные собрания, игры, развлечения, а также раз-

личные явления природы, пустыню во время дождей, ветров и в хорошую погоду. Обычно эти описания (*васф*) самостоятельной цели не имели, а служили поэту для подкрепления его мыслей, для выражения его желаний и настроений, помогали ему воздействовать на слушателя, создать у него определенное настроение. Наиболее известными представителями этого направления в доисламской поэзии были Имру-ль-Кайс, Зухейр ибн аби Сульма, ан-Набига аз-Зубьяни и Антара аль-Абси.

2) Поэта-бедуина глубоко волнуют подвиги вождей и героев, и, как певец своего племени, он воздаст им хвалу в своих произведениях. Он восхваляет также чужеземца, не принадлежащего к его племени, но известного своей доблестью и благородством. Восхваление — *мадх* — самостоятельный жанр доисламской поэзии; его темы — описание и прославление достоинств арабов доисламской эпохи. Большая часть произведений этого жанра написана не с целью получить вознаграждение или снискать расположение, а для того, чтобы выразить любовь, восхищение и благодарность. Наиболее знаменитыми авторами панегирических стихотворений являются доисламские поэты Зухейр ибн аби Сульма, аль-Аааша и ан-Набига аз-Зубьяни.

3) Восхваление мертвых называется *риса* (элегия). Здесь поэт поминает убитых героев своего племени и оплакивает их, призывает к мести, описывает свою скорбь по дорожному ему человеку — родственнику или другу, оплакивая его и выражая в стихах свои страдания; выполняя свой долг, поэт оплакивал также вождя соседнего племени, которое способствовало благополучию его племени или гостеприимством которого поэту приходилось пользоваться.

Темой этих произведений, так же как и панегириков, было прославление различных качеств и деяний, считавшихся в ту эпоху достойными похвалы. *Риса* — один из основных самостоятельных жанров арабской поэзии, наиболее выдающимися представителями которого были аль-Мухальхиль и аль-Ханса.

4) Поэт-бедуин и его язык — оружие племени, защищающее его в словесных битвах. Следующим самостоятельным жанром доисламской поэзии является *хиджа* (сатира). Представителей этого направления было очень много; это можно объяснить тем, что племя жило в состоянии непрерывной междоусобной борьбы с другими племенами. Большинство этих произведений было проникнуто духом племенного патриотизма, отличалось резкостью и имело целью опозорить врагов племени или отразить их нападки. Сатирические произведения иногда принимали форму *мунафара* — стихотворения, в котором поэт выступал арбитром и защищал одного из двух вождей, почему-либо враждующих между собой — чаще всего из-за власти. С помощью этих стихотворений поэт разжигал ненависть к врагу и сопернику, а вождя своего племени всячески превозносил и расхваливал.

Из поэтов-сатириков наибольшей известностью пользовался аль-Хутайа.

5) Бедуин — гордый человек, причем гордился он не только своими достоинствами, но и достоинствами своего племени, восхваляя их в своих стихах. Объектами восхваления были благородство обычаев, знатное происхождение, достойные поступки. Произведения этого жанра назывались *фахр*; наиболее известными представителями его в доисламской поэзии были Антара, ас-Самуаль, аль-Харис ибн Хиллиза, Амр ибн Кульсум и аль-Ааша.

6) Но самым распространенным жанром доисламской поэзии были чисто лирические стихи — *газаль*. Бедуин постоянно обращался к мыслям о женщине, так как с женщиной была связана вся его жизнь — и в пути и на стоянке. Женщина всегда нуждается в его защите и охране, она возбуждает в нем ревность или ревнует его сама. Свои беседы с женщиной или страдания из-за разлуки с ней бедуин выражает в стихах; в них он говорит о своей страсти к женщине, описывает все, что напоминает ему о ней. Лирические стихотворения доисламских поэтов подразделяются на две категории: целомудренная лирика бедуинов — стихи, посвященные любимой женщине, полные печали и страданий любви, и лирика городских арабов, уже знакомых с цивилизацией и привыкших к роскоши, — здесь допускались непристойные выражения, передавались сокровенные беседы между поэтом и его возлюбленной и описывались интимные подробности их отношений. Зачастую поэты помещали лирические стихи в начале своих касид. Среди бедуинских лириков наибольшей известностью пользовался Антара; среди городских славился Имру-ль-Кайс.

7) Вино пришло к арабам из Сирии, Палестины и других соседних стран, причем его привозили в пустыню за очень дорогую цену. Поэтому позволить себе пить вино могли только богатые, щедрые и беззаботные люди. Вино пили и некоторые поэты, которые затем прославляли его в стихах (Хамрийят). Наиболее известными из поэтов, воспевающих вино, были аль-Ааша и Тарафа.

8) Взирая на окружающий мир, поэты-бедуины часто начинали думать о бренности всего земного; наряду с этим они много размышляли о нравах и общественных отношениях своего времени. Выражая свои суждения по этим вопросам, они создавали отдельные бейты или стихотворные отрывки, которые отличались благочестием и мудростью (*зухдийят*). Такие произведения поэту помогал создавать его жизненный опыт, но они не были продуктом длительного изучения и глубокого анализа окружающих явлений. Среди поэтов, создававших благочестивые произведения, наибольшей известностью пользовались Зухейр ибн аби Сульма, Адий ибн Зейд и Умайя ибн аби ас-Салт.

Художественная ценность. Доисламская поэзия — это в основном плод врожденного таланта и импровизации, сочетающихся с известным мастерством. Этот врожденный талант проявляется как в идеях, чувствах и силе воображения поэта, так и в его творческом методе.

Идеи. Идеи произведений доисламского поэта просты и ясны; они порождены окружающей средой; поэт и не старается затрагивать идей глубоких и сложных. Образ его мыслей так же примитивен, как и его жизнь. Эта примитивность является одной из основных причин застоя доисламской поэзии. Кроме того, будучи по натуре человеком темпераментным и легко возбуждающимся, поэт-бедуин далек от того, чтобы предаваться в своих произведениях размышлениям. Поэтому в них так мало фантазии и воображения.

Наконец, поэт доисламской эпохи, верный своим идеям, стремится как можно ближе подойти к реальной действительности; весь во власти своих чувств, он не пытается сочинять, а просто импровизирует.

Поэтому в произведениях доисламской поэзии почти полностью отсутствует разумная логическая последовательность. И, хотя в касыде существует единство мысли, связывающее отдельные ее части в сознании поэта, единства построения в касыде нет. По этому поводу английский ученый Гибб писал: «Художественное творчество бедуинов сводится к серии независимых самостоятельных отрывков, порожденных различными импульсами; они не связаны между собой ни единством замысла, ни единством формы, ни совершенством мастерства. Пожалуй, единственное, что связывает их,— это единство мышления их создателей». В то же время недостатки метода стихосложения и узость взглядов побуждали поэтов идти по пути возможно более подробного изложения.

Неровный характер бедуина, его стремление к независимости и индивидуализм — вот что превращает каждый бейт в касыде в независимый от другого бейта отрывок и отвлекает поэта от общего единства касыды. Характерная склонность бедуина к индивидуализму мешает ему углубиться в анализ и установить причинную связь явлений. Поэты, например, больше заботились о богатстве содержания касыды, чем о красоте ее формы или единстве ее композиции; а так как стихотворный бейт был мерилом таланта, поэты заботились прежде всего о совершенстве одного или нескольких бейтов. Это и вело к нарушению композиционного единства касыды.

Если бедуин хочет рассказать о чем-либо в своих стихах, он делает это любовно и медленно; свое повествование он начинает с описания каких-либо развалин, пробудивших в нем воспоминания; он ведет его длинными или короткими бейтами. Основ-

ное внимание поэт уделяет при этом воспоминаниям о своей подруге или возлюбленной, образ которой воскрешают в его душе развалины ее жилища; это зрелище волнует его больше, чем судьба ее народа. Осушив свои слезы, поэт отправляется дальше; с ним и его верблюд — «корабль пустыни», верный спутник и друг. Он описывает быстроту ее бега и ее силу, которые необходимы для того, чтобы пересечь огромную пустыню; он сравнивает ее с дикими зверями, встречающимися в этих местах. Теперь его все больше и больше увлекает описание своей верблудицы, пути, по которому она мчит, и всех происшествий, происходящих с ним. Таким образом, поэт подходит к цели своего путешествия и одновременно к цели своей касыды. Теперь он либо воздаст хвалу, либо призывает к битве, либо приносит извинения. Причем переход к основной, главной теме касыды в подавляющем большинстве случаев происходит неожиданно.

Воображение. Изолированность и индивидуализм доисламских поэтов весьма ограничивали их воображение. Оно не шло дальше образного сравнения, а образы всегда были у бедуина под рукой; он черпал их из наиболее ярких своих впечатлений и строил сравнения на основании бесспорного внешнего сходства образа с объектом сравнения. Мысли в стихах выражались цепью очень похожих один на другой образов. Создание образа составляло важнейшую основу поэтического мастерства, которым, несмотря на всю его примитивность, отмечена доисламская поэзия.

Образы, создаваемые доисламскими поэтами, были правдивыми, точными, яркими; создавая их, поэты стремились избежать излишней образности или гиперболизации. Методы сравнения у доисламских поэтов были чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Исходя из основного принципа сходства, поэт временно отвлекался от сравниваемого предмета и давал более или менее подробное описание того, с чем он его сравнивает, при этом детализация описания зависела от обстоятельств или личных склонностей поэта.

Чувства. Чувства доисламских поэтов также были весьма примитивны, и поэтому в их стихах мы не находим ни описаний душевных переживаний, ни глубокого самоанализа, ни объяснения причин внутреннего состояния поэта, его тяжких вздохов и волнения.

Когда читаешь стихи доисламских поэтов, часто создается впечатление, что поэт до такой степени сливается воедино со своим племенем, что для него не существует личных переживаний; очень редки стихотворения, по которым можно судить о личности самого поэта и в которых описываются волнующие его чувства.

Построение. Основным творческим методом доисламского поэта является метод декламации, ибо все касыды бы-

ли предназначены для устной передачи. Поэтому большинство поэтических произведений строилось по твердо определенной схеме. Слова и выражения звучат в них резко, а подчас даже грубо, что придает стихотворной строке материальную ошутимость.

В стихах доисламских поэтов часто встречаются неясные места, что объясняется склонностью поэтов к лаконизму и к индизказательному выражению мысли. Если, например, поэт упоминает о чем-либо имеющем близкое отношение к его теме, он ограничивается намеком, считая подробное объяснение ненужным. Неясными они кажутся также и потому, что некоторые слова вышли сейчас из употребления и значение их нам неизвестно, а также из-за того, что автор ссылается часто на отдельные исторические события, не всегда известные слушателю.

Музыкальность стиха. Стихи доисламских поэтов в большинстве случаев писались длинной стопой (размером *тавилъ*), вместе с тем в определенные моменты поэты прибегали к более легким и гибким размерам, в особенности при описании эмоционально насыщенных ситуаций, например при прославлении героев и их доблести (жанр *хамаса*), в элегиях (*риса*), в стихах, содержащих самовосхваления (*фахр*), т. е. при описании сильных чувств. Музыкальность стихов имела и отрицательную сторону, так как часто в угоду ей поэт нарушал некоторые поэтические нормы (если вообще можно говорить о поэтических нормах в ту эпоху), например прибегал к самым разнообразным заменам стопы одного размера стопой другого размера, нарушал рифму, т. е. не придерживался в пределах одной касыды единообразия рифмующихся гласных, следующих за рифмующимися согласными.

Историческая ценность. Произведения доисламской поэзии представляют собой величайшую историческую ценность, так как они являются исключительно важными документами той эпохи и содержат в себе столь большое количество исторических сведений, что доисламскую поэзию по праву называют «энциклопедией арабов». Доисламская поэзия знакомит нас с географией и природными условиями Аравийского полуострова, рассказывает о различных районах страны и о специфике ее природы; она знакомит нас с условиями жизни арабов, с уровнем их культурного и общественного развития, повествует о семейном укладе, нравах и обычаях арабов того времени, о важнейших исторических событиях, о подвигах, совершенных арабами; поэзия рассказывает нам о быте арабов, об образе их жизни на стоянках и во время кочевья, о том, что они ели и пили, об их одежде, модах и украшениях; о том, во что верили арабы и чему они поклонялись, а также о науках и ремеслах, которые были им известны, — все это и многое другое становится понятным в процессе изучения произведений доисламских поэтов, изучения памятников доисламской литературы.

Среди дошедших до нас памятников доисламской поэзии наибольшую ценность представляют муаллаки — большие касыды. Ибн Абд Раббихи (939) [328], Ибн Рашик (1064) [456] и Ибн Хальдун (1405) [808] утверждают, что так называют семь касыд, которые пользовались наибольшей любовью у арабов; они были написаны золотыми буквами на египетском полотне и повешены в Каабе.

Однако некоторые ученые, и в первую очередь Абу Джаафар (949) [338], опровергают эту точку зрения и считают, что эти большие касыды были собраны Хаммадом ар-Равийя (772) [156] на заре аббасидской эпохи. Эти касыды называют по-разному: «муаллакаты» (т. е. «нанизанные», «подвешенные»), «музаххабаты» (т. е. «позолоченные»), «Семь длинных касыд» и «Ожерелья».

Что же касается количества муаллак, то и в этом вопросе у историков нет единой точки зрения. Большинство из них считают, что авторами семи муаллак являются Имру-ль-Кайс, Тарафа ибн аль-Абд, Зухейр ибн аби Сульма, Лябид ибн Рабаиа, Амр ибн Кульсум, Антара аль-Абси и аль-Харис ибн Хиллиза.

Другие считают, что этих муаллак восемь, и прибавляют к ним муаллаку ан-Набиги аз-Зубьяни. Третья группа ученых считает, что число муаллак равно десяти, и прибавляет к семи основным муаллакам муаллаки ан-Набиги аз-Зубьяни, аль-Ааши и Абида ибн аль-Абраса.

периодизация доисламской поэзии

При изучении доисламской поэзии различают следующие периоды:

Период появления и становления доисламской поэзии. Это эпоха «Войны из-за верблюдицы Басусы» (494—534). Наиболее прославившимися поэтами этой эпохи были Адий ибн Рабаиа, известный под именем аль-Мухальхиль, и Сабит ибн аль-Аус аль-Аздий, известный под именем аш-Шанфара и принадлежавший к числу знаменитых арабских разбойников («Саалик аль-араб») ¹.

Период расцвета и подъема доисламской культуры; период окончательного формирования характерных особенностей арабской поэзии (532—622). Поэзия этого периода в свою очередь делится на две части:

¹ «Саалик аль-араб» — группа людей, прославившихся своими разбойничьими подвигами и ограблениями племен. В нее вошли поэты аш-Шанфара (510), Тааббата Шарран (530), Урва ибн аль-Вард (596), ас-Сулейк ибн ас-Сулляка (610), Амр ибн аль-Баррак и Усейид ибн Джабир.

Поэзия десяти муаллак. Поскольку нет никаких причин для нарушения исторической последовательности, мы будем изучать авторов муаллак в следующем порядке: Имру-ль-Кайс, Тарафа ибн аль-Абд, Абид ибн аль-Абрас, аль-Харис ибн Хиллиза, Амр ибн Кульсум, ан-Набига аз-Зубьяни, Зухейр ибн аби-Сильма Антара аль-Абси, аль-Ааша, Лябид ибн Рабиа.

Остальная поэзия; здесь мы ограничимся изучением творчества аль-Хансы и аль-Хутайи.

ПОЯВЛЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ДОИСЛАМСКОЙ ПОЭЗИИ Аль-Мухальхиль и аш-Шанфара

АЛЬ-МУХАЛЬХИЛЬ — ПОЭТ УТОНЧЕННЫХ ЧУВСТВ (?—531)

П

ЖИЗНЬ ПОЭТА

одлинное имя поэта — Адий ибн Рабиа; родом он из племени Таглиб. Он приходится дядей «королю поэтов» Имруль-Кайсу. Прозвище аль-Мухальхиль («тонкий, утонченный») он получил за свои стихи, которые, с одной стороны, отличались изяществом, а с другой — простотой и иногда даже легкомыслием содержания. Второе прозвище — аз-Зир («ловелас, кавалер») — он получил из-за своих многочисленных любовных похощений.

Основная часть того, что мы знаем о жизни аль-Мухальхиля, связана с преданием о «Войне из-за верблюдицы Басусы», которое является одним из наиболее распространенных преданий арабского мира, основанным на историческом факте.

Содержание этого предания таково: у аль-Мухальхиля был брат Ваиль, по прозвищу Кулейб, который родился в 440 году; некоторое время он стоял во главе войска племен Бакр и Таглиб. Занимая столь высокое положение, он сильно возгордился и вскоре стал нещадно притеснять свой народ, превозносить себя до небес, нарушать все законы племени. Требуя к себе уважения, он не позволял никому проходить мимо себя, когда сидел, не разрешал пускать пастись рядом со своим верблюдом других верблюдов. Женился Кулейб на Джахилие — дочери Мурры из бакритского племени Шейбан. У этого Мурры было десять сыновей, младшего из которых звали Джассас. У Джассаса была тетка с материнской стороны, по имени Басуса, — дочь Мункыза из племени Тамим. Она жила по соседству с родом Мурры и однажды приехала погостить к своему племяннику Джассасу. У нее была дряхлая верблюдица, по имени Сараб, с верблюжонком, только что переставшим кормиться молоком матери. Как-то раз Кулейб вышел от своей жены сильно разгневанный — его гнев был вызван тем, что она хвасталась перед ним своими братьями Джассасом и Хаммамом. Увидев верблюжонка Басусы, Кулейб убил его выстрелом из лука и приказал

своим слугам прострелить вымя верблюдице. Раненая верблюдица бросилась бежать, оглашая окрестности неистовым ревом, и рухнула у шатра Басусы. Увидев это, Басуса воскликнула: «О позор!» Тогда Джассас сказал ей: «Замолчи, вот тебе верблюдица еще лучше, чем та». Но Басуса не успокоилась и отказалась принять даже десять верблюдиц. Тогда Джассас сказал ей: «Замолчи и не печалься. Я убью верблюда лучше, чем твоя верблюдица. Я убью самого Галляля». А Галляль был лучшим верблюдом Кулейба, и, говоря так, Джассас имел в виду самого Кулейба. Так он и сделал; встретив Кулейба на берегу одного из ручьев Неджда, Джассас убил его копьем.

Тогда аль-Мухальхиль призвал соплеменников отомстить за убийство его брата, и между племенами Бакр и Таглиб разгорелась война, продолжавшаяся 40 лет. Наиболее известными событиями этой войны считаются следующие шесть: битва у реки ан-Нахи¹, где во главе племени Таглиб стоял аль-Мухальхиль, а во главе племени Шейбан стоял аль-Харис ибн Мурра. В этой битве счастье изменило племени Бакр и успех выпал на долю племени Таглиб; битва у аз-Занаиб², которую также выиграло племя Таглиб и во время которой был убит Шарахиль, брат Джассаса; битва «Варидат», также окончившаяся победой племени Таглиб над племенем Бакр; битва «Унейза», в которой шансы на успех оказались равными и победы не одержал никто; битва «аль-Кусайбат», в которой племя Таглиб одержало победу над племенем Бакр (в этой последней битве погиб Хаммам, брат Джассаса; аль-Мухальхиль, проходя мимо его трупa, сказал: «Клянусь Аллахом! С тех пор как убили Кулейба, не было еще жертвы, гибель которой для меня была бы приятней, чем твоя!»), и, наконец, битва «Тахляк аль-Лимам», где племя Бакр одержало победу над племенем Таглиб.

Людям племени Таглиб надоела война; во время отсутствия аль-Мухальхилья они помирились с племенем Бакр и возвратились в свои края. Вскоре, однако, аль-Мухальхиль вернулся и пламя войны вспыхнуло вновь. Подосланный им человек убил Джассаса. Затем аль-Мухальхиль был взят в плен, где и умер около 531 года. Предание гласит, что после смерти аль-Мухальхилья обе враждующие стороны примирил один из правителей династии Мунзиритов, отец правителя Хиры, Амра ибн Хинд.

ТВОРЧЕСТВО АЛЬ-МУХАЛЬХИЛЯ

Произведения аль-Мухальхилья. Аль-Мухальхиль оставил после себя сборник стихов, из которого до нас дошли лишь те стихи, что сохранились в других книгах, например в «Книге песен», в «Сокровищнице литературы» и в

¹ Река, вдоль которой жило племя Шейбан.

² Ручей, у которого был убит Кулейб.

сборнике «Хамаса». Эти стихи были собраны Люисом Шейхо и опубликованы в 1890 году в его книге «Христианские поэты». Аль-Мухальхилию приписывают большое количество стихов, которых он на самом деле не сочинял. Особенно много стихов ему стали приписывать после того, как он прославился своими романтическими приключениями.

Большинство стихов аль-Мухальхилиа посвящено призывам к мести за смерть брата или описанию сражений во времена «Войны из-за верблюдицы Басусы»; многие стихотворения содержат угрозы врагам.

Художественное мастерство аль-Мухальхилиа. Поэзия аль-Мухальхилиа выражает горе поэта; нежность и утонченные чувства перемежаются в его произведениях с угрозами, приводящими врагов в трепет. Таким образом, в стихах аль-Мухальхилиа звучат две взаимно переплетающиеся темы: первая — тема изнеженности, она была продиктована самой жизнью поэта, привыкшего к роскоши и развлечением, и вторая — тема мужества и героизма, продиктованная чувством гордости за свое знатное происхождение и славные подвиги.

Тема изнеженности в творчестве аль-Мухальхилиа ощущается в той большой эмоциональности, которой насыщен каждый из его бейтов. Эта эмоциональность находит выражение в стиле поэта, в применяемых им художественных средствах и в музыкальности произведений.

Художественный стиль поэта является отражением его безграничной чувствительности. Он отражает всю глубину души поэта, души чистой и искренней, которую сжигают мучительные страдания. Поэт слеп ко всему, кроме смерти близкого ему человека, он считает, что никто не может сравниться с его братом, и не находит оправдания для его гибели. Поэт все время обращается к Кулейбу, зовет его и оплакивает в порыве горестных чувств, которым нет предела. Он всячески превозносит достоинства покойного, безмерно их преувеличивая. Поэт пользуется для выражения своей скорби частыми повторами:

О Кулейб! Нет больше ничего доброго на земле
И среди тех, кто на ней живет,
После того как ты оказался в числе тех, кто ее покинул!

О Кулейб! Какой сильный и благородный юноша
Покоится под этим камнем, под этим холмом, где лежит твой прах!
Когда вестники смерти сообщили мне о твоей кончине,
Я закричал: «Неужели земля еще не разверзлась?
Неужели еще стоят ее вершины?..»

Средства выражения опять-таки продиктованы только чувством. Они безыскусны, так как исходят не от разума, а от сердца; они целиком подчиняются чувствам поэта, и это опреде-

ляет их предельную простоту. Для выражения своих чувств поэт снова прибегает к словесным повторам, которые подчеркивают его страдания и тоску. Эти повторы придают мелодии стиха монотонную, печальную напевность.

Я звал тебя, Кулейб, но ты не отозвался,
Да и как может отозваться пустынный город?
Ответь мне, Кулейб, и тебя минует хула!
О бесценные сокровища твоей души,
Которые должна теперь хранить могила!
Восхищены своим рыцарем низарийцы!
Ответь мне, Кулейб, и тебя минует хула!

В бейтах, полных гнева и ненависти, в поэтическом стиле и используемых здесь художественных средствах находит выражение тема мужества и героизма.

Стиль автора отражает здесь тот же страстный порыв, однако он не лишен известного изящества и нежности. В этих стихах не слышно грохота слов, как бы высеченных из гранита, в них нет тяжеловесных бейтов, следующих друг за другом в цепи беспорядочных нагромождений. Угрозы, часто повторяясь, тонко переплетаются с прославлением погибших, призывами к мести и описаниями битв с врагами.

В средствах выражения сила уступает иногда место нежной напевности, несовместимой с прославлениями героических подвигов. Аль-Мухальхиль вообще не совсем удачно подбирает рифму и размер для выражения гневных чувств, и даже в этих его стихах преобладает нежная напевность; аль-Мухальхилью приписывают следующее стихотворение, содержащее угрозы:

Минул покой. Вы предали Кулейба,
Навлекли беду на государство.
Минул покой. Вы предали Кулейба
И заставили меня сегодня пережить чувства матери, потерявшей сына.
Минул покой. Вы предали Кулейба,
Да падут на врагов позор и осуждение!

Таким образом, мы видим, что аль-Мухальхиль — поэт чувств, порожденных изнеженной, праздной жизнью и обостренных страданиями. Чувства боли или гнева выражаются в его стихах легким и изящным языком.

АШ-ШАНФАРА (?—510)

жизнь поэта

Имя поэта — Сабит ибн аль-Аус аль-Аздий; аш-Шанфара — его прозвище. Историки не могут установить время и место его рождения и не имеют единого мнения по вопросу о его происхождении. Согласно преданию, он воспитывался в своем племени, но его там оскорбили и тогда, покинув родные места,

аш-Шанфара стал одним из самых известных арабских разбойников; он занимался грабежом и совершал набеги один или вместе со своими друзьями. Кочуя с места на место, он нагонял страх на женщин и детей, вселял тревогу и беспокойство в сердца мужчин; спасаясь от преследований, он укрывался в горах и долинах.

Рассказывают, что аш-Шанфара поклялся убить сто человек из племени Саламан. Он убил уже девяносто девять, когда ему устроили западню и Усайид ибн Джабир, один из тех, кому он угрожал, схватил его и убил. Когда один человек из племени Саламан, проходя мимо трупа аш-Шанфары, толкнул его ногой, осколок кости вонзился ему в ногу, и он умер. Так был убит сотый.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОЭТА

Аш-Шанфара оставил после себя много различных стихов, посвященных воспеванию гордости (стихи в жанре *фахр*) и доблести (стихи в жанре *хамаса*); в них он восхваляет свою доблесть, силу и отвагу, рассказывает о своих разбойничьих подвигах. Наибольшей известностью пользуется его касыда «Ламийяту-ль-араб», состоящая из 68 бейтов в размере *тавил*. Из всех комментариев к этой касыде наиболее известным считается комментарий из-Замахшари (1075—1144), «замечательный образец толкования поэмы «Ламийяту-ль-араб». Эта касыда была переведена на французский, немецкий и английский языки.

Причины, побудившие поэта сочинить эту касыду. Долго сносил аш-Шанфара унижения, но его самолюбивая натура не выдержала: он покинул свое племя, отправился бродить куда глаза глядят и стал жить в пустыне в одиночестве. В касыде, которую поэт сочинил в это время, он упрекал свое племя, воспевал свое одиночество в пустыне и дружбу с дикими зверями, говорил о своей выносливости в борьбе с врагами и описывал совершенные им подвиги, а также все то, что видел во время скитаний.

Личность поэта в этой касыде. Аш-Шанфара был истинным сыном пустыни, самолюбивым и мужественным, привыкшим к всевозможным лишениям. В касыде полностью раскрывается образ поэта.

Сильный характер поэта. Когда соплеменники стали притеснять поэта, он не подчинился им и ушел, так как считал, что на земле найдется место для благородной натуры. Он предпочел жить в пустыне вместе с дикими зверями, которые достойнее людей: они не выдадут тайны и не оставят без помощи изгнанника. Он превозносил зверей, считая их более совершенными созданиями, чем человек, однако выше всех превозносил себя. Он ни в чем не нуждался; земля служила ему:

постелью, а все необходимое помогали добывать отважное сердце, тяжелый меч и меткая стрела.

Есть у меня три спутника: сердце, с которым я всегда готов
распроститься,
Белый меч и желтая пустыня.

Он не был ни изнеженным, ни слабым — наоборот, он всегда терпеливо сносил голод и предпочел бы есть землю, чем принимать одолжения от людей, его свободолюбивая натура не переносила жалости:

Я продлеваю чувство голода, чтобы убить его,
Не вспоминаю о нем и забываю (его).
Я глотаю прах земли, чтобы моего голода не смог заметить
Какой-либо жалостливый мужчина.

Поэтому он никогда ни к кому не обращался за помощью. Временами он бывал беден, временами богат. И, хотя всегда с удивительной настойчивостью добивался богатства, не боялся бедности, никогда не пытался ее скрыть и никогда не кичился своим богатством. Он был вынослив, как змея, терпеливо сносил все лишения и не обращал внимания на сплетни и криво-толки.

Утонченность поэта. За внешней грубостью скрывались нежные чувства поэта; вместе с тем он привык к постоянным заботам и тревогам, с которыми ему все время приходилось сталкиваться:

Одолевают заботы мою душу со всех сторон:
И снизу и сверху...

Однако он мужественно подавлял в себе эти вздохи и стоны.

Художественная ценность касыды. Касыда аш-Шанфары обладает высокой художественной ценностью; она характеризует состояние поэзии в ту эпоху, когда арабы были в большинстве кочевниками, не имевшими представления об оседлой жизни. Идеи этой касыды и ее язык свидетельствуют о величии арабского духа, о суровой жизни бедуинов, а множество ярких и правдивых образов, содержащихся в ней, позволяют получить реальное представление о доисламской эпохе и о необычайной приверженности арабов к кочевой жизни. Касыда насыщена архаизмами, в ней много непонятных мест.

В заключение можно сказать, что аш-Шанфара — это певец души бедуина, певец бурных страстей, певец суровой природы пустыни.

РАСЦВЕТ ДОИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ АВГОРЫ МУАЛЛАК

Имру-ль-Кайс (500—540)

ИМРУ-ЛЬ-КАЙС И ЕГО ЭПОХА

Борьба между Персией и Римом. На протяжении пятого века нашей эры главную роль на Ближнем Востоке играли два великих государства — сасанидская Персия со столицей в городе аль-Мадаин и Восточно-Римская империя — Византия со столицей в Константинополе. Оба эти государства вели непрерывную борьбу за распространение политического влияния и укрепление власти. В ходе этой борьбы, охватившей всю территорию Ближнего Востока, Византия и Персия пытались проникнуть в арабские страны, с тем чтобы подчинить себе их правителей и установить там свою власть. Больше других районов их интересовали пограничные районы северной части Аравийского полуострова.

В ту эпоху существовало два основных арабских государства: государство Гассанидов в Сирии и государство Мунзиритов в Хире (Ирак). Первое поддерживало Византию, второе было союзником Сасанидов. С согласия и с помощью Сасанидов Мунзириты установили свою власть над рядом районов полуострова, в первую очередь над землями племени Бакр ибн Ваиль в Неджде.

Государство Киндитов. В середине пятого века на территории Неджда образовалось молодое арабское государство, во главе которого стояли правители из южноарабских киндитских племен, посаженные химьяритской династией ат-Табабитов. Хассан ибн Туббаа, завоевав значительную часть Аравийского полуострова, назначил Хиджра ибн Амра из племени Кинда, по прозвищу Акиль аль-Мурар, правителем Неджда. Воцарившись в Неджде, Хиджр начал с помощью племени Бакр войну против Лахмидов и, подавив их сопротивление, стал независимым правителем.

В эпоху правления аль-Хариса, внука Хиджра, могущество Киндитов усилилось и власть их распространилась более широко. Это произошло потому, что аль-Харис, заметив, что царь Персии Камбиз изменил свое отношение к правителю Хиры аль-Мунзиру — «Сыну Нисбесной Влаги», решил установить с Камбизом дружественные отношения, чтобы захватить затем престол Хиры. Камбиз отнесся благожелательно к аль-Харису и к его планам; в конце концов аль-Мунзир был смещен и аль-Харис аль-Кинди сверг династию Лахмидов. Вскоре аль-Харис приобрел огромное влияние; отовсюду к нему стали прибывать послы, чтобы установить с ним дружественные отношения. Многие племена просили аль-Хариса стать их вождем и покровителем.

Один из сыновей аль-Хариса, Хиджр (отец поэта Имру-ль-Кайса), был назначен правителем племен Асад и Гатафан; другой сын аль-Хариса, Шурахбил, стал правителем племени Бакр ибн Ваиль; третий, Маади Кариб, стал правителем племенами Кайс Айлян и Кинана; а четвертый, Салима, стал вождем племен Таглиб и ан-Намир ибн Касыт.

Упадок государства Киндитов. В 531 году на сасанидский престол вступил сын Камбиза, Хосров Ануширван, который восстановил власть Лахмидов и вернул аль-Мунзиру престол Хиры; аль-Харис был вынужден бежать со своими приближенными, и аль-Мунзир преследовал его до тех пор, пока не убил. Затем он послал шпионов выследить сыновей аль-Хариса, и они убили Салима и Шурахбиля. Племя Асад отреклось от Хиджра, отца поэта, и прескратило платить ему подати. Тогда он пошел на них войной. Немало голов было снесено его мечом; он бросил в темницу наиболее знатных представителей этого племени и держал их там до тех пор, пока за них не вступился поэт этого племени Абид ибн аль-Абрас. Тогда он помиловал их; но вскоре они снова восстали против Хиджра и в конце концов убили его. Имру-ль-Кайс, сын Хиджра, поднял восстание, пытаясь поддержать пошатнувшийся трон и вернуть часть погибшего государства, но его попытка оказалась неудачной.

И все же того, чего он не смог добиться своим мечом, он добился своим словом, ибо Имру-ль-Кайс создал в арабском мире другое нерушимое царство — царство вечной поэзии. «Странствующий княжич» стал вождем арабской поэзии, и влияние его испытали все, кто слагал стихи; он был поэтом, чьи чувства были понятны каждому сердцу, чье воображение окрыляло людей.

ЖИЗНЬ ПОЭТА

Беззаботная юность. Имру-ль-Кайс родился в Недже около 500 года и жил в окружении близких ему людей так, как жили все принцы крови. Еще в раннем возрасте он познал жизнь, полную роскоши, безудержных забав и развлече-

ний, и она захватила его. Обладая большим поэтическим даром, он стал сочинять стихи, где описывал различные игры, увеселения и романтические приключения. При этом он говорил таким языком, который был несовместим с его высоким положением. Отец Имру-ль-Кайса пытался заставить его отказаться от сочинительства, так как при дворе правителя это не было принято, но Имру-ль-Кайс отказался повиноваться, и тогда отец выгнал его из дома.

Княжич в изгнании. Вынужденный покинуть кров отца, юноша отправился бродить из одного места в другое, от одного ручья к другому; всюду его сопровождала небольшая группа отщепенцев и бродяг из племени Тайи и Бакр ибн Ваиль. Вместе они охотились и участвовали в играх, утоляли жажду из ручьев, отдыхали, сочиняли стихи и распевали песни.

Странствующий княжич». Поэт находился в Сирии, когда его настигла во время игры в нарды весть об убийстве отца. Поэт сказал: «Отец погубил меня еще мальчиком, а когда я стал взрослым, взвалил на меня груз мести; нет трезвости сегодня, но и не будет вина завтра»; распростившись с той поры с беззаботной жизнью и увеселениями, Имру-ль-Кайс целиком отдался мысли отомстить за смерть отца и вернуть себе потерянную власть. Племя Асад, прослышав о намерениях Имру-ль-Кайса, послало к нему человека, с тем чтобы склонить его к миру и уговорить удовлетвориться кровной мстью или же выкупом в виде стада скота, если же это не удастся, то просить отсрочку на время, «пока беременные не разрешатся от бремени», чтобы подготовиться к войне. Будучи благородным человеком, Имру-ль-Кайс дал им отсрочку, а по истечении срока пошел на них войной вместе со своими союзниками из племен Бакр и Таглиб. Несмотря на то что при первом же столкновении с асадитами союзники покинули Имру-ль-Кайса, он все же отомстил своим врагам, но не посчитал эту победу даже каплей в том море крови, которое он собирался пролить; власти же, утраченной со смертью отца, он вернуть себе не смог.

Племя Асад обратилось к аль-Мунзиру III, правителю Хиры, за помощью. Поэт в свою очередь обратился за помощью к своему двоюродному брату, Амру ибн Хинду; некоторое время он был при нем поэтом и прославлял его в своих стихах. Узнав об этом, аль-Мунзир потребовал выдать ему поэта. Имру-ль-Кайс был вынужден бежать в Йемен. Здесь он обратился за помощью к своим родичам химьяритам и, собрав из них всех, кого только было можно, а также призвав к себе людей, отбившихся от собственных племен и бродивших по дорогам в поисках пропитания, Имру-ль-Кайс снова выступил против асадитов.

Аль-Мунзир, продолжая настаивать на выдаче поэта, направил на химьяритов свое войско, которое разгромило войско Имру

ль-Кайса. Захватив свои доспехи, которые перешли к нему по наследству от Киндитов, Имру-ль-Кайс снова должен был бежать; вместе с ним была и его дочь. Так он стал скитальцем и переезжал из одного места в другое, от одного правителя к другому. В племени Тайи он женился на женщине, по имени Умм Джундуб, но вскоре развелся с ней. В изгнании он испытал много трудностей, ему часто приходилось просить и унижаться, на него часто нападали разбойники и бродяги. Дорога странствий привела Имру-ль-Кайса к ас-Самуалю из Таймы, которого он попросил написать письмо гассанидскому эмиру в Сирии аль-Харису о том, чтобы тот выхлопотал ему разрешение отправиться в Константинополь ко двору императора просить о защите от врагов. Ас-Самуаль согласился ему помочь, и вскоре Имру-ль-Кайс, поручив ас-Самуалю свою дочь, свои доспехи и оружие, отправился в Константинополь просить помощи у императора Юстиниана.

«Покрытый язвами». Император с почетом встретил арабского княжича и обещал ему помочь, но не спешил выполнить свое обещание. Он поручил это дело правителю Абиссинии, побуждая его выступить вместе с арабами против персов. Таким образом, планы императора совпадали с интересами поэта, несмотря на то, что император стремился опередиться на наследника киндитского престола, подорвать власть персов и их приспешников Мунзиритов и распространить свое влияние на весь Аравийский полуостров.

Имру-ль-Кайс возвращался из византийской столицы с тяжелыми предчувствиями. На пути к Анкаре он заболел болезнью, похожей на оспу,— все тело его покрылось язвами; из-за этих язв поэт получил прозвище «Зу-ль-Курух» («Покрытый язвами»). От этой болезни он и умер около 540 года.

Легендарный герой. После смерти Имру-ль-Кайса народная молва создала вокруг его имени множество легенд. О его смерти, например, рассказывали, что, когда Имру-ль-Кайс возвращался из Константинополя, император послал ему вдогонку отравленные одежды, так как кто-то из арабов оклеветал поэта перед императором, сообщив ему, что Имру-ль-Кайс был возлюбленным его дочери. Когда Имру-ль-Кайс надел отравленные одежды, яд проник через кожу и поэт умер.

Еще рассказывают, что, когда смерть настигла поэта, он находился на склоне горы Асиб, вблизи могилы дочери какого-то правителя, и что здесь он произнес следующие два бейта:

О наша соседка! Могила близка:
И я обрету здесь покой, так же как гора Асиб.
О наша соседка! Мы оба чужестранцы здесь,
А ведь чужестранец чужестранцу — родственник.

Однако то, что дошедшие до нас многочисленные легенды и сведения о жизни поэта очень запутанны, не дает еще основания отрицать самого факта существования поэта. Причиной путаницы в сведениях о жизни и смерти поэта было неумение его современников точно регистрировать события, а также отсутствие стремления у биографов поэта, живших в начале II века хиджры, к научным изысканиям. Наибольшее количество сведений о жизни поэта собрали неарабские историки, например византийцы, которые называли его Кайс; они, в частности, и рассказали о путешествии Имру-ль-Кайса в Константинополь.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

Произведения Имру-ль-Кайса. Большая часть стихотворений Имру-ль-Кайса потеряна; до нас дошел лишь небольшой сборник (диван) его произведений, содержащий около 25 касид, не считая отдельных отрывков. Впервые этот сборник был издан в Париже в 1837 году благодаря усилиям востоковеда де-Слана. Затем текст дивана и комментарии к нему опубликовали аль-Бутульюси в Египте в 1865 году и Абу Бекр ибн Асым в 1890 году, а в 1930 году в Египте этот диван собрал, систематизировал, снабдил комментариями и издал Хасан ас-Сандуби. Существуют и другие издания дивана, а также переводы его на латинский и немецкий языки. Наибольшей известностью пользуются три касиды Имру-ль-Кайса; первая — это муаллака, начинающаяся следующим бейтом:

Постойте! Поплачем, вспоминая о любимой и о ее стоянке
На склоне песчаного холма между ад-Дахулем и Хаумалем.

Вторая — это касыда с рифмой на «лям» (*лями́йя*), начинающаяся следующими словами:

Доброе утро, о древние развалины стоянки!
Но разве может приветствовать тебя тот, у кого нет убежища?

Третья — касыда с рифмой на «ба» (*баи́йя*), которая начинается следующим бейтом:

Мой друг, зайдем к Умм Джундуб,
Чтобы утолить жажду измученной души.

Муаллака Имру-ль-Кайса состоит из восьмидесяти бейтов, построенных в размере *тавил* («длинный»). Ей посвящено много комментариев; наиболее известный из них составлен аз-Зузани и ат-Табризи. Она издавалась неоднократно вместе с другими муаллаками и переводилась на различные языки, в том числе на латинский, французский и русский.

а) Причины написания муаллаки; муаллака была написана

поэтом в связи с событием, происшедшим в день «Йаум дарати Джальджаль»; в этот день он встретил дочь своего дяди Шурахбилля Унейзу, в которую был страстно влюблен, и зарезал для нее и ее подруг свою верблюдицу. В честь этой встречи поэт и написал свою касыду; она создавалась им постепенно и состоит из отдельных отрывков. Вначале было создано описание самого события, затем к нему добавились рассказы о различных эпизодах жизни поэта до убийства отца. Эта касыда отразила его любовь к Унейзе, его увлечение охотой и его странствия.

б) Основные части муаллаки. Муаллака состоит из трех больших частей: 1) Размышления у развалин покинутой стоянки, связанные с ней воспоминания и оплакивание ее (1—8 бейты). 2) Описания романтических приключений, преимущественно событий дня «Йаум дарати Джальджаль» (9—42 бейты). 3) Описание того, что видел поэт в изгнании, — описание ночи (43—46 бейты); описание долины, в которой вост волк (47—50 бейты); описание лошадей и охоты (51—68 бейты); описание молнии (69—70 бейты); описание ручья (71—80 бейты).

в) Популярность муаллаки. Муаллака пользовалась столь большой популярностью, какой не пользовалась ни одна другая муаллака. И в древние и в более поздние времена арабы считали ее чудом совершенства и красоты. Сравнивая какие-либо поэтические произведения, часто говорили: «Более известная, чем касыда «Постойте! Поплачем...» — или: «Прекраснее, чем касыда «Постойте! Поплачем...»»

Что принесло ей эту славу, мы узнаем тогда, когда приступим к литературному анализу произведений Имру-ль-Кайса.

Доказательство того, что муаллака действительно является произведением Имру-ль-Кайса. Несомненно, что некоторые из стихов, приписываемых Имру-ль-Кайсу, ему не принадлежат, ибо они или не соответствуют общему стилю творчества поэта, или же не соответствуют духу и обычаям его эпохи. Можно предполагать, что они принадлежат исламским или аббасидским поэтам, которые часто приписывали свои стихи древним поэтам: одни, чтобы иметь возможность сослаться на них в споре, другие — из религиозных убеждений или для того, чтобы развлечь халифа.

Кроме того, декламаторы (равии), хранившие в своей памяти стихи древних поэтов, не всегда были добросовестны по отношению к тем, чьи стихи они декламировали; руководствуясь личными вкусами, они часто искажали их, добавляя или опуская часть текста. К тому же среди арабов имя Имру-ль-Кайс было довольно распространенным, и, поскольку многие, кто носил его, писали стихи, не удивительно, что их произведения смешивают со стихами великого поэта. Если мы перелистаем сборник его стихов, мы найдем там много бейтов, написанных другим размером, причем по своему стилю они тоже не похожи на

стихи «Странствующего княжича». К числу таких произведений относится, например, лирическая касыда, содержащая описание шахматной игры.

Однако тот факт, что в сборник стихов Имру-ль-Кайса включены стихи других поэтов, еще не дает нам основания считать все стихи, приписываемые Имру-ль-Кайсу, ему не принадлежащими. Мы не можем присоединиться к подобной точке зрения некоторых востоковедов, в том числе и доктора Таха Хусейна. По сути дела, доктор опирается в своих аргументах на то, что поэт был йеменцем, а все приписываемые ему стихи написаны на языке курейшитов; что описания любовных похождений могут быть с большим основанием приписаны аль-Фараздаку, чем Имру-ль-Кайсу, и что жанр любовных повествований создал и целиком монополизировал Омар ибн аби Раба. Однако его аргументы необоснованны. Имру-ль-Кайс родился и рос в Неджде, а язык Неджда — это аднанский язык; к тому же он писал на образцовом языке, основные элементы которого были заимствованы из диалекта курейшитов, наконец, стихи Имру-ль-Кайса, в особенности его муаллака, были известны еще до стихов аль-Фараздака и Омара ибн аби Раба.

ОТРАЖЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ИМРУ-ЛЬ-КАЙСА В ЕГО СТИХАХ

Влияние личности поэта на его стихи. Имру-ль-Кайс был по натуре человеком чувства, принимавшим все близко к сердцу, любившим делиться с первым встречным самыми сокровенными своими помыслами, не стесняясь их и не пытаясь умерить свою откровенность; его не удерживали ни стыд, ни муки совести, ни религиозные убеждения. Он сочинял стихи не ради служения искусству, а от полноты своих чувств, которые временами текли, как ручеек, откликаясь эхом воспоминаний, вызывавших в душе поэта радость или печаль, а порой превращались в бурный поток, несущий страстный порыв страдающей души. Поэтому, если соединить его стихи, кажущиеся на первый взгляд разрозненными, перед нами предстанет подлинная картина жизни поэта.

Его стихи — это повесть о жизни сильной личности, это воспоминания, выражающие порыв мятежной натуры; вместе с тем это стон страдающей души, которую терзают боль и сожаления.

Наиболее яркие черты характера поэта. До того как был убит отец Имру-ль-Кайса, поэт был вольным сыном природы; он рос на ее просторах и открывал одну за другой страницы ее великой книги. Долгое время он кочевал от одного источника к другому, увлекаясь охотой, проводя время в кутежах и любовных забавах. Поэтому стихи его посвящены в основном двум темам — теме любви и теме природы.

В своей любовной лирике (*газаль*) поэт использовал оригинальный метод, ставший впоследствии образцом для подража-

ния. Этот метод заключался в том, что поэт придавал своим рассказам о романтических приключениях форму беседы с возлюбленной (Унсейзой или Фатимой), причем начинал всегда с описания того, как была напугана его подруга, когда он, придя к ней, застал ее врасплох, и с каким кокетством она его за это укоряла. Произведения, написанные в этой манере, свидетельствуют о том, насколько хорошо поэт знал женскую натуру. В жанровом отношении они представляют собой сочетание описания (*васф*), повествования (*касас*) и диалогов (*хивар*). Изобилуя подробностями чувственно-эротического характера, эти стихи помогают составить представление о нраве и привычках поэта.

Язык этих стихотворений легок: слова льются свободно, а байты звучат, как музыка; они богаты образными сравнениями, в них находят выражение пламенные чувства поэта. Пространно и подробно Имру-ль-Кайс говорит о любви и женской красоте, мастерски изображает женщину в состоянии страха или предчувствия опасности. В то же время лирика Имру-ль-Кайса — это / лирика грубой откровенности и чистого натурализма. Рассказы поэта, как и жизнь его, полны ничем не прикрытого бесстыдства; в них чувствуется безудержное стремление к безнравственным поступкам и противоестественным наслаждениям. В лирической поэзии Имру-ль-Кайса слились в одно целое сокровенные беседы и упреки, надежда и унижение, сила и жалость.

Я не спеша оторвусь от твоей груди после наслаждений,
И, хотя ты решила расстаться со мной, будь ласкова;
Разже тебе неведомо, что любовь к тебе убивает меня
И что сердце мое исполнит все, что бы ты ни повелела ему?

Внешняя сдержанность скрывает здесь гнетущую печаль; одна причина печали — бродяжническая жизнь в пустыне, которая пришла на смену роскоши царского двора, беззаботности юных лет поэта, другая — сознание жестокости действительности и недолговечности любви. Все это и заставляло поэта вести беспорядочную жизнь человека, «появившего, насколько коротка жизнь розы»; в своих лирических произведениях поэт старается пламенными словами заглушить муки сердца:

Постойте! Поплачем, вспоминая о любимой и ее стоянке
На склоне песчаного холма между ад-Дахулем и Хаумалем.

Воистину пролитая слеза — это мое исцеление,
Но что пользы от слез, проливаемых у стершегося следа!

/ Стихи, посвященные описанию природы (*васф*), содержат яркие картины жизни, полной скитаний. Поэт кочевал от одного места к другому, преследуемый дикими зверями пустыни; здесь

он охотился и с быстротой молнии мчался на своем коне за быстроногими псами; как удар грома, он поражал на всем скаку дикого осла. Возвращаясь с охоты, он попадал под проливной дождь, и тогда молнии разрывали серое небо и потоки ливня обрушивались на него. Он взбирался на горы, спускался в долины, переходил вброд ручьи, и все это находило отображение в его стихах, являвшихся как бы свидетелями его жизни и ставших летописью превратностей его судьбы. В его жизни радости сменялись невзгодами и тяжелыми испытаниями, и, как в калейдоскопе, мелькали в ней люди и события.

Отчетливо проявляется в этих стихах и происхождение поэта; о нем можно судить по описаниям роскоши двора правителя, по пристрастию поэта к охоте и по его рассказам о ней, по описанию дорогих шелков, драгоценных камней, благовоний, зеркал и других предметов, которые могли быть знакомы только людям, близким ко двору.

Стихи, посвященные описанию природы, представляют значительный интерес для изучения как древней, так и современной арабской литературы; они занимают большое место в сборнике стихов Имру-ль-Кайса, и мы считаем необходимым под-
вергнуть их в дальнейшем более глубокому анализу.

Убийство отца и падение киндитского трона произвели глубокое впечатление на поэта, он увидел, как рушатся все его надежды на будущее. Это положило конец его разгульной жизни; все его существо охватило мятежный порыв, в котором отразился бунт киндитской крови против поругания царской чести. Перед нашими глазами встает новый Имру-ль-Кайс — человек, исполненный решимости, силы и упорства, терпеливо переносящий все невзгоды; он стремится сделать все для осуществления своих надежд и не боится встретить смерть на пути к своей цели:

И я сказал ему: «Пусть не проливают слез твои глаза.

Мы либо добьемся своего царства, либо умрем — и тогда будем прощены».

И в то время, когда поэт бродил из одного конца страны в другой, когда он испытывал горе и радости, почет и унижение, надежду и неудачи, его стихи призывали к решительным действиям, к мести врагам, к возвращению утраченной власти. В них он также прославлял своих союзников и благодарил их за помощь:

Я буду благодарить тебя — тебя, который защищал меня.

Но нет у меня для тебя вознаграждения большего, чем моя
благодарность.

Скажи сыновьям племен Маад, Ибад и Тайн,

Скажи и Киндиту, что я благодарю племя Бану Суаль.

В других стихах содержится немало угроз в адрес племен Асад и звучит чрезмерная похвальба:

Оставь это. Не тревожься о сильной верблюдице,
Быстроходной даже в полдень, когда усиливается жара.
Ведь на ней юноша, какого еще не носила земля:
Честнейший в договоре, самый преданный и самый стойкий.
Он может сбросить тысячи (людей) с вершин горы Наит¹,
И вы, племя Бану Асад, спуститесь на ухабистую и бесплодную землю.
Если бы он захотел, он бы пошел на вас походом из земли хмьяритов,
Но он предпочел покарать вас сильнее и поспешил к византийцам.

Нас было немного, когда на нас напало племя Кармаль.
Но мы унаследовали величайшее богатство и величайшую славу.

Таким образом, стихи Имру-ль-Кайса — это жалоба княжича, потерявшего престол, печаль и тоска по утраченной власти. Этими настроениями были проникнуты его стихи до тех пор, пока он не покорился судьбе и не облачился в одежды подвижника, которые носил с гордостью и суровым достоинством:

Довольно я походил в нашем мире,
Теперь вместо добычи я довольствуюсь тем, что остался невредим.

Могу ли я надеяться, что коварная судьба будет ко мне милостива,
Судьба, которая не щадит и твердые скалы?

Таким образом, в стихах Имру-ль-Кайса нашли отражение самые различные события его жизни.

ИМРУ-ЛЬ-КАЙС — ПЕВЕЦ ПРИРОДЫ

Судьба Имру-ль-Кайса вынудила его жить в пустыне — здесь прошла большая и самая лучшая часть его жизни. Постепенно природа — живая и неживая — стала частью его существа и его другом на всю жизнь. Он долгое время наблюдал природу, пока не постиг всех ее тайн, пока не увидел в ней все великое и все малое — от широких горизонтов до маленьких глаз животных, сверкавших, словно бусинки, вокруг его палатки. Он горячо любил природу, и она заняла в его душе столь большое место, что отразилась в каждом из сказанных им слов; ей он посвящал свои лучшие описания.

Темы описаний. Описание природы включало описание животного мира, причем больше всего поэт писал о лошадях и верблюдах. Кроме того, он описывал диких быков, диких ослов, охотничьих собак, страусов и др.; в произведениях Имру-ль-Кайса есть также описания ночи, дождя, молнии.

Элементы творчества. Имру-ль-Кайс был человеком яркого поэтического дарования. Способность изображения окружающей природы сочеталась в нем с даром красноречия; он

¹ Гора в Йемене, на вершине которой расположена древняя крепость.

владел множеством изобразительных средств, которые украшали его описания. Глубокая впечатлительность, чрезвычайная наблюдательность и точность восприятия помогли Имру-ль-Кайсу стать непревзойденным мастером искусства поэтического описания природы.

Отличительные черты описательного мастера. Отличительными чертами описательного мастерства поэта являются, по словам доктора Сейида Нуфля, «любовь к природе во всех ее видах и проявлениях; правдивость, исключая преувеличения и преуменьшения; простота, исключая искусственность, смысловые и стилистические сложности; лаконичность, отсутствие длиннот и излишних подробностей; точность, не допускающая словесных искажений и излишеств фантазии, и, наконец, атмосфера полной ясности, которая господствует во всех его описаниях».

В основе творческого воображения поэта лежит реалистическое восприятие окружающего мира. Поэт дополняет одним или двумя штрихами привычную картину повседневной жизни — и перед нами законченный образ, который оставляет яркое впечатление в силу своей лаконичности и огромного внутреннего смысла. Это и есть «поэтический взгляд» на вещи, который красноречивее любых подробностей:

Я выезжаю на охоту рано утром, когда птицы сидят еще в гнездах,
Меня несет мой конь, который как бы цепью сковывает зверя...

Глаза зверей вокруг нашей палатки
И наших седел — как бусинки разноцветные.

Картины повседневной жизни поэт описывает в своих стихах с большой страстностью, поскольку на него они производили большее впечатление, чем на других людей. Любое явление он воспринимает не так, как другие, и, преломляясь в его субъективном восприятии, оно несет печать его самобытности. Затем поэт переходит к изображению самого явления, и перед нами предстает совершенно новое творение, в котором чувствуется тепло живой души. Обычное становится необыкновенным — теперь оно привлекает взоры, в то время как на первый взгляд оно не вызывает интереса и, наоборот, удивляет своей обыденностью и незначительностью. Образы Имру-ль-Кайса не имеют ничего общего с мертвым копированием натуры. Как ярко, например, проявляется стремительность Имру-ль-Кайса, когда он во всех подробностях рисует образ своего коня, говорит о каждом из его движений:

Глаза мои не могут на моего коня налюбоваться;
Стоит посмотреть вверх, как опять тянет посмотреть вниз.
Седло и уздечка ночуют на нем,
Он отдыхает, стоя предо мной, не трогаясь с места,
всегда готовый в путь.

Как яркие и выразительны вот эти строки:

Нам навстречу попало стадо диких ослов.

Самки выступали гордо, словно девицы, которые ходят в длинных
платьях вокруг идола Дувара,

И вдруг они рассыпались, словно разноцветные бусы

На шее родовитого человека, гордящегося их ценностью.

Кто не почувствует стремительности движения в этих его словах:

Мой конь то побежит назад, то наступает,

То приближается, то пятится.

Он (стремителен), словно скала, сбрасываемая с вершины потоком.

Мы видим, что его стихи — это сама жизнь; произведения поэта позволяют ощутить ее во всей полноте; это впечатление дополняют диалоги и повествования, в которых отчетливо звучат нотки грустного раздумья. Поэт вкладывает эти нотки своей грусти в уста природы, и тогда природа в его изображении становится выразителем философии и мировоззрения поэта; она становится как бы духом печали, страшным призраком горя и скорби:

Ночь набрасывает на меня, подобно волнам моря, свою завесу

Разных забот, чтобы испытать меня.

И я сказал ей, когда она протянулась, отдалив конец свой от начала,

Подобно тому как животное отдаляет, потягиваясь, свои задние

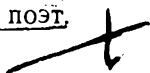
ноги от спины:

«Неужели ты, о долгая ночь, не просветишься зарею?»

А впрочем, и рассвет не лучше тебя!»

Имру-ль-Кайс — певец природы; его поэтический гений преобразовывал все обычные явления, по-новому освещал их, помогал поэту сообщить им свое настроение.

Поэту была свойственна лаконичность, которая сочеталась со скрупулезной точностью изображения. Кроме того, описания Имру-ль-Кайса являются собой образец поэтического «взгляда» на вещи, то есть изображения вещей такими, какими их видит сам поэт.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО ИМРУ-ЛЬ-КАЙСА

Источники художественного мастерства. Слова Имру-ль-Кайса шли как бы из глубины его души, всего его существа и облекались в поэтическую форму, которую отличали простота и одновременно подлинное мастерство. В основе его художественного мастерства лежала не последовательность мысли и не ее логическое развитие, а также не принцип единства построения частей, ибо поэтическое мастерство Имру-ль-Кайса — это врожденный дар, который не знает другой

логики, кроме логики чувств и воспоминаний, логики вольной жизни, логики, свободной от всего искусственного. Это мастерство основано не на изощренности фантазии и не на теоретических законах поэтического творчества, пользуясь которыми поэты создают образы по заранее разработанной схеме, дополняя ее лишь разнообразием форм и оттенков. Источник мастерства Имру-ль-Кайса — это его душа, в которой слились влияния двух культур — кочевой и оседлой — и которая обладает даром поэтического восприятия и отображения. Все, что воспринимается им и преломляется в его поэтическом творчестве, проникнуто тончайшей сетью черт культуры оседлых арабов и вместе с тем отражает чистоту бедуинской культуры. Очарование чудесных стихов Имру-ль-Кайса достигается подбором сравнений, метафор и метонимий.

Сравнения. Имру-ль-Кайс предпочитал всем другим средствам поэтического выражения аллегорические сравнения; это пристрастие также шло от его натуры и не было ни искусственным, ни надуманным. Сравнения приходили ему на ум мгновенно, а материал для них он черпал из природы пустыни или из воспоминаний о придворной жизни. Сравнением поэт пользовался постоянно, оно помогало ему точнее выразить свою мысль, придать ей более широкое значение, подчеркнуть сходство или различие. Аллегорические образы придавали его речи необыкновенную точность, правдивость, яркость и живость. Вот сравнения в его описаниях коня:

Его копыта — словно замшелые

Камни, по которым стекает вода.

У него — бока газели, ноги страуса,

Волчья легкость в походке и бег, как у лисенка.

Отличительная черта сравнений Имру-ль-Кайса заключается в том, что он ограничивается в них намеком на характер образа или символическим его выражением. Ему достаточно лишь беглого взгляда на предмет, чтобы найти сравнение для самого, казалось бы, незаметного свойства; в таких случаях сравнения придают предмету или явлению необычайную образность и производят глубокое впечатление.

Талант художника был настолько силен в Имру-ль-Кайсе, что даже мимолетный взгляд на вещи позволял ему проникнуть в их характерные особенности, а затем объединить свои впечатления в метком выражении.

Методы сравнений Имру-ль-Кайса чрезвычайно разнообразны и оригинальны. Фантазия поэта здесь ничем не ограничена; своим талантом сравнения он покорила умы арабов доисламской

эпохи, которые с восторгом передавали друг другу его стихи, изучали их, анализировали и комментировали.

Музыкальность. Наряду с сравнениями стихам Имруль-Кайса придает очарование музыкальность, которая достигается определенным подбором слов и построением фразы. Здесь мы находим подтверждение тому, что в творчестве поэта скрестились культуры оседлых и кочевых арабов. В музыке его стихов слышатся то стоны и вздохи, то страсть, гнев или тревога. Подбор слов и построение фразы создают как бы музыкальное сопровождение основной темы произведения. Определенная мелодия бейта характеризует настроение поэта в разные периоды его жизни, отражает всю многогранность и разносторонность его души.

В лексике поэта отразились одновременно и суровый быт кочевых арабов и изнеженность оседлых; она свидетельствует о высоком художественном вкусе поэта. Порой даже глухие согласные звучат в стихах Имруль-Кайса исключительно нежно; благозвучность достигается также совпадением конечных звуков в строках. Этот прием всегда хорошо воспринимается на слух, хотя мысль поэта в таких случаях порой неясна и слушателю не всегда удается ее уловить.

Единство формы и содержания. В своем искусстве Имруль-Кайс подобен скульптору: он создает превосходные фразы и рифмы, а затем соединяет их одну с другой с поразительным мастерством, получая в результате стройное и гармоничное произведение, которое выражает все малейшие движения его души. Если поэта охватила печаль или на него обрушились удары судьбы, его вздохи превращаются в стоны, приглушенные размером *тавил*, а фразы становятся похожими на сменяющие друг друга кошмарные сны; особенно ярко это видно на примерах описания ночи. Когда же поэт описывает силу лошади или искусство верховой езды, слова его мчатся, спешат, теснят друг друга:

Мой конь то побежит назад, то наступает,

То приближается, то пятится.

Он (стремителен), словно скала, сбрасываемая с вершины потоком.

А когда поэт, плавно покачиваясь, едет на спине своей верблюдицы Сульхуб, слова подчеркивают ритм ее шага.

Стихи, в которых поэт рассказывает о том, что он получил известие об убийстве отца, выражают его ужас. Окончания стихотворных строк не имеют гласных, звучание стихов напоминает глухой рокот — это голос судьбы, в котором слышны угрозы:

Над нами надолго спустилась ночь,

Мы залиты кровью;

Мы залиты кровью, стенайте, люди Йемена,

Ведь мы воистину те, кто любит свой народ.

Таким образом, стихи Имру-ль-Кайса являются как бы музыкальным сопровождением его жизни: в его поэтической душе всегда звучали разнообразные мелодии. Однако в мелодиях его стихов часто были слышны темы протеста и негодования. Этот эффект достигался использованием неблагозвучных, режущих ухо слов или же распространенного в доисламскую эпоху поэтического приема, заключавшегося в замене стопы $\cup\cup\cup$ стопой $\cup\cup\cup\cup$.

БЕССМЕРТИЕ ИМРУ-ЛЬ-КАЙСА

Слава Имру-ль-Кайса была огромна, ее не затмили ни время, ни события, она пережила века, перешла все границы. Стихи Имру-ль-Кайса были переведены с арабского на многие языки. Автор касыды «Постойте! Поплачем...» остался живым в сердцах людей, и его стихи долгое время были идеалом поэзии. Популярность поэта можно объяснить многими причинами: мы упомянем лишь самые основные.

Г у м а н и з м. Стихи Имру-ль-Кайса были проникнуты духом человеколюбия и самоотверженности и благодаря этому волновали души людей любой страны в любую эпоху. Слова муаллаки «Постойте! Поплачем...» звучали, как вдохновенный призыв к самоотверженной любви, и находили глубокий отклик в каждом сердце, ищущем утешения в мечтах и воспоминаниях.

Бессмертный гуманизм Имру-ль-Кайса получил дальнейшее развитие в его поэтических описаниях природы. Он связал воедино понятия поэзии и природы, и многие строки его произведений заставили человеческие сердца забиться сильнее. Его стихи производят огромное впечатление, несмотря на то, что содержат часто вольные описания, несовместимые со здоровым вкусом.

И м р у - л ь - К а й с — г л а в а а р а б с к о й п о э з и и. Имру-ль-Кайс был главой арабской поэзии вообще и поэзии природы в особенности. Он установил законы доисламской поэзии и первый достиг высот в выражении страдания, хотя тему эту отражал в своем творчестве еще Ибн Хизам. Его методу старались следовать многие поэты доисламской эпохи, его влияние чувствуется даже в поэзии совсем недавних времен.

Имру-ль-Кайс создал новые поэтические размеры; до него в арабской поэзии были известны только размер *раджаз* и его разновидности. Он разработал основные риторические приемы, усовершенствовал такие художественные средства поэтического выражения, как сравнения, метафоры и др. Он обогатил арабскую поэзию яркими образами и величественными описаниями природы пустыни, проложив тем самым путь для своих последователей. Поэтому мы не должны удивляться тому, что поэты, жившие после него, сознательно или бессознательно черпали

вдохновение из произведений «Странствующего княжича» — ведь до него арабская поэзия почти целиком ограничивалась лирическим жанром. Поэтов, на творчество которых Имру-ль-Кайс оказал влияние, можно разделить на две группы. К первой относятся те, кто искал самостоятельного пути, подчиняясь велению сердца, и поэтому разнообразил и совершенствовал жанры арабской поэзии; к их числу относятся такие поэты, как Омар ибн аби Рабиа, живший в период распространения ислама, и Абу Нувас, живший в эпоху Аббасидов.

К второй группе относятся поэты, ограничивавшиеся вообще или в отдельных случаях подражанием; они создали отдельные бейты и касиды, в которых слепо следовали приемам Имру-ль-Кайса и пользовались его изобразительными средствами; произведения таких поэтов отличала лишь степень заимствования.

К числу поэтов второй группы можно отнести Зухейра и Та-рафу из числа доисламских поэтов, аль-Бухтури — поэта эпохи Аббасидов и Ахмеда Шауки — современного поэта, который, например, в своей поэме «Гибель Клеопатры» заимствовал у Имру-ль-Кайса следующий образ для описания морского боя:

И не видно было ничего, кроме пловцов,

Нападающих и отступающих, удаляющихся и возвращающихся.

Историческое значение творчества Имру-ль-Кайса. Своим бессмертием Имру-ль-Кайс обязан также исторической ценности своих произведений. Его стихи являются замечательной летописью исторических событий того времени. Эта летопись сохранила для нас множество сведений по истории и географии. Он рассказал нам о политических событиях его эпохи, о борьбе за влияние между Персией и Византией, об истории Киндитов и других арабских племен. Он показал нам многие стороны общественной жизни арабов, и особенно арабской знати. От него мы узнали о пристрастии молодых представителей знати к охоте, о том, чем увлекались арабы, о разложении общественных устоев, о существовавших тогда понятиях долга, чести и т. д. Он также поведал нам о различных верованиях, распространенных в то время в стране, о некоторых религиозных обычаях. Из произведений Имру-ль-Кайса мы извлекли много сведений о культуре того времени; мы узнали, что народ был в своем большинстве невежествен, что писали арабы в то время на пальмовых листьях:

Чьей стоянки эти печальные следы? Они огорчили меня,

Словно строки псалмов, начертанных на листьях йеменской пальмы.

Итак, мы рассказали о жизни Имру-ль-Кайса и о его посмертной славе. Нет сомнения в том, что он является одним из величайших арабских поэтов. Имру-ль-Кайс — царь поэзии и глава поэтов, заложивший прочную основу современного искусства поэтического описания природы.

✓ Тарафа ибн аль-Абд (543—569)

жизнь поэта

Амр ибн аль-Абд, по прозвищу Тарафа, принадлежал к племени Бакр ибн Ваиль. Он родился около 543 года в Бахрейне, на Персидском заливе. Родители его принадлежали к знатному роду; отцом его был поэт аль-Абд аль-Бакри, мать — Варда бинт Абд аль-Масих. Среди его знатных родственников были известные поэты: стихи сочиняли его дед, отец, два дяди со стороны отца — Мураккиш старший и Мураккиш младший — и дядя со стороны матери — аль-Муталяммис.

Обездоленный сирота. Поэт был подростком, когда его отец умер, и он перешел на попечение дядей. Они плохо заботились о воспитании поэта, притесняли его и нарушали имущественные права его матери, пользуясь тем, что она жила вдалеке от своих родственников. По этому поводу Тарафа сочинил стихи, где угрожал своим дядьям:

Вы не считаетесь с правами Варды,
Ибо мы малы, а родственники Варды далеки.
Но великие дела могут совершать и маленькие,
И тогда тоже может пролиться кровь.
Тирания посеяла раздор между племенами Хай и Ваиль,
И племя Бакр подчиняет Таглибу его судьба¹.

Беззаботная юность. С ранних лет жизнь Тарафы была полна удовольствий, и он жил, ни в чем себя не ограничивая. Бесконечные пиры и развлечения приводили к расточительству, но поэт не хотел изменить своего образа жизни.

Юноша в изгнании. Расточительный и легкомысленный образ жизни, который Тарафа продолжал вести со слепым упрямством, привел к тому, что соплеменники решили изгнать его из родных мест.

Я ведь не переставал пить вино, веселиться,
Продавать все свое имущество и проматывать все нажитое мною
и моим отцом,

Пока все мое племя не отказалось от меня
И не изгнало, словно чесоточного верблюда...

Тогда он оседлал свою верблюдицу и отправился бродить по стране. Время от времени он совершал набеги, а потом укрывался в горных пещерах; так он исходил весь Аравийский полуостров и достиг Абиссинии.

Поэт-пастух. Познав горечь скитаний, Тарафа решил возвратиться в свое племя, покориться воле его вождей и начать жизнь достойную и разумную, которую он научился ценить, испытав на чужбине тяжесть изгнания.

¹ Поэт имеет в виду «Войну из-за верблюдицы Басусы».

Я был среди вас, как человек с завязанными глазами,
Но сегодня с моих глаз спала пелена.

Так как Тарафа пришел домой ни с чем, он был вынужден пасти верблюдов Муаббада — своего брата по отцу. Однако гордость мешала ему быть хорошим пастухом; он предпочитал сочинять стихи и плохо следил за табуном. Однажды у него пропало несколько верблюдов, и, когда Муаббад потребовал отчета, Тарафа обратился за помощью к Малику — сыну своего дяди, однако Малик не заступился за него и начал укорять его за разные дурные поступки — и совершенные и не совершенные им (муаллака, 76—79 бейты). Помогли же ему два влиятельных соплеменника; с их помощью он отдал брату верблюдов, а на то, что осталось, снова начал вести прежнюю жизнь, полную развлечений, не обращая внимания ни на уговоры, ни на советы (муаллака, 55—56 бейты).

У правителей Хиры. В результате поэт был вынужден вторично покинуть свое племя и отправиться бродить по стране, так как соплеменники не переставали позорить и ругать его за тот образ жизни, который он вел. Странствия привели его ко двору правителей Хиры, где в то время находились брат его матери аль-Муталаммис и муж его сестры — Абд Амр ибн Башр. Правитель Хиры Амр ибн Хинд принял его с почестями и сделал одним из своих приближенных. Это не помешало поэту высмеять в своих стихах зятя за то, что тот дурно обращается с женой (сестрой поэта):

В нем нет ничего хорошего, кроме богатства,
А фигура его статна и изяшна, когда он стоит¹.

Поэт высмеивал и самого правителя, и его брата Кабуса:

О, лучше бы вместо князя Амра была

У нас молочная верблюдица, которая ревела бы у нашего шатра.

Клянусь твоей жизнью! Воистину в Кабусе ибн Хянде

Богатство сочетается с великой глупостью.

За эти стихи Абд Амр оклеветал поэта перед правителем Хиры, и тот, разгневавшись на юношу, решил при первой же возможности разделаться с ним.

Убийство юноши-поэта. Тарафа был убит в 569 году, когда ему не было еще и тридцати лет. Согласно легенде это произошло следующим образом: Амр ибн Хинд, затаив злобу на Тарафу и аль-Муталаммиса, послал их с двумя письмами к подвластному ему наместнику Бахрейна. Он убедил их, что в письмах приказывает наместнику щедро одарить их обоих, и повелел им немедленно отправляться. Когда они уже были в пути, у аль-Муталаммиса возникло подозрение, он вскрыл свое

¹ Амр ибн Башр был очень толст; в этих строках поэт насмехается над ним.

письмо, прочел его и узнал таким образом, что наместнику приказано его убить. Тогда он порвал письмо, бросил его в ручей и предложил Тарафе, чтобы тот также ознакомился с содержанием письма. Однако Тарафа отказался это сделать и, прибыв благополучно в Бахрейн, вручил письмо наместнику. Когда наместник прочел приказ об убийстве Тарафы, он стал угрожать поэту бежать, так как его связывали с Тарафой родственные узы. Но Тарафа отказался, и наместник Бахрейна, посадив его под стражу, послал Амру ибн Хинду письмо, в котором написал: «Пришли кого хочешь для совершения этого дела, но я не буду его убийцей». Тогда правитель Хиры назначил другого наместника в Бахрейне — одного человека из племени Таглиб, и тот сказал, когда к нему привели Тарафу: «Я твой убийца, и нет тебе спасения. Выбирай себе смерть, какую пожелаешь». И ответил Тарафа: «Если это обязательно должно свершиться, то напои меня вином и вскрой мне вены». Так тот и сделал: Тарафа истек кровью и умер. Аль-Хирник — сестра поэта — горько оплакивала его смерть и, как утверждают, сочинила элегию; ей приписывают следующие бейты:

Мы считали, что ему двадцать шесть лет,
А когда он умер, он сравнялся со старцем.
Мы переживали это; ведь мы ждали его возвращения
В добром здравии, не ребенком и не старцем.

ТВОРЧЕСТВО ТАРАФЫ

Произведения Тарафы. Сборник стихов Тарафы содержит 657 стихотворных бейтов. В IX веке его снабдил комментариями Якуб ибн ас-Саккит, а в XI веке — знаменитый ученый аш-Шантамари. Впервые диван Тарафы был опубликован в 1870 году немецким востоковедом Вильямом Альвардтом в сборнике «Драгоценное ожерелье из диванов доисламских поэтов». В 1900 году диван Тарафы вместе с комментариями аш-Шантамари, переводом на французский язык и обширным историческим очерком опубликовал французский востоковед Макс Зелигсон. Некоторые касыды Тарафы были переведены на латинский язык. Наибольшей известностью из стихов этого дивана пользуется касыда с рифмой на «ра» (*раййя*), начинающаяся следующими словами:

Ты пробудился сегодня, и в тебе проснулась страсть к женщине,
Безумие и пламя любви.

Особенно большой известностью пользуется муаллака Тарафы, которую комментировали аз-Зузани в своих «Комментариях к семи муаллакам», ан-Наасани в книге «Предел искусства в комментариях к арабским муаллакам» и др. Муаллака была переведена на ряд языков. Она состоит из 104 бейтов, написанных размером *тавилъ*. Ниже мы даем некоторые пояснения к ней.

а) Повод для ее создания: если предположить, что муаллака была создана сразу целиком, то поводом для ее сочинения надо считать несправедливости и притеснения, которые поэт терпел от своего двоюродного брата; тот был скуп, корыстолюбив и попирали имущественные права Тарафы. Это было тем более обидно для поэта, что сам он, судя по его образу жизни, был лишен подобных качеств и полагал, что люди, которых он считал себе равными, будут, так же как и он, проводить жизнь в удовольствиях и расточать свое богатство. Кроме того, создание муаллаки было вызвано желанием поэта высказать свое отношение к преследованиям и гонениям, которым он подвергся за то, что вел разгульную жизнь и растратил все свое состояние.

Возможно, однако, что муаллака создавалась в течение длительного времени. Например, многословное описание верблюдицы позволяет предполагать, что муаллака была создана в период скитаний поэта, а описание развлечений может навести на мысль, что она была создана еще до того, как поэт был изгнан из своего племени. Возможно, что бейты, содержащие упреки в адрес двоюродного брата поэта, были созданы до его ссоры с Муаббадом.

б) Деление муаллаки: 1) Лирическая часть; содержит описание следов покинутой стоянки и описание антилопы (1—10 бейты). 2) Описательная часть; содержит в основном описание верблюдицы (11—44 бейты). 3) Повествовательная часть; здесь поэт рассказывает о себе, о своих взглядах на жизнь, а также жалуется и упрекает своего двоюродного брата (45—94 бейты). Затем идет завешание поэта, в котором он просит достойно почитать его после смерти; эта часть охватывает все остальные сохранившиеся бейты муаллаки.

в) Значение муаллаки и ее популярность. Многие исследователи оценивают муаллаку Тарафы выше других произведений доисламской поэзии за «изложенные в ней взгляды на жизнь и ее историческую ценность, не говоря уже о красоте описаний, о ярких сравнениях и о ее исключительной выразительности».

В этой касыде «блестяще описаны волнения пламенной души и порывистого сердца, которые познали жизнь, но не поняли ее истинного и высокого смысла; которые часто вели поэта по правильному пути, но еще чаще — по пути ошибок; которые всегда были прежде всего душой и сердцем поэта...»

Доказательства того, что произведения Тарафы действительно принадлежат ему. Несомненно, многие произведения, приписываемые Тарафе, на самом деле ему не принадлежат, однако муаллака, а также касыда, рифмующаяся на «ра» (мы упоминали о ней выше), бесспорно, созданы Тарафой. Таха Хусейн, правда, ставит под сомнение авторство Тарафы в той части муаллаки, которая содержит описание верблюдицы. Его доказательства сводятся к тому, что Тарафа является поэтом племени Рабиа, которому было чуждо поэтиче-

ское искусство. Он также обращает внимание на то обстоятельство, что бейты, предшествующие описанию верблюдицы и следующие за ним, слишком примитивны и легковесны, хотя и отличаются красноречием. Кроме того, говоря о поэтическом стиле Тарафы, Таха Хусейн замечает, что в отличие от большинства доисламских поэтов, воспевающих верблюдиц, описание верблюдицы у Тарафы безжизненно, в нем не чувствуется ни динамики, ни живости; похоже, что поэт описывает верблюдицу по частям, «как бы распяв ее перед собой на столбе».

Доказательства Таха Хусейна неубедительны, однако доказательства его противников не более убедительны, если не считать, что они опираются на традицию. Во всяком случае, влияние кочевой культуры, которое можно проследить в стиле муаллаки, в лексике, фразеологии и описаниях, а также характерные для Тарафы сравнения и метафоры убеждают нас в том, что эти строки действительно принадлежат ему.

Следует сказать, что Тарафа в течение долгого времени вел жизнь изгнанника и бродяги, в которой верблюдица была его единственным спутником и другом, и поэтому не удивительно, что его описание полно мельчайших подробностей и что отдельные его слова и выражения столь резки и грубы.

Наконец, для передачи понятия «верблюдица», так же как и для передачи понятия «лев» или «пустыня», в доисламскую эпоху существовали специфические слова, которые с течением времени стали казаться тяжеловесными, неблагозвучными и в конце концов вышли из употребления. Это произошло потому, что они потеряли свои первоначальные значения и приобрели в результате общения с чужеземцами новые. В лирической части, предшествовавшей описанию верблюдицы, и в части, следующей после него, Тарафа говорит уже другим языком — языком глубоких чувств и душевных переживаний, то есть выражает понятия, вечно живущие в сознании всех людей; поэтому и слова, выражающие эти понятия, нежны и утонченны, тем более что это определяется самой темой повествования.

Основные направления и отличительные черты творчества Тарафы. По словам аль-Байдави, «Тарафа стоит в одном ряду с великими поэтами доисламской эпохи в силу особенностей своего художественного творчества, а также по характеру своих повествований и красоте их поэтической формы. Вместе с тем он отличается от всех остальных поэтов силой чувства, глубиной и смелостью мысли. Он не ограничивается внешним отображением явлений, а творит новое, как Имру-ль-Кайс. Мысли его не представляют собой какой-либо определенной системы, но отличаются убежденностью, как у Зухейра. В выражении чувств Тарафа не всегда достигает таких красот, как ан-Набига аз-Зубьяни, зато в его стихах чувствуется необыкновенная энергия, они внушают огромную любовь к жизни; благодаря этому поэтические образы Тарафы

становятся еще более жизненными, а мысли приобретают необычайную глубину. С особой силой в стихах Тарафы проявились его независимость и чувство протеста».

Описания (*васф*) Тарафы, так же как и описания в произведениях других доисламских поэтов, отличаются исключительной точностью изображения; примерами могут служить описание паланкина (муаллака, 3—5 бейты), описание верблюдицы (11—45 бейты), описание игр и развлечений (48—55 бейты). Кроме того, описания Тарафы отличаются реалистичностью сравнений, подсказанных автору самой природой (11—45; 95—90 бейты). Бейты, содержащие упреки и жалобы, отличаются мягкостью, искренностью, вместе с тем они свидетельствуют о гордости поэта. Тарафа жалуется не на то, что он беззащитен и его обижают, а на то, что должен терпеть гнет родственников.

Лирика (*газаль*) Тарафы утонченна и не столь нескромна, как лирика Имру-ль-Кайса.

Поэт создал несколько сатирических стихов (*хиджа*), из которых наибольшей известностью пользуются стихи об Амре ибн Хинде и его брате Кабусе, а также о муже сестры поэта — Абд Амре. Характерные черты сатиры Тарафы — смелость, остроумие, тонкий юмор.

Тарафа писал и афористические стихи (*хикма*); ему принадлежат бейты, содержащие мудрые изречения и свидетельствующие о его жизненном опыте. Наиболее известны из них следующие:

Гнет со стороны близких более мучителен для сердца
Человека, чем удар меча из индийской стали.

Время прояснит то, о чем ты не ведаешь,
И принесет тебе вести о том, кого ты и не кормил.

Таковы основные направления творчества Тарафы. Далее мы рассмотрим его муаллаку, чтобы разобраться в элементах субъективной философии, содержащихся в ней, а также определить ее художественную и историческую ценность.

ТАРАФА — ПОЭТ СУБЪЕКТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ

Тарафа — поэт сильного характера и свободной мысли; его слова и поступки всегда были искренними. В нем сочетались мудрость старца и легкомыслие юноши, ощущение полноты жизни наполняло его сердце; вместе с тем он смотрел на жизнь глазами здравомыслящего философа и стремился следовать в жизни определенным убеждениям.

Характерные черты философии Тарафы. Философия Тарафы лишена или почти лишена религиозного догматизма; она определялась окружающей поэта средой и самой

жизнью. Во всех своих поступках Тарафа руководствовался только соображениями личной выгоды. В значительной мере это результат плохого воспитания поэта; богатство и уважение соплеменников, которые достались ему в наследство от отца, породили в нем кичливость и высокомерие, уверенность в бесспорной справедливости своего мнения и своих поступков и презрение ко всему, что противоречило его точке зрения. У Тарафы были все возможности для удовлетворения своих необузданных страстей, и потому большая часть его жизни проходила в пирах и развлечениях. Потом ему пришлось испытать множество трудностей, познать горечь обиды и разочарования, так как его родственники из алчных и корыстных побуждений лишили его мать законных имущественных прав, а самого Тарафу изгнали из племени. Участь изгнанника развила в нем естественную, врожденную склонность к таким высоким качествам бедуина, как смелость, благородство, отвага.

Основные предпосылки философских взглядов Тарафы. Тарафа считал, что его душе свойственны высокие стремления, что он призван избрать в жизни наиболее достойный и праведный путь, и в то же время страстные чувства терзали его плоть. Он не считал стремление к идеалу и отказ от удовлетворения своих страстей высшей добродетелью — такой взгляд на жизнь обычно порождает вера в существование потустороннего мира. Чувственная страсть помешала поэту постичь вечные истины, поколебала его веру в их существование и лишила путеводной звезды, указывающей путь к истинному познанию жизни и ее разумным наслаждениям. Поэтому философия поэта занимает промежуточное положение между материалистическим нигилизмом и тенденциями идеализма; она отражает грусть и печаль поэта по поводу скоротечности жизни, его стремление заполнить всю свою жизнь наслаждениями, особенно сильное потому, что поэт познал всю горечь жизни, испытывал жестокость близких и вынужден был бежать от обид и страданий.

Философские взгляды Тарафы. Тарафа говорил, обращаясь к самому себе: «Если смерть неизбежна, если после смерти нас ничего не ждет, если смерть настигает бедного, так же как и богатого, щедрого, так же как и скупого, храброго, так же как и труса, не лучше ли брать от жизни все наслаждения — и для души и для тела: высокие стремления души удовлетворять выполнением долга и возвышением над пороками, а телу дать возможность познать все наслаждения, которые только возможны?»

Ты, кто укоряет меня в том, что я иду на битвы

И предаюсь удовольствиям, — разве ты можешь дать мне бессмертие?

А если ты не в силах отвести от меня смерть,

Так позволь же мне опередить ее и растратить свое имущество.

Клянусь жизнью, смерть не щадит молодость,
Она — как веревка, привязанная (навечно) к руке,
А могилы стяжателя и скупца
Такая же, как могила беспутника, тратившего деньги на развлечения.

Философские взгляды Тарафы определяли две стороны его жизни — личную и общественную.

Общественная сторона жизни поэта. Тарафа считал, что и в дни мира и в дни войны он прежде всего принадлежит своему народу, а потом уже самому себе. Он исключительно ревностно относился к выполнению своего долга и ради него готов был идти на любой риск, навстречу любым опасностям.

Если племя спросит: «Кто молод?» — думаю, что именно я буду тем, кто Откликнется и не будет лениться или бездельничать.

Он всегда был готов прийти на помощь тому, кто в нем нуждался; любой нищий мог рассчитывать на его имущество, любой пострадавший — на его поддержку:

Я не из тех, кто прячется в долинах и низинах,—
Когда меня люди просят о помощи, я помогаю им.

Таким образом, общественную сторону жизни Тарафы характеризовало стремление к высшему идеалу, однако личная сторона его жизни противоречила этому стремлению.

Личная жизнь поэта. Тарафа разделял свою личную жизнь на жизнь души и жизнь тела.

Что касается души, то здесь Тарафа, стремясь к совершенствованию своего духа, духа истого араба-бедуина, бережно охранял все то, что могло его укрепить. Так, например, он охотно посещал советы старейшин, хотя и был любителем веселых развлечений:

Если будешь искать меня в кругу избранных племенем, ты найдешь
меня там;

И если захочешь найти меня в винной лавочке, то и здесь ты меня
тоже найдешь.

Он был щедр, так как считал, что перед лицом смерти скупость бессмысленна; это качество сочеталось в нем с предельной самоуверенностью и высокомерием. Он был человеком смелым, отважным, искренним в своем благородном гневе:

Люди не считают меня смелым,

Отважным и искренним и не признают моего благородного происхождения,

Но, если их зовет оружие, они находят меня

Стойким, и если побеждают, то благодаря моему кулаку.

Тарафа стремился к тому, чтобы его окружали только знатные люди; когда он пировал, то обязательно приглашал певцов,

как это было принято среди знатных; он хотел, чтобы после смерти его вспоминали как человека, который обязательно должен был бы стать влиятельным лицом.

Когда я умру, оплачь мою кончину, насколько я того заслуживаю,
И не жалея денег, о дочь Муаббада!

Забывая о своей душе, Тарафа в свободное от трудов время стремился усладить свою плоть наслаждениями; он не считал их греховными, в его атеистическом представлении грехом были только поступки, которые могли навлечь на него позор, поступки, несовместимые с понятием о чести, отваге и других качествах, считавшихся в доисламскую эпоху наиболее достойными.

Тарафа любил жизнь не ради ее самой, поскольку его постоянно угнетала мысль о беспощадности смерти и он грустил о том, что жизнь столь быстротечна. Тарафа считал, что не следует предаваться печали, проводить время в уединении и слезах — это не принесет никакой пользы; он стремился вкушать от жизни все наслаждения, так как жизнь коротка. Но, несмотря на всю его любовь к наслаждениям, он считал, что в жизни они должны стоять на втором плане, и, если его призывал общественный долг, он забывал о развлечениях. Страсть к наслаждениям не мешала ему идти навстречу опасности, он не боялся смерти, которая подстерегала его на каждом шагу, следовательно, в своем отрицании Тарафа не был ортодоксален.

Наслаждение жизнью Тарафа находил в пирах и любовных утехах; ради них он распродал все принадлежавшие ему ценности и родовое имущество. Тарафа предавался наслаждениям, отдавая себе отчет в совершенных поступках, и никогда при этом не переходил разумных границ. Упреки соплеменников удивляли его; ведь в своей любви он превзошел и бедного и богатого: первого — красотой любви, а второго — ее благородством.

ФИЛОСОФИЯ ТАРАФЫ

Философия Тарафы была жизненной философией, не лишенной стремлений к высокому идеалу; она лежала в основе всей жизни поэта, в ней нашли выражение как его личные убеждения, так и вся сила его страсти. Эта философия возвышенна и прекрасна с общественной точки зрения, потому что отражает характерные черты бедуина; поражает же она тем, что в ней, как это кажется на первый взгляд, примиряются стремления души и плоти.

Однако философия Тарафы противоречива, а примирение противоположных устремлений его натуры лишь кажущееся — оно может быть достигнуто лишь при условии подчинения плоти возвышенной силе духа, то есть только в том случае, если человек подчинит чувственные побуждения стремлению

ж высоким идеалам, которым определяется величие разумной человеческой личности. К этому следует добавить, что преданность интересам ближнего, готовность идти на риск за доброе дело и другие благородные качества Тарафы нельзя объяснять только его нигилизмом и неверием в загробную жизнь.

Философия Тарафы не имеет определенной основы, так как поэт не ощущает противоречия в своем отрицании вечности. Его образ мыслей определяется только сомнениями, в основе которых лежит чувственное восприятие окружающего мира, без какого-либо истинно научного его осмысления и глубокого анализа. Поэтому атеизм поэта не имеет под собой прочной базы, а философия, основанная на таком атеизме, весьма неопределенна.

Наконец, философия Тарафы порочна; она развращает разум, поскольку воспринимает жизнь в противоречии с ее устоявшимися законами, согласно которым человек не должен поддаваться порывам страсти, даже если эти порывы порождаются достойными стремлениями души. Она подрывает устой общества, насаждая в нем хаос, разврат и пьянство, и может привести человека к моральной гибели.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ТАРАФЫ

Тарафа обладал врожденным поэтическим талантом; он сочинял стихи, когда был еще мальчиком, а позднее воспел в них всю свою жизнь. Это не удивительно, ибо, как мы уже говорили, Тарафа общался с многими поэтами. Природа наградила его живым, пылким умом, по натуре своей он был склонен к раздумью. Однако в его сознании были сильнее развиты реалистическое восприятие окружающего мира и понимание явлений, чем способность к созерцанию. Причиной было то, что чувства и ощущения брали в нем верх над разумом. Его чувства были обострены страданиями, и это сделало его искренним певцом жизни. В то же время наряду с остротой восприятия и искренностью ему была свойственна известная сдержанность. Он никогда не увлеклся слепо и не был в своих увлечениях ни беспокоен, ни криклив.

Острота ума и пылкость чувств сочетались в Тарафе со способностью к реалистическому видению мира. Воображение Тарафы отражало и его чувства и окружающий его мир, оно отличалось целенаправленностью, чувством меры и искренностью.

Эту способность породила в нем природа пустыни и обострила бродячая жизнь и скитания Тарафы из одной местности в другую. Воображение с особой силой проявляется в его сравнениях, поскольку Тарафа, так же как Имру-ль-Кайс и другие

поэты, широко использовал сравнения для выражения своих мыслей, правда, сравнениям Тарафы недостает мастерства и совершенства «Странствующего княжича». Источником сравнений Тарафы были окружавшая поэта среда и все то, что он видел во время своих скитаний. Если, например, Тарафа хотел дать описание «царского паланкина», он сравнивал его с кораблями, которые видел на Персидском заливе, где родился, а если хотел найти образ для шагающего верблюда, сравнивал его с большими кораблями, плавно покачивающимися на глади моря; корабли рассекают волны, подобно тому как верблюд преодолевает море песка.

Художественный метод Тарафы, который можно проследить на примере его муаллаки, не является методом поэтического развития мысли, однако он меняется в зависимости от обстоятельств: в тех местах, где потребовались энергичные выражения, например при описании верблудицы, чувствуется его сила, там же, где речь идет о чувствах и автор рассказывает о своих впечатлениях, проявляется его искренность. Таким образом, художественный метод Тарафы сочетает в себе силу мудрита, утонченность рабита и обязательное для каждого бедуйна красноречие.

Построение стихов Тарафы довольно громоздко, иногда поэт прибегает к повторам. Лексика произведений Тарафы несколько груба и необычна; это особенно ясно видно на примере описания верблудицы.

Итак, муаллака Тарафы отражает силу его поэтического таланта и искренность художника; однако этому поэтическому таланту не хватает уравновешенности и зрелости, а художественным произведениям поэта недостает логической стройности и широты охвата явлений.

Заключение. Обобщая все сказанное выше, мы можем, как нам кажется, сказать (хотя до нас дошла лишь незначительная часть стихотворений Тарафы), что его творчество оказало огромное влияние на поэтов последующих поколений. Особую значимость имеет его муаллака, поскольку она содержит ценный исторический материал: в ней дается обширное описание нравов арабов в доисламскую эпоху; она свидетельствует о склонности части молодежи того времени к реалистическому восприятию действительности.

Кроме того, муаллака Тарафы содержит сведения о том, что у арабов было развито мореплавание, что их суда бороздили Персидский залив и поднимались вверх по Тигру. Мы узнаем из нее также о том, что в Бахрейне уже тогда умели строить корабли, в Йемене искусно дубили кожи, а в Сирии знали секрет производства бумаги; попутно мы узнаем о строительном искусстве римлян и о том, что в то время арабы умели пользоваться различными инструментами: им были знакомы напильник, наковальня, кузнечные мехи.

Группа поэтов — Абид ибн аль-Абрас, аль-Харис ибн Хмлиз, Амр ибн Кульсум

АБИД ИБН АЛЬ-АБРАС (ЖИЛ В ПЕРИОД С СЕРЕДИНЫ V ДО СЕРЕДИНЫ VI ВЕКА)

жизнь поэта

Абид ибн аль-Абрас из племени Асад — один из поэтов мударитской школы. Дошедшие до нас сведения о нем весьма запутанны; мы знаем, что при его жизни племенем Асад правил Хиджр ибн аль-Харис аль-Кинди, отец Имру-ль-Кайса, а Абид был одним из его приближенных и сочинял для него стихи; нам известно также, что, когда Хиджр ибн аль-Харис посадил знатных людей из племени поэта под стражу за то, что они отказались платить ему подать, Абид заступился за них и они были освобождены. Затем Абид отправился ко двору правителей Хиры; там он долгое время оставался приближенным Мунзиритов; приблизительно в 554 году его убил аль-Мунзир — «Сын Небесной Влагги».

творчество поэта

Его произведения. Абиду ибн аль-Абрасу принадлежит сборник стихов, опубликованный в Лейдене в 1913 году. Наиболее известным произведением из этого сборника является касыда с рифмой на «ба»; некоторые считают эту касыду одной из муаллак. Она написана в несколько измененном размере *басит* («простой») и состоит из 48 бейтов. Ат-Табризи добавил ее к семи муаллакам и поместил в своих «Комментариях к десяти касыдам» вместе с касыдами ан-Набиги аз-Зубьяни и аль-Ааши. Начинается она следующим бейтом:

Опустел оазис племени Бану Асад,
Опустели аль-Куттабайт и аз-Зануб¹.

Содержание муаллаки. Первая часть: поэт стоит у развалин жилища, покинутого возлюбленной, и проливает слезы, сравнивая их с потоками воды или течением ручья (1—17 бейты). Вторая часть содержит изречения, наставления и упоминание о единобожии. Некоторые критики считают, что эта часть приписана поэту, так как она стоит между описанием следов покинутого жилища и описанием верблюдицы, а такое ее местоположение необычно для произведений доисламских поэтов. Третья часть содержит описание верблюдицы; поэт сравнивает ее то с диким ослом, на боку у которого остались следы укуса, то с быком, пасущимся на плодородной земле. В четвертой части поэт описывает коня, сравнивая его с орлом.

¹ Аль-Куттабайт — название горы; аз-Зануб — название местности.

Художественное мастерство Абида. Абид ибн аль-Абрас повествует о своей жизни, о своих наблюдениях и переживаниях. По преданию, поэт был в высшей степени сентиментален и испытывал нежную любовь ко всему живому. Он делился с близкими всем своим имуществом, поил всякого, кто испытывал жажду. Он был беден и зарабатывал себе на пропитание тем, что пас скот. Утонченность его натуры усугубляла его душевные переживания и нанесенные ему обиды. Стихами он говорил тогда, когда хотел описать что-нибудь или о чем-либо просил, и, если ему было в это время очень тяжело, в словах его звучали гордость и мужество.

Мы ограничимся здесь изучением его своеобразной муаллаки, содержащей несколько описаний, и в связи с этим остановимся на его поэтическом искусстве описания природы.

Описания в муаллаке очень жизненны, поэт как бы сам участвует в описываемых им событиях: он следит за их ходом со всей силой своих чувств, он стремится к тому, чтобы слушатель сам мог принять участие в происходящем, все видеть, слышать и следить за каждой деталью развития действия.

Его стихи жизненны также благодаря тому, что поэт делит текст на описание и повествование и часто ведет рассказ, перемежая их друг с другом и переходя от одного вида изложения к другому. Это создает определенную динамичность действия, которая проявляется в словах, как бы теснящих друг друга.

Метод изложения Абида отличается исключительной гибкостью; само изложение ясно, а необычная лексика придает ему необычайную мягкость.

Описаниям Абида присуща захватывающая поэтическая напевность, которая достигается гармоничным подбором слов и их удачными повторениями, согласованностью этих повторений с развитием событий, которые описывает поэт, а также всем построением произведения.

Ниже приводится отрывок из муаллаки, где описывается конь поэта. Абид сравнивает его с орлом: увидев лису, конь становится страшен, а гнев и страсть охотника еще более распалют его. В этом отрывке проявляются живость и гибкость поэтического таланта Абида; кроме того, эти строки необычайно музыкальны:

И он (конь)-бросился стремительно ей (лисе) навстречу,
Устремившись к цели, словно увлеченный потоком;
А лиса поползла от него пригнувшись,
И зрачки ее сузились от ярости;
Он схватил ее и швырнул ее,
И добыча его обрела жалкий вид;
Потом он еще раз швырнул ее оземь и потащил,
И тогда морду лисы изуродовали камни.

Оя повторил все снова: поднял ее,
А потом снова отпустил; у нее был жалкий вид:
Она кричала, впившись в бок коня,
А в груди ее уже зияла рана.

✓ АЛЬ-ХАРИС ИБН ХИЛЛИЗА (УМЕР В КОНЦЕ VI ВЕКА)

ЖИЗНЬ ПОЭТА

Аль-Харис ибн Хиллиза аль-Яшкар — один из выдающихся людей племени Бакр ибн Ваиль. До нас дошли сведения только об одном событии, связанном с именем поэта, — о его обращении к Амру ибн Хинду (554—569) с просьбой разрешить спор между племенами Бакр и Таглиб.

Бакр и Таглиб — это два родственных племени; некогда между ними вспыхнуло пламя раздора, и в течение длительного времени они враждовали. Они убивали друг друга во время «Войны из-за верблюдицы Басусы» до тех пор, пока в это дело не вмешался аль-Мунзир, прекративший кровопролитие. Однако вскоре между этими племенами снова вспыхнула вражда, и тогда они обратились к Амру ибн Хинду, правителю Хиры, с просьбой рассудить их. Со стороны племени Таглиб оратором был представитель знатного рода — поэт Амр ибн Кульсум, со стороны племени Бакр — поэт аль-Харис ибн Хиллиза. Амр ибн Кульсум прочитал отрывок из своей муаллаки, в которой он превозносил свое племя и противопоставлял его племени Бакр. Он безмерно восхвалял свои достоинства и достоинства своего племени; аль-Харис ибн Хиллиза ответил ему со спокойствием шейха и проницательностью человека, умудренного жизнью. В своей речи он опровергал его доводы, возлагая ответственность за войну на племя Таглиб, и прославлял Амра ибн Хинда, стремясь привлечь таким образом его симпатии на сторону своего племени. Это ему удалось, и правитель Хиры решил спор в пользу племени Бакр.

Аль-Харис ибн Хиллиза прожил долгую жизнь и умер около 570 года.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

Аль-Харису ибн Хиллизу принадлежит ряд стихотворений, опубликованных во многих литературных исследованиях. Но славой своей он обязан муаллаке. Муаллака состоит из 85 бейтов, рифмующихся на «хамзу» (*хамзийя*), размер бейтов — *хамфифа* («легкий»). Она начинается следующими строками:

Любимая Осма нас известила, что она скоро уйдет от нас.
Это печально: без нее будет грустно...

Снабженная комментариями аз-Зузани, она была опубликована в 1820 году в Оксфорде, а затем, в 1828 году, — в Бонне

Муаллака аль-Хариса была переведена на латинский и французский языки.

Поводом для сочинения муаллаки послужил арбитраж Амра ибн Хинда в тяжбе между племенами Бакр и Таглиб, о которой мы упоминали выше; муаллака родилась из выступления поэта в защиту своего племени и опровержения им доводов его соперника Амра ибн Кульсума.

Основные разделы муаллаки следующие: 1) Введение, содержащее описание следов покинутой стоянки, излияния скорби и описание верблюдицы, которую автор сравнивает со страусом (1—14 бейты) 2) Защита. Здесь поэт опровергает доводы таглибитов и говорит о притеснениях с их стороны (15—20 бейты) Далее поэт выражает свое пренебрежение к доносам, которые Ибн Хинд отказался принять и которые не оставили следа в душах бакритов (21—31 бейты). Наконец, поэт переходит к восхвалению бакритов (32—39 бейты) и посрамлению таглибитов, нарушивших перемирие. Заканчивается эта часть описанием битв, в которых племя Бакр одержало победу над племенем Таглиб (40—58 бейты). 3) Привлечение Амра ибн Хинда на сторону племени Бакр; эту часть поэт начинает с упоминания о вражде, которая имела место между Амром ибн Хиндом и племенем Таглиб (59—64 бейты); затем поэт говорит о давних связях племени Бакр с Амром ибн Хиндом и прославляет правителя (65—68 бейты) Далее он упоминает об услугах, оказанных бакритами правителю и его семье (69—83 бейты), и говорит о необходимости сближения между правителем Хиры и племенем Бакр (84—85 бейты).

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО ПОЭТА

Касыда аль-Хариса ибн Хиллизы замечательна тем, что в ней проявились и искусство создания героической поэзии и ораторское искусство; благодаря этому муаллака имеет не только историческое значение, но и большую литературную ценность.

Ораторское искусство. Аль-Харис ибн Хиллиза — блестящий оратор, наделенный врожденной способностью к искусству спора. Поставив перед собой ясную цель, он использовал все, чтобы достичь ее. Он стремился заставить Амра ибн Хинда решить спор в пользу своего племени и, для того чтобы добиться этого, приложил всю силу своего ума, все свое дипломатическое искусство, даже хитрость. В результате он убедил правителя и склонил его на свою сторону, а тем самым и на сторону своего племени.

Что же касается ума поэта, то он проявился в логике его мышления и в его силе убеждения. Мысль Ибн Хиллизы была сильна своей логической связью и последовательностью; доводы его были убедительны благодаря тому, что были расположены в стройном порядке и логически вытекали один из другого, а в

доказательствах поэта проявились его дипломатичность, ловкость и хитрость.

Он начал с того, что опроверг слова своих противников и распускаемые ими ложные слухи. Затем перешел к прославлению бакритов и привлек сердца слушателей на их сторону, упомянув о их доброй славе и доблестном прошлом; здесь же он опроверг все то, что могло отвлечь душу правителя от бакритов и внушить ему недовольство ими. / После этого он начал говорить о таглибитах: делая вид, будто он не хочет их позорить, он на самом деле, призвав на помощь всю свою хитрость и остроумие, позорит их еще больше. Постепенно становится ясно, что таглибиты не заслуживают того, чтобы правитель склонился на их сторону. И тогда, наконец, поэт наносит им окончательный удар: он начинает говорить об отношениях таглибитов с Хирой, об их старинной вражде и в то же время напоминает об отношениях между правителем Хиры и бакритами, постоянно дружественных и доброжелательных. Такова была сила красноречия поэта.

Язык поэта был необычайно ярок: мягкость и нежность слов придавали его речи огромную силу воздействия, иносказательность сочеталась с ясностью изложения, а похвала была умеренной. Поэтому правитель Хиры проникся добрым чувством к бакритам и отвернулся от племени Таглиб.

Искусство героической поэзии. Свою речь и аргументы поэт подкрепил изложением исторических событий; его воображение помогло ему дать их яркое описание, используя в нем меткие сравнения. В словах поэта звучала музыка боя и славы, они производили большое впечатление на слушателя:

Первое свидетельство храбрости — это то, что произошло восточнее
аш-Шакыкы,

Когда люди племени Муадда водрузили здесь знамя победы.

Окружили Кайса войны в кольчугах во главе с вождем

Йеменским, который стоял, словно белая скала.

И мы бросились на них, нанося им удары,

Как струя воды, вырвавшаяся из прорванного бурдюка.

И сделали мы с ними то, о чем знает лишь Аллах,

Ибо воистину за погибших надо было платить кровью!

Это эпическое повествование придает муаллаке аль-Хариса историческую значимость, и этим она особенно ценна для нас. Муаллака содержит много бейтов, объясняющих исторические и политические события периода перемирия племен Бакр и Таглиб, а также дает описания знаменательных битв между племенем Таглиб и другими племенами, в которых племя Таглиб терпело поражения. Поэт рассказывает о старинной вражде между племенем Таглиб и Мунзиритами и о дружбе между племенем Бакр и государством Хиры; муаллака дает нам также

многие другие сведения, которые мы не смогли бы почерпнуть из произведений других доисламских поэтов.

Итак, муаллака аль-Хариса ибн Хиллизы является историческим документом; она свидетельствует также о мудрости поэта, о его поэтическом и ораторском таланте.

✓ АМР ИБН КУЛЬСУМ

ЖИЗНЬ ПОЭТА

Происхождение. Амр ибн Кульсум — таглибит; отец его был знатным человеком в своем племени, а мать — Лейла — была дочерью аль-Мухальхилья, знаменитого брата Кулейба. Племя Таглиб занимало земли в различных частях Аравийского полуострова; это было самое сильное племя, и о нем даже говорили: «Если бы не появился ислам, племя Таглиб поглотило бы всех». В поэте воспитывали сознание силы и могущества своего племени, гордость за него. В пятнадцать лет Амр ибн Кульсум уже стал в своем племени влиятельным человеком.

Связи с Амром ибн Хиндом. *Арбитраж*. Говоря о биографии аль-Хариса ибн Хиллизы, мы уже упоминали о том, как племена Бакр и Таглиб обратились к Амру ибн Хинду, правителю Хиры, с просьбой разрешить их споры и распри.

Племя Таглиб доверило защиту своих интересов поэту Амру ибн Кульсуму, и, выполняя волю племени, он прочитал отрывок из своей касыды. В его словах было много похвалы, самовосхваления и восхваления своего племени, но он не догадался упомянуть правителя Хиры, воздать ему должное уважение, признать его силу, величие и могущество. За все это его и проучил Ибн Хиллиза: с помощью хитрости и дипломатического искусства он победил Амра ибн Кульсума, склонив на свою сторону Амра ибн Хинда, и тот решил спор в пользу племени Бакр. Ибн Кульсум удалился ни с чем, вызвав этим немалый гнев соплеменников.

Убийство Амра ибн Хинда (569). Амр ибн Хинд был человеком тщеславным и самодовольным. Однажды он спросил своих приближенных: «Знаете ли вы такого араба, мать которого погнушалась бы услужить моей матери?» Ему ответили: «Да, это мать Амра ибн Кульсума». Он спросил: «Почему?» И они сказали: «Потому, что ее отец — аль-Мухальхиль из племени Рабиа, ее дядя — Кулейб ибн Ваиль, имя которого дорого каждому арабу, ее муж — Кульсум ибн Малик, самый отважный герой среди арабов, а сын ее — Амр, один из выдающихся представителей своего племени». Тогда Амр ибн Хинд послал приглашение Амру ибн Кульсуму и просил его приехать со своей матерью. Так тот и сделал. А тем временем Амр ибн Хинд договорился со своей матерью, чтобы она отпустила слуг и, когда подадут сласти, заставила бы Лейлу (мать Амра ибн Куль-

сума) прислуживать ей. Когда подали сласти и Амр ибн Хинд пригласил гостей к столу, мать его сказала: «О Лейла! Поддай мне это блюдо». На что Лейла ответила: «Та, которой нужно это блюдо, пусть сама и удовлетворит свою нѹжду». Мать Амра ибн Хинда повторила свое требование. Тогда Лейла закричала: «Отомстите им, о люди Таглиба!» Как только Амр ибн Кульсум услышал это, лицо его налилось кровью и он бросился к мечу Амра ибн Хинда, который висел под балдахином (это был единственный меч в помещении). Ударом меча он снес голову Амру ибн Хинду, а затем созвал всех таглибитов и они, забрав все, что было в помещении, и угнав с собой представителей знати, отправились в глубь Аравийского полуострова. Этому событию Ибн Кульсум посвятил несколько произведений.

Смерть поэта. После убийства Амра ибн Хинда, правителя Хиры, вспыхнула война между племенем Таглиб и Мунзиритами, на стороне которых выступили все союзные с ними племена. Наступило смутное время; племена переходили от одной воюющей стороны к другой. Амра ибн Кульсума взяли в плен, но потом освободили. Ему угрожал ан-Нуаман ибн Кабус, но поэт везде высмеивал его и срамил, намекая на низкое происхождение матери ан-Нуамана.

Амр ибн Кульсум был уже пожилым, уставшим от жизни человеком, когда в 600 году его настигла смерть.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

Амр ибн Кульсум создал мало произведений; в большинстве своем это были панегирики (*мадх*), сатирические произведения (*хиджа*) или же восхваления себя и своего племени (*фахр*). Наибольшей известностью из его произведений пользуется муаллака, которая содержит около сотни бейтов, рифмующихся на «нун» (*нунийя*); она написана в размере *вафир* («полный»). Начинается муаллака следующим бейтом:

О, разбуди меня и напои меня утром из большого сосуда,
Ибо не осталось вина в аль-Андарине¹.

Комментарии к этой муаллаке писали аз-Зузани, ат-Табриз и другие авторы. Впервые она была издана в 1819 году и затем была переведена на латинский, немецкий, английский и французский языки.

Поводом для сочинения муаллаки, созданной поэтом в два приема, послужили следующие события: для первой части — обращение племен Таглиб и Бакр к Амру ибн Хинду с просьбой разрешить их спор, для второй — убийство поэтом Амра ибн Хинда.

¹ Аль-Андарин — деревня, расположенная к югу от Халеба.

Муаллака состоит из следующих частей: 1) Восхваления себя и своего племени (1—48 бейты); эта часть была прочитана в замке Амра ибн Хинда в день разрешения спора между племенами Таглиб и Бакр. Она подразделяется на вступление, которое содержит воспоминания о пирушках и о возлюбленной поэта, обращение к возлюбленной и описание ее достоинств (1—19 бейты); затем следуют бейты, посвященные непосредственно защите своей стороны; они содержат прославления своего племени и угрозы (20—48 бейты). 2) Вторая часть выражает бунт поэта против Амра ибн Хинда (49—100 бейты). Поэт создал ее после убийства правителя Хиры. Большое место в ней занимает самовосхваление, затем поэт говорит о своем возмущении по поводу перенесенного позора и в конце снова возвращается к восхвалению себя и своего племени.

Популярность муаллаки. Муаллака Амра ибн Кульсума пользовалась широкой известностью в литературном мире доисламской эпохи. Весь народ племени Таглиб, от мала до велика, знал ее наизусть и постоянно ее распевал. Она являлась воплощением родового героизма и родовой славы; один бакрит сказал о ней:

Отвлекла людей племени Таглиб от их великих дел
Касыда, сложенная Амром ибн Кульсумом;
Они похваляются ею, ибо он, о люди, был первым поэтом среди них,
Стихи которого не были скучными.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО ПОЭТА

Муаллака создана человеком, упивающимся своей силой и пресытившимся славой, попадавшим два раза в самые затруднительные положения, пережившим два события, которые оказали на него исключительно большое влияние. Поддавшись этому влиянию, поэт оказался как бы во власти бурного потока; поэтому стихи Ибн Кульсума — это отражение грохота бури — бури чувств, бури мыслей, воображения и слов.

Таким образом, муаллака Амра ибн Кульсума отразила страстный порыв, охвативший поэта. Являясь одним из руководителей своего племени, Амр ибн Кульсум дорожит своей властью и бережет славу племени, поэтому он защищает племя с предельным безрассудством и проявляет неуважение к присутствующему правителю, явно пренебрегая им.

Бурные чувства подавляют в нем голос разума, возбуждают фантазию и подсказывают ему слова, т. е. полностью властвуют над ним. Поэтому мысли его теснят друг друга, повторяются, выходят за пределы реальности. Они не подчиняются логике и не признают другой системы, кроме той, которую им диктуют бурные чувства и логика крикливого бахвальства. Это бахвальство все с большей силой проявляется в безудержном славословии.

Воображение автора также подчинено страстному порыву, и потому оно создает неправдоподобные, гиперболические образы, наделяя их необыкновенной героической силой.

Мы заполнили землю до отказа,

И мы еще заполним море кораблями.

Нам принадлежит вся вселенная, и, если кто вступит в нее,

Мы тотчас нападаем на него со всей нашей силой.

Как только мальчика нашего племени отнимают от груди матери,

Перед ним падают на колени и склоняют головы великаны.

Бурное воображение поэта проявляется в исключительно образном стиле его эпического повествования, характерном для героических поэм.

Чувства автора проявляются также и в построении стиха. Слова его мчатся, как кони, соревнующиеся в беге; они не всегда удачно подобраны, так как подсказаны пламенными чувствами и у поэта нет времени ни для их подбора, ни для исправления текста, но вместе с тем они создают определенную музыку произведения, в которой преобладает воинственная тема, и производят сильное впечатление на слушателя.

АН-НАБИГА АЗ-ЗУБЬЯНИ (?—804)

ЭПОХА АН-НАБИГИ АЗ-ЗУБЬЯНИ

Политическая обстановка. Племена группы Гатафан, самыми большими из которых были Абс и Зубьян, занимали земли на северо-востоке Неджда. На востоке их границей была Вади аль-Кура, на западе — две вершины горной цепи, Тай Аджая и Сальма, на севере они граничили с Вади ас-Сархан и пустыней ас-Самава, на юге — с Вади аш-Шариба. Однако эти обширные земли были засушливы, малоплодородны, бедны кормами и плодами, поэтому для обитавших на них племен единственным способом добычи пропитания были набеги на соседей. Здесь шли бесконечные войны; каждая битва влекла за собой кровную месть, а каждая месть — новую битву.

«Война ад-Дахиса и аль-Габры». Абс и Зубьян происходили от одной общей ветви племени Гатафан. Они всегда располагались рядом на стоянке в пустыне, помогали друг другу, поддерживали друга друга, особенно во время военных столкновений, которые происходили между ними и Амром ибн Саасаа. Однако с течением времени эта дружба ослабла и племена отдалились друг от друга. Вскоре между племенами Абс и Зубьян разгорелась война, поводом для которой послужили состязания на приз в верховой езде между вождем племени Абс — Кайсом ибн Зухейром и вождем племени Фазара, родственного племени Зубьян, — Хузайфой ибн Бадром. У первого

из них был конь, по кличке ад-Дахис, а у второго — кобыла, по кличке аль-Габра. Хузайфа приказал своим людям устроить во время состязаний засаду и сбить ад-Дахиса с пути, чтобы победу смогла одержать аль-Габра. Так они и сделали; когда же Хузайфа потребовал приз соревнования (100 верблюдиц), Кайс отказался уплатить его, настаивая на том, что приз принадлежит его коню. В результате спора вспыхнула война, которая стала известна под названием «Война из-за состязания», или же «Война ад-Дахиса и аль-Габры». С этой войны началась вражда племен Зубьян и Абс; на стороне племени Абс выступало племя Амр, а зубьяниты заключили союз с племенами Тамим и Асад. Эта война длилась сорок лет; среди ее героев был Антара аль-Фаварис.

Хира и Гассаниды. Одновременно с междоусобной войной бедуинских племен шла борьба за распространение своего влияния и установление господства между правителями Хиры и государством Гассанидов, причем Гассанидов поддерживала в этой борьбе Византия, а Хиру — сасанидская Персия. Борьба между двумя государствами длилась не меньше ста лет и окончилась лишь с утверждением ислама. Гассаниды неоднократно одерживали победы над Хирой; наиболее значительными из них были битвы «День Халимы» близ Каннисарейна (в 554 году) и битва «День Айн Убаг» (в 570 году). В 580 году Гассаниды сожгли Хиру.

До этого времени население Хиры жило зажиточно, пользуясь всеми достижениями оседлой культуры, строя свою жизнь по персидскому образцу. Богатство Хиры преумножалось в результате набегов на соседей. Среди жителей Хиры было распространено христианство, которое приняли даже некоторые из правителей династии Мунзиритов.

Претерпевшую много бед Хиру взялся восстановить ан-Нуаман; он стремился смыть со своего племени пятно позора и, добившись ослабления влияния Гассанидов, лишить их затем власти. В целях распространения своего влияния среди арабских племен он пригласил к себе поэтов, которых надеялся использовать для пропаганды своих идей. Поэты съехались со всех концов полуострова, из самых отдаленных его районов; ан-Нуаман щедро одарил их, и они уехали, увезя с собой самые лучшие воспоминания о Хире и о ее дворе.

Государство Гассанидов было христианским государством; благодаря союзу с Византией его культура претерпела влияние греков. Утонченность культуры Гассанидов проявлялась в архитектуре их прекрасных дворцов, в образе их жизни.

Гассаниды и зубьяниты. Арабские племена, населявшие полуостров, были связаны с этими двумя государствами и испытывали на себе их влияние. Однако зубьяниты, жившие в безводных пустынях и на засушливых землях, с завистьюзирали на землю Гассанидов, они занимали их пастбища, а при

случае даже угоняли их скот. Поэтому, когда вспыхнула война между Хирой и Гассанидами, зубьяниты стали на сторону асадитов, союзников Хиры. Война шла с переменным для обеих сторон успехом, и часто люди из племени Зубьян и Асад попадали в плен к Гассанидам.

В ту эпоху жил один араб, который был принят и при дворе правителей Хиры и при дворе Гассанидов, причем и у тех и у других пользовался глубоким уважением. Он посвятил жизнь интересам своего народа, испытавшего все тяготы и невзгоды войны; он рассказывал о войнах, политических событиях и заговорах, о своем племени и о других племенах. Все его рассказы были облечены в стихотворную форму, все они были различны по характеру изложения и содержанию. Этим человеком был ан-Набига аз-Зубьяни.

ЛИТЕРАТУРА ТОГО ВРЕМЕНИ. АУСИЙСКАЯ ШКОЛА

Что представляла собой Аусийская школа? Если внимательно рассмотреть произведения ряда доисламских поэтов с точки зрения их художественного мастерства, среди них можно отличить произведения Мударитской поэтической школы, объединяющей ряд поэтов племен Мудар; в племенах этой группы глубоко укоренилась культура кочевников, но благодаря близкому соседству с племенем Бакр они испытывали сильное влияние городской культуры. Кроме того, поэты этих племен находились в известной степени под влиянием Персии, которая была вынуждена заискивать перед мударитами, чтобы сохранить свои связи с Йеменом и Восточной Африкой, а также чтобы обеспечить безопасность проходящим караванам. Мударитская поэтическая школа основывалась на принципах и теории поэтического творчества, разработанных Аусом ибн Хаджаром.

Аус ибн Хаджар — поэт из племени Нумир, группы Тамим. Он был близок с Амром ибн Хиндом, которому посвящал свои панегирики. Сборник его произведений, снабженный переводом на немецкий язык, был издан в 1892 году в Вене. Тематика его стихов тесно связана с жизнью кочевников.

Кочевая жизнь воспитала в нем чисто бедуинское красноречие, отшлифовала его воображение, придала его словам остроту и убедительность. Специфический характер воображения Ауса выработался также в результате влияния кочевой жизни: воображение поэта было исключительно образным, реалистическим, тесно связанным с его восприятием окружающего мира. Поэтому его повествования насыщены образными выражениями, для создания которых он широко использовал сравнения. Поэту свойственно и подражательство; он подражает предшествовавшим ему поэтам, в особенности Имру-ль-Кайсу, что было харак-

терно для многих поэтов как доисламских, так и последующих поколений.

Отличительные черты поэзии Аусийской школы. Творчество поэтов Аусийской школы характеризуется тесной связью между восприятием и воображением. Художественная красота произведений этой школы зависит от чувственного восприятия автором окружающей природы, которое существует независимо от того, что в данный момент переживает поэт. Поэтам Аусийской школы не был свойствен самоанализ, хотя в отдельных произведениях и встречались упоминания о душевных переживаниях, о мыслях автора, а также различные мудрые изречения, отражающие внутренний мир поэта.

Вместе с тем творчеству поэтов Аусийской школы свойственны склонность к рассудительности, медлительность изложения; оно не подвержено влиянию порывов чувства, наоборот, оно руководствуется спокойным размышлением; все это требует своеобразного мастерства. Излюбленными изобразительными средствами поэтов этой школы являются сравнение, метафора, образные выражения и метонимия. Однако эти художественно-изобразительные средства отличаются, например, от сравнений Имру-ль-Кайса, так как в его творческом методе сравнения занимают основное место, в то время как в творчестве поэтов Аусийской школы — второстепенное. Сравнения в произведениях поэтов этой школы весьма сложны, отличаются своей искусственностью, мало связаны с природой. Иногда их порождают корыстные стремления, а некоторые из них можно объяснить влиянием оседлой культуры.

Наиболее известные поэты этой школы. В доисламскую эпоху наиболее известными поэтами Аусийской школы, кроме ее основателя Ауса ибн Хаджара, были ан-Набига аз-Зубьяни, Зухейр ибн аби Сульма и аль-Хутайя.

ЖИЗНЬ АН-НАБИГИ АЗ-ЗУБЬЯНИ

Происхождение поэта. Абу Уама Зияд ибн Муавия аз-Зубьяни получил прозвище ан-Набига, что значит «гениальный», за то, что по количеству созданных им произведений превзошел всех поэтов своей эпохи, а также за свой поэтический талант и высокое мастерство.

В тех его произведениях, с которыми мы имели возможность познакомиться, мы не нашли почти никаких сведений о молодых годах поэта или о его происхождении, а те немногие сведения, которые дошли до нас, касаются лишь истории любви поэта к девушке по имени Мейя и неудачи, которую он потерпел, пытаясь завоевать ее любовь. Несмотря на то, что ан-Набига был очень красив и пользовался огромным уважением, Мейя предпочла ему Хатыма ат-Тайя.

Придворный поэт. В Хире. Поэт был лично знаком

с Амром ибн Хиндом (570), которому посвятил касыду, содержащую поздравление по случаю его вступления на престол. Он знал также приемников Амра ибн Хинда, правивших до 580 года. По словам Ибн Кутейбы, правители Хиры относились к поэту с большим уважением и очень его почитали. Наряду с этим поэт часто бывал при дворе Гассанидов и даже посвящал им свои панегирики.

Когда на престол Хиры взошел ан-Нуаман Абу Кабус, сын аль-Мунзира IV, он приблизил к себе поэта и сделал его своим другом; в этот период жизни поэт получал от правителя столько денег и верблюдов, что ел, как говорит предание, только на золотых и серебряных блюдах. Благодарный всей душой своему благодетелю, поэт искренне восхвалял его; однако удивительно, что за все время пребывания при дворе ан-Нуамана он не посвятил ему ничего, кроме касыды, рифмующейся на «далъ» (*далиий*), в которой он описывает аль-Мутаджарриду (жену ан-Нуамана); она начинается следующими словами:

Сегодня ля вечером или завтра вечером, но ты должен будешь расстаться
с домом. Мейи.

Сможешь ли ты проститься с ней или уйдешь, не простившись?

Жизнь ан-Набиги при дворе ан-Нуамана, высокое положение, которое он занимал, и огромное уважение, которым он пользовался, вызвали бурю гнева завистников. Они стали соперничать с ним и, пытаясь лишить его занимаемого положения, пустили в ход всевозможную клевету и сплетни. В результате они восстановили ан-Нуамана против поэта; отношения между правителем и поэтом стали натянутыми, однако конкретная причина этого охлаждения осталась неизвестной. В стихах ан-Набиги есть упоминание о том, что завистники оклеветали его, приписав ему стихи, высмеивающие ан-Нуамана, и что некий презренный человек (вероятно, это был аль-Мунаххиль аль-Яшкар) обвинил поэта в поступках, в которых был повинен сам. Так, поэта обвиняли в том, что он проявил крайнюю неумеренность, описывая достоинства аль-Мутаджарриды — жены правителя. Вероятно, сыграло роль и то, что поэт уклонился от объяснений по поводу своего панегирика в честь Гассанидов. В результате всего этого, а вероятнее всего по причинам политического характера (ибо поэт прославлял Гассанидов, несмотря на их вражду с Хирой и несмотря на то, что Гассаниды нанесли поражение Хире в битве «День Халимы», после которого сожгли город), ан-Нуаман возненавидел поэта и решил убить его. Однако ему не удалось этого сделать, так как слуга ан-Нуамана, Исам, предупредил поэта и тот бежал к своему племени, откуда затем направился к Гассанидам.

У Гассанидов. Ан-Набига отправился к Гассанидам после 587 года. Прибыв ко двору Амра ибн аль-Хариса VI младшего (597), он прославил его в нескольких касыдах, среди кото-

рых особой известностью пользуется касыда с рифмой на «ба» (баййя), начинающаяся следующим бейтом:

Предоставь меня, о Умейма, удручающей меня заботе
И тягостной для меня ночи, ночи, которая так длинна.

Гассаниды оказали поэту чрезвычайные почести и оставили его при дворе, назначив управляющим своими богатствами. Когда умер Амр ибн аль-Харис, ему наследовал ан-Нуаман VI Абу Кярб, который был неустрашимым героем и любил принимать участие в военных походах. Соплеменники же поэта были в то время союзниками Хиры; они совершали набеги на укрепленные пункты Гассанидов и угоняли попадавший на их пути скот. Тогда поэт попытался стать посредником между своими племенами и ан-Нуаманом Абу Кярбом, но вся его ловкость и влияние оказались бессильными. Когда ан-Нуаман VI был убит в одном из набегов (600), ан-Набига посвятил ему большую касыду, которая получила затем широкую известность.

Однако пребывание у Гассанидов, высокое положение и богатства, которые ан-Набига там приобрел, не вытеснили из его сердца любви к ан-Нуаману — правителю Хиры и печали воспоминаний о тех благах, которыми он пользовался при его покровительстве. Поэт стал выжидать удобного случая, чтобы снова умиловить ан-Нуамана, выпросить у него прощение и оправдаться за панегирик Гассанидам: ведь они сделали его своим братом, и он лишь выразил законное чувство благодарности.

(Эти) князя — братья, когда я прихожу к ним;

Я распоряжаюсь их имуществом, и они приближают меня к себе.

Как только ан-Набиге представился случай возвратиться к ан-Нуаману ибн аль-Мунзиру, он очень обрадовался, расспросился с Гассанидами и стал, так же как и его соплеменники, снова сторонником Хиры; он надеялся добиться при дворе ан-Нуамана прежнего положения и вернуть ранее принадлежавшие ему богатства. Абу Кярб не препятствовал ан-Набиге в отъезде, так как не смог найти с поэтом общего языка.

Возвращение в Хиру. Существует много рассказов о возвращении ан-Набиги в Хиру, все они сводятся в основном к тому, что ан-Набига приложил все силы, чтобы добиться прощения и оправдаться.

Ан-Нуаман желал возвращения ан-Набиги и потому разрешил ему появиться в Хире. В то время ан-Нуаман был дружен с двумя людьми из племени Фазари — Хариджем ибн Синаном и Манзуром ибн Зиядом. Между этими людьми и ан-Нуаманом установилась искренняя дружба. Зная это, ан-Набига попросил этих людей поддержать его в просьбе о прощении и склонить

ан-Нуамана на его сторону. Рассказывают, что поэт сочинил для этого случая касыду с рифмой на «даль» (*далию*):

О жилище Мейи на склоне холма!

Оно опустело, и с тех пор потянулось над ним бесконечное время.

Ан-Набига отдал эту касыду одной певице, и она спела несколько бейтов из нее перед ан-Нуаманом, когда он сидел в своем шатре с двумя фазарийцами, спрятавшими за собой поэта. Когда ан-Нуаман услышал эти стихи, он воскликнул: «Клянусь Аллахом, это стихи ан-Набиги!» Тогда ему все рассказали, и, простив поэта, он снова приблизил его к себе.

Смерть поэта. Разгневавшись на своего наместника ан-Нуамана, Хосров приказал схватить его и казнить; около 602 года ан-Нуаман был казнен — он погиб под ногами слона. После этого ан-Набига оставил двор Хиры и возвратился к своему племени, где и провел последние годы жизни. Он умер около 604 года, прожив долгую и богатую интересными событиями жизнь.

ЛИЧНОСТЬ ПОЭТА

Аристократизм. Ан-Набига был представителем одного из самых знатных родов племени, и его аристократизм проявлялся во всех его поступках, а в частности в любви поэта к роскоши, которая уживалась в нем с уравновешенностью и сдержанностью. Гнушаясь простонародья, он никогда не писал о нем и ничего не воспринял от него. Он стремился к самосовершенствованию, и его нельзя было обвинить в безнравственности, хотя о личной стороне его жизни в преданиях содержатся самые разноречивые сведения.

Уравновешенность. Поэту была свойственна исключительная уравновешенность, которой отмечено все его литературное творчество. Основными чертами его ума были глубокая проницательность и спокойная мудрость. Он обладал способностью здраво мыслить, а его тонкий вкус дополнялся необыкновенной наблюдательностью, широкими познаниями и восприимчивостью. Он был человеком слова и оставался верен ему во всех случаях, кроме тех, в которых руководствовался политическими соображениями или стремлением к обогащению — тогда верность слову уступала хитрости и ловкости политика. Если обстановка того требовала, поэт всегда умел проявить и гибкость, и ловкость, однако никогда не применял этих своих качеств для защиты угнетателей и, наоборот, всегда выступал в защиту справедливости против людей жестоких и злобных.

Влияние поэта. Отмеченные нами душевные качества поэта обеспечили ему высокое положение как в своем племени, так и при дворах различных правителей, а также пост арбитра

на базаре Укяз, где для него был поставлен кожаный шатер. Здесь он разрешал споры между поэтами и определял, чьи стихи лучше. Его советы и мнение в вопросах поэтического творчества были законом для всех. Когда он начинал говорить, его слова находили отклик в глубине сердец великих мира сего. Однако богатство не испортило его, а высокое положение не вскружило ему голову; в своих действиях он никогда не преступал границ чести и благородства.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

Произведения ан-Набиги. Ан-Набиге принадлежит диван, в который аль-Асмай (838) включил 24 касыды. В IX веке ат-Туси добавил к ним ряд других касыд. Сборник произведений ан-Набиги, так же как и Зухейра и Имру-ль-Кайса, составил ас-Суккари (902). В 1870 году востоковед Вильям Альвардт издал собрание диванов шести доисламских поэтов, куда вошел и диван ан-Набиги аз-Зубьяни. Сборник стихов ан-Набиги комментировали аль-Аалям аш-Шантамари (1083), а затем Абу Бекр аль-Бутулюси (1100); востоковед Деренбург перевел его на французский язык; неоднократно диван издавался в Каире и Бейруте.

Наибольшей популярностью пользуются следующие произведения ан-Набиги:

Касыда с рифмой на «ба» (*баийя*), которая начинается словами:

Предоставь меня, о Умейма, удручающей меня заботе
И тягостной для меня ночи, ночи, которая так длинна.

Муаллака, начинающаяся следующим бейтом:

О жилище Мейи на склоне холма!
Оно опустело, и с тех пор потянулось над ним бесконечное время.

Касыда с рифмой на «ра» (*раийя*), которую некоторые необоснованно считают второй муаллакой ан-Набиги. Она начинается следующими словами:

Свернем с дороги в сторону, чтобы приветствовать следы прежнего
нашего жилья!

Но что приветствовать? Один водосток да камни!

Муаллака ан-Набиги была сочинена накануне примирения поэта с ан-Нуаманом, с ее помощью поэт должен был склонить ан-Нуамана на свою сторону. Муаллака состоит из следующих частей: 1) описание развалин покинутой стоянки (1—6 бейты); 2) описание верблюдицы и дикого быка (7—20 бейты); 3) восхваление ан-Нуамана (21—36 бейты); 4) оправдание себя и просьба о прощении (с 37 бейта до конца).

Достоверность принадлежности муаллаки

а н Набиге. Диван ан-Набиги не лишен некоторых искажений. Таха Хусейн считает критерием в этом вопросе принадлежность поэта к Аусийской школе, поэтому произведения, противоречащие духу этой школы, Таха Хусейн считает приписанными ан-Набиге. Так, он считает приписанными ан-Набиге целый ряд стихотворений по тем соображениям, что в них много путаницы, бессмыслицы, бесцветных сравнений, потому, что они далеки по своему духу от произведений доисламской эпохи. По мнению Таха Хусейна, подлинными стихами ан-Набиги должны считаться панегирики и стихи, содержащие описания простой кочевой жизни, в которых проявились такие типичные для Аусийской школы черты, как твердость, сдержанность, отсутствие безнравственных описаний. Таха Хусейн идет в своих сомнениях еще дальше: он утверждает, что ан-Набига не является автором большей части касыды с рифмой на «даль», посвященной аль-Мутаджарриде, так же как и описания Сулеймана в муаллаке (21—27 бейты). Следует признать, что, несмотря на преувеличения, в словах Таха Хусейна есть доля истины.

Направление творчества ан-Набиги. Произведения ан-Набиги делятся на три большие группы. К первой относятся стихи, посвященные правителям Хиры, это панегирики (*мадх*) и мольбы о прощении (*иатизар*). Ко второй — стихи, посвященные гассанидским правителям, которые известны под названием «Гассаниады»; сюда также входят панегирики, элегии (*риса*) и другие стихи. К третьей — стихи политического содержания, посвященные племенам Неджда; они повествуют о войнах, мирных делах, о самых разнообразных событиях. В стихах ан-Набиги большое место занимают описания природы (*васф*), описания женщины (*насиб*) и сатира (*хиджа*).

Ан-Набига был типичным придворным поэтом, это подтверждают его стремление к обогащению, его желание оправдаться в глазах правителя, его хитрость и ловкость в лавировании между двумя лагерями — Хирой и Гассанидами, — а также отношения поэта со своим племенем и его союзниками. При всем этом ан-Набига был поэтом описаний (*васф*) и элических повествований (*кысса*), выдержанных в традиционном стиле Аусийской школы. Его стихи имеют огромную историческую ценность и с этой точки зрения заслуживают самого серьезного рассмотрения.

АН-НАБИГА — ПРИДВОРНЫЙ ПОЭТ

Придворная жизнь прельщала ан-Набигу аз-Зубьяни; ради нее он пожертвовал достоинством и гордостью истого араба-бедуина, которому прежде всего дорога его свобода и который не будет преклоняться перед богатством. Он был первым арабским поэтом, целиком подчинившим свое творчество придворной жизни, поэтом, жившим в «золотой клетке»; он первый из арабских поэтов отошел от традиции прославления своего племени,

его подвигов и славы — эти темы отсутствуют в его произведениях.

Стремление поэта к обогащению. Ан-Набига рассматривал свое творчество как средство для достижения славы и богатства. Своими стихами он снискал милость правителей арабских государств: ему стали оказывать всяческие почести, его осыпали подарками, ему дарили быстроногих верблюдов. Вначале стимулом для сочинения панегириков было благородное чувство — благодарность за покровительство, однако, по мере того как поэт познавал сладость даров, его потребность в них все увеличивалась и он превратил свое поэтическое вдохновение в средство увеличения богатства и славы. Все свое творчество он подчинил одной цели; снискать благосклонность правителей и занять при их дворе высокое положение. Он вкладывал в свои стихи наиболее предпочтительный для правителей смысл, он наделял правителей не свойственными им качествами, он специально подбирал слова, которые могли бы им понравиться, и делал все это лишь для того, чтобы на него обратилась их щедрость, чтобы к нему протянулись их руки.

Таким образом, поэзия была для него ремеслом, обогащавшим его, тем более что, как это подчеркивает Ибн Рашик, «за все блага и награды (поэт) мог достойно отблагодарить, лишь воздав хвалу руке, дарующей ему все это».

Страсть к обогащению проявляется в стихах поэта, где он беспрестанно воздаёт хвалу и прославляет достоинства человека, стремясь получить от него щедрое вознаграждение.

Дай благородной верблюдице самое сладкое из тех даров,
Что принадлежат ей; но давай это без сожаления!

Он не боится откровенно признаться в том, что требует наград:

Я устремляюсь к Ибн Мухарраку,
И мой верблюд глядит во все глаза;
Я пришел к тебе голый, в лохмотьях,
Угнетенный страхом и подозреваемый;
Я бежал, и со мной был мой красный верблюд без всякой поклажи;
Потому, что я напомнил о делах твоих славных
И надеялся просить у тебя помощи,
Ты — словно дождь, оживляющий все вокруг...

В элегии на смерть ан-Нуамана поэт откровенно признается, что он получал от него столько подарков, что после смерти ан-Нуамана жизнь потеряла для него смысл:

Да, если бы ты еще жил, то и в моей жизни не было бы скуки,
Но если ты умер, зачем мне жить после твоей смерти?

Ан-Набига посвящал свои панегирики и элегии, как правило, арабским правителям и наместникам — это соответствовало склонностям его аристократической натуры. Одним из тех не-

многих людей, не принадлежавших к царскому роду, которым ан-Набига посвятил свои панегирики, был ан-Нуаман ибн аль-Джуллах — полководец гассанидского правителя аль-Хариса ибн аби Шеммара. Однажды он напал на зубьянитов и многих из них взял в плен. Среди пленных оказалась Акраб — дочь ан-Набиги. Когда Ибн аль-Джуллах узнал об этом, он сказал ей: «Клянусь Аллахом, нет у нас человека более почитаемого, чем твой отец, а как велика польза, которую он приносит нам, состоя при правителе!» После этого он отпустил дочь ан-Набиги и подарил ей приданое, а затем воскликнул: «Клянусь Аллахом! Этого недостаточно для того, чтобы ан-Набига остался доволен нами», — и послал поэту пленных гатафанцев; ан-Набига, подивившись такой щедрости, посвятил ему панегирик, где объяснил, почему он воздал этому полководцу такую хвалу:

Я поэт, который не прославляет простых людей,
Но о том, что ты достоин похвалы, я не могу умолчать.

Другим человеком, которого ан-Набига прославил в своем панегирике, был Хауза ибн аби Амр аль-Узри, которого называли «господином Хиджаза». За исключением этих двух человек, мы не знаем никого, кроме членов династии Мунзиритов — правителей Хиры и ан-Нуамана абу Кабуса, а также Гассанидов — правителей Сирии и членов их семьи, кому ан-Набига посвятил бы свои панегирики. Таким образом, панегирики ан-Набиги делятся на три группы: в первую входят произведения, содержащие только хвалу, например касыда, посвященная Гассанидам; во вторую — произведения, которыми поэт выражает благодарность за сделанное ему добро, например стихи, посвященные Ибн аль-Джуллаху, и в третью — панегирик, содержащий извинения, посвященный ан-Нуаману ибн аль-Мунзиру.

Содержание панегириков ан-Набиги сводится в основном к перечислению таких достоинств, как высокое положение, могущество, щедрость, смелость, воинская слава, благочестие, благоразумие и т. п.

Как только выступают они в поход,
Птицы реют над ними целыми стаями;

Нельзя осудить этих воинов за то, что их мечи
Зазубрились, — они зазубрились от битв и столкновений,
Бог даровал им то, чего он не дал никому другому, —
Их необычайную щедрость.

Отличительные черты панегириков ан-Набиги определялись желанием поэта умиловить восхваляемого человека и заставить его быть более щедрым в своих благодеяниях. Первое, что бросается в глаза в этих произведениях, — придворная пышность, нашедшая отражение в стиле, размере панегириков, в отдельных словах, в музыке стиха. Торжествен-

ная часть панегирика очень длинна, причем ей предшествуют традиционное лирическое вступление и описание верблюдницы, которую хозяин приводит к восхваляемому лицу; описание это великолепно и изобилует бесконечными образными сравнениями. Лишь после вступительной части поэт начинает восхвалять того, кому посвящает свой панегирик, наделяя его при этом всеми теми достоинствами, которых требует обстановка. Эта часть наполнена пышными эпитетами — что особенно нравится царствующим особам, — а для большей убедительности мудрыми изречениями и афоризмами; ан-Нуаман становится в его панегирике то солнцем, затмевающим своим сиянием вселенную:

Поистине ты — солнце, а прочие цари вселенной — звезды,
И, когда солнце всходит, — не видно ни одной звезды...

то ночью, покрывающей весь окружающий мир, — никто не в силах скрыться от нее:

Поистине ты — ночь, настигающая всех,
А я-то думал, что от тебя можно спрятаться в долине!

О достоинствах Гассанидов он говорит, что бог даровал такие качества только им, и никому другому; во всех панегириках чувствуется благоговение перед могуществом восхваляемого лица и его величием, а также страх, подобострастие и жажда вознаграждения.

Для панегириков ан-Набиги характерен также еще один прием: автор оплакивает восхваляемого, как умершего, выражая свою скорбь по нему. Нам этот метод покажется неприемлемым — он чужд представителям оседлой культуры, однако вкусы доисламской эпохи его вполне допускали.

Мольба о прощении (*иатизар*). Ан-Набига лишился всех благ, которыми пользовался при дворе правителя Хиры ан-Нуамана, так как стал жертвой клеветы; тогда он отправился к Гассанидам — врагам Хиры и стал прославлять их. Когда он решил просить ан-Нуамана простить его, чтобы вновь пользоваться уважением и получать щедрое вознаграждение, он сочинил несколько касыд, из которых наибольшей известностью пользуются следующие три:

Первая, с рифмой «ба» (*баийя*), начинается следующими словами:

Передали мне, что ты, о безупречный правитель,
Отзываешься обо мне дурно; я удручен и озабочен этим.

Вторая, с рифмой на «даль» (*далийя*), начинается следующим бейтом:

О жилище Мейи на склоне холма!
Оно опустело, и с тех пор потянулось над ним бесконечное время.

Третья, с рифмой на «айн», начинается так:

Исчезла Зу Хусса¹ с возвышенного места —

Гора обрушилась, подточенная течением придорожных ручьев.

Свою просьбу о прощении за восхваление Гассанидов ан-Набига излагает следующим образом: сначала он говорит, что Гассаниды приняли его в свою семью и поручили ему управлять их богатствами; затем, оправдывая свой поступок, он напоминает о том, что сделал ан-Нуаман с тем, кто приносил ему пользу, кто был его приближенным:

Если ты используешь кого-то в интересах своего племени,

То хотя бы из благодарности не должен считать его виновным.

Ан-Набига хотел в первую очередь снять с себя все обвинения, поэтому сначала он опровергает клевету, оправдывает себя, безудержно клянется и просит бога наказать его, если он виноват. Затем он говорит о величии ан-Нуамана, о его власти и могуществе, доброте и справедливости, щедрости и великодушии. Щедрость ан-Нуамана ан-Набига сравнивает с Евфратом в период разлива и без конца повторяет свои извинения, выражая тем самым настойчивое желание получить прощение и вознаграждение.

Затем следует описание внутреннего состояния поэта перед лицом гнева могущественного и великодушного государя: ан-Набига встревожен надвигающейся бедой и измучен гневом ан-Нуамана и его угрозами; нет ему покоя ни днем ни ночью — он спит, как на колючках, ему кажется, будто его преследуют змеи. Ан-Набига прославился описанием страшных ночей, и определение «ночь ан-Набига» вошло в поговорку. Основная характерная черта этих описаний — бесконечность ночи, тревожность, страшные ночные видения. После описания ночи поэт напоминает о причинах своей тревоги: это интриги и сплетни; злые и подлые люди пользуются во дворце почетом, а он, ан-Набига, изгнан оттуда и испытывает тяжкие страдания. Он невиновен, ему приписали вину других; он оправдывает свое бегство и в то же время не может забыть несправедливости по отношению к себе. Поэт предается глубокой печали:

Угрожает мне Абу Кабус, а я ни в чем не виноват.

Я чувствую себя так, как будто

Я ужален маленькой пятнистой змеей,

В зубах которой сильный яд.

Передали мне, что ты, о безупречный правитель,

Отзываешься обо мне дурно; я удручен и озабочен этим:

Ублаготворяя ан-Нуамана, ан-Набига в весьма вежливой форме дает правителю советы. Так, он призывает ан-Нуамана

¹ Зу Хусса — местность в стране племени Мурра.

не принимать никогда решения, не продумав сущности вопроса,— тогда при его правлении не будет угнетения. Для убедительности поэт рассказывает ан-Нуаману притчу о йемамской голубке, которая достигла совершенства в управлении государством и не делала ошибок лишь потому, что была благосклонна к своим подданным.

Итак, мы видим, что поэт, желая достигнуть цели, унижается, подобострастничает. Такое поведение было необычным для свободолюбивого араба. Поэт поставил себя в положение раба ан-Нуамана, с радостью принимающего объедки с царского стола и ожидающего, когда же его соблаговолят простить:

Зачем ты угрожаешь рабу, который не предавал тебя,
А несправедливого угнетателя оставляешь?
Ведь ты угнетаешь своего раба,
А если ты ему посочувствуешь, ему будут сочувствовать и другие.

Отличительные черты стихов ан-Набига, содержащих просьбы о прощении,— сила аргументации и хитрость; они проявляются в построении его доводов и просьб. Его логика подобна логике ловкого, умудренного опытом адвоката, умеющего использовать все обстоятельства дела. Так, например, ан-Набига говорит, что ему приходится испытывать чувство сильного страха; но ведь он все время находился под защитой либо своего племени, либо вооруженных отрядов Гассанидов,— значит, чувства его искусственны, а страх перед опасностью преувеличен; предчувствие беды, беспокойство и тревогу он преувеличивает, так же как гиперболизирует влияние власти и могущество ан-Нуамана.

Касыда, содержащая просьбы о прощении, свидетельствует о том, что ан-Набига хорошо знал внутренний мир человека, обладал большой фантазией, был хитер, то есть владел всеми качествами, необходимыми поэту для пленения сердец слушателей. Своей касыдой о прощении ан-Набига создал новый жанр арабской литературы — жанр политической поэзии.

АН-НАБИГА — АВТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ СТИХОВ

Ум, хитрость, сообразительность помогли ан-Набиге стать искусственным политиком и опытным посредником в различных делах. Политический авторитет, которым он пользовался как в своем племени, так и за его пределами, позволил ему занять высокое положение и привлечь к себе всеобщее внимание; к мнению ан-Набига прислушивались, ходатайства его всегда удовлетворялись. Высокое положение и авторитет поэта старались использовать и правители Хиры и Гассаниды: и те и другие надеялись с его помощью распространить свое влияние, поэтому каждый из правителей старался приблизить ан-Набигу

к себе и окружить его почетом. Это позволяло ан-Набиге держаться независимо — сознание силы давало ему возможность ревностно защищать интересы своего племени. Его мудрое слово всегда и везде имело большое влияние; с удивительной ловкостью лавировал он между дворами Хиры и Гассанидов, используя противоречия, существовавшие между правителями этих государств. Кроме того, ан-Набига был настоящим «публицистом», способным возбуждать умы и волновать сердца; он внимательно следил за событиями своего времени и регистрировал их с предельной точностью и большим искусством.

Политическая деятельность ан-Набиги сводилась к защите политики своего племени и прославлению политики правителей.

Роль ан-Набиги в политике своего племени. Ан-Набига принимал активное участие в делах своего племени. Политическая жизнь и войны племени постоянно волновали его, и он отводил теме политики и войны большое место в своем творчестве. Из созданных им на эти темы касыд наибольшую ценность имеют следующие:

Касыда с рифмой на «ра» (*раийя*), написанная по поводу встречи ан-Набиги на базаре Укяз с Зургой ибн Амром ибн Хувайлидом, который угрожал поэту и советовал ему прекратить дружбу с племенем Асад. Касыда начинается следующим бейтом:

Долго стоял я у развалин становища
И спрашивал пустыню, но она не ответила мне...

Касыда с рифмой на «мим» (*мимийя*); ее основная мысль — необходимость сохранения верности в политическом союзе. Касыда начинается следующим бейтом:

Мне передали, что племя Бану Амр покинуло племя Бану Асад.
О горе! Невежество приносит столько вреда народу!

Касыда с рифмой на «нун» (*нунийя*), содержащая возражения Унейне, который хотел заставить племя Асад порвать союз с племенем Зубьян. Касыда начинается следующим бейтом:

Я пришел к стоянке в долине Урайтинат
И у изгиба долины слышал запах животных и людей.

И, наконец, касыда с рифмой на «ра» (*раийя*), содержащая упреки по адресу племени Мурра; поэт написал ее, чтобы убедить Мурра заключить союз с племенем ан-Набиги. Касыда эта начинается следующими словами:

Может быть, послания Зубьяна и красноречивее моих,
Но они далеки от истины.

Принимая участие в политической жизни своего племени, ан-Набига стремился укрепить положение племени и не допу-

стить ущемления его интересов. Для этого поэт использовал самые различные средства.

Наставления. Выполняя функции вождя, ан-Набига давал разнобразные указания своему племени: запрещал военные действия или поднимал народ на войну; незадолго до начала конфликта между племенами Абс и Зубьян ан-Набига пытался уладить их отношения и выступал в роли миротворца.

Призыв к единству. Особенно настойчиво поэт призывал к единству в период «Войны ад-Дахиса и аль-Габры». Он был как бы «недремлющим оком» своего племени и его союзников: узнавал о положении дел в стане врага, заботился о том, чтобы у его племени были союзники, причем особенно стремился сохранить союз с племенем Асад: перед этим племенем он имел заслуги, так как освободил когда-то его людей, попавших в плен к Гассанидам. Стремясь привлечь на сторону своего племени союзников, он использовал свое влияние на их правителей, восхвалял союзные племена, воспевал их героизм, описывал их оружие, сражения и набеги, высмеивал их врагов и тех, кто хотел посеять раздор между союзниками и его племенем. Однако он никогда не нападал на племя Абс, никогда не радовался его неудачам, хотя племя Зубьян враждовало с ним, поскольку оба эти племена принадлежали к одной и той же ветви рода.

Заступничество. Ан-Набига всеми силами стремился совместить в своей деятельности любовь к своему племени с желанием умиротворить Гассанидов. Мы видим, как он советует своему племени отказаться от бесконечных набегов на земли Гассанидов; пытаясь уговорить его, он угрожает ему тем, что «лев может вцепиться когтями», рассказывает о том, в каком положении находятся в плену благородные женщины, причем ведет свой рассказ в глубоко волнующих выражениях. С другой стороны, он старается сдержать пыл Гассанидов и уговорить их не вести войн. Он уговаривал даже самого их правителя, пытаясь убедить его в том, что союз с его племенем принесет Гассанидам большую пользу, а война — только ущерб; иногда ему даже приходилось приносить Гассанидам извинения за свое племя, а если воины его племени одерживали победу над Гассанидами или угоняли их скот, поэт ходатайствовал за Гассанидов и спасал их имущество от гибели.

Участие поэта в политике правителей. Поэт занимал высокое положение при дворе Мунзиритов и при дворе Гассанидов и использовал в своих целях борьбу между их правителями, так же как они использовали в своих целях его стихи. Здесь его политическая деятельность была более сложной и тонкой, чем в племени Зубьян. Поэт как бы раздваивался на службе у этих двух государств, что вынуждало правителей соперничать друг с другом в его возвышении и обо-

гашении, создавать ему роскошные условия жизни; они преследовали при этом лишь одну цель — склонить ан-Набигу на свою сторону и завлечь его в свой дворец. Тактика ан-Набиги была воплощением ловкости и хитрости, и в результате он обрел богатство и славу, облегчил положение своего племени, добился по отношению к нему и к его союзникам снисхождения со стороны Гассанидов.

В политической деятельности проявились его талант и сила, его гибкость в спорах и при переговорах.

АН-НАБИГА — ПОЭТ ОПИСАНИЙ И ЭПИЧЕСКИХ ПОВЕСТВОВАНИЙ

Ан-Набига был одарен большой силой воображения и тонкой наблюдательностью; это помогло ему стать искусным художником и мастером описаний (*васф*). Кочевая и оседлая культуры придали его воображению четкость и красочность, углубили его наблюдательность. Увлечение поэта описаниями наложило отпечаток на все его творчество. Описания есть в каждом из его произведений, будь то элегия, лирическое стихотворение или просьба о прощении.

Темы его описаний весьма разнообразны: он описывает людей (Мутаджарриду), животных (дикого быка), природу (Евфрат) и многое другое. Однако большинство описаний служит лишь средством художественного выражения в его восхвалениях, в просьбе о прощении.

Отличительная черта его описаний — реалистичность, характерная для произведений Аусийской поэтической школы. Описания в произведениях ан-Набиги изобилуют реалистическими образами; реализм образов порожден реальным восприятием окружающего мира, поэтому они имеют огромную силу воздействия. Реалистичность описаний создается подробной детализацией всего изображаемого — это один из поэтических приемов, известных арабам доисламской эпохи; подбор слов, придающих описаниям жизненность, яркость и четкость выражений — все это делает их необыкновенно красочными; кроме того, они совершенны по форме. Поэту свойственны лаконичность изложения и меткость выражений; он редко повторяется, не злоупотребляет гиперболами и не стремится использовать для выражений одной мысли все имеющиеся в его распоряжении образные сравнения; в передаче событий он добивается предельной точности изображения. Так, описывая змею, он говорит:

Желтая змея, у которой бок как бы высечен из камня, не свертывается,
А бесстрашно лежит, растянувшись, прижавшись к земле, прислушиваясь
и всматриваясь.

Зрачки ее стали совсем маленькими,
Как будто бы в них появлялась мысль;

Челюсти раскрылись широко; глаза косят, и
Видны кривые зубы, острые, как иглы.

Описывая волосы аль-Мутаджарриды, поэт пользуется поразительным по своей точности сравнением:

Волосы ее черны как смоль, волнисты, пышны,

Они вьются, подобно виноградной лозе, обвивающейся вокруг подпорки.

Сравнениям поэт уделяет особенно большое внимание; широкие возможности здесь предоставляет его богатое творческое воображение. Часто в качестве сравнения в произведение включается целое повествование, имеющее к основной теме лишь косвенное отношение. Так, например, свою муаллаку с рифмой на «даль», с помощью которой поэт стремился заслужить прощение, он начал с описания своей скорби у следов покинутой стоянки, потом перешел к описанию верблюдицы, которую сравнил с диким быком, охваченным пламенем ярости и гнева, и описал битву быка с собаками; затем следует призыв ан-Нуамана к благоразумию, притча об йемамской голубке и ее описание, после нее — сравнение ан-Нуамана с Евфратом и описание реки и т. д. Таким образом, более половины касыды к основной теме никакого отношения не имеет.

Кроме того, в своих описаниях ан-Набига часто отвлекается: воображение уводит его от одной темы к другой; поэтому границы образов очень расплывчатые, это можно проследить на примере описания армии Гассанидов, ведущей наступление в бою.

Язык описаний ан-Набиги всегда выдержан в соответствии с требованиями обстановки: при описании охоты его стихи отмечены присущей доисламской поэзии вычурностью; описания, посвященные правителям, изобилуют напыщенностью, в них чувствуется влияние оседлой культуры, для которой характерны пышность и роскошь жизни правящей верхушки. В картинах природы язык поэта очень поэтичен, он выражает благоговение поэта перед всем живым; описания женщины (*насиб*) отмечены мягкостью и нежностью.

Однако некоторые описания ан-Набиги довольно безжизненны и сухи. Поэта редко волнуют те описания природы, которые он создает; временами чувствуется, что он безразличен к предмету описания: он просто регистрирует то, что видит и слышит. Ему чужды бури и порывы чувства, свойственные, например, Имру-ль-Кайсу. Однако безучастное отношение к описываемому явлению или картине компенсируется живостью изображения; многим описаниям свойственны черты эпического повествования, так как стихи ан-Набиги изобилуют героическими картинами.

В доисламской поэзии отразились распространенные в народе легенды, которые поэты облекли в поэтическую форму. В произведениях доисламской поэзии встречаются также библей-

ские сюжеты: например, Адий ибн Зейд сочинил повесть о Змие-Искусителе, обманувшем Адама, Умайя ибн Аби ас-Салт рассказал в стихах притчу о Лоте и о разрушении Содома, а также притчу об Аврааме, принесшем в жертву Исаака.

Ан-Набига использовал повествовательный жанр в своих произведениях, когда стремился заслужить похвалу или прощение или в назидательных целях. Так, притчу об йемамской голубке он рассказывает, желая дать образец разбирательства дел и разумного правления; описанием дикого быка и его битвы с охотничьими собаками поэт стремится подчеркнуть силу и быстроту бега своей верблюдицы. В одном из произведений поэт повествует о змие, от которого отступился союзник, после того как змий обогатил его; разгадав его коварство, змий уберется от удара мотыгой и тогда понял, что, если все обещания нарушены, возврата к дружбе быть не может. Эту притчу поэт рассказал, чтобы упрекнуть племя Мурра за то, что оно заключило союз с противниками племени Зубьян. Притча о змие очень красива, она является предшественницей тех притч о животных, которые получили распространение лишь после появления «Калилы и Димны», в эпоху Аббасидов; в доисламскую же эпоху были распространены лишь притчи о людях, об этом ан-Набига говорит в другом своем произведении:

Так же как камни прилегают друг к другу,

Так и притчи о людях бесконечно следуют одна за другой

ПОЭТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО АН-НАБИГИ

Тщательность обработки. Ан-Набига был поэтом Аусийской школы, стиль которой отличался сдержанностью и красотой; его стихи — это не экспромт, поэт усердно трудился над ними, оттачивая их до тех пор, пока плоды его стараний не становились явными. Стихи его характеризуются тщательным подбором слов, прекрасных по своей выразительности; в них нет небрежных и непонятных мест, поэтому стихи, отличающиеся поэтическим совершенством, не вызывают сомнения в принадлежности ан-Набиге.

Музыкальность. Благодаря умелому сочетанию звуков и слов, а также правильному подбору стихотворного размера и рифмы ан-Набига достиг в своих стихотворениях необычайной музыкальности. Музыка его стихов мелодична и глубоко осмысленна. В стихах, воспевающих мужество, звучат сильные ноты, лирическим произведениям свойственна нежная мелодичность, а порой в его стихах звучит суровая и гневная тема.

Сравнение. Основным средством поэтического выражения ан-Набига считал сравнение и в этом пытался идти путем Имру-ль-Кайса; часто он даже пользовался в своих сравнениях теми же образами, что и Имру-ль-Кайс. Однако в целом

в искусстве поэтического сравнения ан-Набиге не удастся достичь высот Имру-ль-Кайса.

Ан-Набига пользуется и другими изобразительными средствами, например риторическими приемами; кроме того, в его стихах встречаются метонимии, образные выражения и т. д.

ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСТВА АН-НАБИГИ

Творчество ан-Набиги занимает достойное место в арабской литературе. Его произведения ценны не только потому, что содержат образцы красноречия и риторические красоты, ценны не только своими художественными достоинствами, но и сведениями по истории отношений и соперничества государств Хиры и Гассанидов, за которым скрывалась борьба между Византией и сасанидской Персией. Стихи ан-Набиги рассказывают нам об обычаях, существовавших при дворах Мунзиритов и Гассанидов, о жизни бедуинских племен, о войнах, о том, кто был их союзником, какое у них было оружие. Ан-Набига оказал огромное влияние на развитие стиля поэтического творчества; позднее его влияние проявлялось в произведениях омейядского поэта аль-Ахтала.

Ан-Набига первый использовал поэтическое творчество в целях обогащения, подчинил его этой цели и связал его с ней. До него поэты сочиняли панегирики, только желая отблагодарить кого-либо за благодеяние. Ан-Набига же превратил свое искусство в средство заискивания и обогащения. Последствия этого выразились в следующем:

а) Горизонты значительной части арабской поэзии сузились, художественная ценность стихов уменьшилась, назначение поэзии свелось к низкому стремлению к материальному благополучию; поэзия стала средством и орудием обогащения, ремеслом, не имеющим по своим задачам и направлению ничего общего с высоким искусством; по этому пути, проложенному ан-Набигой, последовали многие поэты.

б) Придав своим стихам дух аристократизма, поэт отдалился от народа и его жизни, почти отказался от описания внутреннего состояния человека. Находясь на службе у правителей, он фактически стоял на службе своих собственных интересов. В его стихах необыкновенно развились такие черты, как заискивание, приукрашивание, преувеличение и искусственность, а с течением времени эти черты стали в его творчестве преобладающими.

в) Поэты стали использовать поэзию в целях приобретения богатства и славы; положение приближенных правителя или вождя освобождало поэтов от забот о средствах к существованию; с другой стороны, оно заставляло их еще больше изошряться в своей фантазии, результатом чего в отдельных случаях явилось создание поистине великолепных произведений.

✓ Зухейр ибн аби Сульма (530—627)

жизнь поэта

Происхождение и воспитание. Зухейр ибн аби Сульма Рабиа родился в Неджде; он происходил из мударитского племени Музайна, однако отец поэта, Рабиа, оставил свое племя и ушел к племени Гатафан. Женившись здесь на девушке, по имени Умм Амру, он уже не покинул ее племени, так как теперь его связывали с ним родственные узы. Здесь у них и родился сын Зухейр, который рос и воспитывался также в племени Гатафан. Среди его соплеменников был мудрый старец — разбитый параличом поэт Башама, дядя Рабиа, отца Зухейра. Зухейр не разлучался с Башамой: он ухаживал за ним, учился у него поэтическому искусству, познавал житейскую мудрость, обсуждал с ним пути улучшения общественного строя племени. Позднее Зухейр стал учиться у Ауса ибн Хаджара, главы поэтической школы племени Мудар (впоследствии за Ауса ибн Хаджара вышла замуж мать Зухейра). Зухейр стал его последователем в своем творчестве.

Женитьба. Зухейр постоянно жил в племени Гатафан; здесь он дважды женился: первый раз на Умм Ауфе, с которой впоследствии развелся, так как у нее не было детей, а второй раз — на Кабше. Кабша родила ему двух сыновей — Кааба и Буджейра; впоследствии оба они стали поэтами (Кааб является автором стихотворения «Покинула меня Суад...»)

Поэт, прославивший Харима ибн Синана. В своих произведениях Зухейр прославлял одного из представителей знати, человека по имени Харим ибн Синан, который был известен своим благородством, добродетельностью и миролюбием. Поэт посвятил ему лучшие из своих стихов, в том числе и муаллаку, восхваляющую Харима ибн Синана и аль-Хариса ибн Ауфа за их посредничество в деле примирения племен Абс и Зубьян во время «Войны ас-Сибак». Хариму очень нравились стихи Зухейра, он осыпал поэта подарками, и поэтому Зухейр был известен в доисламскую эпоху как человек, обладавший большим богатством и прославившийся своими добродетелями и благочестием.

Смерть поэта. Зухейр умер около 627 года, прожив 97 лет; жизнь его была спокойной и добродетельной, он всегда стремился к добру, к миру и справедливости. Некоторые исследователи считают, что он исповедовал христианство, так как на его стихах лежит ясный отпечаток монотеизма, а также потому, что он верил в Воскресение и в Судный день.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

Произведения Зухейра собраны в диван, который неоднократно комментировался. Комментарии аль-Аляма аш-Шантамара (1083) были изданы в 1888 году в Лейдене и

в 1905 году в Египте. Впервые диван Зухейра был опубликован Вильямом Альвардтом в 1870 году. В диване много панегириков, восхваляющих знатных людей племени Гатафан, в том числе Харима ибн Синана и его семью, а также аль-Хариса ибн Ауфа. В этом сборнике есть лирика (*газаль*), сатира (*хиджа*) и самовосхваления (*фахр*), хотя последних значительно меньше, чем других; наряду с этим там есть описания (*васф*) и афористические произведения (*хикма*). Наибольшей известностью пользуется его муаллака с рифмой на «мим» (*мимийя*), начинающаяся словами:

То не от прежнего ли жилища Умм Ауфы молчаливые следы
В Хауманат ад-Даррадже и в аль-Мутасаллиме?

А также другая муаллака с рифмой на «мим» (*мимийя*)

Остановись там, где древность не стерла еще следы жилища,
Хотя их изменили и человеческие руки, и длительные дожди.

И две касыды; первая с рифмой на «каф» (*кафий*), начинающаяся словами:

Друзья искали разлуки, и вот они расстались.

А ведь сердце было связано с именами, которые оно любило.

Вторая с рифмой на «кяф», начинающаяся следующим бейтом:

Ушли друзья и не вспомнили добрым словом того, кого покинули.

Ушли и унесли с собой то, что ему было дорого, и оставили ему лишь
тоску по ним...

Муаллака его содержит 64 бейта в размере *тавилъ*, рифмующихся на «мим». Ее комментировали аз-Зузани, ат-Табризи и другие; она была опубликована отдельным изданием в разных местах, а также переведена на многие иностранные языки, в том числе на латинский, французский и английский.

а) Повод для ее создания: муаллака была создана в честь окончания войны между племенами Абс и Зубьян; она прославляет миротворцев, а также призывает к прекращению вражды и кровопролития.

б) Разделы муаллаки: муаллака состоит из двух больших частей: первая часть — лирическая — содержит описание развалин прежней стоянки и отъезда (1—15 бейты). Вторая часть — умиротворение — содержит в свою очередь следующие разделы: 1) прославление миротворцев и рассказ о том, какими путями они добились примирения (16—25 бейты); 2) советы примирившимся, описание войны и обращение к племени Абс с предостережением против войны (26—35 бейты); 3) прощение племени Зубьян и рассказ о Хасыне ибн Дамдаме (36—48 бейты); 4) отвлеченные изречения и афоризмы (49—64 бейты).

При изучении творчества Зухейра мы исходим в основном из анализа его муаллаки, так как она отражает основные направления и особенности его поэзии.

**ПОЭТИЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ЗУХЕЙРА; ЕГО РАССУДИТЕЛЬНОСТЬ
И УРАВНОВЕШЕННОСТЬ**

Отличительные черты личности поэта. Природа наделила Зухейра ибн аби Сульми рассудительностью и уравновешенностью. Он вырос под наблюдением Башамы, дяди своего отца, который был человеком мудрым, осмотрительным и сдержанным. Зухейр подражал Башаме в своем поведении, и, таким образом, к природным качествам поэта добавилось влияние хорошего примера. Он был честным и прямым в своих суждениях и поступках и требовал того же от других.

Он был поборником доброты и миролюбия, стремился насаждать мудрость и верил в торжество справедливости; он боролся со всеми пороками, которым не должно быть места в жизни общества.

Зухейр был олицетворением разума, добродетели и культуры, которыми отличались достойнейшие представители арабов, так же как Имру-ль-Кайс и Тарафа — олицетворением распушенности и беспечности. Поэтому Зухейр заслуживает того, чтобы быть названным поэтом уравновешенности и рассудительности, так как рассудок руководил им и в жизни, и в творчестве.

Господство рассудка в мыслях, словах и делах. Мы не утверждаем, что Зухейр отдал себя во власть рассудка целиком, что он мыслил лишь в широких масштабах или, следуя во всем строгой логике и последовательности в мышлении, достиг каких-либо результатов в научном исследовании. Мы имели в виду лишь то, что рассудок руководил Зухейром во всех его мыслях, словах и делах и что он руководствовался при этом законами того наивного разума, который близок к природе и материи. Страсти были не в силах подчинить себе этот разум и развратить его, бурные увлечения и порывы не могли сбить его с прямого пути.

Зухейр хотел, чтобы спокойная рассудительность легла в основу его творчества и его идей, стала силой, ведущей к намеченной им цели. Поэтому рассудок господствовал над всем творчеством поэта — ему подчинялись и воображение и чувства.

Пересмотр старых принципов. Зухейр стремится принести пользу своими стихами; он сочиняет не ради чистого искусства и не для того, чтобы дать выход своему поэтическому таланту: в своем творчестве поэт «преследует воспитательные цели, старается пересмотреть существующие нравственные нормы и совершенствовать их; он разрабатывает основные принципы поведения, причем делает это с неимоверным усердием». Зухейру приписывают касыду под названием «Аль-Хаулийят», о которой говорят, что он сочинял ее целый год, непрерывно совершенствуя и читая время от времени друзьям.

Стремление поэта сделать непреложные истины общедоступными; ораторский стиль. Зухейр постигает истину вначале разумом, а не воображением; затем с помощью воображения облекает ее в форму, приближающую ее к чувствам, и придает ей тем самым осязаемый, материальный характер, хотя она и относится к категории духовной. Для выражения своих мыслей поэт часто избирает риторический стиль, добиваясь с его помощью наибольшей убедительности своих слов. Он подкрепляет мысль различными аргументами и доказательствами, спорит, облекая свои доводы в образную форму; так, например, в муаллаке, где Зухейр стремится показать отвратительную сущность войны, он рассказывает об ужасах войны, о том, какие она приносит испытания, как пагубно отражается на развитии ремесел и земледелия. Он стремится убедить тех, кто сам не знает, что такое война, какие беды несет она с собой:

Она стирает вас в порошок, так же как жернов стирает зерна в муку,
сыплющуюся на кожаную подстилку;

Она назревает дважды в год, затем вспыхивает и рождает двух
близнецов¹.

Ясность изложения. Речь поэта предельно ясна, эту ясность порождают доступность его мыслей, облеченных в осязаемую, материальную форму, а также стремление Зухейра избежать неясности, излишней сложности, нагромождений и далеких от реальной действительности, непонятных метафор. Например, мысль вышеприведенного бейта ясна даже самому ограниченному человеку, так как ее дополняет образное сравнение с жерновами, перемалывающими зерно. Совершенство системы стихосложения в произведениях Зухейра придает его словам еще большую ясность. Его муаллака — одно из тех древних произведений, где система стихосложения логически связана с содержанием, будь то восхваления Харима ибн Синана и аль-Хариса ибн Ауфа или советы миротворцам, описание войны или же извинения семьи убийцы.

Строгость построения и лаконичность. Рассудительность Зухейра заставляет его отказаться от многословия и от употребления лишних слов, поэтому стихи его отличаются лаконичностью, строгостью построения и отсутствием всего маловажного, незначительного; слова его, как правило, тщательно подобраны и понятны, убедительны, речь льется спокойно, без излишнего шума и волнения. Исключение составляют описания бурных событий, например войны, где слова как бы сливаются в единый мощный и стремительный поток.

¹ Этими словами Зухейр хочет внушить отвращение к войне и склонить людей к миру; под «двумя близнецами» он подразумевает мир и войну.—
Прим. ред.

Некоторая косность формы стиха Зухейра. Однако строгость построения и лаконичность стихов Зухейра породили известную окаменелость и косность формы; в его стихах ощущается недостаток живости, сочности и внешнего блеска. Мы почти не находим в них отражения внутреннего мира поэта или порывов его души, нет в них также каких-либо неясных мест, которые останавливали бы на себе внимание читателя и заставляли бы его стараться без помощи автора проникнуть в скрытый смысл его слов.

ЗУХЕЙР — ПОЭТ-РЕФОРМАТОР

Зухейр был исключительно ревностным сторонником реформы общественного уклада племени и питал любовь ко всем, кто вершил добрые дела, кто стремился укрепить мир между людьми, давая советы заблуждавшимся, наставляя их на истинный путь и помогая освободиться от заблуждений.

Мы видим, что, восхваляя и высмеивая, Зухейр всегда ставил реформистские цели; что же касается лирических стихов (*газаль*), то они были всегда лишь традиционным средством выражения его стремлений к реформе. Поэтому прежде всего мы займемся изучением панегириков (*мадх*) и сатиры (*хиджа*) Зухейра именно с этой их стороны, а лирику рассмотрим как вспомогательное средство выражения; что же касается его афористических произведений (*хикма*), то их мы рассмотрим в следующем разделе, где попытаемся выяснить, какое место они занимали в творчестве Зухейра и как их оценивали его критики.

Панегирики (*мадх*). Зухейр поражал всех своими благородными поступками, особенно благотворительностью, миролюбием. Если он видел, что чья-то деятельность ведет к какому-либо улучшению общественного уклада племени, он тотчас же спешил поддержать этого человека, воздав ему хвалу в своих стихах. Так, он восхвалял Харима ибн Синана и аль-Хариса ибн Ауфа, которые положили конец вражде между племенами Абс и Зубьян, пожертвовали личными средствами для выкупа пленных и прекратили кровопролитие; прославлял Хысна ибн Хузайфа ибн Бадра — благородного, великодушного, доброго и справедливого человека; прославлял других людей, отличавшихся добродетелью и высокими достоинствами. Его панегирики не лишены разумного стремления к материальному благополучию — он часто прославлял великодушие и благотворительность, описывая в своих стихах примеры щедрости и приношения даров, однако если он и благодарил за подарки, если и призывал делать их и впредь, то независимо от того, кому они предназначались — ему или же другому человеку. Зухейр говорил в своем панегирике, посвященном Хысну ибн Хузайфу:

Надежный брат, богатство которого не поглотило вино,
Но поглотили дары и подношения.

Когда ты придешь к нему, он будет так доволен,
Словно ты сам даешь ему то, что (на самом деле) у него просишь.

Он прославлял благородные черты характера бедуина, которыми дорожит каждый свободолюбивый араб и которые он готов проявить при любых обстоятельствах: смелость, готовность оказать помощь в беде, трезвость рассудка, благородство происхождения, присутствие духа, благородные манеры. Столь же достойным качеством Зухейр считал и умение пользоваться своим имуществом, под которым он понимал умение человека обращаться свое богатство не только себе на пользу, но и на благо племени.

Ценность панегириков Зухейра заключается прежде всего в их искренности. Зухейр был человеком спокойным и рассудительным; он никому не стал бы приписывать каких-либо достоинств, ему не были свойственны ни лукавство, ни хитрость. Если Зухейр и преувеличивал чьи-либо достоинства, то это преувеличение не переходило разумных границ. Он сам свидетельствует об этом в касыде, посвященной Хариму ибн Синану:

Я хвалю тебя за то, что узнал о тебе, и за те
Неустрасимость и благородство, что были проявлены тобою.

Стиль панегириков Зухейра традиционный, дополненный элементами героики. Поэт начинает касыду обычно упоминанием о следах стоянки, затем переходит к описанию коня, быстроты его бега, затем говорит о своем слуге, восхваляя его умение действовать ножом; наконец, закончив вступительную часть описанием охоты, он переходит непосредственно к прославлению того человека, которому посвящается произведение. В лирических бейтах, встречающихся как в начале его панегириков, так и во вступлениях к другим произведениям, не нашли отражения ни бурные чувства, ни душевные порывы поэта, так как эти лирические бейты — порождение ума поэта, а не его чувств. Создается впечатление, будто Зухейр создавал лирические стихи неохотно, уступая лишь установившейся традиции; они очень сдержанны, поэт тратит на них минимум сил, уделяет им весьма незначительное внимание. В этих стихах он говорит лишь то, что может сказать человек высокой морали, человек скромный и серьезный:

В них (женщинах) забава для нежного и зрящего,
Утонченное для глаз внимательного наблюдателя.

Сатира (хиджа). Сатира Зухейра обычно отличается сдержанностью и здравым смыслом; с ее помощью поэт стремится изменить образ жизни людей, исправить их моральные недостатки. Он вступает в логический спор с теми, кого высмеивает, и опровергает те аргументы, с помощью которых они пытаются оправдать свои дурные поступки. В таком плане построено его сатирическое стихотворение, посвященное роду Хысна; в нем есть зна-

менитый бейт о сущности права, благодаря этому бейту Зухейра стали называть «судьей-поэтом»:

Воистину сущность права составляют три вещи:

Клятва, диспут и установление истины.

Однако иногда его сатира бывает обидной, порой тон ее резок и груб. Поэт прибегает к нему в тех случаях, когда тот, кого он высмеивает, упрямясь или заблуждаясь, не хочет обращать внимания на его советы и наставления, не хочет исправлять свои недостатки.

ЗУХЕЙР — ПЕВЕЦ МУДРОСТИ

Зухейр добровольно взял на себя обязанности судьи и арбитра; взвалив на свои плечи задачу улучшения общества, он старался всячески способствовать этому советом и наставлением, опираясь на свои собственные убеждения и взгляды на жизнь. Он считал, что мудрость определяет систему воспитания человека, а также систему совершенствования управления и политики племени.

Источник мудрости Зухейра. Зухейр прожил более девяноста лет; он хорошо знал жизнь, вкусив и ее радости, и ее горести. Жизнь даровала ему мудрую и спокойную старость опытного и искушенного человека, внушила ему стремление улучшить общественный уклад племени; жизненный опыт придавал зрелость его мыслям. Ко всему этому прибавились знания, полученные им от людей. И если мудрость Тарафы — порождение юности, личных переживаний и чувственных порывов, то мудрость Зухейра — порождение опыта личной и общественной жизни человека, чуждого чувственным порывам и страстным увлечениям, порождение спокойного разума, наблюдавшего людей и события, разума, который помог Зухейру познать счастье.

Основные положения. Зухейр относился к жизни так, как будто она стала для него невыносимой: жизнь слишком длинна, будущее в ней неясно, а смерть слепо косит всех без различия — и праведника, и грешника, и великого, и ничтожного. Он ненавидел жизнь за то, что был привязан к ней, тогда как Тарафа ненавидел ее за то, что она столь коротка. Ненависть Зухейра к жизни ограничивалась лишь вздохами, тогда как Тарафа в своей ненависти боролся со смертью и искал утешения в радостях жизни. Если Тарафа представлял группу забавляющихся бездельников, которые отвергали все то, что не было материально ощутимым, стремясь в то же время сохранить в себе все черты, свойственные арабам-бедуинам, Зухейр представлял группу людей, вершивших загробную жизнь и отличавшихся склонностью к совершенствованию духа, хотя дух их и воплощался в материи, людей, являвшихся приверженцами це-

ломудренных добродетелей бедуина. Счастье, по мнению Зухейра, заключалось не в удовлетворении своих страстей и не в наслаждении благами жизни, а в стремлении к миру и праведной жизни, имеющей две стороны: одну — связанную с личной жизнью и другую — связанную с жизнью общественной. Зухейр считал, что человека должны украшать преданность идеалам и неприхотливость, он должен быть непоколебимо верен своим обязательствам. Зухейр считал, что отвага является украшением души человека лишь в том случае, если она проявляется по необходимости; отвага не должна сочетаться с наглостью, так как в этом случае она вызывает лишь упреки и всеобщий гнев. Он предостерегал человека от лицемерия и сокрытия дурных поступков, он призывал искоренить эти качества, так как нет ничего скрытого, что бы ни стало в скором времени явным.

В общественной жизни Зухейр призывал к умению ладить и приспосабливаться, к доброте, великодушию, щедрости, призывал нести людям знания и, наконец, стремиться к миру, который, по мнению Зухейра, является самым драгоценным и самым благодатным состоянием общества. Доисламское общество было первобытным, в нем царил произвол, право утверждалось лишь мечом, и человек не имел в этом обществе поддержки ни в лице армии, ни в лице справедливой власти.

Тот, кто не защищает своих колодцев своим оружием, тому их разрушают

Тот, кто не причиняет людям обид, того считают слабым и попирают.

Поэтому нас так и поражает то, что Зухейр решается в это время поднять свой голос мудреца в защиту мира и справедливости.

Ценность афористических произведений Зухейра. Афористические стихи (*хикма*) Зухейра превосходят стихи Тарафы в этом жанре по количеству, однако уступают им по живости и по силе воздействия. Эти стихи примитивны и в большинстве своем лишены глубокого смысла, культурной или научной ценности. Поэт свободно излагает свою мысль, не связывая отдельных ее положений, сухим, назидательным тоном, пытаясь подкрепить каждое положение единственным доказательством: указанием на то, какие последствия имеет вражда и какое возмездие ждет мятежников. Таким образом, афористические стихи Зухейра были как бы сводом норм и законов бедуинского общества, так как они определяли систему поведения и систему наказаний.

ЗУХЕЙР — ПОЭТ ОПИСАНИЙ

Цели его поэзии. Зухейр считается одним из наиболее выдающихся певцов доисламской эпохи, причем не только потому, что он достиг в своих описаниях вершин этого искусства, но и потому, что увеличил их число, наполнил ими свои стихи,

расширил круг объектов описания, включил в него не только понятия материальные, как, например, холмы, верблюдица, лошадь, антилопа и т. п., но и понятия духовные, то есть обратился к темам внутреннего мира человека. Его считают великим поэтом также и потому, что он создал в своих описаниях прекрасные образы, которые приводили бедуинов в восхищение. В описаниях Зухейра нашла отражение бедуинская эстетика, в основном эстетика Аусийской поэтической школы в самом совершенном ее виде; он указал путь к истинному мастерству, которого затем старались достичь все поэты будущих поколений.

Стремясь быть «классическим» аусийцем, Зухейр старался в своих описаниях следовать с предельной точностью по стопам своего учителя Ауса ибн Хаджара, которого он в конце концов во многих отношениях превзошел. Всеми силами Зухейр стремился к точности в наблюдениях, уделял особое внимание месту и действию, руководствуясь при этом чисто материалистическим восприятием действительности, воплощая в осязаемую форму все что можно. Он использовал в своем творчестве сравнения, которые были подсказаны наблюдательностью; поэтому Зухейр весьма умеренно использовал силу своего воображения и не отвел ему большого места в своем творчестве; основные черты его творчества — спокойствие и уравновешенность, поэтому его стихи не нарушали покоя и душевного равновесия его слушателей.

Точность изложения. Зухейр почти всегда стремился передать образ таким, каким он был на самом деле, в жизни, воспроизводя его без каких-либо преуменьшений или преувеличений; в результате этого образы Зухейра были настолько реалистичными, что казались осязаемыми.

С предельной точностью Зухейр стремился также определить время и место действия:

То не от прежнего ли жилища Умм Ауфы молчаливые следы
В Хауманат ад-Даррадже и в аль-Мутасаллиме?
Ее жилище между ними, словно
Татуировка на запястье.

Я стоял перед ним после того, как двадцать лет отсутствовал,
И с трудом узнавал его, теряясь в догадках.

Продолжая затем описание своего переселения из одной местности в другую, поэт воспроизводит свой путь почти с географической точностью. Он старается упомянуть обо всех подробностях окружающей его обстановки, не забывая ни малейшей детали; говоря о каком-либо предмете, он обязательно упомянет и о материале, из которого он сделан, о его окраске и форме. Если он описывает остатки прежней стоянки, он обязательно упомянет о треножнике, на котором когда-то готовили пищу, при этом от его внимания не ускользнет и пятно на этом треножнике, и то, что лежит он среди «черепков котла»; а если Зухейр описывает

дикого осла, то не забудет сказать о зелени на губах осла, оставшейся после того, как он ел зеленую траву. Описывая человека, взнуздывающего высокую лошадь, Зухейр не преминет подчеркнуть, что, для того чтобы достать до холки лошади, этому человеку пришлось стать на кончики пальцев:

Наш взнуздывающий едва касается ее холки,
А его ступни совсем не касаются земли, он стоит только на
кончиках пальцев...

Поэт часто прибегает к уточнениям, которыми он пользуется для того, чтобы объяснить черты образа и подробности, дополняющие впечатление. Так, если поэт ищет сравнение для канавы или рва, то, желая наиболее ясно определить ее форму, добавляет: «...без промоин», — так как слушатель может подумать, что под воздействием времени ограда, охраняющая этот ров, сломалась.

И, если он хочет сказать о клочках шерсти, которые обычно остаются там, где опускают паланкин, он сравнивает их с красными ягодами «лисыего винограда» (дерева фана), добавляя: «...нераздавленные», — так как, если эти ягоды раздавить, они потеряют свой красный цвет и без этого уточнения образ будет не совсем верным:

Клочки шерсти от каждого паланкина,
Где были женщины, — словно ягоды дерева фана нераздавленные.

Рельефность изображения. Придавая образу рельефность, поэт стремится сделать его более доступным для понимания бедуина — склонный к резонерству, Зухейр всегда стремился убеждать своими стихами. Рельефности образа Зухейр добивался не подчеркиванием каких-либо особенностей предметов, создавая впечатление их реальной осязаемости, а воплощением их в различные формы, как материальные, так и духовные. Примером такого приема может служить изображение войны: стремясь показать все ужасы и последствия войны, всю ее беспощадность, он сравнивает ее с мельницей, перемалывающей зерно.

Если же он хочет подобрать слова для изображения того, какие страдания и муки ждут человека, не желающего никому ничего уступить, он рисует образ кровожадного зверя, вонзающего в тело человека свои клыки и когти.

Для того чтобы облечь свой образ в материальную форму, Зухейр пользуется аллегориями, которые отличаются реалистичностью; с их помощью он создает образ во всей его полноте и разносторонности. Так, говоря о войне, косящей людей, он сопоставляет ее последствия с жатвой и сбором урожая на плодородной земле Ирака и при этом подробно описывает деревни этой страны и даже то, что зерно там меряют мерами.

И накладывает (война) на вас столько (тягот).
Сколько не приносят своим жителям
Поля иракских деревень натурой (мерами) и деньгами.

А вот это сравнение встречается в нескольких описаниях Зухейра, например в его касыде, прославляющей Харима; дойдя до описания слез Харима, поэт сравнивает его глаза с двумя ведрами воды и здесь же описывает и верблюдицу, которая тащит ведра, и человека, погоняющего верблюдицу, и ручей, куда этот человек сливает воду, и лягушек, которые, боясь захлебнуться, выскочили из воды, и многие другие подробности.

Жизненность описаний Зухейра. В описаниях Зухейра чувствуется пульс жизни—его создает динамичность действия, передача движения во всех его деталях, что позволяет проследить за всеми этапами и изменениями движения. Жизненны также и все повествования поэта, которыми он дополняет свои описания; самыми прекрасными являются описания охоты, выполненные с большим мастерством,— жизнь здесь бьет ключом: мы видим слугу поэта, который ползет, скрываясь, стараясь остаться незамеченным, овец, усеявших землю катышками; охотников, которые преследуют осла, бегущего впереди лошадей. Динамичности описаний Зухейр достигает показом действия в развитии, что позволяет ему добиться большой точности в передаче отдельных деталей общей картины; в результате события далекого прошлого как бы проходят перед нашими глазами:

В то время, как мы собирались охотиться, явился наш мальчик
Ползком, скрываясь, стараясь, чтобы его не заметили,
Он сказал: «Дикие ослы пасутся в пустыне,
На пастбище, где много воды и сочных зеленых трав...»
И помчался по следам ослов наш мальчик,
Словно ливень, потоки которого смывают холмы...

Таковы описания природы в касыдах Зухейра; поистине они — сама жизнь в ее движении; красочность, глубина, описание подробностей — все это воссоздает подлинную картину событий; причем нельзя сказать, что подбор объектов описания случаен или что сила воображения автора ограничена — его описания ясны, лаконичны, их краски естественны, а простота, свойственная доисламской поэзии, сочетается в них с изобретательностью в средствах сравнения и художественного изображения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По словам профессора Бутруса аль-Бустани, Зухейр — «судья, объявивший себе приговор в своих же стихах, где нет ни скрытого смысла, ни запутанных мест, сказавший лишь то, что известно всем». В каждом сказанном им слове слышится голос разума, а его душа — душа спокойного мудреца, которую не тро-

гают радости жизни и не обуревают чувства. Посвятив себя реформе племенного уклада, он сеял мудрость, облекая свои слова в форму поэтических поучений. Прибегая в своих произведениях к риторическому стилю, он стремился разъяснять все непонятное и, используя близкие к жизни сравнения, сделать смысл своих слов понятным для всех. Поэтому, хотя он и рассматривал описание лишь как средство в достижении цели, он проявил себя в этом искусстве как прекрасный художник. «Древняя касыда получила у Зухейра свою окончательную форму: в ней есть вступление, основная тема и заключение, и мы уже не чувствуем ни отсутствия связи между отдельными ее бейтами, ни разрозненности ее отдельных сюжетов и картин — недостатков, свойственных касыдам Имру-ль-Кайса и Тарафы. Мы видим поистине стройную систему; Зухейр действительно воплотил в своем стихе весь опыт и все совершенство поэзии, насколько это было возможно сделать в средние века. При нем искусство поэтического творчества стало «профессиональней» в буквальном смысле этого слова.»¹

Антара ибн Шаддад аль-Абси (525—615)

жизнь поэта

Молодой пастух. Антара ибн Шаддад аль-Абси (из мударитского племени Абс) родился в Неджде около 525 года. Отец его принадлежал к знатному роду племени Абс, мать, Забейба, была родом из Абиссинии; отец взял ее в плен во время одного из набегов. По обычаю доисламского времени сын рабыни должен был оставаться рабом и отец обычно не признавал его в правах сына; исключение составляли лишь случаи, когда рабыня принадлежала к знатному роду; поэтому Антара и был в доме своего отца на положении раба: он пас верблюдов и лошадей. В этот период жизни Антара, которым руководило во всех его поступках такое благородное качество, как воля, овладел искусством верховой езды, стал отважным и смелым юношей.

Нет ничего удивительного в том, что пастух недждийских лошадей стал хорошим наездником и что юноша, живущий в одиночестве, в окружении диких зверей, всегда находившийся под угрозой нападения разбойников и бродяг, стал храбрецом. Антара впитывал в себя все красноречие рассказов о подвигах и героизме, которые ему удавалось услышать; они волновали его, и под их впечатлением он стал стремиться к жизни более благородной, чем жизнь раба, стремиться к тому, чтобы быть равноправным членом своего племени и снискать к себе уважение.

Освобожденный раб. Окреп пастух, преумножилась его сила, и уже никто не осмеливался искать с ним ссоры или

¹ Шауки Дайф, Искусство и его направления в арабской поэзии стр. 19.

ущемлять его права. Однако он продолжал оставаться рабом, и потому его не удовлетворяло все то, чего он добился. Он пребывал в печали и выжидал удобного момента, чтобы заставить отца признать его членом семьи, ибо только тогда он мог прославиться.

Случилось так, что группа воинов из племени Тайи напала на племя Абс и угнала его верблюдов. Шаддад позвал Антару и велел ему отомстить врагам, однако Антара отказался, сказав, что раб «умеет лишь доить верблюдиц и перевязывать им вымя». Тогда Шаддад позвал его второй раз и теперь уже пообещал даровать ему за заслуги в битве свободу. И бросился Антара вслед за врагом. Обещанная свобода придала ему силу и отвагу; он победил врага, отобрал украденных верблюдов и получил то, чего желал всей душой. Вместе со свободой пришла слава, и стал Антара известен как герой своего племени — «разящий меч народа».

Предводитель военных отрядов. Сила и отвага Антары приобрели настолько большую славу, что он стал предводителем военных отрядов; неоднократно он совершал набеги на врагов племени Абс — на племена Тайи, Гатафан, Ханифа и другие. Во время «Войны ад-Дахиса и аль-Габры» он прославился как энергичный и смелый военачальник; большинство дней своих он проводил верхом на коне, в кольчуге, с мечом в руках. Повсюду рядом с Антарой неслась молва о его храбрости, не имеющей ничего общего с безрассудством, о храбрости, сочетающейся в нем с чувством собственного достоинства.

Однако подвиги Антары не избавили его от презрения соплеменников, а наоборот, добавили к этому еще и чувство зависти. Завистники изощрялись в брани и оскорблениях по его адресу, и это было одной из причин той печали, которая не оставляла поэта-героя на протяжении всей его жизни.

Разбитое сердце. Еще большую печаль Антара испытывал из-за любви к Абле — своей двоюродной сестре. Она, так же как и ее родственники, питала отвращение к поэту из-за его внешности (у него была черная кожа и очень толстые губы), а также потому, что по своему происхождению со стороны матери он не был арабом. В течение всей своей жизни Антара добивался благосклонности и любви дочери своего дяди, стремясь к тому, чтобы его героические подвиги, красноречие и благородное поведение заставили ее забыть о цвете его кожи и о его происхождении.

Смерть поэта. Антара умер около 615 года; как предполагают, ему было тогда не менее 90 лет. Историки расходятся в мнении о причине смерти Антары; большинство из них считает, что Антара погиб от руки врага во время одного из набегов на племя Тайи.

Герой легенд. Сразу же после смерти Антары вокруг его имени стали создаваться легенды. Антара вошел в историю как

личность, окруженная ореолом высшего идеала, как рыцарь без страха и упрека. О жизни его написаны целые тома, которые, как говорят некоторые европейцы, стали арабской «Илиадой».

В этих легендах Антара изображается как непобедимый герой, опора слабых и защитник угнетенных, честолюбец, готовый на все ради вечной славы, а его враги — ничтожными людьми. Кроме того, Антара предстает в этих легендах добродетельным и страстным влюбленным, страдающим от неразделенной любви, идущим на любой риск ради своей двоюродной сестры Аблы, добивающимся всеми средствами ее любви. Между ними стоит непреодолимая преграда в лице дяди Антары — Малика, сына дяди — Амра и соперника Антары — Имара ибн Зияда, претендента на руку Аблы. Все они очень ревниво охраняют Аблу и усердно следят за ней. Препятствий становится все больше и больше, они нагромождаются друг на друга и служат причиной переживаний поэта.

Кроме того, в легендах рассказывается о бесчисленных битвах, в которых участвовал Антара; эти рассказы полны описаний невиданных ужасов. В случае любой опасности племя Абс обращается за помощью к своему отважному рыцарю, и поэт наносит удар за ударом, сея вокруг себя смерть.

Согласно тем же легендам, Антара, прожив долгую жизнь, полную славных и героических подвигов, погиб. Смерть настигла его в тот момент, когда он ехал верхом на своем коне аль-Абджаре, верном спутнике его жизни; поэта поразила стрела, пущенная в него Визром ибн Джабиром ан-Набхани, по прозвищу «Бешеный лев».

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

Его произведения. Перу Антары принадлежит сборник стихов из 1500 бейтов. Впервые он был опубликован в Бейруте в 1864 году и затем неоднократно там переиздавался. Большую часть сборника занимают произведения, посвященные прославлению своих подвигов и храбрости (*фахр* и *хамаса*). Кроме того, он содержит произведения, повествующие о различных событиях того времени, а также нежные лирические стихи (*газаль*), посвященные Абле. Панегирики (*мадх*) и элегии (*риса*) представлены в сборнике меньшим количеством бейтов. Наибольшей известностью пользуется муаллака, начинающаяся следующим бейтом:

Оставили ли поэты невоспетыми какие-либо развалины?

Но, может быть, ты, подумав, узнаешь это покинутое жилище?

Некоторые считают, что эта муаллака начинается иначе:

О жилище Аблы в долине Джива!

Доброе утро, привет тебе!

Муаллака. Чтецы расходятся в мнении с числе бейтов муаллаки. Все бейты ее рифмуются на букву «мим», размер муаллаки — *кямиль* («полный»), число бейтов достигает 79. К муаллаке написано много комментариев, среди которых есть комментарии аз-Зузани, ат-Табризи и аль-Анбари. Она неоднократно издавалась и была переведена на латинский и французский языки.

Ценность этой муаллаки исключительно велика. Она написана поэтом, который шел своим путем, непохожим на пути предшествовавших ему поэтов, хотя в общем он не отошел от традиции: он также начинал свое повествование с описания развалин и верблюдицы, а затем уже переходил к прославлению честного и добродетельного образа жизни. Однако его стихи «облегчают душу и не позволяют грустить, веселят и заставляют забыть трудности; поэту удалось подняться в своем творчестве над легковесностью и примитивностью содержания, в то же время избежать словесных нагромождений; мысль в его касыде достигает той законченности, которой не знали другие поэты». Ибн Саллям назвал эту муаллаку «редкостной диковинкой».

а) Повод для создания муаллаки. Наиболее вероятно, что Антара создал свою муаллаку в период «Войны ад-Дахиса и аль-Габры», которая окончилась в 609 году; поводом для ее создания послужило следующее событие: когда Антара вынудил отца признать его в правах сына, некий человек из племени Абс стал оскорблять его и издеваться над ним за то, что он, его мать и его братья — чернокожие. И ответил ему Антара, похваляясь: «Я тот, кто побеждает сильного и завоевывает себе добычу, я ничего не прошу для себя, щедро распоряжаюсь тем, чем владею, а характер мой тверд». Тогда человек этот воскликнул: «Я лучше тебя сочиняю стихи!» «Ну что ж! Посмотрим!» — сказал поэт и сочинил касыду, в которой восхвалял свои достоинства.

б) Разделы муаллаки: 1) лирическая часть (*газаль*) — описание развалин и упоминание ~~б~~ возлюбленной (1—12 бейты); описание Аблы и сравнение ее с горделивой наездницей (13—21 бейты); описание верблюдицы (22—34 бейты); 2) хвалебная часть (*фахр*) — главная часть касыды. Основными объектами самовосхваления служат: благородство души, свободолюбие и щедрость поэта (35—41 бейты), активное участие поэта в войне (42—79 бейты).

Здесь же Антара дает описание битвы, в которой он сам сыграл решающую роль, говорит о своем мече, «мече героя», описывает своего коня и свою любовь к нему.

в) Построение муаллаки. Антара начинает муаллаку описанием следов покинутой стоянки, затем говорит о своих страданиях из-за разлуки с любимой и т. д.; затем поэт переходит к описанию Аблы, при этом речь его легка, а слова полны нежности; затем он описывает свою верблюдицу, которая доставляет

его к Абле. Описание верблюдицы полностью подражательно: речь его звучит здесь тверже и выразительнее, в этом отношении его описание напоминает описание верблюдицы у Тарафы.

Окончив описание верблюдицы, Антара возвращается к описанию Аблы; обращаясь к ней, он объясняется ей в любви, напоминает о своих достоинствах, и речь его снова становится нежной, легкой и изящной. В этом месте, по словам Таха Хусейна, «касыда представляет собой собрание многочисленных музыкальных мотивов, резко отличающихся друг от друга, но объединенных одной мелодией, проходящей через всю касыду от начала до конца. Временами она ясно слышится, а временами, когда ее уже не слышит ухо, ее чувствует душа. Эта мелодия — беседа поэта со своей подругой, отражение ее образа в его душе».

Стихи, приписываемые Антаре. Стихи истинного Антары смешались со стихами легендарного Антары, и таким образом среди подлинных его произведений оказалось много таких, которые на самом деле созданы не им. Особенно много стихов Антаре стали приписывать после того, как в конце X века появился эпос «Деяния Антары». В сборник стихов Антары были включены и те касыды, которые не были созданы им, а создавались позднее людьми, выдававшими свои произведения за произведения доисламских поэтов, подражавшими древним поэтам в описаниях сражений, восхвалении благородных поступков и пр. К числу касыд, безусловно приписанных Антаре, относится и касыда с рифмой на «лям». Она начинается следующим бейтом:

Вонзи свой меч в горло оскорбителя

И, если ты порaziшь источник позора, можешь отправляться в путь.

То же и касыда с рифмой на «ба» (*баййя*), начинающаяся с бейта:

Тот, кто занимает высокое положение, не носит в себе злобы,

А тот, кто зол по натуре, не может занимать высокого положения.

В подлинных стихах Антары тоже встречаются отдельные бейты, так или иначе попавшие в его касыды, которые нарушают их стиль явными преувеличениями или же, наоборот, легковесностью. Среди касыд, бесспорно принадлежащих Антаре полностью или же по преобладающему количеству бейтов, следует отметить муаллаку, а также касыду с рифмой на «лям» (*лямийю*), которая начинается следующим бейтом:

Долго длился покой на развалинах становища

Между аль-Лякиком и Зат Хармалем,

Сюда же относится касыда с рифмой на «ха», начинающаяся следующим бейтом:

Клянусь отрядом, который я разбил,

Отрядом хорошо вооруженных храбрецов, — гибель его страшна.

То, что Антаре приписывают много стихов, на самом деле ему не принадлежащих, неудивительно: среди чтецов и рассказчиков было немало таких, кто увлекался историей непобедимого витязя племени Абс и любил этого выдающегося человека. Они распространяли свои рассказы о жизни поэта среди народа, который очень любил слушать повести о героических и рыцарских подвигах.

АНТАРА — ЛЕВЕЦ ВЫДАЮЩЕЙСЯ ЛИЧНОСТИ

Антара принадлежит к числу выдающихся людей, которых было в доисламскую эпоху не так много. Его достоинства нашли отражение в стихах, которые являются искренней исповедью. В них чувствуется стремление поэта заставить всех забыть о цвете его кожи, обратив всеобщее внимание на безупречность своего поведения, стремление расположить к себе Аблу — мечту его жизни. Действительно, в муаллаке Антары нашли яркое выражение все эти черты его характера.

Целомудрие. Несмотря на то, что чернокожий Антара происходил от рабыни, он был прежде всего человеком высоких моральных качеств, а его целомудрие возвышало его над многими поэтами, погрязшими в разврате, проводившими всю свою жизнь в увеселениях. Он, например, никогда не мог бы войти в дом к женщине в отсутствие ее мужа:

~ Я навещал женщину, живущую со своим мужем,
Но теперь, когда он ушел вместе с войском на войну, я уже ее
не навещаю.

Если он встречал соседку, он опускал глаза.

Я опускаю взор, когда передо мной предстает моя соседка,
Чтобы она могла скрыть от меня свои прелести.

Он объясняет это тем, что умеет владеть собой и не поддается порыву чувств:

Поистине я муж — создание великодушное и доброе,
И я не поддаюсь бурным порывам своей души.

Антара был всегда выше всего подлого и низменного. Его представление о морали было очень широким, оно позволяло ему возвыситься над всем низменным и подлым; высокая мораль Антары проявлялась, например, в том, что он даже отказывался брать себе часть военной добычи:

Тот, кто знает правду, тот скажет тебе, что я
Смел на поле битвы и робок при разделе добычи.

Он готов был достойно встретить и почтить каждого:

Я даю ночлег голодному и не отпускаю его от себя до тех пор,
Пока не дам ему пищу достойную.

Антара никогда не делал зла другому, так как он был дружелюбен и кроток, а люди, обладающие такими качествами, не могут угнетать других:

Будь благосклонен ко мне, ведь ты знаешь, что
Я — человек доброго нрава, когда меня не угнетают.

Но, как видим, его кротость не является свидетельством слабости: если его угнетают, он всеми силами добивается своих прав:

Если же меня притесняют, то я отвечаю храбростью своей, и ответ мой
Горек, как еда из алькама¹.

В то же время Антара полон уважения к правам других. Он не оставит у себя женщину, взятую в плен во время набега, если знает, что ее некому выкупить; он никогда не возьмет товара без того, чтобы не заплатить за него требуемую цену.

Великодушие и щедрость. Антара был всегда великодушен, причем великодушие это было порождением его доброты. Он мог пить вино, тратить деньги на развлечения или вообще пускать их на ветер, но, если кто-либо обращался к нему с просьбой о помощи, он откликался великодушно, от всего сердца и щедро:

Если я и пью вино, то на свои деньги,
И честь моя от этого не страдает,
Когда же я трезвею, я не становлюсь менее щедрым,
Ты-то знаешь, каковы и мое великодушие и моя щедрость.

Смелость и доблесть. Благородство и честность сочетаются в Антаре со смелостью и доблестью. Смелость — его врожденное качество, рыцарская доблесть — его естественное состояние, а отвага — лекарство для его души:

Исцеляется душа моя, заживают ее раны, когда
Воины говорят: «Горе тебе, храбрейший Антара».

Всегда в седле, готовый ко всякой неожиданности, он постоянно играл со смертью и не останавливался перед риском:

И, пока я сижу в седле своего сильного и быстрого коня,
Воины уродуют его, нанося ему рану за раной.

Он бесстрашно кидается в бой,
Налетая (на врага), как сокол.

¹ Алькам — колоквинт, горькое растение. — Прим. ред.

Однако отвага его не была безрассудной; по словам Фуада Бустани, «он сдерживал свою храбрость, действовал отважно, но обдуманно, так, чтобы храбрость и отвага, сочетаясь с разумным риском, принесли наилучшие результаты». Автор «Китаб аль-агани» вспоминает, что когда кто-то сказал Антаре: «Ты самый смелый из арабов и самый сильный», — тот ответил: «Нет». «Почему же среди людей тебе такая молва?» «Я храбр тогда, когда в храбрости вижу необходимость. Отступаю тогда, когда в отступлении вижу благоразумие. Я не иду туда, откуда не вижу выхода. Я выбираю слабого и труса, наношу ему страшный удар, от которого и у храброго уходит душа в пятки, затем повторяю удар и убиваю его».

Сентиментальность поэта. Испытания войны не ожесточили сердца Антары. Он был человеком утонченным, способным на сильные чувства, так как «возвысился после того, как испытал унижения, и обрел свободу после того, как был рабом». Страдания и унижения наполняли его душу и переплетались в ней, но в то же время они очистили его чувства и смягчили его характер. Утонченность проявляется во всех поступках поэта. Он не проявляет грубости даже к врагу; он ласков со своим конем, который мчит его на поле боя:

Он (конь) стал клониться, падая на грудь, как орел, и (стало слышно)
его прерывающееся ржание,

И жалобой мне была его слеза;

Если бы он умел разговаривать, он бы

Пожаловался мне, и тогда его слова ранили бы меня.

Таха Хусейн сказал об этих чертах характера Антары следующее: «В Антаре воплотился идеал мужества и совершенства арабов; он утончен, но его утонченность не переходит в слабость; он силен, но его сила не переходит в жестокость; он любит пировать, но эта любовь не ведет к губительному пьянству; он рассудителен, но рассудительность не лишает его присущих благородному человеку качеств — щедрости и великодушия; он храбр на войне и скромен при разделе добычи; он пытается рассказать о таких чертах своего характера, которые были бы достойны благородного араба; он сам говорит о всех тех своих качествах, о которых я упоминал, но чувствуется, что ими далеко не исчерпывается число его добродетелей».

Таким Антара предстает перед нами в своих стихах. Все его достоинства говорят об огромной силе воли, о стремлении к славе. Сила воли помогла ему воздвигнуть себе памятник вечной славы, однако слава, созданная доблестью, отличается от славы, созданной его стихами, которые являются наиболее выдающимися произведениями доисламской эпохи; в них отразились вся благородная жизнь поэта и все стремления его души — ее страдания и ее надежды, ее смелость и гордость. Поэзию Антары можно разделить на лирическую и героическую.

Элементы лирики. Антара очень тяготился своим положением раба, так как был свободолюбив по натуре. Кожа его была черна, но душа светла; он вызывал к себе зависть, над ним издевались, и, несмотря на благородство происхождения, он был парией, но все это не мешало ему любить, любить чистой и нежной любовью. Страдания были уделом всей его жизни; они определяли образ его мыслей, заставляли его замыкаться в себе, развивали его воображение, воздействовали на его душу и обостряли его чувства; в то же время они придавали его стилю легкость, а словам — нежную напевность и мелодичность.

Антара был искренен в своих мыслях, воображении, чувствах. Его искренность была естественной и понятной; Антара рассказывал о сокровенных тайнах своей души без прикрас и преувеличений. В своих стихах он беседовал с Аблой, чей образ всегда жил в его воображении, а также со всяким, кто хотел его понять и высказывал ему сочувствие; он беседовал и с врагами, и с завистниками. Сочиняя стихи, он хотел облегчить душу, а также склонить на свою сторону возлюбленную, которая отвернулась от него и от которой его отделяли непреодолимые преграды. И, так же как душа Антары полна нежных мелодий, печальных вздохов, пылких страстей и благородных желаний, так же и стихи его исполнены печали, понятной человеку любой эпохи и любой страны. Стихи Антары полны бессмертного гуманизма, благодаря чему они производят огромное впечатление на слушателя и проникают в глубину сердца.

Лирические стихи. Наиболее яркий пример истинно лирических произведений Антары представляет его любовная лирика (*газаль*). Ее породило сердце, переполненное любовью к Абле, любовью сильной и благородной. Антара не желает думать ни о ком, кроме Аблы, и она знает о его постоянном и глубоком чувстве.

И, если бы ты спросил меня об Абле,

Я бы сказал, что не нужно мне другой женщины, кроме нее.

Он любит Аблу сильной и искренней любовью, которая побуждает его отдать ей сердце и руку, обязывает оберегать ее от всего дурного:

Я откликаюсь, если она призывает меня исполнить мой долг,

Я помогаю ей и отвращаю от нее все дурное.

Вместе с тем эта любовь мучительна, так как возлюбленная далека от Антары, хотя образ ее всегда живет в душе поэта; поэтому вся любовная лирика Антары отмечена печатью грусти, граничащей иногда с отчаянием, но не лишенной благородства и высокой морали. В стихах Антары почти всегда чувствуются мучительная боль и слезы, выраженные языком страсти, которая звучит в каждом слове, в каждой фразе; она подчеркивается и

особой формой построения стиха — здесь и вопросы, и вздохи, и призывы, и возгласы восхищения:

Если скажут: «Встреча завтра у кривой излучины», —
Страсть влюбленного доживет до завтра.

Порою его страсть пылает огнем:

Вздохи теснят мне грудь все время,
Когда я стою у развалины, где стерты рисунки резца.

А свою боль поэт выражает в жалобах:

Разлучили меня с возлюбленной, которую я так люблю,
И я оказался в пустыне, рабом среди людей.

Часто его боль выражают горькие слезы, в которых изливается вся страсть сердца поэта:

Я клянусь свою жестокую судьбу, которая не может дать мне совета,
Я скрываю свою страсть в сердце, и слезы мои — это мой позор.

Таковы лирические стихи Антары, повествующие о блаженстве мучительной любви; они лишены глубокого самоанализа, в них не чувствуется глубокого знания собственной души. Они скорее взор, блуждающий по развалинам покинутой стоянки в поисках Аблы или ее следов, они — слезы, проливаемые перед шатром, раскинутым для странника; стихи Антары — это сравнение любимой с молодой газелью или воплощение ее в других прекрасных образах, традиционных для бедуинской поэзии; это пленительная красота очей Аблы, которая сравнивается с цветущими розами, и, наконец, это душа, сгорающая от любви, душа, которая не может выразить свою скорбь словами и поэтому выражает ее в столах, рыданиях и вздохах.

АНТАРА — АВТОР ГЕРОИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Элементы героической поэзии. Повествуя о своих страданиях, Антара выражал в стихах боль души; в то же время он старался заставить замолчать своих завистников, обратить на себя внимание Аблы, заставить ее забыть и о цвете его кожи и о кознях его врагов. Он превозносит свою славу, завоеванную на полях сражений, доблесть, проявленную во время «Войны ад-Дахиса и аль-Габры», и другие качества, свидетельствующие о его благородстве и высоких достоинствах:

И если я когда-то был рабом, то мои

Помыслы были выше созвездия Плеяды и других созвездий (вселенной).

Славу свою я добыл своим копьем и мечом.

А не родственными связями или щедрыми подношениями.

Он постоянно призывает Аблу посмотреть, как он ведет себя в бою, и послушать его; ее образ всегда у него перед глазами,

он обращается к ней, и сама мысль о ней побуждает его на славные дела. Он зовет Аблу последовать за ним и убеждает ее в том, что он лучше своих врагов и завистников, что он истый муж и герой.

Стиль произведений Антары. Таковы цели героической поэзии Антары; что же касается их поэтического стиля, то он близок к стилю героических од (*малыхим*). Ограничивая свое повествование рамками отдельных эпизодов, лишенных подробных деталей, изображая себя центральной фигурой сражения и основным героем своего рассказа, он преследует те же цели, о которых мы говорили выше. В своих стихах, прославляющих доблесть и отвагу, он предстает как человек с героической душой; о его героизме не только рассказывается — он проявляется в самом духе произведения, порожденного поэтическим воображением автора. Благодаря этой героике, а также музыкальности и простоте поэтической речи стихи Антары производили глубокое впечатление на слушателей.

В героических бейтах, которые встречаются во всех касыдах Антары, поэт применил метод сочетания двух жанров — описания и повествования. Он описывает своего коня, всадника, на которого нападает, боевое оружие, рассказывает о сражении; описание коня, который не уступает по смелости хозяину, отличается необычайной точностью. Описание всадника, на которого нападает Антара, также используется им для прославления своей силы: его противник — богатырь, он силен и жесток, но Антара сражает его одним ударом или закаляет его копьем. Таким простым художественным приемом Антара добивается того, что его стихи производят еще более яркое впечатление на слушателей.

Богатырь боится вступить в бой с человеком, увешанным оружием,
Но он не обращается в бегство и не сдается,
А щедрой рукой наносят быстрые
И точные удары своим прямым и

твердым копьем;

Когда же я оставил его, он был похож на животное, растерзанное

львом,

Как будто я съел его, раздробив зубами и обглодав его пальцы и

запястья.

В описаниях оружия и поля битвы слова Антары звучат, как трубный глас, а когда он говорит о множестве мечей, кинжалов и копий, ударяющихся друг о друга, в его словах слышится лязг металла. Вместе с тем поэт стремится к лаконичности описания, он не углубляется в подробности и ограничивается в описании событиями только главным.

В описаниях битв, в повествованиях Антара опирается на исторические события; он позволяет своему воображению лишь

усилить значимость того или иного события войны, придав ему оттенок героики. Подобными несколькими наивными преувеличениями изобилует сборник его стихов, однако если его стихи и насыщены элементами преувеличенной героики, то большой беды в этом нет.

Воображение Антары наполнило его описания образными сравнениями; этот прием обычен для поэтов доисламской эпохи, обладавших чуть ли не врожденной склонностью к образному описанию. Кроме того, описания и повествования Антары насыщены метафорами; поэт часто пользуется и олицетворениями, этим отличается, например, описание оружия.

Язык произведений Антары. Язык героических поэм Антары отличается исключительной динамичностью и стремительностью; слова теснят друг друга, в них слышны звон копий и колызг, ржание сталкивающихся коней — вся музыка сражения, в которой громче всех остальных звучит тема смелости и отваги:

И лошади и всадники знают, что я
Рассеку их всех ударом меча.

Отражение душевных переживаний поэта в его стихах. В героических стихах Антары слышится голос оскорбленного чувства, а порой и жалобы, в них ощущается также неудовлетворенность поэта. Однако все это смягчается известной долей лирических излияний Антары. Таким образом, его героические стихи — это не только повесть о войне и подвигах, это также и повесть сердца:

Я думал о тебе, когда неприятельские копыта проливали мою кровь
И она струилась по индийской стали.
Я люблю, когда мечи скрещиваются друг с другом,
Потому что они сверкают при этом, словно молния твоей улыбки.

Следует добавить, что героические стихи Антары содержат разнообразные исторические сведения о войнах его времени, о видах оружия, о нравах арабов и их обычаях.

Таков Антара ибн Шаддад — человек благородной души и большого сердца; таковы его страдания и надежды, его храбрость и отвага. В его стихах нашли отражение все характерные черты и стиль доисламской поэзии — ее утонченность, изящество; о богатстве фантазии поэта говорит образность выражений, искусство персонификации и пр. Когда Антара говорит о своих чувствах, слова его нежны, когда же он говорит о силе, они почти устрашающи, но и в том, и в другом случае они всегда отражают состояние души поэта, души, полной жизни, любви и огня.

Аль-Ааша (530—629)

ЖИЗНЬ ПОЭТА

Абу Басыр Меймун ибн Кайс из племени Бакр, известный под именем аль-Ааша, родился около 530 года в деревушке Манфуха в Йемене. Он воспитывался у своего дяди аль-Мусайиба ибн Аласа, который научил его искусству декламации. В юности аль-Ааша был нескромным, распущенным человеком; он пристрастился к вину и тратил много денег в азартных играх. В конце концов он разорился и отправился бродить по свету в поисках денег. Говорят, что сначала он отправился из Йемена в Йемен, затем жил в пустыне, а потом посетил Хиджаз, Хиру, Оман, Палестину, Ирак и Персию, причем не было в этих местах правителя, у которого он не вымогал бы подарков.

Аль-Ааша пользовался огромным влиянием среди своих современников, о нем говорили: «Если он хвалил кого-нибудь в ту эпоху, то этот человек возвышался, если же он высмеивал кого-нибудь, то этого человека презирали». Всякий, кто хотел, чтобы аль-Ааша упомянул о нем в своих стихах, надеясь таким образом прославиться, старался склонить его на свою сторону. Рассказывают, что у некоего человека, по имени аль-Мухаллак аль-Киляби были дочери, оставшиеся старыми девами. Он решил обратиться за помощью к поэту и зарезал для него верблюдицу. Тогда аль-Ааша направился на базар Укяз и стал читать касыду, прославляющую аль-Мухаллака. Как только люди услышали эту касыду, они поспешили к аль-Мухаллаку и стали наперебой просить его отдать им в жены своих дочерей. Через некоторое время все дочери аль-Мухаллака вышли замуж, и он стал богатым человеком.

Умер аль-Ааша в 629 году.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

Аль-Ааше принадлежит большой сборник стихов, содержащий образцы почти всех жанров доисламской поэзии; больше всего в нем произведений, написанных в жанрах панегирическом (*мадх*), лирическом (*газаль*) и описательном (*васф*), кроме того, там есть стихи, посвященные прославлению вина и пирушек (*хамрийят*). Наиболее известными являются две его касыды с рифмой на «лям» (*лямийя*).

Первая из них — муаллака, начинающаяся следующим бейтом:

Настала минута проститься с Хурейрой, ибо всадник уезжает,
Но ты, о мужчина! Разве хватит у тебя сил сказать «прощай»?

Во второй касыде, также рифмующейся на «лям», представлены все три жанра — лирический, описательный и панегирический. Она начинается следующим бейтом:

Не слышно рыданий над следами покинутой стоянки,
И я не задаю вопроса — кто мне ответит на него?

Муаллака. Муаллака состоит из 65 бейтов, написанных размером *басыт* («простой»); впервые она была издана в 1862 году, впоследствии была переведена на немецкий, французский и персидский языки.

Содержание и основные разделы: 1) Описание забав; здесь поэт рассказывает о Хурейре, о существовавших между ними отношениях, описывает веселые пирушки и попойки (1—32 бейты) 2) Описание путешествий поэта и приключений, случившихся с ним в пути; здесь поэт описывает пустыню, различные явления природы (33—44 бейты). 3) Угрозы Язиду ибн Масхару аш-Шейбани, который приходился поэту двоюродным братом; в этой части, кроме угроз, много самовосхваления (45—65 бейты).

Аль-Ааша — поэт, сочинявший панегирики из корыстных побуждений. В своем корыстолюбии аль-Ааша не уступал ан-Набиге. Он не делал различия между правителем и простолюдином и прославлял каждого, кто осыпал его своими щедротами. Он чуть ли не выпрашивал себе подарки, почему про него и говорили, что «среди тех, кто брал вознаграждения за свои стихи, он был первым».

Стиль его панегириков, как правило, традиционный. Панегирик начинается лирическим вступлением, за которым следует описание пирушек и различных увеселений; затем поэт рассказывает о своем путешествии, описывает верблюдицу и лишь после этого переходит к восхвалению того, кого он собирался прославить. Собственно содержание панегирика сводится к восхвалению качеств, наиболее почитаемых бедуинами: доблести, знатного происхождения, благородства, готовности оказать помощь в беде, силы воли, разума и пр.

Аль-Ааша — поэт, описывавший любовь, природу и веселые пирушки.

Многие из стихов аль-Ааши содержат описания, которые также используются в целях восхваления. Поэт редко прибегал к аллегорическим сравнениям и не пользовался метафорическими образами, которые могли бы пояснить его мысль, он шел по стопам тех поэтов доисламской эпохи, которые описывали следы покинутых стоянок, и, так же как они, уделял основное внимание тщательному описанию мельчайших подробностей, вплоть до деталей каждого движения. Его описания полны жизни, ибо они повествуют о реальных событиях, в которых поэт принимал участие один или вместе со своими друзьями. Многочисленные олицетворения придают описаниям необычайную жизненность; так, например, о верблюдице поэт говорит как об измученном, усталом и истощенном человеке, поэту жалко этого человека, он утешает и ободряет его.

Обращает на себя внимание тот факт, что аль-Ааша в большинстве своих касыд включает бейты, воспевающие вино; эти стихи используются не для прославления кого-либо, как это обычно делали все доисламские поэты, а ради прославления самого вина. Он говорит о своих товарищах по пирушкам, о виночерпии, о певцах, рисует образы опьяневших людей, передает свои беседы с виночерпием, с продавцом вина. Эти стихи являются поистине достойными предшественниками хамрийятов аль-Ахтала и Абу Нуваса.

Мы сказали ему: «Дай нам это (вино)

За одну белую верблюдицу».

А он ответил: «Даже если вы предложите мне девять,
Они не будут стоить этого вина».

Потом он встал и налил нам вина,

Которое успокоило нас...

В описаниях аль-Ааши поражают искренность чувства, нежность и эмоциональность, благодаря чему его стихи оставляют глубокий след в душе слушателя. В них ощущается влияние многочисленных путешествий поэта, они полны различных сведений и подробностей о многих странах, о многих исторических событиях.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТАЛАНТ АЛЬ-ААШИ И ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО

Аль-Ааша обладал большим поэтическим талантом, который дополняло знание арабской культуры; кроме того, знакомство с жизнью персов и путешествия обогатили интеллект поэта и развили его воображение. Он был или старался быть искренним в выражении своих чувств, описывал только то, что его глубоко волновало. Если следы покинутой стоянки не вызвали в нем соответствующего настроения, он не создавал его себе искусственно и не говорил о каких-либо чувствах, кроме тех, которые испытывал. Если он, например, описывал верблюдицу, он выражал лишь то, что его глубоко волновало, что определяло его любовь к верблюдице.

Когда же аль-Ааша состарился и отказался от любовных утех, его стихи стали более уравновешенными, в них появилась спокойная мудрость.

Основная черта художественного мастерства аль-Ааши — музыкальность стиха, которую создают само построение касыды, стихотворный размер и рифма. Современников настолько восхищала музыкальность произведений аль-Ааши, что они называли его «Саннаджату-ль-Араб» (т. е. «Великий певец арабов»). Музыкальность придавала его касыдам гармоничность, простоту и ясность независимо от того, были ли они длинными или короткими, независимо от того, чему они

посвящались, причем простота его стихов далека от примитивности; она является непосредственным отражением окончательно сформировавшегося поэтического стиля аль-Ааши. Слова в стихах аль-Ааши, как правило, тщательно отобраны и звучат очень мягко; он употребляет много слов, заимствованных из других языков, особенно из персидского. Благодаря всем этим качествам поэзия аль-Ааши производила глубокое впечатление и потому пользовалась большой популярностью.

✓ Лябид Раба (560—661)

жизнь поэта

Абу Акыль Лябид ибн Раба из мударитского племени Амири принадлежал к наиболее знатному роду своего племени и был одним из его фарисов¹. Лябид Раба был отважным, решительным и благородным человеком, помогал слабым, был гостеприимен; кроме того, он умел сочинять стихи. Около 629 года Лябид принял ислам, после чего переехал к Куфу, где прожил до конца своих дней. Умер он около 661 года в возрасте более ста лет.

творчество поэта

Лябиду принадлежит сборник стихов, впервые опубликованный в Вене в 1880 году. Впоследствии он был переведен на немецкий язык и издан в 1891 году в Лейдене.

Наибольшей известностью из произведений, содержащихся в этом сборнике, пользуется муаллака, состоящая из 88 бейтов, написанных в размере *кямиль* («совершенный, полный»). В этой муаллаке содержится описание следов покинутой стоянки, верблюдицы, описание забав и любовных походов поэта, а также его достоинств и, наконец, восхваление и прославление поэта и его племени. Муаллака начинается следующими словами:

Исчезли следы ее стоянки, ее ночлега и отдыха
В Мине...

художественное мастерство поэта

Поэтический талант Лябида— это природный дар; на него не оказала влияния культура оседлых арабов, поэтому основными чертами художественного мастерства Лябида являются искренность, простота, уравновешенность.

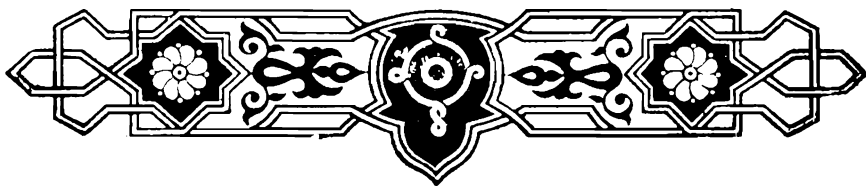
¹ Фарис — всадник, рыцарь, герой.— *Прим. ред.*

Искренность поэта проявляется во всех его стихах; произведения **Лябида** исполнены силой, которую поэт черпает в своей искренности, в глубокой вере в красоту и благородство своих поступков и в высокие идеалы, которым он следовал в своей жизни. Так как в своих произведениях поэт говорит всегда о себе, они дают нам подлинный образ поэта. В дни мира это веселый повеса, в дни войны — сильный и отважный воин, в преклонном возрасте — это уже человек мудрый, благочестивый и уравновешенный.

В описаниях поэт останавливается на мельчайших подробностях, тщательно подбирая нужные слова и не давая воли своему воображению. Славу ему принесли описания покинутой стоянки и быстрого верблюда, которую он сравнивает с легким облачком, гонимым ветром, то с дикой ослицей, стремительно бегущей от преследующего ее самца, то, наконец, с газелью, которую спугнули охотник и его собаки: она летит стрелой, а затем мужественно отбивается от собак, защищаясь до последнего вздоха.

Когда поэт оплакивает кого-либо, он подбирает слова особенно тщательно; его чувство горя искренне, а утешения мудры, и поэтому его элегии (*писа*) производили глубокое и сильное впечатление.

Впечатление простоты и строгости создают энергичный стиль произведений и спаянность бейтов. В заключение мы можем сказать, что **Лябид** — это поэт, создавший прекрасную и правдивую картину суровой жизни бедуина во всей ее первозданной простоте.

ДРУГИЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ В ПЕРИОД РАСЦВЕТА ДОИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Введение

Помимо поэтов, о которых мы уже упоминали, в доисламскую эпоху прославились многие другие поэты, в большинстве своем выходцы из племен Рабиа, Кайс и Тамим.

К их числу надо отнести следующих поэтов: Тааббата Шаррана (530) из племени Кайс, принадлежащего к числу знаменитых арабских поэтов-разбойников («Саалик аль-араб»); его современника Алькаму аль-Фахля из племени Тамим, сборник стихов которого был издан в Лейпциге в 1867 году, а затем в Бейруте; аль-Мураккиша аль-Акбара (552), аль-Асгара (560) и ас-Самуаля ибн Адия (560). Последний происходил из хиджазского племени Аус, ему принадлежит сборник стихов, опубликованный в 1909 году в Бейруте; наибольшей известностью пользуется его касыда, начинающаяся следующим бейтом:

Если честь человека не запятнана позором,
Любая одежда сделает его красивым.

Аль-Муталяммис (580), уроженец Бахрейна, приходился дядей Тафаре ибн аль-Абду; большинство его стихов — это восхваления себя и своего племени (*фахр*) или сатира (*хиджа*).

Аль-Мусаккаб аль-Абди (587) происходил из племени Рабиа; он жил при дворе Амра ибн Хинда, которому и посвящал свои панегирики (*мадх*). Урва ибн аль-Вард (596) из племени Абс также был одним из знаменитых арабских поэтов-разбойников; сборник его стихов впервые был издан вместе с немецким переводом в 1864 году в Геттингене, а впоследствии в Бейруте.

Следует также упомянуть о придворном поэте правителей Хиры Адийе ибн Зейде (604) и о кайсите Умее ибн аби ас-Салте из Таифа (624). Последний был очень религиозным и благоче-

сивым человеком, признавал единобожие, одевался он всегда в одежды из грубой ткани.

Недждийский поэт Хатим ат-Тайй настолько прославился своим великодушием, что фраза «более великодушный, чем Хатим ат-Тайй» вошла в поговорку. Это был отважный воин и талантливый поэт. Большинство его стихов посвящено прославлению высоких человеческих достоинств. Сборник стихов Хатима ат-Тайй впервые был опубликован в Лондоне в 1872 году, а затем в Бейруте.

Однако наиболее знаменитыми среди этих поэтов были поэтесса аль-Ханса и поэт аль-Хутайа.

Поэтесса аль-Ханса — автор элегий (575 — 664 [44])

ЖИЗНЬ ПОЭТЕССЫ

Происхождение аль-Хансы и ее замужество. Поэтесса Умм Амр Тумадыр бинт Амр ибн аш-Шарид, по прозвищу аль-Ханса, происходит из племени Сулейм и принадлежит к мударитской поэтической школе. Она родилась около 575 года; молодость ее прошла в богатой и влиятельной семье. Аль-Ханса дважды была замужем. Первым ее мужем был Абд аль-Узза, от которого она родила сына Омара, по прозвищу Абу Шаджара. Второй раз она вышла замуж за Мурдаса ас-Сульма, от этого брака у нее было много детей, которые прославились как искусные наездники и как поэты.

Убийство братьев поэтессы. Братья аль-Хансы — Муавия и Сахр — были вождями племени Сулейм. Когда они были убиты, поэтесса тяжело переживала их гибель; горе ее не знало предела — она оплакивала своих братьев так долго, что в конце концов ослепла. Особенно горячо оплакивала она Сахра, который был наделен всеми достоинствами, присущими арабубедуину: храбростью, благородством, преданностью. Она ценила его за доброту, щедрость, за умение искренне любить.

Принятие ислама поэтессой; ее смерть. Аль-Ханса прожила долгую жизнь; она дожила до появления ислама и приняла его вместе со своими детьми. А когда между мусульманами и персами вспыхнуло пламя войны, то в битве у Кадессии (638) аль-Ханса сама призвала своих детей броситься в бой с врагами. Узнав о гибели сыновей, она воскликнула: «Благодарение Аллаху за то, что на их долю выпала честь быть убитыми на поле боя; теперь я молю Аллаха, чтобы он соединил меня с ними в обители милосердия». Аль-Ханса умерла около 664 года в возрасте 89 лет.

Аль-Хансе принадлежит сборник стихов, состоящий целиком из элегий (*риса*), посвященных памяти ее братьев, в основном памяти Сахра. Этот сборник был издан в Бейруте в 1888 году, а в 1889 году он был издан в переводе на французский язык. Изучением этого дивана занимался Л. Шейхо, который, уже после того, как сборник был издан полностью, предпринял в 1890 году второе, сокращенное его издание в виде учебного пособия под заглавием «Беседа с друзьями для пояснения сборника стихов аль-Хансы».

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТАЛАНТ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО

Аль-Ханса — женщина с разбитой душой; несчастье, поразившее ее, было велико — она любила брата всем сердцем, он был ей надежной опорой, и она высоко ценила его благородные качества. Поэтому горе поразило ее в самое сердце и заполнило все ее существо. Смерть братьев, особенно Сахра, исторгла из ее очей потоки слез, а из сердца — стихи, исполненные нежных чувств и страданий любви.

Чувства в стихах аль-Хансы. В основе произведений аль-Хансы лежит ее горе и чувство боли, которое находит выражение в изобразительных средствах, лексике ее стихов. В этих стихах, порожденных чувством, звучит бурный, пламенный протест; горе поэтессы выливается в бесконечных слезах, столах, рыданиях, которые становятся с каждым воспоминанием все сильнее. Поистине воспоминания заполняют весь мир аль-Хансы, ибо об убитом Сахре ей напоминает все: когда солнце всходит, оно напоминает ей о ратных подвигах Сахра, когда заходит, она вспоминает о его гостеприимстве и щедрости:

Восход солнца напоминает мне о Сахре,
И при каждом заходе солнца я тоже вспоминаю о нем.

Горестные чувства заполняют ее настолько, что она готова была бы лишиться себя жизни и погубить свою душу, если бы рядом не было множества других людей, плачущих и скорбящих о своих братьях:

Если бы вокруг меня не было столько людей,
Оплакивающих братьев, я бы убила себя.

Вместе с тем в ней растет гнев против врагов; женственность сочетается в поэтессе с мужеством и силой, которые особенно ярко проявляются в тех произведениях, где поэтесса говорит о воинственном характере своего брата и о том, каким он был на поле боя. Аль-Ханса — истинная дочь бедуинов, и она хорошо знает, что такое поле брани, что такое подлинная отвага мужчины.

Чувства аль-Хансы идут из глубины ее сердца, и поэтому ее стихи производят исключительно сильное впечатление.

Нет! Клянусь Аллахом, я не забуду тебя
До тех пор, пока душа моя не покинет тела и мне не выроют могилу;
Я распрощалась в день расставания с Сахром
С самой собой и со своей радостью.
О, горе мне и горе моей матери!
Разве он не в могиле и утром и вечером?

Мысли поэтессы. В стихах аль-Хансы мысли определяются чувствами, идущими от ее сердца. Поэтический талант аль-Хансы направлен в основном на создание элегий (*писа*); если она и призывает в них свой народ к мести, то такое отклонение не нарушает жанрового единства произведения. Следует отметить, что под влиянием чувств мысли аль-Хансы следуют друг за другом в совершенно беспорядочном потоке, как бы отражая состояние измученной души; в них ощущается боль ее сердца, разрывающегося от печали и гнева, от восхищения благородными чертами характера Сахра, от скорби по поводу утраты такого человека.

Естественно, что чувства ограничивают глубину мысли, ибо в стихах, порожденных чувством, не может быть философского осмысления или анализа явлений. Это лишь крик души и трепетные вздохи, поэтому мысли поэтессы часто повторяются и их печальная нежность звучит несколько однообразно и монотонно, вселяя в сердца слушателей глубокую печаль.

Сила воображения и музыкальность. В произведениях аль-Хансы чувства до некоторой степени ограничивают фантазию; чрезмерные преувеличения, которыми отличаются ее образы,—это, скорее, плод ума, а не воображения.

Преувеличения характерны для стихов аль-Хансы; иногда они переходят всякие границы, так как поэтесса руководствуется во всем чувством глубокой скорби и искренней любви к брату, которые и вдохновляют ее. Аль-Ханса слепа ко всем недостаткам брата и считает, что с ним никто не может сравниться. Эти преувеличения проявляются также в языке стихов: аль-Ханса часто прибегает к гиперболам, метонимиям и метафорам. В ее стихах, порожденных страстными чувствами, смелые эпитеты звучат музыкой любви и восхищения:

Слава — одеяние (Сахра), и если его призывают, то он не
отговаривается.

Преданность неотъемлема от него, а храбрость его вселяет ужас.

Он — оратор на совете и избавитель от гнета.

Если же его захватывает какое-либо важное дело,

Он всегда ведет его по правильному пути.

Изыщество стиля. Стиль произведений аль-Хансы не лишен пафоса. Ее стихи наполнены риторическими обращениями то к своим глазам, исторгающим горячие слезы, то к покойному брату, образ которого вечно стоит перед ней; она беседует с ним, перечисляя его достоинства, наделяя его при этом всеми качествами, способными украсить бедуина, — храбростью, благородством, целомудрием, рассудительностью, готовностью прийти на помощь.

Стихи аль-Хансы характеризуются также изыщством и нежностью, так как они порождены искренними чувствами, которым чужды надуманность и искусственность.

Итак, поэзия аль-Хансы — это поэзия чувств; ее стихи вызывают воспоминания и слезы скорби, призывают к мести.

Аль-Хутайа — автор сатиры и панегириков (? — 679 [59])

жизнь поэта

Происхождение поэта. Джарваль ибн Аус, по прозвищу аль-Хутайа, происходит из мударитского племени Абс. Известно имя его матери — ад-Дарра, но в остальном родственные связи неясны. Он пожелал присоединиться к своим братьям по отцу, но это ему не удалось, и тогда он стал высмеивать их в своих стихах. Впоследствии он присоединился к роду жены своего отца, которая принадлежала к племени Зухаль, но, не найдя и здесь счастья, он ушел, а затем высмеял и этот род в своих сатирических стихах.

Изгнание поэта. С той поры жизнь поэта превратилась в бесконечное странствование от племени к племени и от рода к роду. Постепенно он почти утратил чувства гордости и собственного достоинства: потеряв всякий стыд, он превратил творчество лишь в средство наживы и стал прославлять тех, кто преподносил ему дары, и высмеивать тех, кто его отвергал.

Суровая жизнь, крушение всех надежд лишили поэта любви к людям и желания помогать им. В стихах аль-Хутайи все чаще и все сильнее стала звучать насмешка; в результате он вызвал к себе всеобщую неприязнь и его вскоре все стали сторониться. Это неудивительно, ибо аль-Хутайа становился все более алчным и всегда стремился отомстить людям за причиненное ему зло. Из всех достоинств он не утратил лишь поэтического таланта, который с каждым днем становился все злее, все язвительнее. Поэт заставлял страдать и близких ему людей, так как он высмеивал даже тех, к кому благоволил, а порой и самого себя.

Женитьба поэта. Аль-Хутайа был женат на Умм Муляйке. Известно, что по отношению к жене и детям он проявлял чувства, которых трудно было бы от него ожидать. Это указывает на то, что озлобленность не была основной чертой его

характера, ее породили лишь многочисленные неудачи, которые постигли поэта на его трудном жизненном пути.

Принятие поэтом ислама. Аль-Хутайа принял ислам в последние годы жизни Мухаммеда, однако не стал убежденным мусульманином и не укрепился в своей вере в Аллаха. Он так и остался человеком, далеким от религии, а временами даже отрекался от нее.

Аль-Хутайа издевался даже над теми, кто кормил и поил его, он никогда не мог удержаться, чтобы не уколоть кого-нибудь в своих стихах; за все это его иногда вознаграждали, но чаще наказывали и даже сажали в тюрьму. Рассказывают, что один богатый человек — аз-Забракан — встретил аль-Хутайу, когда тот вместе со своими домочадцами искал себе пропитание; аз-Забракан пообещал дать им пищу, если поэт посвятит ему искренний панегирик, и с тем послал их в свой дом. Жена его приняла гостей очень радушно, однако, поверив сплетням, вскоре выгнала их всех из дома. Тогда аль-Хутайа отправился к племени Анф ан-Нака (что значит «нос верблюдицы»), которое враждебно относилось к аз-Забракану, хотя он и принадлежал к нему, и сочинил стихи, где прославил племя Анф ан-Нака и высмеял аз-Забракана. Вот строки из этих стихов:

Это племя — нос, а хвосты — это другие.

Кто же станет сравнивать нос верблюдицы с хвостом?

Этим бейтом поэт не только снял позор с прозвища племени Анф ан-Нака, но и сделал его предметом всеобщей гордости.

Смерть поэта. Аль-Хутайа умер около 679 года. Легенда рассказывает, что, когда наступил его смертный час, он потребовал, чтобы его положили на ослицу и не снимали с нее до самой смерти: ведь благородный человек не должен умереть в постели. Его положили на ослицу и заставили ее ходить взад и вперед, а он тем временем говорил:

Нет человека более низкого, чем аль-Хутайа,

Который высмеивал сыновей своих и жену,

Поэтому он и умер на ослице.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

Аль-Хутайе принадлежит сборник стихов; впервые он был опубликован в 1890 году в Константинополе, затем в 1893 году в Лейпциге и, наконец, в 1905 году в Египте. В сборнике представлены следующие жанры: панегирики (*мадх*), сатира (*хиджа*), восхваление себя и своего племени (*фахр*) и описание женщины (*насиб*).

Аль-Хутайа — автор панегириков и сатиры. Поэтический талант был единственным ценным качеством аль-

Хутайи, и в то же время единственным для него источником средств существования. Он старался использовать этот талант с наибольшей для себя выгодой, путешествуя по стране, присоединяясь к людям, которые могли оказаться для него полезными. Тем, кто осыпал его подарками, он посвящал свои панегирики, на тех же, у кого терпел неудачу, нападал во всеоружии своей сатиры. Он открыто заявил о своем стремлении к наживе халифу Ибн аль-Хаттабу, который заключил поэта под стражу за злую сатиру, в следующих стихах:

Что ты скажешь цыплятам долины Зи Марак?¹

Животы их покрыты еще нежным пухом, у них нет ни воды, ни пищи;

Ты бросил их кормильца в глубокий, темный колодец.

Прости, на тебе благословение Аллаха, о Омар!

Панегирики (*мадх*). Аль-Хутайа мастерски сочинял панегирики, стараясь при этом извлечь наибольшую для себя пользу и выжать из человека, которого он прославлял, все, что только было возможно. В этих произведениях он всячески возвышал прославляемого, стараясь снискать к себе расположение, и, так как делал это довольно тонко, достигал желаемого результата. Иногда поэт сочинял панегирик под влиянием сильного чувства благодарности, которое бывало вызвано, например, достойным приемом. Так, прославляя род Шаммас, поэт говорил:

Народ его трудолюбив — они хорошие строители,

Если они обещают, то обещание выполняют, если заключают (договор),
то соблюдают его точно.

Они всегда одаряют людей всем, что у них есть,

И если вознаграждают кого-либо, то не испортят (впечатление от
этого) дурным поступком.

Сатира (*хиджа*). Природа наделила аль Хутайу язвительным характером, и он любил, как рассказывают, всегда поступать наперекор другим.

Так, например, он отрицал то, что другие хвалили, не потому, что это ему не нравилось, а именно потому, что кто-то это хвалил, и по той же причине восхвалял то, что все отрицали. Этим и объясняется его крайнее непостоянство в мнениях; он мог отказаться от ранее сказанных слов и начать вдруг хвалить то, что совсем недавно порицал. При этом он руководствовался минутным вдохновением и настроением момента.

Высмеивать людей его заставляла также постоянная нужда в деньгах; многие, опасаясь злого языка поэта, откупались от него деньгами. В этой связи рассказывают, что халиф Омар ибн аль-Хаттаб дал ему три тысячи дирхемов лишь затем, чтобы поэт не оскорблял честь мусульман, сказав при этом: «Смотри

¹ Долина в Хиджазе.

же, не высмеивай больше людей». На что поэт ответил: «Хорошо, но тогда моим близким придется умереть с голоду, ибо это единственная для меня возможность обеспечить им средства к существованию».

Сатирические стихи аль-Хутайи можно подразделить по двум их направлениям: к первому относятся стихи, сочиненные с целью заработать деньги или кому-либо отомстить, такова, например, сатира, посвященная аз-Забракану; ко второму — стихи, в которых поэт, дав выход своей злобе, высмеивает себя, своих близких и гостей.

Что же касается стиля сатиры, то аль-Хутайа не прибегает здесь к грубым или неприличным выражениям; наоборот, язык его довольно сдержан, чего вряд ли можно было бы от него ожидать. Основное его оружие — издевка; он высмеивал людей в общественных местах, порицая их скудость и тупость, обвинял их в лени, в нежелании воспитывать в себе высокие моральные качества, говорил, что враги их — люди более достойные. В своих сатирических стихах он жалеет, увещевает, поучает, и, хотя в его издевке нет грубости, она исключительно метка и остро жалит, попадая прямо в цель. Источник сатирических произведений аль-Хутайи — умение видеть человеческие пороки, которые он клеймит глубоко ранящими стихами: Высмеивая аз-Забракана, он говорит:

Мне показалось, что у вас отсутствует душа
И для моих ран у вас не найдется лекарства,
Но, отчаявшись, я все же решился принять ваши дары —
Ведь ничто, кроме отчаяния, не может заставить свободного
человека сделать это.

В других бейтах аль-Хутайа высмеивает мужа своей матери:

Изуродовал тебя Аллах, изуродовал по-настоящему, так же как и отца,
Он изуродовал тебя и как дядю,
Ты благородный старец по сравнению с пороком,
Но ты жалкий старец по сравнению с достоинствами,
В тебе сосредоточено все зло, и нет в тебе жизни, о господи!
Все в тебе — только глупость и заблуждения.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО АЛЬ-ХУТАЙИ

Аль-Хутайа принадлежит к Аусийской поэтической школе, поэтому его мастерство отмечено характерными для этой школы чертами.

Рассудительность и уравновешенность. Аль-Хутайа исключительно тщательно обрабатывал свои произведения, часто исправлял их и не оглашал до тех пор, пока они не представляли перед ним в окончательном виде — правильно построенные и отшлифованные. Хотя аль-Хутайа подчинил свой поэтический дар меркантильным целям, он не забывал, что ма-

стерство поэта — это искусство; он относился к своим стихам, как истинный художник, глубоко вдумывался в каждое слово, следуя в этом Зухейру ибн аби Сульма, стилем которого он всегда восхищался. Поэтому, хотя мысли поэта подчас не хватало воображения и фантазии, она отличалась новизной, которую создавали искусный подбор слов и отточенность формы.

Жизненность и образность описаний. Описания, созданные поэтом, исключительно образны и жизненны. Поэзии аль-Хутайи свойственна реалистичность, которой он достигает, воплощая свою мысль в осязаемых и материальных образах.

ПРОЗА ДОИСЛАМСКОЙ ЭПОХИ

ИЗВЕСТНЫЕ НАМ ПРОЗАИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Количество дошедших до нас прозаических произведений (*наср*) настолько невелико, особенно по сравнению с количеством стихотворных, что их можно пересчитать по пальцам. Нет оснований видеть причину этого в том, что арабы не признавали искусства прозы: у арабов было развито ораторское искусство, широко распространялись пословицы и афоризмы, они очень любили слушать рассказы исторического и мифического содержания. Скорее причина кроется в том, что проза арабов была устным творчеством, хотя это в свою очередь нельзя объяснить незнанием письменности: алфавит и письменность были широко распространены на Аравийском полуострове, особенно в той его части, где жили оседлые арабы. Однако владели они письменностью не настолько хорошо, чтобы записывать целые сборники рассказов или посланий, — проза находила обычно применение при оформлении торговых сделок или в области политических отношений¹. По словам аль-Джахиза, арабы называли письменные политические соглашения словом *махарик*, что значит «папирус, пергамент». Документы эти были написаны примитивным языком и не имели ничего общего с искусством прозы. Те же немногие произведения доисламской прозы, которые дошли до нас, не представляют большой исторической и истинно художественной ценности. Кроме того, рассказчики при передаче этих произведений искажали их, как только могли, и, поскольку искажениям подвергались не только содержание, но и форма этих произведений, они в значительной мере утратили свою подлинность.

¹ Это была так называемая «деловая проза». — *Прим. ред.*

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ДОИСЛАМСКОЙ ПРОЗЫ

Доисламская проза — порождение повседневной жизни, и потому ей чужды искусственность, художественное приукрашивание или преувеличение. В то же время она не лишена элементов художественного мастерства, на что указывают попытки писать рифмованной прозой или белыми стихами (*саджем*), а также стремление к определенному ритмическому подбору слов и предложений.

Доисламская проза — памятник живого языка того времени, она создавалась на основе диалектов различных слоев населения и отражала нравы и быт бедуинов. Поэтому отличительными чертами ее были: выразительность лексики, строгость формы, ясность мысли, лаконичность и, наконец, музыкальность как отдельных предложений, так и всего повествования, а с другой стороны, отсутствие какой-либо логической связи между отдельными, следующими друг за другом отрывками.

ПРОЗАИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ

Арабы использовали прозу в самых различных целях: чтение и сочинение служили развлечением, а также средством поучения, она находила применение в общественной жизни и политической деятельности. Поэтому все прозаические произведения подразделялись на несколько жанров, основными из которых были афористические (*масаль*), ораторский (*хитаба*) и повествовательный (*кисас*).

Афористический жанр. Афоризм — это изречение, которым пользуются в случаях, аналогичных тому, когда оно было сказано впервые, например: «Мать труса никогда не радуется и никогда не печалится». В большинстве своем афоризмы и пословицы понятны, однако среди них встречаются и такие, в которых есть архаизмы, и тогда смысл их трудно понять без комментариев. К их числу относится, например, такая арабская поговорка, как «глаз, который тебя не охватит», что означает «мигом», или «одним махом». Сюда можно отнести также и изречения, смысл которых воспринимается лишь на слух и не может быть понят из значения слов.

Среди арабов многие сочиняли пословицы, но более других в этом прославились Лукман Ад и Аксам ибн Сейфий. До нас дошла лишь небольшая часть их пословиц, которые сохранились благодаря своей популярности и широкой распространенности. Впоследствии, особенно в аббасидский период, некоторые ученые занялись собиранием пословиц: к числу таких собирателей следует отнести аль-Муваддала ад-Дабн (786) [170]; Абу Хиляля аль-Аскари (1004) [395], который собрал пословицы в книгу под названием «Собрание пословиц» («Джамхарат аль-амсаль»); аль-Майдани (1124) [518], составившего «Сборник пословиц» («Маджма аль-амсаль»).

Доисламские авторы достигли совершенства в этом виде литературы; пословицы значительно больше свидетельствуют о нравах и психологии представителей той эпохи, чем стихи или произведения повествовательного жанра. Объяснить это можно тем, что язык пословиц — это язык широких народных масс и что в пословицах нашли отражение как жизнь народа, так и его мировоззрение.

Поскольку пословицы создавались на языке широких масс, большинство их подчас нелитературны; примером может служить следующая поговорка: «Яшерика прежде всего сообщает все своему хвосту».

Ораторское искусство (*хитаба*). Речи в доисламскую эпоху сочинялись по различным поводам. Арабские племена представляли собой кочевые объединения, не знавшие писаных законов или же единой государственной системы. Ораторское искусство, искони существовавшее у арабов, находило применение в тех случаях, когда надо было защитить себя или свое племя в словесных состязаниях и спорах о превосходстве, когда надо было отстоять свою честь и достоинство, примирить отдельных людей или племена, призвать к переговорам и заключению мира, вдохновить людей на битву или месть, а также при обмене послами между вождями, предводителями племен и отдельными правителями и их приближенными. Особенно часто бедуины обращались к этому виду прозы в период ярмарок, во время больших торжеств и на многочисленных базарах. Поэтому у арабов было много ораторов и они пользовались всеобщим признанием и почетом. Однако до нас дошло очень мало образцов их речей; чаще всего они встречаются на страницах исторических книг. Большинство речей, переданных устно, нельзя считать подлинными с исторической точки зрения, так как их авторов отделяет от тех, кто их записал, слишком большой отрезок времени.

Наиболее знаменитыми ораторами доисламской эпохи были Кусс ибн Саида аль-Аяди, Амр ибн Маади Кярб аз-Зубайди, Амр ибн Кульсум ат-Таглиби. Из племен больше всего славилось своими ораторами племя Тамим, к нему принадлежали такие выдающиеся ораторы, как Аксам ибн Сайфи и Амр ибн аль-Ахтам аль-Мункари.

У доисламских арабов существовали собственные, особые законы построения речей, один из которых заключался в том, что оратор, выступая на праздниках и собраниях, должен был обращать речь к своей верблюдице. Обычно оратор подымался на возвышение и во время своей речи размахивал копьём, жезлом, палкой или прутом. В ораторе особенно ценили громкий, звучный голос, энергичные жесты, а также убедительность аргументации и присутствие духа. И, наоборот, оратор считался плохим, если он не мог читать, не переводя дыхания, если у него дрожал голос или если он страдал каким-либо дефектом речи.

Речи доисламских ораторов отличались лаконичностью, обилием пословиц и афоризмов, в них часто использовался белый стих с короткой рифмой. Доисламские ораторы часто включали в свои речи образные выражения, всячески стремились украсить и улучшить их; благодаря всему этому речи их производили глубокое впечатление на слушателей.

Сюда относятся также завещательные речи, которые произносили в необходимый момент; обычно они содержали наставления, рассуждения о добре и зле. К такому типу речей относятся, например, последние распоряжения умирающего отца своим детям или наставления, с которыми глава племени обращается к соплеменникам в трудную минуту.

К образцам ораторского искусства относится также рифмованная проза оракулов-предсказателей — они утверждали, что наделены даром видеть то, что скрыто от взоров простых смертных, и что им дано откровение джиннов, которых они видят и слышат и по действиям которых определяют судьбу человека. Среди оракулов пользовались известностью Сатых аз-Зиаби, Вашак ибн Мусаб аль-Анмари, но больше всех прославился оракул Узза Салима. Прорицания их составлялись в рифмованной прозе, смысл их был часто запутан, непонятен и загадочен, в них содержались заклинания «во имя земли, неба» и т. д.

Повествовательный жанр. Произведения повествовательного жанра занимают большое место в древней арабской литературе. Они представляли собой рассказы в виде бесед о различных событиях истории арабов, о битвах, которые происходили в доисламскую эпоху между отдельными племенами (например, о битвах периода «Войны ад-Дахиса и аль-Габры»), или же о битвах, происходивших между арабами и другими народами (например, о «Битве Зу Кар», которая произошла между персами и племенем Шейбан, вышедшим из этой битвы победителем).

Наряду с этим у арабов были прозаические произведения, повествующие о любви, а также много сочинений, в которых описывалась жизнь соседних народов, в частности персов.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДОИСЛАМСКОЙ ПРОЗЫ

Кусс ибн Саида (умер около 600 года). Кусс ибн Саида — глава мусульман Неджрана — был выдающимся оратором арабов, мудрецом и судьей среди своих современников. Он часто отправлялся на базар Укяз и выступал с речами перед множеством людей, отвращая их от идолопоклонства, устрашая их гневом Аллаха и его отмщением. В конце концов он отошел от мирской жизни, отказавшись от всех ее благ, и стал жить,

как отшельник, питаюсь одним хлебом и проповедуя веру в Аллаха. Он прожил долгую жизнь и умер около 600 года.

Стиль его речей отличался безыскусностью; в них было много рифмованных фраз и белых стихов с короткой рифмой. Поэту принадлежит много пословиц и мудрых изречений. Вот отрывок из речи, произнесенной им на базаре Укяз; в свое время она была очень популярна и передавалась из уст в уста:

«О люди, слушайте и запоминайте, и да извлечет пользу тот, кто помнит! Поистине тот, кто живет,— умирает, а тот, кто умирает,— исчезает. Все приходящее проходит: и дождь, и растение, и пища, и средства жизни, отцы и матери, живые и мертвые, единое и разобщенное, чудеса вслед за чудесами, темная ночь и высокое небо... Поистине на небе известно все, но и на земле надо познавать...»

Аксам ибн Сайфи (умер около 630[9] года). Аксам ибн Сайфи ибн Рубах ибн аль-Харис, правитель племени Тамим, был известным мудрецом среди доисламских арабов и прославленным оратором. Это был честный и праведный человек; арабы охотно обращались к нему с просьбой рассудить их и не оспаривали его решений. Мудрость его вошла в поговорку. Рассказывают, что ан-Нуаман ибн аль-Мунзир, услышав о том, что Хосров Ануширван, персидский царь, отзывался об арабах пренебрежительно, решил познакомить Хосрова с арабской мудростью и с этой целью послал к царю нескольких мудрецов и других выдающихся людей, в том числе Аксама ибн Сайфи. Аксам произнес там свою знаменитую речь, содержащую великолепные образцы мудрости и замечательные афоризмы:

«Поистине лучшие из вещей — это самые высокие, а самые высокие из людей — это их цари; достойнейшие из царей — это те, кто больше всех заботятся о благе... Исправление пороков подданных достойнее, чем исправление пороков правителя... Наихудшая страна — это та, в которой нет правителя... Наихудший царь — это тот, которого боится невинный...»

Перед смертью Аксам ибн Сайфи собрал своих сыновей и сказал им:

«О дети мои! Судьба научила меня многому, теперь я хочу научить вас. Я даю вам направление, которому вы должны будете неуклонно следовать:

О сыны мои! Будьте всегда праведниками, ибо праведность отдаляет смерть и умножает достояние; придерживайте свои языки, поистине гибель человека находится между его челюстями».

Речи Аксама ибн Сайфи характерны тем, что он взывает в них к разуму, избегает преувеличений, использует мудрые и лаконичные изречения; их отличают последовательность мысли и убежденность, хотя в то же время они страдают отсутствием единства построения.

ПЕРИОД
ПРАВЕДНЫХ
ХАЛИФОВ
и
ОМЕЙЯДОВ

622-750
[1-132]

ПЕРЕВОРОТ МУХАММЕДА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЖИЗНЬ И КУЛЬТУРУ АРАБОВ

РЕЛИГИОЗНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

Мухаммед — пророк арабов. Мухаммед родился в Мекке около 570 года, в ту пору, когда глубокие политические и социальные противоречия разобщили арабов, населявших Аравийский полуостров. Мальчик рос сиротой; по мере того как он знакомился с общественным укладом своей страны, в нем нарастал бурный протест против идолопоклонства. Став взрослым, Мухаммед выступил с проповедью, призывавшей арабов поклоняться единому богу и исповедовать ислам. Арабы разделились на сторонников и противников Мухаммеда; к 622 году враждебное отношение к Муххамеду в Мекке настолько усилилось, что он был вынужден покинуть город; вместе со своими последователями он отправляется в Ясриб (Медину). Дата переселения Мухаммеда из Мекки в Медину считается началом летосчисления хиджры¹. В битвах и столкновениях между сторонниками ислама — мусульманами и его противниками победу чаще всего одерживал Мухаммед. Через несколько лет он уже объединил и подчинил своей власти большинство арабских племен. В результате такого объединения возникла идея национального единства, которая овладела массами арабов; отбросив межплеменные распри, арабы, объединенные властью пророка и его халифов, стали нападать на соседние страны, стремясь их завоевать.

Таким образом, идея духовной, расовой и кровной общности арабов способствовала созданию основы арабского государства и укреплению единства арабов.

¹ *Хиджра* — «переселение, миграция».

Праведные халифы (632—661) [10—41]. После смерти Мухаммеда его дело продолжали четыре праведных халифа — Абу Бекр ас-Сиддик, Омар ибн аль-Хаттаб, Осман ибн Аффан и Али ибн аби Талиб, — которые стали во главе мусульманской общины. Халифы были выборными лицами, и власть их ограничивалась советом общины.

Территория молодого арабского государства продолжала при них расширяться: арабы завоевали Сирию, Персию, Египет и Северную Африку. Наибольшей славой среди арабских полководцев пользовались Абу Убейда и Халид ибн аль-Валид.

Серьезные политические разногласия между арабами по вопросу о том, кто должен быть халифом, вспыхнули в то время, когда во главе общины стал Али ибн аби Талиб, которого обвиняли в убийстве Османа ибн Аффана; претендентами выступили Ибн аз-Зубейр, которого горячо поддерживала Айша — жена Мухаммеда и восставший наместник Сирии Муавия ибн аби Суфьян, который жаждал отомстить за поруганную честь своего рода и стремился захватить в свои руки верховную власть в общине. Али перенес свою столицу из Медины в иракский город Куфу.

Между халифом и его противниками разгорелась война, разделившая арабов на враждующие партии. Одни защищали Али, другие — Муавию, а третьи — хариджиты — выступали против обоих претендентов, отстаивая принцип выборности верховного правителя. После того как Али был убит, его сторонники присягнули его сыну Хасану, однако Хасан, понимая, что у него нет сил бороться против Муавии, сам отказался от халифства, чтобы положить конец кровопролитию.

Так Муавия стал халифом исламской общины.

Омейядские халифы (661—750) [40—132]. Халифы рода Омейя взяли в свои руки власть в Сирии, а затем в Андалузии. В Сирии господство Омейядов продолжалось 90 лет. За это время они, с одной стороны, проявили приверженность принципам и духу арабизма, с другой — во многом отошли от традиций ислама.

Омейядские халифы стремились поддержать авторитет арабов среди других народов: арабов всячески возвышали, предоставляли им право первого слова; на ответственные посты в государстве — наместниками в провинциях, командующими войсками и на другие высшие государственные, политические и судебные посты — тоже назначали только арабов, считая мавлян, то есть неаравов, принявших ислам, вассалами, подчиненными арабам. В результате среди мавлян стало расти недовольство, все чаще стали слышаться призывы сбросить ярмо Омейядов.

Стремясь сохранить арабскую культуру, Омейяды воспитывали своих сыновей в бедуинской среде, где они обучались поэтическому искусству, литературе и языку; там же они приобретали навыки, свойственные арабам-бедуинам.

Омейяды устраивали литературные встречи, приглашали к себе рассказчиков, ораторов, поэтов и щедро одаряли их. В эпоху Омейядов процветали такие города, как Куфа, Басра, Фустат, Мекка и Медина, которые стали крупными центрами исламской культуры.

Вместе с тем Омейяды часто нарушали традиции ислама. С тех пор как к ним перешла власть в халифате, их образ жизни стал резко отличаться от образа жизни первых халифов. Заимствовав обычаи персов и традиции римлян, а также некоторые черты их государственного устройства, они подражали им в формах государственного правления и в методах укрепления своей власти. Омейяды перенесли столицу в Дамаск, расположенный в центре нового арабского государства, и превратили власть халифа в наследственную прерогативу своего рода. Они воздвигали дворцы, тратили большие средства на предметы роскоши и драгоценности.

Сосредоточение всей власти в халифате в руках Омейядов и отстранение от нее других курейшитов вызвало недовольство в массе арабов; образовались различные партии и секты, которые враждовали между собой. Стремясь укрепить свою власть, Муавия обратился за помощью к представителям своего рода и к арабским племенам, населявшим Сирию. Прибегая к обману и хитрости, он стал натравливать одни племена на другие, разжигая между ними вражду; таким образом, он возродил старые межплеменные распри, против которых боролся ислам.

Муавия не доверял жителям Куфы и Басры, поскольку они принадлежали к партии шиитов — сторонников Али. Он не доверял также и жителям Мекки и Медины, так как их вожди поддерживали представителей рода Мухаммеда. Однако, зная, что они пользуются большим авторитетом в исламской общине, Муавия стал осыпать их щедрыми дарами, пытаясь отвлечь их от политики и заставить молчать. Таким образом, для укрепления своей власти и для упрочения своего положения Муавия использовал все: и оружие, и хитрость, и деньги.

После смерти Муавии в стране стало расти недовольство, повсюду вспыхивали мятежи. Появилось много различных направлений и сект: в Хиджазе образовалась группа последователей Али — шиитов, поддерживавшая род Али; кроме нее, в Хиджазе и других частях государства вокруг рода аз-Зубейра объединились зубейриты; образовалась также группа борцов против деспотизма — хариджитов.

Стремясь отстоять свою власть, Омейяды прибегли к силе: расправа с мятежниками была поручена ловкому аль-Хаджаджу ибн Юсуфу и его приближенным, известным своей решительностью, силой и отвагой. Однако враждебные Омейядам группы, к которым примкнули мавляны и жители завоеванных

территорий, становились постепенно могучей силой, угрожавшей существованию государства; в конце концов они свергли Омейядов и поставили во главе государства династию Аббасидов.

НОВЫЕ УСЛОВИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРУ

Ислам, Коран и хадисы. Новая религия открыла перед арабской литературой новые горизонты и внесла в нее новые понятия. Она обогатила арабский язык словами, имеющими новый смысл. Наибольшее влияние на язык и литературу оказал Коран.

Коран и его структура. Аль-Коран (буквально «чтение»), который называют также аль-Фуркан или аль-Мухаф, — священная книга мусульман. В нем содержатся подробные указания относительно того, чему надо верить и как надо поступать в определенных случаях. Коран состоит из 114 частей разных по величине, называющихся сурами. Суры делятся на мекканские — их 92 и мединские — их 22. Надо полагать, что мекканские суры были созданы до хиджры, а мединские — после. Как мекканские, так и мединские суры делятся в свою очередь на отдельные стихи — аяты; кроме того, Коран делится на равные части — ахзабы ($\frac{1}{60}$ часть Корана) и арбаи ($\frac{1}{4}$ часть Корана).

Содержание сур Корана. Мекканские суры содержат изложение догматов веры; в них говорится о необходимости верить в Аллаха и отвергается идолопоклонство. Поэтому основное содержание этих сур — поддержка проповеди Мухаммеда, призыв к поклонению одному богу, поношение языческих богов и идолов, а также доказательства, подкрепляющие истинность пути Мухаммеда. Мединские суры содержат изложение основных религиозных обязанностей и юридических предписаний, являются как бы сводом религиозных законов, регламентирующих такие основные обязанности мусульманина, как соблюдение постов, раздача милостыни, совершение паломничества и т. д. Коран является также сводом правовых норм, регламентирующих вопросы брака, наследства и развода, и, наконец, Коран является сводом политических норм, предписывающих уничтожать тех, кто выступает против ислама.

Составление Корана. Отдельные части Корана были записаны на черенках пальмовых листьев, на дощечках, на глиняных плитках и т. д. или хранились в памяти учеников и сподвижников Мухаммеда. Стихи (аяты) Корана, хранимые в памяти и записанные разными способами, были собраны в эпоху Абу Бекра в 632 [11] году. Целиком текст Корана был собран в рукописный экземпляр при халифе Османе в 645 [25] году.

Стиль Корана. Коран написан особым стилем — это не стихи, и в то же время это не свободная проза. Таха Хусейн определяет его как «чтение». Ибн Хальдун и многие другие исто-

рики испытывают затруднение в определении стиля Корана. Ибн Хальдун говорит: «Хотя Коран и является разновидностью прозаического произведения (*мансур*), его стиль выходит за рамки как свободной прозы (*мутлак*), так и рифмованной (*мусаджжа*), и потому нельзя сказать определенно, написан ли он рифмованной или свободной прозой. Здесь имеет место следующее явление: конечные слова аятов выделяются, как бы указывая на окончание фразы, и затем это слово повторяется в следующем стихе. Повторение некоторых согласных могло бы позволить сказать, что это рифмованная проза (*саджа*), однако в ней нет стихотворной рифмы (*кафия*). Само рифмующее слово стиха в Коране называется «*фасыля*».

Таким образом, мы не можем определить стиль Корана, назвав его определенно рифмованной прозой, так же как и не можем сказать, что Коран написан стихотворной рифмой...»

Коран содержит высокие образцы красноречия. Исследователи ислама не имеют единой точки зрения по вопросу о том, чем было вызвано такое красноречие Корана. Некоторые считают, что его породили высокие и разносторонние цели, которым Коран был призван служить, другие находят объяснение этому в особенностях стиля Мухаммеда, в его склонности к высокопарным выражениям.

Влияние Корана на язык и литературу. Появление Корана явилось одним из важных факторов формирования единого языка и расширения области распространения языка курейшитов; в то же время Коран помог сохранению арабского языка и его распространению в арабских странах. Немалую роль Коран сыграл в деле пополнения словарного состава и совершенствования грамматических форм арабского языка. Коран является основой таких мусульманских богословских наук, как мусульманское право (*фикх*) и толкование Корана (*тафсир*), а также языковедческих наук, риторики, стилистики и грамматики.

Хадисы. К Корану примыкают хадисы — предания; это рассказы о деяниях Мухаммеда и приписывающиеся ему суждения. Сюда же входят предания о сподвижниках Мухаммеда.

В вопросах религии хадисы занимают второстепенное место по сравнению с Кораном. В них в сжатой форме разъясняется содержание Корана, даются его толкования и комментарии к нему. Записывать хадисы стали не ранее VIII [II] века. Хадисы содержат высокие образцы красноречия и риторики; они оказали большое влияние на развитие арабского языка и литературы, расширили словарный состав арабского языка, обогатили его правовыми, религиозными терминами и новыми оборотами и, так же как и Коран, способствовали сохранению и распространению арабского языка.

Проникновение арабов за пределы Аравийского полуострова и связи с другими наро-

да ми. В ходе завоевательных войн арабы вышли за пределы полуострова и встретились с народами, стоявшими на различных ступенях цивилизации, наследниками культуры древних наций. Среди них были семиты, хамиты, арийцы; их отличали специфические черты характера и склада ума. Однако в первую очередь арабы испытали влияние персов и греков.

С этими народами арабам, правда, приходилось сталкиваться и раньше, однако до сих пор связи были поверхностными. Теперь же смешение стало интенсивным, результатом чего явились языковые и идеологические взаимовлияния. Контакты с этими народами расширили кругозор арабов; арабы восприняли обычаи персов и римлян, их общественный уклад и политическую систему. Они заимствовали у персов и римлян то, что нравилось им и соответствовало их вкусам, например систему государственных учреждений (диванов) и организацию вооруженных сил. Огромное культурное наследство этих народов значительно обогатило культуру арабов, способствовало развитию их интеллекта.

Персидский и латинский языки, римское право и мудрость древних греков, образцы литературы персов и греков — все это, как и многое другое, оказывало огромное влияние на язык арабов, их законодательство, их литературу и образ мышления. Особую роль в этом процессе играли мавляны, которые не имели права занимать государственные должности и поэтому изучали право, литературу и искусства; среди них было много знатоков мусульманского права, переписчиков, писарей, ученых и поэтов. Они внесли большой вклад в арабскую культуру.

Расширение границ государства, где господствующей религией был ислам, улучшило экономическое положение арабов. После того как ислам объединил арабов и привел их к новому общественному укладу, объединил народ в духовном и языковом отношении и подчинил его единому правлению, арабы стали переходить от кочевой жизни к оседлой; они познакомились со странами с богатой природой и плодородной почвой, с изобилием материальных благ и развитыми ремеслами. Арабы, жившие до сих пор простой, суровой жизнью, стали привыкать к роскоши и удобствам, приобретать имущество и земли. В первую очередь это можно сказать об эпохе Омейядов, при которых арабы, особенно арабы Сирии и Хиджаза, стали жить в роскоши и проводить время в развлечениях.

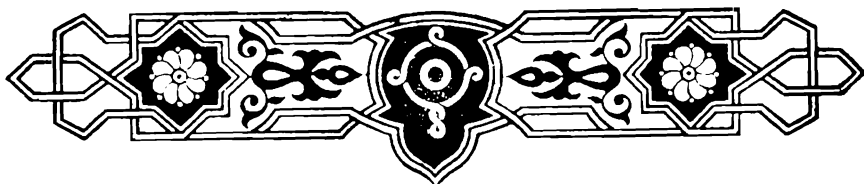
Войны и мятежи. Войны и мятежи также оказали большое влияние на арабскую литературу и определили ее направления. Бесконечные столкновения происходили вначале между сторонниками новой веры — ислама и их противниками, а затем между отдельными представителями сект и направлений, которые боролись за различные цели; каждая из этих групп отличалась своими специфическими чертами, и все они враждовали между собой. Таким образом, значительная часть литературы

этого времени является отражением борьбы сект и направлений.

Характерные черты литературы омейядского периода. Исходя из сказанного выше, можно было предположить, особенно после того как положение арабского государства упрочилось, что в арабской литературе произойдут коренные изменения. Однако на самом деле арабская литература, как мы это увидим, не смогла освободиться от оков традиции, наоборот, в эпоху Омейядов они ограничивали ее еще больше. Это произошло потому, что омейядские халифы разжигали племенную вражду, используя племена, которые поддерживали их, для подавления племен, настроенных против них. Натравливая одни племена на другие, они возродили, таким образом, старинную вражду, соперничество и фанатичный патриотизм доисламской эпохи, с которым после появления ислама было покончено. Поэтому и литература сохраняла черты, характерные для доисламской эпохи. Власть имущие поощряли такую литературу, авторов панегириков щедро вознаграждали; халифы увлекались доисламской литературой, а народ подражал в этом своим правителям.

Доисламской поэзией увлекались люди самых различных убеждений и группировок. Как и в доисламскую эпоху, арабы съезжались на базары, где они спорили и похвалялись друг перед другом; такими базарами были базар аль-Кинаса близ Куфы и базар аль-Мирбад в окрестностях Басры (к западу от начала пустыни). Жители Басры хотели, чтобы их базар играл ту же роль, что и базар Укяз в доисламскую эпоху; сюда съезжались ученые и поэты, чтобы прославить здесь кого-нибудь или высмеять, сюда ежедневно приходили люди в надежде услышать поэта своего племени или своей политической группировки. Поэтому базар аль-Мирбад сыграл большую роль в развитии литературы омейядского периода.

Омейяды сыграли определенную роль в развитии литературы своего периода и в формировании характерных ее черт. Они поощряли выдающихся поэтов щедрыми вознаграждениями, разжигали в них племенной фанатизм и соперничество. Литературная деятельность этого периода отличается исключительной активностью и в то же время отсутствием свободы поэтического творчества; она была целиком подчинена личным или узко-сектантским интересам.

ПОЭЗИЯ ПЕРИОДА ПРАВЕДНЫХ ХАЛИФОВ И ОМЕЯДОВ

РОДИНА ПОЭЗИИ ПРАВЕДНЫХ ХАЛИФОВ И ОМЕЯДОВ

Благодаря арабским завоеваниям арабская поэзия вышла за пределы пустыни и, хотя еще не полностью порвала с ней, постепенно стала перемещаться в культурные центры, прежде всего в культурные центры Хиджаза — в Мекку, родину курейшитов, откуда впервые раздался призыв к исламу, и в Медину, которая была оплотом сподвижников Мухаммеда, а затем столицей праведных халифов. Позже поэзия переместилась в культурные центры Сирии — в Дамаск, который был столицей омейядского халифата, а затем в культурные центры Ирака, оплота шиитов и оппозиции,— страны, где смешались самые различные народы, где постоянно сталкивались в разногласиях и противоречиях самые различные политические и религиозные точки зрения. Наиболее крупными центрами науки, литературы и искусства были базар аль-Мирбад, города Куфа и Басра.

МЕСТО ПОЭЗИИ И ЕЕ ЦЕЛИ

В доисламскую эпоху поэзия служила интересам отдельных племен, однако уже на заре ислама поэзию начали подчинять целям распространения проповеди ислама, она стала средством укрепления веры. Затем, в эпоху Омейядов, поэзия стала служить целям пропаганды различных достоинств и прославления подвигов, помогать укреплению политических групп и племенных традиций. Поэты создавали произведения, которые являлись оружием их партий, они отстаивали их интересы и поносили их врагов. Халифы и власть имущие уделяли большое внимание поэзии; они приближали к себе поэтов, осыпали их подарками, устраивали специальные сборища, где поэты читали

и декламировали стихи. На этих сборищах присутствовало множество людей; каждое племя восхваляло своего поэта, старалось его возвысить, а он в свою очередь старался поднять авторитет своего племени. Однако племенные интересы поэтов тесно сплетались в то время с интересами высокой политики, непосредственно связанными с судьбой того или иного халифа, судьбой всего государства или отдельных политических групп.

Когда же политические бури утихали и люди начинали развлекаться и веселиться, поэзия тоже начинала служить увеселительным целям. В такие периоды поэзия занимала особое место в общественной жизни; поэты создавали стихи и песни, которые исполняли певцы и певицы, и таким образом их произведения передавались из уст в уста, шли от сердца к сердцу.

В общих чертах, как мы видим, новое направление не привело к коренным изменениям в поэзии: она, как и прежде, отражала отдельные политические события и политическую борьбу, восхваляла достоинства своего рода, поносила его противников и т. п. Основными темами поэзии были восхваление своего рода, воспевание доблести, а основными жанрами — панегирик (*мадх*), элегия (*риса*), описание (*васф*) и сатира (*хиджа*). Правда, появился еще один вид поэзии — политическая поэзия; эти произведения содержали описания борьбы между отдельными политическими группировками.

Однако, хотя цели поэзии и не изменились, новая обстановка придавала поэзии своеобразный оттенок; так, например, новые стихи содержали призыв к исламу и к борьбе с его противниками, а также сатиру на врагов ислама. Эти стихи прославляли также Мухаммеда и его сподвижников, восхваляли храбрость и героизм мусульман; они содержали описания крепостей и укреплений, боевого оружия, осадных приспособлений и прочей техники, до того времени не известной арабам. Появились также стихи, содержащие нападки на пророка и его сподвижников и защищающие доисламские обычаи.

Все эти произведения воодушевляли на борьбу; они призывали к священной войне, прославляли победу новой религии и оплакивали героев, погибших во время религиозных войн Мухаммеда и в завоевательных походах во имя ислама. Таким образом они активизировали религиозную и общественную жизнь. Этот религиозный дух, которым были проникнуты произведения поэтов того времени, был незнаком поэтам доисламского периода.

Вместе с тем мы видим, что отдельные жанры доисламской поэзии приобрели новое звучание. Самостоятельным стал жанр *газаль*, лирические стихотворения стали создаваться как отдельные произведения. По мере того как арабы переходили от кочевого образа жизни к оседлому и все больше привыкали к богатству и праздности, лирические произведения становились

все более откровенными; многие из них содержали даже циничные, вульгарные описания. Приобрела широкую популярность сатира, которая стала к тому времени еще более острой и даже резкой.

ЗНАЧЕНИЕ ПОЭЗИИ ДАННОГО ПЕРИОДА

Художественная ценность. Поэзия претерпевала влияние нового, однако это влияние ограничивалось временной близостью доисламской эпохи, а также приверженностью поэтов к темам доисламской литературы, к старым поэтическим приемам и старым представлениям. Правда, сюжеты стали более глубокими, в стихах появилось больше мудрых изречений и афоризмов, заимствованных из Корана, но по-прежнему в произведениях чувствовались слабая логическая связь и отсутствие последовательности; построение стихов во многом напоминало построение доисламских касид. В некоторых стихах стали находить отражение черты спокойного аналитического ума, который проникает в самые сокровенные тайники человеческой души, чтобы постичь суть видимых и скрытых явлений, познать их смысл.

Благодаря влиянию, которое оказывали на арабов культура соседних народов и новая религия, поэтическое воображение арабов стало значительно богаче, однако оно по-прежнему было тесно связано с представлениями доисламской эпохи и было ограничено темами реальной жизни. Лишь в редких случаях его отличали богатство фантазии, полет воображения или яркая изобретательность.

В чувствах, волновавших в это время поэтов, отразилось стремление к власти и могуществу, порожденное завоевательной политикой и установлением господства арабов над другими народами. В большинстве случаев эти чувства были продиктованы интересами двора или отдельных политических группировок, а также личными симпатиями и антипатиями. Особенно характерно это было для эпохи Омейядов, когда чувства утратили искренность, когда сила воздействия поэта на души людей значительно ослабла.

Что же касается поэтических приемов и средств выражения, то они сохранили и свою прелесть, и силу, и выразительность; в особенности это относится к произведениям, посвященным восхвалению подвигов и доблести своего рода, а также политической и сектантской пропаганде. Коран и влияние культуры соседних народов обогатили средства поэтического выражения, привнесли в них мягкость и изящество. Поэтические приемы стали более разнообразными. Утонченность и разнообразие художественных средств явились также следствием влияния роскоши и богатства, которые проникли в центры арабской культуры. Все это оказало сильное влияние на развитие музыкальности новых стихов, особенно лирической поэзии.

Историческое значение. Поэзия этого периода имеет исключительную историческую ценность. Она повествует нам о событиях религиозного переворота и о последовавшей за ним борьбе, о победах и завоеваниях, о том, как распространялась власть арабского государства на соседние страны, о его политическом и государственном устройстве; произведения этого периода рассказывают нам и о том, какие политические направления и группировки существовали в арабском государстве, какие были между ними разногласия. Узнаем мы и о том, как развлекались арабы, в какой роскоши жили представители высших кругов. Однако многие из этих сведений явно преувеличены, так как здесь сказались личные чувства, симпатии и антипатии поэтов.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЭЗИИ ДАННОГО ПЕРИОДА

В поэзию данного периода мы включаем произведения, созданные на заре ислама, еще при жизни Мухаммеда, поэтому поэтические произведения этого периода можно сгруппировать следующим образом:

Поэзия религиозной борьбы. Сюда входят произведения, созданные в целях поддержки проповедей Мухаммеда и в защиту его дела, а также произведения, отрицающие эту проповедь и высмеивающие сподвижников Мухаммеда. Сюда же относятся произведения, призывающие к завоевательным войнам. Наиболее известными поэтами этого направления являются Кааб ибн Зухейр, Хассан ибн Сабит, Абу Зуайб аль-Хузали и ан-Набига аль-Джаади.

Поэзия наслаждений. Понятие «поэзия наслаждений» применимо ко всей лирике того периода независимо от того, целомудренна она была или нет. К представителям этого вида поэзии следует причислить Джамиля ибн Маамара, Лейлу аль-Ахьялию, Омара ибн аби Раба.

Поэзия политической борьбы. К произведениям этого вида поэзии относятся стихи, созданные в поддержку политики халифа и отдельных племен. Наибольшей известностью из авторов этих произведений пользуются аль-Ахталь, Джарир, аль-Фараздак, аль-Кумайт ибн Зейд аль-Асади, ат-Тыриммах ибн Хаким, Убейдалла ибн Кайс ар-Рукайят.

Особые поэтические жанры. Сюда относятся стихи, написанные особым стилем и на специальные темы; это, например, *урджуза*¹ и *равия*². Наиболее известные авторы их — аль-Аджжадж и его сын Руаба, Зу-р-Румма.

¹ Стихотворение, написанное размером *раджаз*. — *Прим. ред.*

² Пастораль. — *Прим. ред.*

ПОЭЗИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ БОРЬБЫ

Кааб ибн Зухейр (? — 662 [42])

МЕСТО ПОЭТА В ЕГО ВРЕМЯ

Проповедь Мухаммеда обострила его борьбу с курейшитами. Поэты племени Курейш обрушились на Мухаммеда и его учение; наиболее активными из их числа были Абдаллах ибн аз-Забаари, Амр ибн аль-Ас и Абу Суфьян ибн аль-Харас. Некоторые из сподвижников Мухаммеда, возмущенные нападками курейшитов, попросили у него разрешения выступить с ответными стихами. И сказал Мухаммед: «Что мешает тем, кто защищал Аллаха и его посланника с оружием в руках, защищать его своим словом?» В числе сподвижников пророка выступили поэты Хассан ибн Сабит, Кааб ибн Малик и Абдалла ибн Раваха. Они стали высмеивать врагов, похваляясь, как обычно, своими родственными связями и своим могуществом. Стихи курейшитских поэтов были впоследствии уничтожены, так как они содержали нападки на Мухаммеда и его сподвижников, а также потому, что побуждали уже объединившихся к тому времени мусульман к междоусобной борьбе; к тому же вскоре курейшиты сами приняли ислам.

Кааб ибн Зухейр занимает особое место в этих поэтических группировках, так как вначале он выступал с нападками на Мухаммеда, а затем стал восхвалять его; именно в этом плане мы и будем здесь о нем говорить.

ЖИЗНЬ ПОЭТА

Кааб ибн Зухейр ибн аби Сульма родился в племени Гатафан, к которому принадлежала его мать Кябша. Он воспитывался в семье, где многие были наделены исключительными поэтическими способностями. Об этом свидетельствуют произ-

ведения одиннадцати поэтов, принадлежавших к роду Абу Сульма — дедушки Кааба

Уже в раннем детстве Зухейр пытался сочинять стихи, но отец сдерживал его, боясь, что он преждевременно растратит свой поэтический дар, будет писать слабые стихи и тем самым бросит тень на славу своей семьи. И потому, пока Кааб еще не научился сочинять стихи, он в постоянном стремлении к совершенствованию своего языка старался развить свое поэтическое воображение, декламируя стихи других поэтов.

К тому времени, когда Мухаммед выступил с проповедью ислама, Кааб уже достиг больших успехов в сочинении стихов и стал известным поэтом. Когда его брат Буджейр принял ислам, Кааб резко осудил его и стал требовать, чтобы тот возвратился к вере своих отцов. Затем он стал высмеивать Мухаммеда и ислам; наконец у него произошло столкновение с пророком, в результате которого поэт был ранен. Тогда он обратился за помощью и поддержкой к соседним племенам.

Брат Кааба постоянно советовал ему примкнуть к Мухаммеду, и в конце концов, разочаровавшись в своих защитниках и покровителях, поэт согласился. Он прибыл в Медину и привез с собой знаменитую касыду «Покинула меня Суад...» Когда его представили Мухаммеду и он прочитал ему свою касыду, пророк простил его, обещал ему свое покровительство и подарил свой плащ. Этот плащ находился в семье поэта до тех пор, пока его не выкупил Муавия; затем плащ переходил по наследству к халифам омейядской и аббасидской династий, пока не попал к туркам, установившим в халифате свою власть. Умер Кааб около 662 [24] года.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

Каабу принадлежит сборник стихов, который полностью опубликован не был. За исключением касыды «Покинула меня Суад...», в этот диван входят лишь небольшие стихотворные отрывки, сочиненные по различным поводам; они представлены традиционными жанрами — это лирика (*газаль*) и сатира (*хиджа*), элегия (*риса*) и панегирик (*мадх*). Однако касыда «Покинула меня Суад...» по праву считается лучшим и наиболее заслуживающим внимания произведением; ее называют также «Плащ» и причисляют к группе касыд, известных под общим названием *машубат* («запятнанные») ¹. Касыда эта состоит из

¹ Арабы делят наиболее известные касыды (их насчитывается 49) на семь групп, в каждую из которых входит семь касыд. Группы определяются по методу построения касыд следующим образом:

1) *Муаллаки* — о них мы уже говорили.

2) *Муджамхарат*. Их авторы: ан-Набига аз-Зубьяни, Абид ибн аль-Абрас, Адий ибн Зейд, Башшар ибн аби Хазм, Умайя ибн аби ас-Салт, Хаддаш ибн Зухейр, ан-Нимр ибн Тавляб аль-Акли.

58 бейтов, рифмующихся на «лям» и написанных размером *басыт* («простой»). Эта касыда приобрела большую известность; ученые внимательно изучали ее и комментировали, а поэты цитировали из нее отрывки в качестве примеров, достойных подражания.

Издания касыды, комментарии к ней и переводы. Эту касыду много раз комментировали; в числе ее комментаторов были Ибн Дурейд (933), ат-Табризи (1109), Ибн Хишам (1360) и аль-Баджури (1860); она неоднократно издавалась на Востоке и в Европе как отдельным изданием, так и в литературных сборниках. В 1748 году она была издана с подробными комментариями в Лейдене, затем в 1833 году — в Халле, в 1871 году — в Лейпциге, в 1890 году — в Берлине, в 1904 году — в Париже и Константинополе и, наконец, в 1931 году — в Бейруте.

Касыда Кааба была переведена на многие языки, в том числе на латинский, французский, немецкий, английский и итальянский.

Построение касыды. Касыда Кааба делится на три части: 1) лирическое вступление, выдержанное в традиционном стиле древних поэтов (1—12 бейты); 2) описание верблудицы, на которой поэт спешит к своей возлюбленной (13—33 бейты); 3) просьба о прощении; прославление Мухаммеда и его сподвижников (34—58 бейты).

Художественная ценность касыды. 1) Лирическая часть (*газаль*). Здесь обращает на себя внимание угнетенное состояние души поэта; отсутствие искренних чувств возмещается воображением поэта, украшающим стихи искусными, яркими сравнениями или пространными описаниями в стиле Аусийской школы; все это помогает забыть о тривальности темы вступления. Так, сравнение любимой с газелью или странное описание вина, после которого следует описание холодной воды, свидетельствуют о том, что автор пытается найти

3) *Мунтакыйт*. Их авторы: аль-Мусайиб ибн Алас, аль-Мураккиш аль-Акбар, аль-Муталемис, Урва ибн аль-Вард, аль-Мухальхиль, Дурейд ибн ас-Самма, аль-Мутанаххиль.

4) *Музахбат*. Их авторы: Хассан ибн Сабит аль-Ансари, Абдалла ибн Раваха аль-Ансари, Малик ибн аль-Аджалан, Кайс аль-Ауси, Усайбаха ибн аль-Джаллях, Абу Кайс ибн аль-Аслат, Амр ибн Имруль-Кайс.

5) *Мараси*. Их авторы: Абу Зуайб аль-Хузали, Кааб ибн Саад аль-Ганафи, аль-Ааша аль-Бахили, Алькама Зу Джади аль-Химьяри, Абу Зейд ат-Тайи, Мутаммам аль-Ярбуи и Малик ат-Тамими.

6) *Машубат* (что значит «запятнанные», они называются так потому, что были как бы «запятнаны» неверием). Их авторы: ан-Набига аль-Джаади, Кааб ибн Зухейр, аль-Катами, аль-Хутайа, аш-Шаммах ибн Дарар, Амр ибн Ахмар, Тамим ибн Мукбал.

7) *Мульхамат*. Их авторы: аль-Ахталь ат-Таглиби, аль-Фараздак ат-Тамими, Джарир аль-Хатафа, Убейд ар-Райи, Зу-р-Румма, аль-Кумейт ибн Зейд аль-Асади, ат-Тыриммах ибн Хаким.

средства, с помощью которых он смог бы компенсировать отсутствие самоанализа и бедность чувств.

Покинула меня Суад, а сердце мое терзает любовь,
Страсть овладела им, сковала его цепями, лишила его сил.
Нет больше Суад; утром мы разлучились: ведь они отправились в путь,
И осталась только газель, издающая слабый крик, с трудом
поднимая усталые, слабые веки.

2) Описательная часть (*васф*). В этой части проявляется мастерство поэта Аусийской школы, в основе которого лежат любовь к природе, умение видеть природу во всем ее разнообразии. Поэт хранил в памяти многочисленные описания природы, созданные его отцом и учителями. Его описания природы, хотя и не лишены известной оригинальности, проникнуты традиционным духом; в них чувствуются сила и страсть, которые проявляются не только в отдельных выражениях, но и в музыке произведения в целом.

В последних бейтах этого описания мы находим наиболее яркие, жизненные и наиболее вдохновенные образы древней поэзии:

Ноги верблюдницы быстры, -- она несется, как ветер, она вся в поту —
от ее жара холмик покрывается маревом.

Вот и день вступает в свои права...

Ноги верблюдницы похожи на руки статной немолодой женщины,
Которая, заливаясь слезами, бьет себя по лицу, оплакивая утрату
своего сына.

Она неудержима, как плач женщины,

Которой сообщили о смерти ее сына

И которая раздирает руками свою грудь

И в ключья рвет прикрывающую грудь рубаху.

3) Последняя часть — это панегирик (*мадх*), содержащий просьбы о прощении и восхваление Мухаммеда. В извинениях Кааб подражает ан-Набиге, особенно ярко это проявляется в его мольбах, в самоунижении, в описании своей скорби. В словах поэта чувствуется стремление к обновлению, однако при описании своей любви, душевного беспокойства и мучительных опасений он не достигает высот мастерства ан-Набиги.

Основное место в части, содержащей восхваления, занимает описание льва, с которым поэт сравнивает Мухаммеда. Что же касается личности Мухаммеда, то здесь поэт ограничивается лишь прославлением его авторитета и мудрого руководства, так же как при восхвалении сподвижников пророка он упоминает только об их храбрости и отваге. В этих восхвалениях Кааб подражает стилю древних поэтов. Вместе с тем панегирики Ибн Зухейра отличаются совершенством формы, точностью изображения, красноречием и страстностью, что придает его стихам особую прелесть и делает их истинно художественными произведениями.

Художественное мастерство поэта. Изучение произведений Кааба вообще и касыды «Плащ» в частности позволяет нам сделать следующие выводы:

1) Кааб — поэт Аусийской школы, чей талант сформировался под влиянием отца. Декламируя стихи отца, поэт все больше попадал под его влияние и постепенно стал в своем творчестве подражать ему.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в стихах Кааба с особой силой проявляется живое воображение поэта; оно помогало ему изображать окружающий его мир, воплощая свои мысли и чувства в ярких картинах и живых образах, в создании которых поэт широко пользовался метафорами и сравнениями.

2) Как и все поэты Аусийской школы, Кааб строго придерживался в изложении логической последовательности. Так, например, описывая, как Суад нарушила свое слово, поэт подробно рассказывает, как это произошло, однако его описание не является глубоким анализом, а представляет собой набор многочисленных образов, сменяющих друг друга, с помощью которых он и добивается воздействия на слушателя.

Одари ее искренностью, если она выполняет
Свои обещания и если она принимает советы,
Она изменчива, как Гуль, которая вводит (человека) в заблуждение,
постоянно изменяя свою внешность,
Она так же не может сдержать своих обещаний,
Как сито не может удерживать воду.

3) Кааб уделяет большое внимание композиции касыды, добиваясь гармоничности в ее построении. В этом он превосходит своих предшественников, в том числе и отца. Искусно и мастерски поэт переходит от одного сюжета к другому, от одной части касыды к другой. Так, например, переходя от лирической части к описанию верблюдницы, он говорит:

Ночевала Суад в месте, которого не найдет
Никто, кроме благородной и быstroногой верблюдницы.

4) В стихах Кааба заметна некоторая искусственность, которая помогает автору усилить впечатление, производимое его рассказом; он не ограничивается традиционными приемами древних поэтов, а использует, как мы видели, многословие, добиваясь наибольшей силы воздействия на слушателя. С той же целью Кааб специально подбирает звонкие, выразительные слова и обороты, а также прибегает к частым повторам. При этом он широко использует мудрые изречения, которые придают его изложению еще большую убедительность. Все это и составляет основу красноречия поэта.

Понстине посланник пророка — это
Сверкающий меч, освещающий путь истины,
Самый острый из мечей Аллаха, занесенный над врагом.
Сказал курейшнтам Омар ибн Хаттаб
В Мекке, когда они приняли ислам: «Идите в Медину»,—
Они ушли все: не остался ни слабый, ни безоружный...

Таков Кааб ибн Зухейр. В его стиле отчетливо слышен отзвук новой культуры с ее тенденцией к многословию и напыщенному красноречию. В его стихах есть много оригинального, хотя они не отмечены ни гениальностью, ни большим поэтическим талантом.

Хассан ибн Сабит (? — 674 [54])

жизнь поэта

Происхождение поэта. Абу-ль-Валид Хассан ибн Сабит принадлежит к племени Хазрадж, которое пришло из Йемена в Хиджаз и поселилось в Медине вместе с племенем Аус. Хассан родился в Медине почти на восемь лет раньше Мухаммеда. Он рос в знатной и благородной семье и проводил время в увеселениях, заполняя свою жизнь пирушками и романтическими приключениями. В доисламскую эпоху Медина являлась ареной непрестанной борьбы между племенами Аус и Хазрадж, она была свидетельницей многочисленных вооруженных столкновений. Кайс ибн аль-Хатым — поэт племени Аус и Хассан — поэт племени Хазрадж защищали в этой борьбе каждый свое племя и превозносили его славу. Оба эти поэта пользовались широкой известностью в стране.

Придворный поэт. Творчество Хассана было связано с Гассанидами — правителями Дамаска, которых он прославлял в своих прекрасных стихах. Вместе с ан-Набигой аз-Зубьяни, Алькамой аль-Фахлем и другими придворными поэтами Хассан разделял дары Гассанидов и вел привольную жизнь, обеспеченную щедрым покровительством. Затем он перешел на службу к правителю Хиры Абу Кабусу ан-Нуаману и занял при нем место ан-Набиги, с которым правитель был в то время в ссоре. Однако поэт зубьянитов вскоре вернулся во дворец Абу Кабуса, и Хассану пришлось покинуть его двор. Находясь в непосредственной близости к правителям, Хассан овладел искусством сочинения панегириков, а живя в своем племени, — искусством сочинения сатирических стихов. Таким образом, он был вполне подготовлен к тому, чтобы примкнуть к пророку ислама Мухаммеду, прославлять его в своих панегириках и направлять оружие своей сатиры на его противников.

Певец ислама. В шестьдесят лет Хассан принял ислам и включился в словесную битву с курейшитами. Он защищал

Мухаммеда и ислам, высмеивал его врагов. Мухаммед оценил стихи Хассана, приблизил к себе поэта, взял его под свое покровительство. Он выделял ему часть военной добычи и трофеев, подарил ему сестру коптской пленницы Марият, от которой у Мухаммеда был сын Ибрагим Сирин. Затем Мухаммед подарил Хассану дворец в Медине, который был выстроен Абу Тальхой специально для семьи пророка. Однако Хассан был труслив: он защищал Мухаммеда только своими стихами и не прикасался к мечу; он боялся сопровождать пророка во время военных походов и не принимал участия в битвах и сражениях.

После смерти Мухаммеда Хассан стал на сторону его сподвижников в борьбе за светскую и духовную власть с мухаджирами¹. Затем он примкнул к Осману ибн Аффану и горько оплакивал его смерть, призывая отомстить Али, которого поэт обвинял в этом убийстве. Впоследствии поэт перешел на сторону Муавии и стал его усиленно прославлять. Хассан умер около 674 [54] года, в эпоху правления Муавии.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

Его произведения. Хассану ибн Сабиту принадлежит сборник стихотворений, который с середины XIX века неоднократно издавался в Индии, Тунисе, Египте; в 1910 году он был издан в Лондоне Харшфилдом, возглавлявшим комитет по подготовке юбилея Гибба.

Достоверность принадлежности дивана Хассану. Поскольку Хассану ибн Сабиту принадлежит особое место в истории арабской литературы как с религиозной, так и с политической точек зрения, ему приписывали множество чужих стихов. Этим занимались как враги ислама, так и некоторые авторы Сиры², например Ибн Исхак. Не избежал этого и Ибн Хишам (833) [218], который собрал, отредактировал и прокомментировал Сиру: он также приписывал поэту большое число стихов, на самом деле ему не принадлежащих.

Основные жанры и отличительные черты творчества Хассана. Большинство стихов Хассана является произведениями сатирического жанра. Остальные стихи посвящены прославлению сподвижников Мухаммеда или же являются панегириками, написанными в честь самого Мухаммеда, в честь Гассанидов или ан-Нуамана и других арабских правителей и их приближенных. Часть стихов Хассана представляет собой описания пиров и разнообразных развлечений; они содержат значительный элемент лирики. Для того чтобы облегчить изучение

¹ Мухаджиры — первые сторонники Мухаммеда, переселившиеся вместе с ним из Мекки в Медину. — *Прим. ред.*

² Сира — «биография»; в данном случае имеется в виду биография Мухаммеда. — *Прим. ред.*

наследия поэта, следует разбить его творчество на четыре раздела.

В первом разделе, «Хассан — поэт своего племени», мы рассмотрим самовосхваления (*фахр*), написанные в стиле доисламской поэзии. Во втором, «Хассан — корыстолюбивый поэт», мы разберем панегирики Хассана (*мадх*), написанные в корыстных целях, преимущественно в период его жизни при дворах арабских правителей. В третьем, «Хассан — поэт ислама», речь будет идти о религиозных и политических стихах поэта. И, наконец, в четвертом, «Хассан — певец забав и развлечений», мы коснемся тех немногих стихов, в которых поэт описывает веселые пиры, а также его лирические произведения. После этого мы рассмотрим произведения Хассана с точки зрения их художественной и исторической ценности.

Хассан — поэт своего племени. До того как Хассан принял ислам, он, как и прочие доисламские поэты, считал целью своего творчества защиту своего племени и прославление его подвигов. В то время его стихи отражали племенную борьбу и, как правило, содержали самовосхваления.

Сочинение этих стихов стимулировала вражда, разгоревшаяся между племенем поэта и племенем Аус; стремясь отстоять честь своего племени, Хассан состязался с поэтами этого племени, особенно с Кайсом ибн аль-Хатымом. Соперничая друг с другом, каждый из поэтов стремился обесчестить племя противника и прославить свое племя и себя.

Восхваления своего племени (*фахр*), созданные Хассаном в тот период, начинались обычным лирическим вступлением, после которого поэт говорил о своей храбрости, благородстве и знатности происхождения; таким образом, эти его произведения были выдержаны в традиционном стиле. В них проявились высокая одаренность Хассана и страстность его натуры.

Хассан — корыстолюбивый поэт. Творчество Хассана было тесно связано с жизнью двора Гассанидов и двора Лахмидов.

Он сочинял панегирики в честь многих гассанидских правителей, среди которых наибольшей известностью пользовались Амр IV, сын аль-Хариса VI (597), его брат ан-Нуаман VI, известный под именем Абу Кярб (600), и особенно Джабла ибн аль-Айхам. Приблизив к себе поэта, Гассаниды осыпали его подарками и даже назначили ему ежегодное жалование. Таких милостей поэт добился с помощью стихов, подобных следующим:

У них так часто бывают гости, что их собаки не лают,
Так как не интересуются идущими.
Они напоят любого водой, которую несет им Барада,
Водой, смешанной с вином, прохладной и освежающей.
Белолицые, благородные, они
Прекрасны и горды.

Хассан прославлял также правителя Хиры, ан-Нуамана, чем добились его благосклонности.

В своих панегириках Хассан придерживался стиля древних поэтов. Он начинал с описания следов покинутой стоянки, а затем, перейдя к восхвалению того, кому посвящал панегирик, перечислял события, в которых проявились все добродетели и высокие качества этого человека; при этом поэт следовал лишь своему вдохновению и потому часто нарушал композиционное единство произведения. Панегирики Хассана отличаются цветистым красноречием и напыщенностью.

Хассан — поэт ислама. Встав на защиту новой веры, Хассан выступил против защитников старого порядка. Между двумя группировками разгорелись жаркие словесные битвы, стихи стали оружием борьбы: они высмеивали врагов и прославляли единомышленников. Такие панегирики и сатирические стихи сочинялись не в корыстных целях и не ради вознаграждения, а во имя установления духовной и светской власти одной из враждующих групп. Поэтому стихи Хассана, носящие ярко выраженный политический характер, можно назвать подлинно политическими стихами.

Панегирики Хассана, созданные им в этот период творчества, в основном посвящены прославлению Мухаммеда, его последователей и великих сподвижников — тем, кто отдал все свои силы делу защиты ислама; они отличаются от панегириков, сочиненных с корыстной целью, отсутствием упоминания о вознаграждении и щедрости, в них содержится описание достоинств и добродетелей Мухаммеда, прославление его великой миссии.

Пророк пришел к нам после того, как мы уже отчаялись;
Долго не было у нас пророка, и идолы господствовали на земле.
Он — светоч праведного пути,
Он сияет так, как сияет острый сверкающий меч;
Он уберет нас от огня ада и провозвестил рай,
Он дал нам ислам, и мы поклоняемся Аллаху.
О Аллах! Ты божество созидания, ты мой повелитель и мой создатель.
Об этом я буду говорить людям до тех пор, пока я жив.

Затем следует оплакивание Мухаммеда, где поэт говорит о своей горе и страданиях по поводу утраты, проливает слезы, вспоминая о достоинствах пророка новой веры, и мечтает о встрече с ним в раю:

Я мечтаю о том, чтобы оказаться рядом с ним,
Когда наступит этот день, и я буду стремиться к этому всеми силами.

Свою сатиру Хассан направил против курейшитов, которые восстали против новой веры и поносили Мухаммеда. Однако, поскольку Мухаммед был связан с курейшитами родственными

узами, Хассан оказался в трудном положении. Рассказывают, что, когда поэт решил высмеять курейшитов, Мухаммед спросил его: «Что же ты будешь делать со мной?» И поэт ответил. «Я отделяю тебя от них, как волос отделяют от теста». Тогда Мухаммед дал поэту в наставники Абу Бекра, с тем чтобы он указывал Хассану, кого из курейшитов можно высмеивать, и разъяснял ему их родственные связи, а Хассан ограничился в своих стихах упоминанием вообще о язычниках-курейшитах, в частности о тех, кто наиболее рьяно выступал против Мухаммеда, например об Абу Джахле, Абу Ляхабе и Абу Суфьяне ибн Харасе.

В своих сатирических стихах поэт не бранил и не оскорблял предков и родственников всех курейшитов: отделив кого-либо из курейшитов от всего племени, он изображал его либо чужестранцем, который нашел в этом племени приют и незаконно присвоил себе его имя, либо усыновленным племенем; в других случаях он изображал этого курейшита как представителя отмирающей ветви племени и, лишь упомянув о его родне с материнской стороны, обрушивался на него с руганью, высмеивая его манеры и поведение, оскорбляя его честь в уничтожающих, беспощадных выражениях. Он приписывал обычно такому человеку все недостойные араба качества: невежество, скупость, трусость, нежелание спасти свою возлюбленную от смерти на поле битвы. В таких случаях он чаще всего упоминал битву при Бадре, где курейшиты потерпели поражение. Высмеивая род Сахма ибн Амра ибн Хасыса и Амра ибн аль-Аса ибн Ваиля, поэт говорит:

О Аллах! Нет среди курейшитов ни одного человека,
Который был бы старше, трусливее, распутнее и беспомощнее его.
Он болтун, источник несчастий, он скуп с гостями.
А когда гости уезжают, в провожатые им он дает лишь луну;
Как часто бывает, что собака, укусив благородного человека,
Бежит только тогда, когда он бросит в нее камень.
Если бы не пророк, его правдивые слова и его гнев,
Я бы не пожелал ни женщины, ни мужчины от вас.

Во всех этих стихах Хассана, отражающих религиозную и политическую борьбу того времени, чувствуется глубокая искренность и страстность человека, отстаивающего дело, которому он отдался целиком.

Поистине, отец мой, его дети, моя честь —
Эту честь Мухаммеда, которую надо охранять от вас.

Хассан — певец забав и развлечений. Хассан, особенно до принятия им ислама, проводил много времени на пирах, любил услаждать себя пением и охотно принимал участие во всяких других забавах и увеселениях. Ему принадлежат знаменитые описания пирушек, содержащиеся в стихах,

посвященных гассанидским правителям; кроме того, у него есть стихотворение, посвященное Шаасе и Амру. Однако эти стихи не были самостоятельными — к ним часто добавлялись самовосхваления и прославления других. Лирические стихи Хассана были по содержанию и по форме выдержаны в традиционном стиле доисламских поэтов, застольные стихотворения Хассана (*хамрийят*) обязательно включали, как и у доисламских поэтов, самовосхваление и описание, где поэт с увлечением говорил о старом выдержанном вине, рассказывал о том, как его пьют, и обращался к виночерпню:

Я пил вино из этой лавки,
Красное, искристое, терпкое и крепкое.
Он спешит ко мне с этой чашей с ушками
И поит меня из нее, а сам не пьет.
«То, что ты мне дал, я возвращаю обратно,
Ведь оно смешано с водой». «Да, разбавлено».
«Так подай же мне неразбавленного».

Оно медленно и постепенно расходуется по телу,
Ползет, как молодая саранча по мягкой песчаной земле.

ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА ХАССАНА

Художественная ценность произведений Хассана — поэт, обладающий большой силой убеждения, поэт глубоких чувств; ему чужда медлительность Зухейра, и стихи его как бы льются сами собой. Это объясняется тем, что поэтический талант Хассана — это природный, естественный дар и поэзия его лишена всякой фальши и искусственности. Его стихи не заставляют задумываться над их смыслом; вступительные части его произведений отличаются предельной краткостью — поэт спешит перейти непосредственно к волнующей его теме, причем переходы эти обычно решаются им очень просто: он говорит: «Оставим это...» — и начинает новую тему. Под влиянием страстей, бушующих в душе поэта, слова в его стихах льются свободно, в их сочетании друг с другом отсутствует какой-либо порядок или система, так как эта страстность мешает поэту отточить и исправить свои произведения. Отсюда же и некоторая рыхлость стихов Хассана, особенно заметная в произведениях исламского периода, так как в то время, когда он их создавал, ему было уже много лет. В тот период вся страна была охвачена огнем вооруженной борьбы; поэта глубоко волновали события, происходящие вокруг него. Часто он должен был настолько быстро откликаться на них, что сочинял стихи экспромтом. Возможно, впечатление рыхлости усугубляется еще и тем, что в диван Хассана вошли стихи, на самом деле

ему не принадлежащие. В стихах Хассана отсутствуют описания и сравнения, обычные для произведений доисламской поэзии. Вместе с тем в них чувствуются порывы глубокой, искренней страсти и нервное напряжение; слова его обретают сокрушительную силу и разят, словно стрелы, а бейты мчатся, подобно гневно бурлящим водам ручья.

В произведениях Хассана чувствуется влияние новой религии и Корана, оно проявляется, в частности, в том, что поэт вкладывает новый смысл в понятие удовлетворенности судьбой, иначе определяет свои чувства и убеждения, упоминает о единобожии и очищении, о возмездии. Это также проявляется в употреблении Хассаном слов в их новом значении, порожденном новой религией.

Учитывая все это, можно сказать, что Хассан является основателем религиозной поэзии ислама.

Историческая ценность произведений Хассана. Произведения Хассана, помимо художественной ценности, имеют огромную историческую ценность. Они являются одним из источников для изучения истории того времени: в них отражены события эпохи Гассанидов, даны описания войн, которые велись в ту эпоху, а также событий, происходивших на заре ислама; они повествуют нам о деяниях Мухаммеда, о его подвигах, сражениях и о завоевании Мекки, знакомят нас с именами его приверженцев и врагов. Таким образом, Хассан был поэтом и историком, а его произведения положили начало политической поэзии, получившей широкое распространение в эпоху Омейядов.

Поэты Абу Зуайб аль-Хузали и ан-Набига аль-Джаади

АБУ ЗУАЙБ АЛЬ-ХУЗАЛИ (р — 646 [26])

ЖИЗНЬ ПОЭТА

Хувайлид ибн Халид аль-Хузали ан-Низари принадлежит к числу поэтов, живших в доисламский период и принявших затем ислам.

Он жил в Медине и принимал участие в сражениях и походах. Когда халифом стал Осман, аль-Хузали отправился в африканский поход вместе с войсками Абдаллаха ибн Саада ибн аби Сарха — одного из сыновей Амира ибн Люай. Он принимал участие в покорении Африки, затем возвратился вместе с Абдаллахом ибн аз-Зубейром в Египет; там же он и умер.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

Абу Зуайб создал много касыд; Ибн Кутейба включил их в свою книгу «Поэзия и поэты». Наибольшей известностью среди них пользуется касыда с рифмой на «айн», в которой поэт

оплакивает своих пятерых детей, погибших от чумы в Египте. Касыда эта начинается следующим бейтом:

Ты жалуешься на смерть и несчастье в жизни,
Но ведь судьба наносит свои удары, не спрашивая, кто может их вы-
нести

Поэзия Абу Зуайба — это поэзия горестных чувств человека, который старается выдержать удары судьбы и не думать о том, что происходит в мире. Однако он не в силах сдерживать слез — они льются ручьями, словно глаза его полны шипов и колючек:

Как будто зрачки глаз
Выкрашены сурьмой; они слепы, но плачут.

Поэт пытается утешить себя мудрыми рассуждениями; среди его изречений наибольшей известностью пользуется следующее:

Когда смерть вонзит в тебя когти, будет
Бесполезен любой талисман.

Стиль Абу Зуайба отличается уравновешенностью, спокойствием, а также простотой и безыскусностью изложения.

АН-НАБИГА АЛЬ-ДЖААДИ (? — 699 [80])

ЖИЗНЬ ПОЭТА

Абу Лейла Хассан ибн Абдаллах аль-Джаади аль-Амири начал сочинять стихи еще в доисламскую эпоху, однако полностью его талант раскрылся лишь в период становления ислама, и потому впоследствии он даже получил прозвище «ан-Набига», что значит «талантливый, выдающийся».

В доисламский период жизнь поэта текла спокойно; с появлением ислама он принял новую веру, примкнул к Мухаммеду и стал сочинять в его честь панегирики. Затем он стал мухаджиром. Когда халифом стал Али, поэт принял вместе с ним участие в битве Сиффин. Он помогал Али не только мечом, но и словом, всячески понося Муавию и Омейядов; затем он присоединился к сторонникам Ибн аз-Зубейра в их борьбе против Язида Мервана и Абд аль-Малика. Он прибыл в стан Ибн аз-Зубейра и воспел его в своих панегириках, за что был щедро вознагражден. Когда смуты прекратились, поэт стал путешествовать по завоеванным арабами странам и, прожив долгую жизнь, умер в Исфагане.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

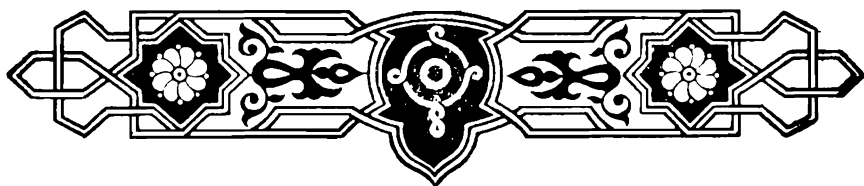
Ан-Набига аль-Джаади оставил после себя много произведений различных жанров, в основном это самовосхваления (*фахр*), сатиры (*хиджа*), панегирики (*мадх*) и элегии (*риса*). Больше всего поэт прославился описаниями лошадей.

Наиболее известна его касыда с рифмой на «ра», в которой он прославляет Мухаммеда. Она начинается следующим бейтом:

Друзья мои, вставайте немедленно и идите, хоть полдень зноен.
Оплакивайте того, кого погубила судьба, и причитайте.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО ПОЭТА

У ан-Набиги аль-Джаади был прирожденный поэтический талант, стихи его слагались как бы сами собой — он не обдумывал их заранее и не перерабатывал впоследствии, поэтому его стихи полны как достоинств, так и недостатков. Отличительные черты его стихов — простота, нежная музыкальность и гармоничность.

ПОЭЗИЯ НАСЛАЖДЕНИЙ

Бедуинская лирика

Джамиль ибн Маамар и Лейла аль-Ахьялийя

ЛИРИКА ВЕДУИНОВ И ЛИРИКА ОСЕДЛЫХ АРАБОВ

Лирическая поэзия в эпоху праведных халифов и Омейядов. Лирические стихи (*газаль*) существовали как литературный жанр и в предшествовавшие века, однако омейядский период литературы отличается тем, что в это время разнообразные и многочисленные виды лирических стихов были преобладающими в поэзии. В этом разделе мы рассмотрим собственно лирические произведения, не касаясь тех, которые поэты включали в произведения других поэтических жанров, как это было принято в доисламскую эпоху и в последующие века, начиная лирическими стихами панегирики и другие касыды. Лирика нового типа почти не была распространена в Сирии и Ираке; объяснить это можно тем, что Сирия — оплот халифата Омейядов и Ирак — оплот оппозиции постоянно находились в состоянии политической борьбы, и там не было места спокойной, мирной жизни. Поэтому лирические стихи в этих странах выдерживались в традиционном стиле древней поэзии, а лирика нового типа появилась в Хиджазе и в соседних с ним исконно арабских землях.

ВИДЫ ЛИРИКИ

Лирика этого периода подразделяется на бедуинскую и лирику оседлых арабов.

Лирика бедуинов — это целомудренная, непорочная лирика, воспевающая чистую, платоническую любовь. Наиболее выдающимися ее авторами были Джамиль ибн Маамар — возлюбленный Бусайны; Лейла аль-Ахьялийя — возлюбленная Тауба ибн Хумайра; аль-Маджнун аль-Амири — возлюбленный Лейлы и Кайс ибн Зарих — возлюбленный Либны.

Лирика оседлых арабов представляла собой стихи вольного содержания, посвященные воспеванию эротических наслаждений, полные различных натуралистических описаний. Наиболее известными ее авторами были Омар ибн аби Раба, аль-Ахвас, а также аль-Валид ибн Язид.

СОБЫТИЯ, ОБУСЛОВИВШИЕ ПОЯВЛЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ЛИРИКИ

Хиджаз был сердцем молодой арабской империи, ее религиозным и политическим центром, так как Медина была местом хиджры Мухаммеда, а затем халифы избрали ее столицей государства. К ней были обращены все взоры, отсюда, из Хиджаза, шли арабские войска на покорение других стран. Обильным потоком полились в Медину богатства персов, сирийцев и египтян. Все это имело немалое значение для появления новой культуры, созданной общими усилиями арабов и других народов,— культуры, которая принесла в Медину роскошь и богатство.

Однако, после того как власть в халифате перешла к Омейядам и политический центр переместился из Хиджаза в Сирию, положение изменилось. Хиджазцы вступили в ряды противников Омейядов, а Омейяды в свою очередь отвернулись от хиджазцев и перестали, за редким исключением, назначать их на высокие государственные должности. Пытаясь отвлечь хиджазцев от политики, Омейяды стали затем наделять их богатствами; одновременно они обуздали бедуинов, запретив им совершать набеги и нападения. В результате этих мер в стране воцарилось спокойствие.

Однако в пустынях Неджда и Хиджаза стали собираться изгнанники, недовольные, бедняки, среди которых господствовал дух благочестия и стремления к высоким идеалам; это стремление проявлялось в религиозности и в целомудренности их лирических стихов.

У оседлых же арабов богатство и роскошь сочетались с разочарованностью; потомки мухаджиров и ансаров в Мекке и Медине были богатыми людьми, а разочарованность и богатство порождали страсть к наслаждениям и злоупотреблениям ими. Появились группы праздных молодых людей, проводивших всю свою жизнь в безумствах, погрязших в грехе; в их распоряжении было большое число слуг и рабов. Развлекались они по-разному, но главным образом пением и музыкой, которая особенно была популярна в Медине¹.

¹ Из всех видов развлечений и увеселений пение было основным, но не единственным; были распространены состязания голубей, соревнования в стрельбе из арбалетов, они назывались «джалахик», а также игра в нарды и шахматы. Некоторые нанимали себе шутов, чтобы в доме у них всегда царил веселье. Среди таких шутов особенно прославился своими анекдотами мединский шут Ашаиб.

Искусство певцов и певиц из числа вольноотпущенников способствовало развитию пения, а развитие песенного искусства сопровождалось появлением большого количества стихов, которые читали нараспев под аккомпанемент музыкальных инструментов; большинство таких стихов посвящалось темам любви и любовных приключений, многие из них были непристойными, приносящими в песни элемент эротики.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРИОДА ОМЕЙЯДОВ ПО СРАВНЕНИЮ С ДОИСЛАМСКОЙ

Самостоятельность лирики омейядского периода. Лирические произведения, о которых мы сейчас говорим, в корне отличаются от лирики доисламской эпохи, то есть от лирических вступлений, которыми начинались касиды, где речь шла о следах покинутой стоянки. Такие стихи не имели самостоятельного содержания, они были лишь вспомогательным средством выражения основного замысла поэта в его касиде, служили как бы музыкальным вступлением к основной теме произведения. Однако в эпоху Омейядов лирическое произведение становится самостоятельным, поэты начали придавать лирическому стихотворению форму самостоятельной касиды, хотя большинство таких стихов продолжало входить в касиды как отдельные, чередующиеся друг с другом отрывки. Объяснить это можно тем, что лирические стихотворения перелажались на музыку, а певцы и певицы могли спеть подряд два, три, самое большее десять бейтов.

Содержание лирики. Лирическая поэзия доисламского периода тоже не была лишена содержания, тоже описывала душевные переживания, но в лирике омейядского периода появились новые элементы: поэты стали говорить о любви, о состоянии влюбленности, о чувствах, которые любовь будит в душе человека,— печали, надежде, ожидании. Поэтому лирика омейядского периода отличается от лирики древних поэтов более богатым духовным содержанием, поскольку здесь поэты стали рассказывать о своих личных переживаниях. Описание внешнего проявления любви стало служить поэту средством выражения внутреннего состояния души и бушевающих ее чувств. Новый характер лирики определили влияние новой культуры, а также то, что поэт посвящал себя лирическому жанру целиком, ограничивая им свое творчество, стремясь определить в процессе самоанализа сущность своих переживаний. Однако этот самоанализ был неглубок и не мог охватить всех тонкостей явлений.

Музыкальность лирических произведений. Естественно, что пение внесло в стихи новый элемент; это становится очевидным при сравнении музыкальности стихов, распевавшихся в Медине в эпоху Омейядов, с музыкальностью сти-

хов доисламских поэтов. Музыка новых стихов звучит намного отчетливее, чем музыка старых, а их язык более доступен, так как в новых стихах поэты старались говорить простым языком, понятным широким массам и иноземным певцам. В этом одна из основных причин того, что новая песенная поэзия стала подлинно народной.

Поэты омейядского периода, учитывая требования песенного жанра, видоизменяли ритм старого стиха, сокращая и расширяя размер стопы. Поэты стали отдавать предпочтение более простым стихотворным размерам, таким, например, как *вафир*, *хафиф*, *рамаль*, *мутакариб* и *хазадж*; причем поэты дробили размеры, подгоняя их под мелодию песни. Мелодии стали более разнообразными, так как певцы заимствовали их у других народов и вносили в арабскую манеру пения новые элементы.

Некоторые особенности бедуинской лирики. На бедуинской лирике лежал отпечаток кочевого образа жизни, который придает речи поэта сдержанность, а содержанию — простоту; эти произведения отличаются также искренностью в описании чувств, так как авторами этих стихов были простые люди, описывавшие пережитые ими чувства. Следует отметить, что лирические произведения бедуинов не носили отпечатка яркой индивидуальности, так как поэт, целиком поглощенный темой своего произведения, совершенно забывал о себе; поэтому и рассказчики затруднялись в определении авторства произведений и часто приписывали одному поэту то, что было создано другим. Кроме того, поэты часто договаривались между собой о том, чтобы создавать сходные по темам произведения в одном стиле и применять в них одни и те же художественно-изобразительные средства.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ

Песенная поэзия в эпоху Омейядов стала подлинно народной; отрывки песенных стихов повторялись во всех уголках арабского мира, поскольку единственными письменными произведениями, которые арабы в то время читали, были стихи. То, что эти стихи можно было петь, тоже способствовало их распространению, так как, во-первых, их пели в сезон хаджа¹ и, во-вторых, певцы сами несли эти песни из Медины и Мекки в соседние кочевые и оседлые поселения Хиджаза, а оттуда в далекие оседлые центры Ирака и Сирии. К тому же песенные стихи легко читались и содержание их было понятно широким массам.

¹ *Хаджж* — паломничество мусульман к святым местам Мекки. — *Прим. ред.*

ЖИЗНЬ ПОЭТА

Джамиль ибн Абдалла ибн Маамар аль-Узри родился в Вадии аль-Кура, в Хиджазе. Еще юношей он влюбился в свою двоюродную сестру, которую звали Бусейна, и получил поэтому прозвище «Джамиль Бусейны». Молодые люди страстно любили друг друга, поэт сочинил в честь Бусейны множество стихов, но то, что он открыто воспевал ее в своих стихах, не вызвало одобрения его соплеменников, а наоборот, восстановило против поэта все племя. Дело дошло до того, что, когда поэт стал свататься к Бусейне, ему отказали и выдали ее замуж за другого¹. Поскольку поэт начал после этого высмеивать своих соплеменников в стихах и к тому же продолжал посещать Бусейну, они натравили на него Мервана ибн аль-Хакама, который был наместником Муавии ибн аби Суфьяна в Медине. Мерван угрожал поэту казнью, и тогда Джамиль был вынужден пуститься в странствия. Он отправился в Йемен, а затем в Сирию и Египет, где и умер около 701 [82] года.

О личности Джамии существует много противоречивых сведений, в рассказах о его жизни много неправдоподобного, ему приписывали много стихов, на самом деле ему не принадлежащих. В книге «Китаб аль-Агани» содержится ряд ценных сведений о Джамии ибн Маамаре, которые были получены от рассказчиков; их рассказы были собраны в качестве комментария к стихам поэта, а также для развлечения читателей.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

«Джамиль Бусейны» оставил после себя много стихов, вошедших в отдельные литературные сборники. Среди этих стихов есть панегирики (*мадх*), сочиненные в честь племени Бану Джузам, из которого происходила мать поэта и от которого поэт получал богатые подношения. Часть стихов написана в жанре сатиры (*хиджа*) и самовосхваления (*фахр*). Однако своей славой и известностью он более всего обязан стихам в жанре *насиб*, то есть стихам, посвященным описанию женщины. Эти стихи поэт сочинял в честь Бусейны; в данной главе мы и займемся их рассмотрением.

¹ В древности у арабов порицалось воспевание поэтом любви к девушке своего племени. Если поэт продолжал воспевать ее в своих стихах, не обращая внимания на осуждение, это вызывало гнев его соплеменников, а иногда они даже требовали его изгнания. Если же, несмотря ни на что, поэт все-таки осмеливался свататься к этой девушке, ему отказывали, а его возлюбленную спешно выдавали замуж за другого. Поэт проводил остаток своих дней в страданиях, отрешившись от жизни, выражая эти чувства страдания и отрешенности в своих стихах. Подобная участь постигла многих влюбленных поэтов, в том числе аль-Маджнуна, Джамии ибн Маамара и других.

Когда мы читаем стихи Джамиля ибн Маамара, перед нами предстает образ влюбленного поэта, не признающего преград в любви, добивающегося своего, несмотря на все унижения. Некоторая гиперболизация чувств уживается в его стихах с наивностью, а спокойствие и благоразумие — с бурными проявлениями страсти.

В стихах Джамиля звучит искренняя нежность, кажется, что в них поет сама душа поэта. Глубину чувства поэта доказывает постоянство его любви к Бусейне — он сохранил свою любовь, несмотря на все трудности, которые ему пришлось пережить, и все препятствия, которые ему пришлось преодолеть.

Они поносили меня, и потому ты меня покинула,
Но я не уступлю тебя, как бы они ни старались.

Поэт говорит, что его любовь будет жить и после его смерти:

Пока я живу, сердце мое страстно желает тебя,
Но и после смерти мой голос ответит на твой призыв.

Он искренен в своем горе и страдании:

Друзья мои, видели ли вы когда-нибудь в жизни,
Чтобы убитый плакал от любви к своей убийце?

Он так же искренен в своем великодушии и готов пожертвовать всем, что у него есть, кроме разве чести, ради своей возлюбленной:

Если когда-нибудь Бусейна придет ко мне человека, требуя
Правую мою руку, как мне ни трудно будет с ней расстаться,
Я отдам свою руку посланному за ней.
А потом, оставшись без рук, попрошу Бусейну утешить меня.

Любовь Джамиля чиста и целомудренна, он не поступится честью ради разврата и распущенности.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО ПОЭТА

Стихи Джамиля считаются наиболее красивыми и изящными среди стихов древних арабских поэтов. Они отразили его жизнь и душевные переживания, и потому его искусство — это искусство живого чувства, которое помогает поэту найти для своих произведений наиболее сильные изобразительные средства и своеобразный стиль.

Стиль произведений Джамиля определяется помыслами и желаниями влюбленного поэта. Образ любимой всегда стоит перед его глазами, он беседует с ней и с наивной настойчиво-

стью повествует ей о своих страданиях. Это повествовательно-разговорный стиль, в котором жалобы, страдания и душевные муки выражаются в восторженных восклицаниях, мольбах и призывах всеми средствами живого языка:

Пусть смерть набросит на меня свое покрывало,
Только бы день нашей встречи никогда не кончился.

Поэт воскрешает в своих стихах трогательные сцены любви, повторяет слова своей подруги:

Не забываю ни одной вещи, ни одного сказанного ею слова...

Слова поэта льются свободно, гармонично сочетаясь друг с другом; его стихи настолько мелодичны, что их можно легко переложить на музыку.

ЛЕЙЛА АЛЬ-АХЪЯЛИЙЯ (? — 695 [75])

ЖИЗНЬ ПОЭТЕССЫ

Лейла, дочь Абдаллаха ибн ар-Раххалия из племени аль-Ахьяль из Амира, славилась красотой и красноречием; она была умелой рассказчицей и чтицей и в то же время знатоком арабской генеалогии. В нее был влюблен Тауба ибн аль-Хумайир из племени Бану Акиль, также из Амира; он сочинял в ее честь стихи и сватался к ней, однако отец Лейлы не отдал ее в жены Таубе, так как Тауба не скрывал своей любви и писал стихи своей возлюбленной. Лейлу выдали замуж за человека из племени Бану аль-Адляа; он был очень ревнив и запретил кому-либо из соплеменников Лейлы навещать ее или приходить к ним в гости. Однако Тауба не прекратил своих встреч с Лейлой; это вызвало гнев родственников мужа Лейлы, и они решили устроить засаду, чтобы убить Таубу. Лейла узнала об этом, и, когда в один из следующих дней Тауба приехал навещать ее, она вышла к нему без покрывала, с поникшей головой. Тауба понял, что его ждет, и, вернувшись к своей верблюдице, спасся бегством.

Тауба участвовал во многих сражениях, и, когда в одном из них он был убит, Лейла горько оплакивала его. Затем она отправилась к аль-Хадждаджу и воспела его в своих панегириках, за что получила награду.

Существует легенда, что однажды, когда Лейла проезжала вместе с мужем в паланкине мимо могилы Таубы, она захотела обратиться с приветствием к поэту. Муж запретил ей делать это, однако она настояла на своем и, встав, произнесла, обратив свое лицо к холму, где находилась могила Таубы: «Приветствую тебя, о Тауба!» Затем повернулась к сопровождавшим ее людям

и сказала: «Никогда до сих пор я не знала, что он может меня обмануть». «Что же случилось?» — спросили ее. И она ответила: «Разве он не сказал:

«Если Лейла аль-Ахьялийя пошлет мне слова привет,
В то время, когда я буду лежать в земле и надо мной будет
могильная плита,

Я отвечу ей на привет улыбкой или словом,
И эхо из моей могилы донесет его до ее слуха».

И продолжала Лейла: «Почему же не отвечает он мне, как обещал?» Едва успела она произнести эти слова, как вдруг в воздух с шумом поднялась сова, прятаясь близ могилы Таубы. Все были напуганы, а верблюд от страха заревел. В тот же момент Лейла упала без чувств и умерла. Так и похоронили ее рядом с возлюбленным.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТЕССЫ

Поэтическое наследие Лейлы аль-Ахьялийи составляют стихи различных жанров — это панегирики (*мадх*), сатиры (*хиджа*), элегии (*риса*) и другие произведения, вошедшие в различные литературные исследования. Однако самые лучшие из ее стихов те, что посвящены Таубе. В них поэтесса прославляет достоинства этого человека, возвеличивает его, превозносит его храбрость и благородство. Порожденные чистой любовью поэтессы, эти стихи отличаются от остальных ее произведений большей глубиной чувства и искренностью. Лейла продолжала оплакивать Таубу после его смерти в течение всей своей жизни. Элегии, посвященные Таубе, — наиболее изящные и красивые из ее стихов. Примером может служить бейт, где Лейла клянется никогда не забывать своего друга:

Клянусь! Я не перестану оплакивать тебя, пока перекликаются
Сизые голубы на ветвях, пока птицы летают в небе.

В заключение следует сказать, что поэзия аль-Ахьялийи — это чисто женская поэзия, поэзия глубоких чувств и нежных излияний; в ее стихах сочетаются изящество формы и гибкость стиля. Поэтому после аль-Хансы Лейла аль-Ахьялийя считается одной из крупнейших арабских поэтесс.

ЛИРИКА ОСЕДЛЫХ АРАБОВ

Омар ибн аби Рабиа, аль-Ахвас, аль-Валид ибн Язид

ОМАР ИБН АБИ РАБИА (644—711) [23—93]

ЖИЗНЬ ПОЭТА

Детство поэта и его воспитание. Омар ибн аби Рабиа из рода Махзум, одного из самых сильных и богатых родов племени Курейш, пользовавшегося наибольшим влиянием и авторитетом и в доисламскую эпоху и в эпоху ислама, родился в Медине в 644 [23] году. Мать поэта, Маджд, была химьяритской или хадрамаутской пленницей. Его отец, Буджейр, был зажиточным купцом; впоследствии при Мухаммеде и праведных халифах он стал правителем области Джунад в Йемене.

Беззаботная юность. Омар воспитывался в обстановке роскоши и праздности; толпа рабов и невольниц непрерывно забавляла и развлекала его, как это и было принято в благородных семьях, где дети не знали никаких забот. Он много путешествовал по Хиджазу, Йемену, Ираку, Сирии; он общался с знатными и образованными людьми и сочинял в их честь стихи, оставаясь сам в стороне от политики и не примыкая ни к одному из политических направлений. Больше всего поэт любил сезон хаджжа; он одевал тогда лучшие свои одежды, расшитые красивыми узорами, распускал локоны, расправлял покрывало, разглаживал свой тонкий плащ, натирался благовониями и отправлялся бродить по дорогам, чтобы встретить там женщин-паломниц; он беседовал с ними и описывал их в стихах. Его известность возросла; женщины стали искать встреч с ним, надеясь быть прославленными в его стихах, и многие знатные люди стали опасаться за своих жен. Абу Рабиа состоял в связи со многими женщинами Хиджаза, женился же он на Кальсум — дочери Саада из рода Махзум; она родила ему сына Джувана, образ жизни которого был совсем не похож на образ жизни его отца.

Раскаявшийся поэт. К концу своей жизни Омар откасался от беспутных развлечений и стал благочестивым человеком. Некоторые считают, что благочестием, о котором говорят отдельные рассказчики, были отмечены лишь некоторые периоды жизни поэта: время от времени, когда упреки его друзей и близких становились все более настойчивыми, ему волею-неволею приходилось отказываться от развлечений. Возможно, раскаяние пришло к нему с годами, когда молодость, а с ней и легкомыслие ушли, уступив место старости и дряхлости. Однако, если и теперь что-либо волновало его чувства, в нем вновь вспыхивала былая страсть и он вновь воспевал ее в своих стихах. Тем не менее можно предполагать, что Абу Рабиа раскаялся и был в своем раскаянии искренен, хотя порой им опять овладевала страсть к юношеским увлечениям.

Рассказывают, что, когда поэт состарился, он дал обет Аллаху отпускать на волю раба или невольницу всякий раз, как сочинит новый бейт, и не было случая, чтобы он этот обет нарушил.

Смерть поэта. Об обстоятельствах смерти Омара известно меньше, чем о его жизни, и все многочисленные сведения о ней противоречивы. Наиболее старая и очень распространенная версия говорит о том, что халиф Омар ибн Абдул Азиз сослал поэта на остров Дахляк, расположенный в Красном море; в море на корабль напали, затем его подожгли, и поэт погиб в огне. Еще более распространено предположение, что Омар ибн аби Рабиа умер от болезни в Йемене около 711 [93] года.

ДУХОВНЫЙ МИР ПОЭТА

Омар был как будто создан для любви. Он был красив, причем его красоту дополняли изящество и тонкий вкус; по натуре он был очень общителен, незлобив и весел, кроме того, он был красноречив и остроумен. В характере его было что-то женственное. На празднествах, которые он устраивал, было много разнообразных развлечений, и женщины всегда стремились попасть на эти пирушки, ибо у хиджазских женщин любовь к литературе дополнялась склонностью к флирту и жадной веселья. К тому же Омар был человеком жизнерадостным, исполненным оптимизма. Но он видел смысл жизни только в чувственных наслаждениях, к которым он всегда страстно стремился, и в красоте. Он принес в жертву чувственным наслаждениям и поклонению красоте все свое поэтическое дарование и искусство. Он был сущим несчастьем для паломниц и их семей, доставлял много неприятностей халифам и их наместникам, семьям и друзьям своих возлюбленных.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

Поэту принадлежит большой диван, состоящий из нескольких тысяч бейтов. В основном это стихи лирического жанра (*газаль*); кроме того, в сборнике имеются самовосхваления (*фахр*) и различные описания (*васф*). Диван Омара был опубликован в Лейпциге в 1893 году, в Египте в 1893 году и Бейруте в 1934 году.

ОМАР ИБН АБИ РАБИА — ПЕВЕЦ ЖЕНСКОЙ КРАСОТЫ

Место женщины в поэзии Омара. Женщинам, особенно женщинам знатного происхождения, принадлежавшим к тем же кругам, что и сам Омар ибн аби Рабиа, отведено большое место в творчестве поэта. Его творчество было ограничено жанром *газаль*, и он почти не писал произведений в других

традиционных жанрах. В связи с этим автор «Китаб аль-Агани» рассказывает, что Сулейман ибн Абд аль-Малик спросил поэта: «Почему ты не прославляешь нас в своих стихах?» На что поэт ответил: «Я не прославляю мужчин, ибо я прославляю женщин». И действительно, он прославил так много женщин, что может показаться, будто не было ни одной девушки или женщины, считавшейся красивой, в которую он не был бы горячо влюблен и которой не посвящал бы стихов. Он был влюблен в Зейнаб, дочь Мусы из племени Джумах, в свою двоюродную сестру Нуам, в ас-Сурайю, дочь Али ибн Абдаллаха. Однако этим не ограничивалось число его возлюбленных, он увлекался многими женщинами-паломницами. Наиболее известны из этих женщин Лейла — дочь аль-Хариса из племени Бакр, Рамля — дочь Абдаллаха ибн Халифа из племени Хузаа, Фатима — дочь Мухаммеда ибн аль-Ашьяса из племени Кинд, а также жена шейха ан-Нахва абу аль-Асвада ад-Дуали. К этому следует добавить, как мы уже упоминали ранее, что поэт специально выходил встречать женщин-паломниц на их пути в Мекку; многие из них сами хотели, чтобы поэт увидел их и прославил в стихах, поэтому они навязывались ему и очень сердились, если он не обращал на них внимания.

Темы лирических описаний. Поэт описывал как внешние, физические, так и внутренние, духовные качества женщин. В первом случае он прибегал к традиционным образам и сравнениям, которые мы встречали в стихах предшествовавших ему поэтов; эти сравнения отличались сентиментальностью и были довольно безжизненными.

При описании духовных качеств женщины поэт говорит о ее нраве, склонностях, характере, об умении вести беседу, поведении ее в различной обстановке, особенно во время развлечений. В результате стихи Омара воссоздают картину праздной жизни женщины той эпохи. Эту картину дополняет живая женская речь, слова, заимствованные из лексикона женщин, умелая передача поэтом манеры женщин вести беседу.

Образы женщин. Подруги Омара были знатными женщинами, привыкшими к жизни в богатстве и роскоши, умевшими читать и писать. В стихах поэта их образы мало чем отличаются друг от друга, так как он наделяет всех их одними и теми же чертами.

Женская красота ассоциируется у поэта с приятным ароматом; он сравнивает женщин с солнцем или с белой газелью, а затем передает очарование образа с помощью описания аромата шафрана, камфарного дерева и пр. Он пишет о красоте женщины, облаченной в расшитые узорами шелковые одежды, украшенной браслетами на руках и ногах. Часто он говорит в своих описаниях о низменных инстинктах и наклонностях женщин, а иногда ограничивается просто описанием наружности девушки и прославлением ее знатного рода.

Поэтическое мастерство Омара. Стихи Омара не содержат глубоких мыслей и не отличаются богатством воображения; он — поэт воспоминаний, поэт-рассказчик, обладающий врожденной склонностью к беседе и умением ее вести. Его рассказы увлекательны; когда он говорит, он доставляет удовольствие своим слушателям и будит в их сердцах пламенные чувства. Однако все в его жизни подчинялось стремлению сблизиться с женщиной, побеседовать с ней и воспеть ее в своих стихах. Поэтому воспроизведению этих бесед поэт и отдал, как мы видим, весь свой талант, не желая использовать его столь же разносторонне, как все другие поэты.

Его воображение и фантазия не развиты так, как у других поэтов; его интересуют реальная действительность, реальные факты и живой диалог, который он воспроизводит с предельной точностью, лишь совершенствуя и оживляя его; всем этим поэт восполняет отсутствие в своих стихах глубоких мыслей. Если какие-то бейты и свидетельствуют о психологическом анализе, этот анализ поверхностен и не выходит за пределы описания событий повседневной жизни человека, подобного ему самому.

В стихах Омара также нет места глубокому чувству; если они и свидетельствуют о каких-либо чувствах, то лишь о чувствах поверхностных, переживаемых человеком, которому доступно все, что он пожелает, которому чужды страдания и внутренние переживания, который сгорает от жажды любви. Что же касается впечатлительности и восприимчивости, то в этом отношении поэт также отличается от людей, в чьих душах живут сильные и глубокие чувства; его восприимчивость столь же посредственна, как и его воображение.

По этой причине, а также потому, что поэт ограничивает свою тематику лишь изложением бесед и реальных событий, в его стихах встречается множество повторений. Рассказы его однообразны, поэтические приемы также мало отличаются один от другого, нет в них ни богатства воображения, ни оригинальности. Его стихи отражали изнеженность натуры человека, постоянно жаждущего наслаждений, человека, для которого важнее всего были развлечения и радости жизни, которому были чужды глубокое раздумье и самоанализ и который скользил по поверхности явлений, не пытаясь углубиться в их сущность.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО ПОЭТА

Омар ибн аби Рабиа стремился превратить свои стихи в послания к возлюбленным, послания, состоящие из описания, повествования, диалога, упреков и жалоб:

Я написал тебе письмо из моей страны;

Это письмо человека, лишившегося ума от горя и отчаяния,

Огонь страсти лишает его сна,
И его все время терзает безысходная тоска и боль,
Как будто чья-то рука безжалостно сжимает ему сердце...

Он также хотел, чтобы его стихи были песнями любви и чтобы их распевали его певцы — Ибн Сурейдж и аль-Гарид. Стихи Омара цитировал каждый, кто сочинял послания или песни; стиль их был обычным — в беседе чередовались повествование и диалог, язык отличался легкостью и музыкальностью.

Повествование и диалог. Когда мы говорим о диалоге и повествовании, мы употребляем эти слова в широком их смысле. Так, например, мы не имеем в виду повесть, написанную по всем законам, правилам, методам и приемам повествовательного жанра; также мы не имеем в виду сценического диалога в том виде, в каком он существует в драматическом произведении. Здесь речь идет о произведении, построенном в форме беседы в стихах, и в этом отношении творчество Омара резко отличается от творчества других поэтов.

Диалог был известен доисламским поэтам. Так, диалоги и повествования включал в свои стихи Имру-ль-Кайс, однако Омар ибн аби Рабиа положил диалог и повествование в основу своего поэтического метода. Его творчество характеризовали также простота речи, плавность, изящество, красота и выразительность языка — сочетание, которого редко удавалось достичь кому-либо из поэтов. Мастерство Омара отличают точность и реалистичность изображения. Если он изображает женщин, то они предстают в его произведениях со всеми свойственными им манерами, характерными жестами и походкой, со всеми особенностями их нрава:

Тем временем они описывали мои достоинства
И бесконечно долго рассматривали меня,
Как будто на лбу у меня была звезда.
Старшая сказала: «Вы знаете этого юношу?»
Средняя ответила: «Да, это Омар!»
А младшая, охваченная страстью ко мне, сказала:
«Мы знаем его, разве можно спрятать луну?»

В этом диалоге чувствуется биение жизни, ее передают пылкие замечания, тонкие комментарии, благодаря которым стихи Омара производили на слушателей глубокое впечатление.

Я спросил: «Кто это?» Она ответила: «Одна из тех,
Кого очаровал Аллах любовью к вам, в ком живет эта любовь»
Я спросил: «Это правда?» И она сказала слова,
Которые оставили в сердце тревогу и печаль:
«Аллах свидетель моей любви к вам,
Мои слезы свидетели моей печали».
Я сказал: «О госпожа моя! Ты измучила меня!»
Она ответила: «О Аллах! Мучай тогда и ты меня!»

В повествованиях и диалогах Омар ибн аби Рабаи часто клянется, заклинает, обращается к Аллаху. Это — одна из характерных черт стиля, в котором велись беседы в ту эпоху, черта, сохранившаяся, как мы знаем, и до нашего времени.

Заклинаю тебя, скажи, ты послал к ней вестника,
Который возбудил в ней страсть, или нашел ей друга?

Легкость и музыкальность стихов Омара. Лирика Омара — это зеркало его души, его жизни, его переживаний; Омар ибн аби Рабаи всегда был рабом красоты и поклонником певиц. Поэтому язык его стихов — это язык любви, хотя поэт и был циником, это язык чувств, хотя он был порочен, это подлинная музыка, хотя порой в ней при описании любви и страсти слышны слишком резкие нотки, порожденные пылкой человеческой натурой.

Речь поэта столь мягка и нежна, что слова как бы тают на языке; стихотворный размер меняется в зависимости от настроения поэта и в соответствии с обстановкой и характером образов. Однако и независимо от этих условий размер его стихов всегда настолько легок и изящен, что они часто могли бы быть похожи на прозу, так как рифма почти незаметна в естественном и плавном потоке слов поэта. Этой легкости, свойственной большинству стихов Омара, поэт добивается с помощью поэтического приема «*тадмин*»¹.

Исключительной мелодичности стихов Омар ибн аби Рабаи добивается мастерским подбором рифмы и размера. Создается впечатление, будто поэт сочиняет стихи, вторя певцам и певицам, будто он подсказывает им слова в лад песни, наслаждаясь ее прелестной мелодией, а рядом с ним сидят Ибн Сурейдж и аль-Гарид, которые помогают ему сочинять стихи тем, что напевают их. Музыка стихов Омара отражает настроения поэта и соответствует требованиям обстановки, это достигается повторением отдельных слов, еще более подчеркивающих мысль поэта.

Слабые стороны творчества Омара. Следует, однако, отметить, что легкости и плавности в произведениях поэта в отдельных случаях сопутствуют неумелое, несовершенное построение бейта и вялость рифмы. Именно это обстоятельство имеет в виду Джарир, один из исследователей поэзии Омара, когда он говорит: «Этот курейшит бредил, бредил и наконец сочинил стихи». И действительно, читая касыды Омара, наряду с легкими, изящными, безупречными стихами, как бы специально сочиненными поэтом для пения, и сильными стихами, в которых поражает красота образных выражений и которыми восхищаются такие великие поэты, как Джарир и аль-Фараздак, можно встретить стихи очень слабые и беспомощные.

¹ «*Тадмин*» — поэтический прием, пользуясь которым поэт целиком подчиняет рифму бейтов содержанию. — *Прим. ред.*

Омар был новатором потому, что, ограничив свое творчество любовной лирикой, он создал в этом жанре самостоятельные произведения, в которых особенно широко представлены диалог и повествование. В совершенстве овладев этим искусством, он превзошел в нем даже Имру-ль-Кайса.

Кроме того, его стихи отличаются великолепным описанием чувств женщины и ее положения в доме, хотя эти описания и лишены глубокого анализа. Он считается новатором также и потому, что отказался от традиционных поэтических размеров и пользовался такими легкими и плавными размерами, как *хафиф*, *рамаль*, *мунсарик*, или же дробил на части длинные размеры. Наконец, Омар был наиболее выдающимся из поэтов, приспособивших стихотворные размеры к мелодиям новых песен. Возможно, именно поэтому певцы и певицы предпочитали его стихи стихам всех других поэтов Хиджаза.

Следует добавить, что творчество поэта является в какой-то мере отражением духа его эпохи. Омар ибн аби Рабиа был представителем определенного класса своего времени, жившего в богатстве и роскоши. Полностью отстранившись от политической деятельности, Омар ибн аби Рабиа отказался и от политической тематики в своем творчестве. В его произведениях отсутствуют также темы жизни бедуинов и описания благородных черт характера жителей Мекки, Медины и соседних городов: их доброты, набожности и благочестия; они отражают жизнь той прослойки общества, которая находилась на стадии перехода от кочевой жизни к оседлой; эту прослойку составляли представители хиджазских селений, жившие в достатке и роскоши и проводившие время в увеселениях. Омар ибн аби Рабиа говорил в своих стихах о женщинах, об их страсти к развлечениям, об их стремлении быть воспетыми в стихах. Это и создало произведениям Омара столь широкую популярность. Омар ибн аби Рабиа возглавил лирическое направление арабской поэзии, у него учились многие молодые поэты Хиджаза, среди которых наиболее известны аль-Арджи и аль-Ахвас. Особенно увлекались его стихами певцы и певицы, они перекладывали их на музыку и повсюду их распевали. Увлекались его стихами и простые люди (в первую очередь любители развлечений); в стихах Омара их привлекали доходчивость, изящество, мелодичность, живые диалоги, описания пирушек.

Арабы считают, что творчество Омара отразило все типичные черты курейшитской поэзии; по признанию всех литературоведов, Омар ибн аби Рабиа был «самым лиричным из поэтов, стихи его оказывали наиболее сильное влияние на души людей и сильнее, чем какие-либо другие, очаровывали женщин». С другой стороны, красноречивые сравнения и яркие описания страстной любви в стихах Омара — серьезная опасность для добро-

детели. Поэтому один из сподвижников Мухаммеда сказал: «Ничто не способно возмутить Аллаха больше, чем стихи Ибн аби Рабиа».

АЛЬ-АХВАС (? — 723 [105])

Абдаллах ибн Мухаммед, по прозвищу аль-Ахвас, родился в Медине. Он был воспитан в духе стремления к материальному благополучию; в своих произведениях он всегда высмеивал людей, из-за чего претерпел немало неприятностей. Он вел жизнь, полную забав и развлечений. Его творчество дает полное представление о развитии поэзии и искусства в Медине в эпоху Омейядов. Особое место в его стихах занимает любовная лирика (*газаль*) — это повествования о любви и страсти, описания страданий любви, той боли и наслаждений, которые переживают влюбленные. Среди его возлюбленных было много мединских певиц-рабынь, и его чувства к ним отличались искренностью.

Его любовная лирика очень интересна, хотя и не лишена чрезмерной откровенности. Воспевание рабынь и наложниц, характерное для эпохи Омейядов, было затем продолжено поэтами аббасидского периода; своим творчеством аль-Ахвас проложил путь для Башшара и других аббасидских поэтов.

АЛЬ-ВАЛИД ИБН ЯЗИД (708 — 743) [90 — 126]

Абу-ль-Аббас аль-Валид ибн Язид ибн Абд аль-Малик ибн Мерван родился в Дамаске около 708 [90] года. Он вырос в обстановке беспечности, рано пристрастился к развлечениям, вину и охоте. Свой досуг он проводил в обществе поклонников женской красоты и любителей увеселений. Он очень любил слушать песни милых сердцу рабынь, и его дворец стал пристанищем для певиц и певцов, поэтов и рассказчиков, ученых и красавиц.

В 733 году аль-Валид стал халифом. Умер он в 743 году. Он был образованным человеком; из его произведений до нас дошли лишь немногие лирические стихотворения, некоторые элегии, описания пирушек, а также стихи, содержащие прославления и порицания. Основная тема его стихов — внутренний мир человека; он показал человека в играх и увеселениях, в горе, гневе, печали. Его стихи отличаются нежной напевностью, легкостью, изяществом и искренностью, хотя аль-Валид никогда не утруждает себя их тщательной обработкой.

Мне сказали, что Сальма
Вышла днем на молитву,
А красивая птичка
Сидит на ветке и чистится.

Я спросил: «Кто знает Сальму?»
Птичка ответила: «Ха!» — и поднялась еще выше;
Я сказал: «О птичка, приблизься ко мне»,
Птичка ответила: «Ха!» — и опустилась.
Я спросил: «Ты видела Сальму?»
Птичка ответила: «Ха!» — и отвернулась;
Разбредила рану сердца словом
Тайным, а сама улетела.

Аль-Валид был вождем группы так называемых «поклонников распутства и бесстыдства»; за ним последовали в своем творчестве Абу Нуvas и другие поэты, воспевавшие распутство. Творчество аль-Валида явилось связующим звеном между омейядским и аббасидским литературными периодами.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Введение

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ И ЕЕ ПОЯВЛЕНИЕ

Политическая поэзия — это поэзия, преследующая только политические цели. Для достижения их она использует различные жанры — панегирик, сатиру, описания и др. Прославление какого-либо политического направления или его сторонников, так же как и высмеивание противной стороны, определяется политическими убеждениями поэта. Обычно такие стихи характеризует глубокая страстность, так как их порождает чувство антагонизма и борьба за жизнь, за веру, за свободу, за власть; эта страстность превалирует во всех произведениях данного жанра, какие бы цели и стремления они ни отражали.

Жанр политического стиха был издавна известен арабам. В доисламскую эпоху он не распространялся далее границ отдельных племен и княжеств, поскольку жизнь бедуинов была проникнута фанатическим племенным патриотизмом. С особой силой этот жанр поэзии расцвел в эпоху Мухаммеда, однако уже в эпоху праведных халифов, с прекращением племенных распрей он постепенно исчезает. После убийства Османа в стране вновь вспыхнула междоусобная война, распространившаяся на всю страну после установления господства Омейядов, которые подчинили своей жестокой власти все покоренные народы; тогда жанр политической поэзии возродился, усилился племенной и родовой фанатизм, увеличилось количество политических группировок. Каждая из них по-своему толковала и комментировала Коран и Сунну, каждая придерживалась своего стиля в поэзии, в ораторском искусстве.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ИХ ПОЭТЫ

Х а р и д ж и т ы; они считали, что халифа должны выбирать все мусульмане, боролись с племенной и родовой аристократией и призывали к равенству в исламе, провозгласив своим лозунгом

следующий стих Корана: «Воистину самый почитаемый из вас перед Аллахом — тот, кто самый благочестивый». К поэтам этого политического направления принадлежали Умран ибн Хаттан и ат-Тыриммах ибн Хаким. Темой их стихов было святое дело защиты ислама, во имя которого погибли лучшие люди; стиль их стихов — стиль гневного протеста, пламенной проповеди. Эти произведения отличаются новизной, так как их авторы отказались от традиционного стиля древних поэтов, предпочитавших форму касыды. Содержание хариджитских стихов свидетельствовало о появлении нового направления в поэзии, которое выступало в поддержку основных догм и положений ислама, почерпнутых из Корана и Сунны. Целью этого направления была священная борьба во имя справедливого правления. Характерной чертой стиля было сочетание красноречия, плавности и изящества. Однако по форме эти стихи представляли собой всего лишь отрывки касыд или маленькие касыды.

Шиниты; к ним относились те, кто был недоволен узурпаторами и скорбел по поводу событий, принесших им столько страданий. Поэтому стихи их были стихами гнева и скорби, которые проявлялись в сатире и панегириках, в элегиях и протестах, мольбах и описаниях. Эти стихи призывали к священной войне за назначение халифом Али; в их стиле сочетались спокойствие и страстный порыв, нежность и печаль, они выражали гнев, протест или страдание. По сравнению с поэзией хариджитов поэзия шиитов отличалась яркостью и пламенностью, а шиитские поэты по сравнению с хариджитскими — преданностью своим убеждениям и презрением к богатству и другим мирским благам. К шиитским поэтам относятся аль-Кумейт аль-Асади и Кусайр Изза.

Зубейриты; они выступали против права Омейядов на наследование власти в халифате членами их рода, лишаящего других курейшитов права быть халифами. К поэтам этого направления относится Убейдалла ибн Кайс ар-Рукайят. Это направление выступало в поддержку политики аристократии.

Мавляны. Арабы считали, что по сравнению с покоренными народами они являются высшими существами и что по крови, языку, по культуре и обычаям они имеют перед мавлянами все преимущества. Арабы гордились своим воспитанием, красноречием, тем, что исповедуют ислам, гордились победами своего государства. Это породило в душах мавлянов стремление к сопротивлению, и они выступили против арабов, основываясь на положении ислама о равенстве. Они говорили о том, что горды своим славным прошлым, своей культурой, и обвиняли арабов за то, что доля их так тяжела. Они ненавидели правителей, которые не сдержали своего обещания создать государство всеобщего социального равенства и справедливости. В своем желании отомстить они постепенно стали нападать на религию, обычаи, язык и литературу арабов, стремясь утвердить господ-

ство персов. К числу их поэтов принадлежат Исмаил ибн Ясар и Язид ибн Дабба.

В стихах мавлянов мы отмечаем исключительную гармоничность, изящество стиля, а в некоторых из них — глубину содержания; их поэтическая форма, как правило, отличается короткой строфой.

Омейяды. Все, кто принадлежал к вышеперечисленным партиям, руководствовались в своей борьбе религиозными убеждениями. Хариджиты призывали в своем учении к благочестию, подвижничеству, равенству между людьми и к терпимости по отношению к представителям других политических направлений. Шиины руководствовались заповедями основателя религии, так как они были связаны с ним родственными узами, а также потому, что он завещал им власть в государстве. Зубейриты возмущались и жаловались Аллаху и его пророку на корыстолюбие Муавии. Мавляны мстили Омейядам за то, что они лишили ислам его демократического духа. Что же касается Омейядов, то их борьба не имела под собой религиозной почвы; их считали политиками, стремящимися лишь к мирским благам, к власти; они поддерживали свою власть силой оружия и денег. Поэтому тот, кто поддерживал их, делал это из желания разбогатеть или же из страха перед их силой.

Поэты, которые представляли это направление, были прежде всего корыстолюбивы; они прославляли правителей Омейядов, желая получить вознаграждение или же боясь их преследования. Стихи этих поэтов не представляют большой художественной ценности. В основном они посвящались прославлению таких качеств, как щедрость, доброта, политическая мудрость, слава предков и т. д. К поэтам Омейядов относятся Абу аль-Аббас аль-Аама, Ааша Рабиа, ан-Набига аш-Шейбани, Адий ибн ар-Рикаа.

Аль-Ахталя, аль-Фараздак и Джарира нельзя причислить к представителям политического направления в поэзии в широком смысле этого слова, поскольку в их творчестве преобладают элементы фанатического племенного патриотизма. Хотя они в какой-то степени и участвовали в политической жизни халифата, политика была для них лишь средством защиты племенных интересов, в то время как для других поэтов политическая борьба была в жизни основной целью, а интересы племени отходили на второй план. Они жили под покровительством Омейядов, и характерной чертой их творчества была приверженность к стилю доисламских поэтов; они были связаны с различными политическими группировками, однако пользовались своими связями лишь в племенных интересах¹. Они связывали свою жизнь с

Аль-Ахталь присоединился к Омейядам, чтобы выступить против племени Кайс Айлян — врага своего племени. Затем он присоединился к аль-Фараздаку, чтобы вместе бороться с Джариром — поэтом кайситов, напа-

жизнью халифов, правителей и вождей лишь постольку, поскольку это приносило пользу их племенам, хотя некоторые из них, например аль-Ахталь, служили халифам не за страх, а за совесть. Приверженность интересам племени делала их положение очень непрочным, а позиции их — неустойчивыми. Так, например, мы видим, как аль-Фараздак сначала прославляет род аль-Мухаллаба, а затем высмеивает его, а аль-Ахталь сначала воспеваает подвиги Омейядов, а затем угрожает им и оскорбляет их. Защита племенных интересов не мешала этим поэтам помнить о своей личной выгоде; для того чтобы обеспечить себе пропитание, они писали панегирики, сатиру и прочее. Стихи этих трех поэтов отличались резкостью, свойственной доисламской поэзии, и напыщенностью, тоже характерной для древних поэтов; их стихи были широко известны за пределами страны.

Аль-Ахталь (640—710) [20—92]

жизнь поэта

Родина поэта и его происхождение. Абу Малик Гияс ибн Гаус ибн ас-Салт, по прозвищу аль-Ахталь, или Зу ас-Салиб («обладатель креста»), происходил из племени Таглиб группы Рабия; свое прозвище он получил потому, что исповедовал христианство и носил крест. Аль-Ахталь родился в Хире около 640 [20] года. Еще ребенком он лишился матери и попал в жестокие руки мачехи, которая морила его голодом и заставляла пасти коз. Он вырос патриотом своего племени, исполненным гордости за его славное прошлое и его победы. Он начал свою поэтическую деятельность с веселых стихов, в которых высмеивал свою мачеху, а также поэта таглибитов Кааба ибн Джуайля за его праздность.

АЛЬ-АХТАЛЬ — ПОЭТ ОМЕЙЯДОВ

Связь с Омейядами. Когда Муавия выиграл битву Сиффин и подчинил себе ансаров, они покорились ему очень неохотно и их поэты продолжали высмеивать Омейядов. Омейяды относились к этому снисходительно и не обращали на них внимания, но однажды Абд ар-Рахман ибн Хассан ибн Сабит аль-Ансари воспел в стихах Рамлю, дочь Муавии. Это разгневало ее брата Язида, и он попросил Кааба ибн Джуайля высмеять ансаров; Ибн Джуайль направил Язида к аль-Ахталю, который был тогда еще юношей, и он высмеял ансаров в своей ядовитой касыде, рифмующейся на «ра». Он говорил:

давшим на племя Таглиб. Аль-Фараздак принадлежал к племени Тамим; Джарира пригласило к себе племя Кайс Айлян, но это не отдалило его от собственного племени.

Курейшиты — это люди благородные, исполненные высоких достоинств, А у ансаров под чалмами одна только подлость.

Ансары потребовали наказания аль-Ахтала, и ему удалось спастись лишь благодаря покровительству Язида. С той поры началось соперничество в сатирических стихах между аль-Ахталем и поэтами ансаров, особенно ан-Нуаманом ибн Баширом. Ансары стали угрожать Муавии, который защищал аль-Ахтала, и с той поры поэт стал трибуном Омейядов, тем более что это было выгодно его племени, состоявшему в союзе с Омейядами.

Период Муавии и Язида (до 683 [64] года). В этот период связь поэта с Омейядами еще более окрепла; он жил в то время при их дворе в Дамаске, пользуясь уважением и почетом. Когда власть в халифате перешла к Язиду, отношение к поэту халифа улучшилось; он стал другом Язида и первым из его товарищей по пирушкам. Поэт прославил Язида в ряде своих касид, а после смерти халифа горько его оплакивал.

Период Абд аль-Малика ибн Мервана (до 705 [86] года). В связи с обострением борьбы между религиозными группировками политическая деятельность приобрела широкий размах. Борьба обострилась потому, что арабы-мудариты из племени Кайс с появлением ислама переселились на полуостров и стали теснить племя Рабиа, а также племена йеменских арабов. Затем кайситы выступили во главе с Ибн аз-Зубейром против Омейядов. Так как интересы Омейядов, йеменцев и таглибитов совпадали, они выступили совместно против кайситов и мударитов¹. Борьба шла в Сирии, Ираке и на самом полуострове и завершилась в 691 году окончательной победой Абд аль-Малика над Мусабом ибн аз-Зубейром. В это время аль-Ахталь был трибуном Омейядов и боролся своим словом плечом к плечу с воинами. За это Абд аль-Малик приблизил его и пожаловал ему титул «поэта Омейядов» и «поэта — повелителя правоверных». Панегирики аль-Ахтала, прославляющие халифа и его приближенных — Омара ибн Абд аль-Азиза и его сыновей аль-Валида и Сулеймана, принесли поэту богатство. Позже поэт стал прославлять память Османа и высмеивать врагов Омейядов — приверженцев Али, представителей рода аз-Зубейра, ансаров и кайситов, которых Омейяды разгромили и рассеяли на мелкие группы. По мере того как дружба между аль-Ахталем и Абд аль-Маликом крепла, поэт все активнее участвовал в политической жизни халифата, не забывая и интересов своего племени.

Период аль-Валида (705—715) [86—96]. В эпоху правления аль-Валида влияние аль-Ахтала при дворе слабеет, так

¹ Наиболее крупные битвы между кайситами и таглибитами: битва Махсин, в которой племя Сулейм победило племя Таглиб; первая битва ас-Сарсар, в которой племя Таглиб победило племя Кайс; битва аль-Хашшак, в которой крупную победу одержали таглибиты; битва аль-Кухайл и битва аль-Бишр, где таглибиты потерпели одно из крупных поражений, а аль-Ахталь попал в плен, откуда, однако, вскоре бежал.

как между новым халифом и «поэтом Омейядов» произошло несколько резких столкновений. Все меньше стал поэт сочинять касыд, посвященных халифу, все чаще стали звучать в его стихах жалобы, все заметнее страдания его души. Аль-Ахталь умер в 710 [92] году, прожив около 80 лет.

ПСИХОЛОГИЯ ПОЭТА

Аль-Ахталь — бедуинский поэт, живший в эпоху халифата и пользовавшийся покровительством арабских правителей. И, хотя он вел жизнь придворного, мировоззрение его было мировоззрением бедуина, который предпочитает кочевую жизнь жизни в Дамаске.

В аль-Ахтале нашли яркое выражение чувства гордости и собственного достоинства, которые он унаследовал от своих славных предков. Чувство собственного достоинства поэта проявлялось в его скромности, которая удерживала его от чрезмерной гиперболизации, от всего лишнего и наносного в творчестве. Стихи аль-Ахтала свидетельствуют о его силе, смелости и отваге; эти качества помогли ему занять достойное положение и в племени, и во всей стране. Он смело рисковал жизнью и пренебрегал опасностями; к смелости и отваге добавлялись эрудиция и умение вести политические споры. По характеру аль-Ахталь был кротким, мягким человеком, именно поэтому он подчинялся с детской наивностью вождям своей религии и был так предан Омейядам.

Наряду с этим поэт любил вино и часто злоупотреблял им; он считал, что вино вселяет бодрость в душу и тело и является источником поэтического вдохновения, он верил, что вино возбуждает сердца и заставляет поэтов творить. Описания вина и пиршеств часто встречаются в стихотворениях аль-Ахтала.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

Аль-Ахталю принадлежит большой сборник стихов, который составил и отредактировал Абу Саид аль-Хасан, известный под именем ас-Суккари. Издание этого дивана осуществил А. Сальхани в Бейруте в 1891, а затем в 1905 году. В 1878 году в Лейдене была издана вместе с латинским переводом касыда аль-Ахтала, начинающаяся следующим бейтом:

Поспешно ушли от тебя обитатели этого дома вечером или рано утром,
После того как злой рок и превратности судьбы согнали их с
насиженных мест.

В 1922 году было опубликовано исследование А. Сальхани «Контрасты в творчестве Джарира и аль-Ахтала».

В творчестве аль-Ахтала представлены в основном следующие жанры: панегирики (*мадх*), сатира (*хиджа*), восхваления своего племени (*фахр*), описания (*васф*), стихи о вине (*хамрийят*). Кроме того, у него есть несколько бейтов, написанных в элегическом жанре (*риса*), не пользовавшихся, однако, успехом, а также лирические стихи (*газаль*), выдержанные в традиционном духе обычных вступлений к касыдам.

**АЛЬ-АХТАЛЬ — АВТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ СТИХОВ
(ПАНЕГИРИКИ И САТИРА)**

Политические мотивы творчества аль-Ахтала. Аль-Ахталь и его племя находились в таком положении, которое вынуждало их поддерживать Омейядов и выступать против кайситов. Поэт тоже примкнул к лагерю Омейядов, нуждавшихся в поэтах, которые могли бы защитить их честь, были бы трибунами их политического направления, утверждали бы право Омейядов на власть в халифате, превозносили бы их достоинства и разоблачали их врагов.

Муавия и его сын Язид особенно остро нуждались в талантливом поэте. Они понимали, что народ не признает за ними права на власть в халифате и считает их захватчиками. Муавия обосновывал свои притязания на власть тем, что после зверского убийства Османа Омейяды вправе требовать отмщения за его смерть и наследовать за Османом власть в халифате и что исход битвы Сиффин является подтверждением этого права Аллахом. Поэтому потомок ас-Суфьяна, правивший в Дамаске, ожидал от своего придворного поэта того же, чего в наше время истец ждет от адвоката, призванного со всей настойчивостью и энергией защищать его дело. Он требовал от поэта, чтобы тот был защитником трона и халифата Омейядов и чтобы его стихи были крылатым словом, помогающим утверждению власти Омейядов во всех уголках страны. В период правления Абд аль-Малика ибн Мервана роль поэта в политической борьбе еще более усилилась, а вместе с тем усилилось и влияние поэта при дворе. Причинами возросшего уважения к нему, а также заинтересованности в нем халифа были как его собственные заслуги, так и заслуги его племени перед халифатом. В его стихах прославление своего племени перемежалось с восхвалением халифа, а сатира защищала его от врагов и отравляла жизнь противникам власти халифа.

Средства политической борьбы в поэзии аль-Ахтала. Оружием поэту служили все жанры поэзии; темы его стихов были в основном политическими. Восхваляя кого-нибудь или высмеивая, он преследовал только ту или иную политическую цель. Его описания, лирические стихи или восхваления имели всегда политическую окраску.

Панегирик (мадх). Панегирики аль-Ахталя не содержали перечислений чьих-либо заслуг или благородных качеств — они преследовали политические цели и были призваны удостоверить исключительно важный факт — законность власти Омейядов в халифате, а также представить этому доказательства, подкрепив их убедительными аргументами; помочь этому должен был красноречивый поэтический язык произведений поэта, ярче и красивей которых не было даже в доисламскую эпоху.

Для того чтобы доказать в первую очередь законность перехода власти в халифате в руки Омейядов, аль-Ахталъ использовал аргументы самих Омейядов: он говорил, что власть в халифате ниспослана им самим Аллахом, что повелитель правоверных является наместником Аллаха на земле и потому власть его священна. В качестве доказательства он напоминает о том, что Аллах даровал Омейядам победу в битве Сиффин, так как именно Аллах внушил Омейядам мысль поднять свитки с текстом Корана, именно он дал им возможность отомстить за кровь Османа, которого Али убил у них на глазах, именно он сделал так, что Омейяды унаследовали власть в халифате от Османа, который тоже происходит из рода Омейядов:

Человека этого не миновал божий дар,
Аллах даровал ему победу и помог ему одолеть врага,
И он добыл эту победу в горниле сражений.
Халиф Аллаха — это тот, упоминанием имени которого вызывают дождь,
Аллах возлюбил халифов и сделал жизнь их полной наслаждений,
Удел же всех других — несчастья и заблуждения;
Они — это те, на призыв которых отвечает Аллах.
Когда кони сталкиваются лбами, эти люди рубятся мечами;
Во время битвы Сиффин взоры опускались долу
И они просили у бога помощи; бог помог им,
А тех, которые убили жестоко Османа,
Аллах не запретил искать, и они их нашли.

Кроме того, аль-Ахталъ стремился доказать, что только род Омейядов достоин править халифатом. Поэтому в своих панегириках он прославлял или весь их род, или кого-либо из его представителей; так, кроме халифов, он посвящал свои панегирики Абдаллаху ибн Муавии, Башру ибн Мервану, Халиду ибн Язиду ибн Муавии, Абдаллаху ибн Саиду ибн аль-Асу. Кроме того, он прославлял аль-Хаджаджа ас-Сакафи, который был эмиром Омейядов, и многих, многих других.

В этих панегириках он приписывал членам рода Османа все достоинства и качества, которыми должны обладать те, кто правит халифатом: благородство происхождения, силу, жизненный опыт, политический ум и умение поддерживать порядок в стране, доброту, щедрость.

Никто не может сравниться с Омейядами по благородству их происхождения:

О вы, люди из дома пророка, вы не достойны
Этого дома, ибо вам не хватает силы и благородства.

Твердость и сила характера сочетаются в них с кротостью, что же касается их щедрости, то она шире, чем Евфрат в период разлива, а их благодеяния — это благодеяния, ниспосланные Аллахом. В то же время они не избалованы роскошью и не развращены властью:

Они не зазнались потому, что все созданное предназначалось им,
Если же это было создано для других и принадлежало им, то
тогда они бы чувствовали свое превосходство;
Они всегда были поборниками справедливости,
Они горды и не знают разврата.

Таким образом, аль-Ахталь пропагандировал в своих панегириках идеи Омейядов, прославлял их достоинства и оправдывал их поступки.

В этих произведениях проявляется искренняя убежденность поэта в дееспособности Омейядов, хотя выражению этой убежденности в значительной мере способствовало стремление аль-Ахталь действовать в интересах своего племени, которое обязало его примкнуть к Омейядам.

С другой стороны, панегирики аль-Ахталь свидетельствуют о большой хитрости поэта: он говорит в них о личных достоинствах прославляемого им человека, чем доставляет ему большое удовольствие, и не говорит ни одного плохого слова о той политической группировке, к которой этот человек принадлежит, наоборот, даже приукрашивает ее деятельность.

Хотя панегирики аль-Ахталь носят политический характер, стиль их выдержан в традициях древней поэзии. Начинается панегирик обычным лирическим вступлением, после которого поэт переходит к описанию личных качеств того человека, которому он посвящает это произведение, говоря при этом и о самом восхваляемом и о его племени. Иногда поэт включает в панегирик описания своих личных заслуг перед родом Омейядов и заслуг своего племени, а также говорит о своих политических взглядах, которые не противоречат интересам его племени.

Именно интересы племени заставили поэта разразиться гневной тирадой в присутствии Абд аль-Малика после битвы аль-Бишр; поэт угрожал тогда Абд аль-Малику покинуть Омейядов, если они не выступят против племени Кайс Айлян. Именно в интересах племени поэт убеждал халифа не доверять кайситам и не приближать к себе их вождя Зуфара ибн аль-Хариса, просил халифа показать свое отвращение к нему, а не идти с ним на примирение.

Сатира (хиджа). Положение аль-Ахталь при дворе Омейядов обязывало его сочинять не только панегирики, но и сатирические стихи, с помощью которых он защищал от нападок

и Омейядов и самого себя. С одной стороны, аль-Ахталь обязан был, как придворный поэт, отражать нападки врагов государства и привлекать общественное мнение на сторону халифа, с другой — он сам был мишенью для сатиры Джарира и должен был во что бы то ни стало отразить его выпады в свой адрес¹.

Поскольку род Джарира находился в союзе с зубейритами и племенем Кайс Айлян, которые враждовали с Омейядами, интересы аль-Ахталь совпадали с интересами Омейядов. Поэтому аль-Ахталь высмеивал сподвижников Мухаммеда (ансаров) и поносил ан-Нуамана ибн Башира; высмеивал зубейритов и их союзников, в особенности племя Кайс Айлян — врагов племени Таглиб, а также род Кулейба ибн Ярбуа, к которому принадлежал Джарир, аль-Джаххафа и Зуфара ибн аль-Хараса — вождя кайситов, которые время от времени выступали против Омейядов. Поступая так, аль-Ахталь защищал не только Омейядов, но и свое племя.

Целью сатиры аль-Ахталь была поддержка трона дамаскских правителей. Сатирические бейты следовали в произведениях аль-Ахталь обычно после панегирика или лирического вступления, а иногда и после самовосхваления. Обычно они содержали упреки в скупости или в нарушении добрососедских отношений, описания поражений врага, его позора и унижений, прославление достоинства одного племени и противопоставление его другому, например противопоставление рода Бану Дарим, из которого происходил аль-Фараздак, роду Кулейба, из которого происходил Джарир; опровержение слов врага, описание его недостатков, упреки в неспособности править государством; призывы к обузданию смутьянов, выступающих против существующего режима. В то же время аль-Ахталь, высмеивая род Джарира, не задевал других ветвей племени Тамим из уважения к своему союзнику аль-Фараздаку, который также принадлежал к этому

¹ Согласно легенде, вражда между Джариром и аль-Ахталем началась так: когда аль-Ахталь узнал, что Джарир и аль-Фараздак высмеивают его в своих стихах, он сказал своему сыну Малику: «Отправляйся в Ирак, чтобы услышать их обоих, и, когда возвратишься, обо всем мне расскажешь». Малик отправился в Ирак, встретил там этих двух поэтов, выслушал их и возвратился к отцу. «Ну, как они?» — спросил его отец. И ответил Малик: «Джарира я нашел сидящим на берегу моря, он черпал из него, а аль-Фараздак долбил гранит». Тогда аль-Ахталь сказал: «Лучший поэт из них — который черпал из моря», — оценив, таким образом, Джарира выше аль-Фараздака.

Когда аль-Ахталь прибыл в Куфу к брату халифа Башру ибн Мервану, семья аль-Фараздака преподнесла ему подарки со следующими словами: «Не обижай нашего поэта, высмей лучше этого пса, который смеет издеваться над племенем Бану Дарим. Ты уже один раз оценил его выше, чем нашего поэта, теперь же сочини бейт, возвышающий нашего поэта над ним».

Тогда Аль-Ахталь высмеял Джарира, а тот не оставил его бейт без ответа, и с той поры между двумя поэтами разгорелось пламя вражды. Халифы умышленно разжигали огонь этой вражды, натравляли поэтов и их племена друг на друга, чтобы отвлечь их от политической борьбы и помешать им вмешиваться в дела государства.

племени; более того, аль-Ахталь утверждал, что источником всех бед и позора для племени Тамим является род Кулейба ибн Ярбуа, то есть род Джарира. Он также воздерживался от оскорблений и нападков на племя Мудар, из которого происходили Мухаммед и все праведные халифы.

Сатира аль-Ахталья носила скорее оборонительный, чем наступательный характер, она была исключительно острой и в большинстве случаев была направлена в адрес какого-либо племени, а не отдельного его представителя. Аль-Ахталь, так же как Джарир, использовал в произведениях сатирического жанра метод *накаид*, в применении которого он достиг совершенства¹.

Самовосхваления (фахр). Стихи аль-Ахталья, содержащие как самостоятельные части в его сатиры и панегирики. Включая их в свои панегирики, поэт стремится подчеркнуть преданность таглибитов династии Омейядов и напомнить о тех заслугах, которые его племя оказало роду халифов. Включая их в сатирические произведения, поэт стремится защитить честь своих предков, достоинство своего племени и показать, насколько его род выше рода его врага.

Кроме того, надо отметить, что самовосхвалениям аль-Ахталья свойственны некоторые черты доисламской поэзии; так, поэт перечисляет в них всех героев и великих людей своего племени, описывает победы, которые его племя когда-либо одерживало, говорит о достоинствах племени, возвышающих его над всеми другими. Его описания полны отваги, что тоже характерно для доисламской поэзии. Похваляясь перед Джариром, поэт говорит:

Племя Тамим так любило аль-Куляб², что
Готово было все отдать, чтобы сохранить его.
Кони убивали витязей

¹ Произведения, созданные по этому методу, называются *накаид* и представляют собой полемические стихотворения. Метод *накаид*, известный еще в доисламскую эпоху, но получивший наиболее широкое распространение в эпоху Омейядов, состоит в следующем: один из поэтов посвящает другому касыду, содержащую самовосхваления или сатиру; второй поэт должен ответить на нее стихотворением на ту же тему, соблюдая тот же размер и рифму, что и первый поэт. Существуют следующие приемы этого метода: *аль-кальб* — поэт отвечает тому, кто его высмеял, повторяя содержание касыды, но излагает его так, будто черты характера, приписанные ему, на самом деле свойственны его противнику — автору первой касыды; *аль-мукабала* — второй поэт воздает себе хвалу или поносит своего противника абсолютно в тех же выражениях, что и первый; *ат-тавджих* — оба поэта повествуют об одном и том же событии, но по-разному комментируют его, стараясь прославить себя и высмеять противника; *ат-такзиб* — каждый из поэтов приписывает себе или своему племени один и тот же подвиг, доказывая, что другой не имеет к нему никакого отношения; и, наконец, приемы *аль-ваид* — «элорядство» и *аш-шамата* — «угрозы».

² Аль-Куляб — местечко около Басры, где племя Таглиб одержало победу над племенем Тамим.

В битве у аль-Куляб, словно хищные орлы.
Но воины Таглиба — это львы;
Они убили Тарифа в битве с Бани Шейбан.

АЛЬ-АХТАЛЬ — МАСТЕР ОПИСАНИЙ И ЗАСТОЛЬНОЙ ПОЭЗИИ

Аль-Ахталь принадлежал к числу поэтов, придерживавшихся в своем творчестве канонов Аусийской поэтической школы доисламской эпохи. Он восхищался стилем Зухейра и его сына Кааба, но больше всего — стилем ан-Набиги аз-Зубьяни. Он находил сходство между собой и ан-Набигой, сравнивая свое положение при дворе Омейядов с положением ан-Набиги при дворе Хиры и Гассанидов. Аль-Ахталь стремился подражать ан-Набиге в своем творчестве, в особенности это чувствуется в его описаниях, в выборе тематики, а также в стиле его произведений.

Описания (*васф*) Аль-Ахталь увлекался описаниями диких животных, подражая в них доисламским поэтам. Это объясняется тем, что пустыня с ее просторами, ее дикими зверями и птицами была для него родной стихией, ее воздухом он дышал в детстве. Кроме описаний пустыни, мы встречаем у аль-Ахталя описания Евфрата, волны которого бороздят корабли. Произведения аль-Ахталя близки к произведениям ан-Набиги по стилю описаний, для которого характерны многократные повторы (своеобразный повествовательный прием); их сближает со стихами ан-Набиги и жизненность образов.

Застольная поэзия аль-Ахталя (*хамрийят*). Воспевание вина — одна из тем описаний аль-Ахталя; стихи, посвященные вину, являются наиболее поэтичными из его произведений. Диван поэта включает много стихов, воспевающих вино, однако это не самостоятельные произведения, а лишь составные части панегириков или сатирических поэм; некоторые из них служат вступлениями к касыдам.

Аль-Ахталь говорит о вине с увлечением и любовью всякий раз, как о нем заходит речь, так как вино занимало большое место в его жизни. Описания вина чрезмерно многословны: поэт начинает с описания возделывания виноградников, затем описывает процесс производства вина, его брожение; рассказывает о том, как вино сохраняют в кувшинах, наконец, описывает винные лавки, где продают вино, и говорит о его цвете, о мускатном запахе, о том, как его наливают, сравнивая его здесь с раскаленным углем, и только после этого переходит к описанию того, как его пьют и каково его воздействие:

Оно медленно разливается по телу

И течет, как песок, который осыпается, когда муравей ползет по
песчаному холмику...

Абд аль-Малик спросил как-то аль-Ахталя, сколько он может выпить вина, и аль-Ахталь ответил ему:

Когда мой приятель наливает мне журчащее вино,
Наполняя один за другим три кубка.
Я чувствую себя эмиром над повелителем правоверных.

Описания вина в произведениях аль-Ахтала отличаются точностью и исчерпывающей полнотой; если бы он посвящал этой теме отдельные касыды, его можно было бы назвать «поэтом вина» еще с большим основанием, чем Абу Нуваса.

ПОЭТИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО АЛЬ-АХТАЛЯ

Аль-Ахталь принадлежит по характеру своего творчества к школе Зухейра, его сына Кааба и аль-Хутайи; в известной степени его можно считать также учеником ан-Набиги аз-Зубьяни. Аль-Ахталь — поэт с живым воображением, которое, однако, постоянно контролируется разумом — разуму поэт доверяет больше, чем чувствам. Поэтический талант аль-Ахтала сочетает в себе природный дар и поэтическое мастерство; его творчество характеризует необычайная тщательность в обработке каждого бейта, в подборе лексик и создании образов. Создавая какую-либо касыду, он подходит к ней критически, добивается постепенной доработкой гармоничности сочетания всех элементов стиха, подбирает наиболее выразительные обороты. Терпеливое совершенствование бейта — одна из характерных черт его творчества. У поэтов Аусийской школы аль-Ахталь перенял композицию произведения, они научили его, как пользоваться метафорой, как совершенствовать стихотворную строку; он заимствовал у них даже некоторые поэтические обороты.

МЕСТО АЛЬ-АХТАЛЯ В АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Значение творчества аль-Ахтала следует рассматривать как с художественной, так и с исторической точек зрения. Художественное значение творчества аль-Ахтала выражено в следующих словах составителей сборника его стихов: «Обстановка, в которой протекала жизнь аль-Ахтала, способствовала совершенствованию его поэтического мастерства, и он достиг в нем таких высот, каких не смог достичь ни один из его современников. Поскольку поэт был близок к придворным кругам и посвящал свои произведения эмирам и халифам, он получил признание как наиболее искусный панегирист своей эпохи. Благодаря близости ко двору халифов он стал также одним из самых сведущих людей своего времени в области политической борьбы. С другой стороны, часть жизни поэта прошла среди его племени, и он сам вместе со своим племенем перенес и ужасы войны и радости мира; это помогло ему стать одним из наиболее искусных художников своего времени в описании войн, побед и поражений. Он любил вино и злоупотреблял им, но вместе

с тем черпал в вине творческое вдохновение; его стихи о вине принадлежат к наиболее талантливым произведениям этого жанра арабской поэзии, несмотря на то что в его время описанию вина посвящали свои стихи все выдающиеся арабские поэты».

Историческое значение творчества аль-Ахтала исключительно велико, поскольку в его стихах нашли отражение и все характерные черты доисламской поэзии и характерные черты современной ему эпохи. Они содержат сведения о жизни его рода, о жизни рода его союзника аль-Фараздака и его соперника Джамира.

Вместе с тем его стихи являются летописью придворной жизни, повествующей нам о политической деятельности халифов, о борьбе партий; из них мы узнаем и о том, до какой степени развился в то время племенной фанатизм.

Аль-Фараздак (641—732) [20—114]

жизнь поэта

Происхождение поэта. Абу Фирас Хаммам ибн Галиб ибн Сааса, по прозвищу аль-Фараздак, родился в Басре около 641 [20] года. Отец его происходил из знатного и благородного рода племени Тамим, восходящего к Муджашиу ибн Дариму. Предки его принадлежали к самым знатым семьям племени Тамим, имели среди арабов большой авторитет и пользовались всеобщим уважением.

Аль-Фараздак рос в этой семье в атмосфере славы и почета. Он воспитывался в духе бедуинских традиций, но по своим взглядам и характеру резко отличался от отпрысков других знатных арабских родов. Он вел разгульную, беспечную жизнь, много раз женился и разводился и не в силах был остепениться. Среди женщин, о которых он упоминает в своих стихах, встречается имя ан-Навар — это жена поэта, на которой он женился по принуждению и которая родила ему около десяти сыновей и дочерей. Впоследствии он развелся с ней, возмущившись тем, что она обратилась за помощью к его врагу Джариру.

Жизнь, полная тревог. Несмотря на известность и знатное происхождение, аль-Фараздак не пользовался большим уважением у правителей Ирака — виной тому были его злой язык и непостоянство характера. Омейяды и их наместники не доверяли ему и опасались приближать его к себе. В эпоху Муавии между поэтом и наместником халифа в Басре Зиядом (который был, кстати, сводным братом аль-Фараздака) вспыхнула ссора. Зияд стал угрожать аль-Фараздаку, и тот вынужден был покинуть Басру. Он побывал в Медине, Мекке, Йемене, Бахрейне, Палестине, Дамаске и в ар-Расафе; повсюду он сочинял панегирики и сатирические стихи. Когда Зияд умер, аль-Фараздак стал высмеивать не только его, но и тех, кто его оплакивал.

В своих панегириках он восхвалял род аз-Зубейра, Абдаллаха он даже называл «халифом», но, когда зубейриты потерпели поражение, он отвернулся от них и стал их высмеивать в сатирических стихах. Он высмеивал также аль-Хаджжаджа, однако впоследствии им овладел страх: он принес свои извинения и заявил, что признает права Омейядов. Когда аль-Хаджжадж умер, поэт сначала оплакивал его, а затем, когда тот уже был похоронен, стал опять его высмеивать, чтобы поддержать право Сулеймана ибн Абд аль-Малика, которого в свое время аль-Хаджжадж отказался поддерживать. Во время правления аль-Валида поэт совершил паломничество и воспел в своей касыде Зейн аль-Абидин, внука Али; это было изменой по отношению к Омейядам, и поэта посадили в тюрьму. Затем аль-Фараздак снова установил контакт с Сулейманом ибн Абд аль-Маликом и посвятил ему панегирик, где даже называл его «Махди» («Мессия»). Он высмеивал в своих стихах род аль-Мухаллаба, представители которого занимали высокие посты в государстве; затем стал восхвалять их, а впоследствии снова высмеял. Когда власть в халифате перешла к Хишаму ибн Абд аль-Малику, поэт посвятил ему панегирик, хотя до сих пор, пока Хишам был просто эмиром, он высмеивал его. Так он изменял своим принципам, привязанностям и убеждениям, стремясь лишь к одному — к собственной выгоде, поэтому жизнь его была полна тревог и волнений. Эти тревоги и волнения оказывали влияние не только на общественную и политическую деятельность поэта, но также и на его творчество.

Словесная война между аль-Фараздаком и Джариром продолжалась около пятидесяти лет. Причиной ее послужили взаимные перепалки между Джариром и представителями рода Муджашиа; в одном из своих стихотворений Джарир допустил непристойные выпады по адресу женщин этого рода, и аль-Фараздак был вынужден выступить против Джарира.

Эта словесная битва получила широкий отклик в стране; она вызывала множество шумных споров на базаре аль-Мирбад и разделила людей на две группы — на «фараздакийцев» и «джаририйцев». История литературы не знает столь ожесточенной и длительной словесной войны между двумя поэтами; эта борьба породила целый поток стихотворных поэм в жанрах *хиджа* и *накаид*.

Смерть поэта. Аль-Фараздак умер в Басре около 732 [114] года в возрасте более девяноста лет.

ЛИЧНОСТЬ ПОЭТА

Аль-Фараздак был человеком чувственным и порочным и в результате совершенно утратил всякие родственные чувства даже к самым близким ему людям — к собственным детям. Он

не имел глубоких религиозных убеждений, хотя проявлял известную стойкость в вопросах религии и высмеивал дьявола.

Его политические убеждения отличались исключительным непостоянством; в зависимости от обстоятельств он либо делал вид, что поддерживает Омейядов, либо заводил дружбу со сторонниками Али, причем и в том, и в другом случае руководствовался лишь соображениями личной выгоды. В результате он стал столь хвастлив и надменен, что потерял всякое чувство собственного достоинства. Он был труслив и хвастлив, но в то же время был горячим патриотом своего племени, всегда старался возвысить его авторитет, не допускал ущемления его прав и всегда был готов выступить в защиту племенных интересов перед лицом власть имущих. Его оружием в этой борьбе были панегирики тем, кто был в союзе с его племенем, и сатира на тех, кто попирает его права.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

Аль-Фараздаку принадлежит диван, одна часть которого была опубликована в Париже в 1870 году, а другая — в Мюнхене в 1900 году; впоследствии диван аль-Фараздака неоднократно издавался в Египте и Ливане. *Накаиды* аль-Фараздака были изданы вместе с *накаидами* Джарира тремя большими томами в Лейдене между 1905 и 1912 годами, причем третий том содержал только указатель к первым двум. Произведения аль-Фараздака представлены в традиционных жанрах доисламской поэзии: это панегирик (*мадх*), элегия (*риса*), самовосхваление (*фахр*), сатира (*хиджа*), описания (*васф*), лирика (*газаль*).

АЛЬ-ФАРАЗДАК — ПОЭТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Вся жизнь аль-Фараздака прошла в политической и литературной борьбе, поэтому и его творчество носит тот же характер: его стихи — это стихи политической и литературной борьбы.

Политическая позиция аль-Фараздака. Политическая позиция аль-Фараздака диктовалась политическими интересами его племени. Он был связан с высокой политикой постольку, поскольку она затрагивала интересы племени. Он никогда не порывал со своим племенем и был далек от омейядского двора и в период правления Муавии, и его сына Язида, и всех, кто правил до Абд аль-Малика ибн Мервана. Если ему и приходилось сталкиваться с Муавией, то лишь однажды, когда он обратился к нему с протестом против передачи небольшого наследства дяди поэта, аль-Муджашиа, в пользу казны.

В эпоху Абд аль-Малика и его сына аль-Валида политические взгляды аль-Фараздака не изменились. При дворе он от-

стаивает интересы своего племени, говорит от его имени и просит аль-Валида облегчить тяготы и лишения, которые он испытывает:

Вот уже много лет, как племя Мудар
Душит страшная нужда...

В панегирике в честь рода Мервана, где аль-Фараздак желает халифу удержать власть в государстве, укрепить свое могущество и победить врагов, поэт высказывает также настойчивые просьбы позаботиться о его племени, описывает жестокость аль-Хаджжаджа и говорит о том, какой страх аль-Хаджжадж ему внушает:

Я боюсь скрытого гнева жестокого аль-Хаджжаджа,
Ведь если его гнев прорвется наружу, аль-Хаджжадж может
отрубить голову.

Таким образом, поэт присоединяет к панегирику жалобы на наместника халифа.

В годы наместничества Сулеймана ибн Абд аль-Малика, когда аль-Хаджжадж умер, аль-Фараздак активизировал свою деятельность. Поэт вначале оплакивал аль-Хаджжаджа, а затем стал высмеивать его, стремясь поддержать своей сатирой власть Сулеймана.

В период правления Хишама ибн Абд аль-Малика аль-Фараздак активно поддерживал политику племен восточных районов — Ирака и Хорасана, где наместником был тогда Халид аль-Касри из Йемена, который мстил племени Мудар за убийство Язида ибн аль-Мухаллаба¹. В числе его жертв был Амр ибн Язид аль-Асидий из племени Тамим. Аль-Фараздак энергично выступал в Ираке и Сирии в защиту племени Мудар. Он просил халифа спасти его племя от национализма йеменцев и говорил:

Скажи сынам племени Мервана, что они не выполняют обещаний.

Как могут они заключать союз, если не выполняют долга?

Разве не во имя Аллаха проливаем мы свою кровь?

Нет за нами вины, которую можно было бы доказать,

= Я вижу мударитов двух стран.

Но Сирия Кайса не потеряет своей славы.

Устрани, о повелитель правоверных, клик йеменцев,

Ибо они глупы, а ты ведь наш меч.

Если говорить об общем направлении его политики, то здесь поэт следовал за Омейядами; в своих стихах он утверждал их право на власть в халифате и требовал сохранения этой власти.

¹ Представители рода аль-Мухаллаба были известны как выдающиеся государственные деятели в омейядском государстве: Сулейман назначил Язида ибн аль-Мухаллаба в 715 году наместником Басры и Куфы. Когда Сулейман умер, Язид отказался подчиниться власти нового халифа и в 720 году был убит.

Что же до аль-Валида, то Аллах, зная его,
Наделил его крепким и прочным государством,
Халифатом, указания которого не насилie,
Основы его заложил Аллах, милостивый, милосердный;

Осман, имея власть, не поступал несправедливо,
Но люди совершили над ним великое надругательство.

Таким образом, аль-Фараздак отрицает, по крайней мере на словах, свою приверженность к шиитам.

Таковы политические взгляды аль-Фараздака, которым он изменял в зависимости от обстоятельств и которые при всех обстоятельствах были продиктованы его личными интересами. Он везде и всегда искал возможности для осуществления своих замыслов и защиты интересов своего племени, хотя в большинстве случаев им и руководило стремление к обогащению. Ради этого он сочинял свои панегирики, элегии и сатирические стихи. В первую очередь мы остановимся на рассмотрении его панегириков (*мадх*), а потом перейдем к сатирическим стихам (*хиджа*). Аль-Фараздак сочинял мало стихов в элегическом жанре (*риса*), в основном они посвящались некоторым влиятельным лицам, а также таким государственным деятелям, как аль-Хаджжадж и Сулейман. Эти стихи не представляют интереса ни по своей форме, ни по содержанию, так как они написаны не от сердца и в них не чувствуется искреннего горя.

Панегирики (мадх). Кого и как прославлял поэт? Свои панегирики аль-Фараздак посвящал халифам омейядской династии; он говорил о них как о прямых наследниках Османа, то есть наследниках власти в халифате: они имеют большее, чем кто-либо, право на управление государством; они — как луна, которая указывает путь; их мечи — это мечи Аллаха, которыми он разит врагов; победа всегда на их стороне потому, что они верные друзья Аллаха, и Аллах всегда с ними; их сияющие лица освещают праведный путь — они и ведомые и ведущие. Он прославлял Али ибн аль-Хусейна ибн Али ибн аби Талиба, по прозвищу Зейн аль-Абидин, в своей касыде¹, начинающейся следующими строками:

Тот, кто видел Мекку и чья нога коснулась земли
Каабы, познал ее и ее святые и запретные места,
Этот человек благочестив, и все они покорны Аллаху,
Этот человек богобоязнен, чист, непорочен, и знамя его высоко.

¹ В эпоху правления своего отца Хишам Абд аль-Малик совершал паломничество в Мекку; когда он подошел к Каабе и захотел приблизиться к Черному Камню, он не смог этого сделать, так как около Камня собралось много людей. Тогда ему поставили стул; он сел на него и, сидя так в окружении сирийцев, смотрел на толпу. В это время к Каабе подошел Зейн аль-Абидин; когда он закончил обход и приблизился к Черному Камню, ряды людей расступились перед ним, дав ему таким образом возможность

В этом панегирике Зейн аль-Абидин показан как отпрыск самых ревностных приверженцев Аллаха. Поэт наделяет его прекрасными качествами — благородством, красотой; благородство происхождения сочетается в нем с высокими личными достоинствами. Аль-Фараздак прославлял также эмиров Омейядов и омейядских государственных деятелей, которых он наделял стойким характером, говорил, что их меч — это меч самого Аллаха, занесенный над их врагами.

Характерные черты панегириков аль-Фараздака. Панегирики аль-Фараздака отличаются тем, что в них одновременно отразились черты доисламской поэзии, среда омейядского двора и личные черты поэта. Влияние доисламской поэзии проявлялось в стиле касыды, в грубости языка поэта, а также в выборе тем и стиля описаний, выдержанных в традициях предшествующих поколений поэтов. Особенности омейядской эпохи проявились в изображении поэтом различных черт характера людей, которым он посвящал свои панегирики, а также в известном влиянии ислама; так, несмотря на всю легкомысленность своего поведения, поэт часто обращается к темам религиозного содержания, заимствует изречения из Корана и подражает его повествовательному стилю.

Личные черты поэта проявляются в свойственных ему противоречиях. Они нашли выражение как в политических, так и в этических и моральных взглядах поэта. Он был непостоянен в своих чувствах и в своих привязанностях; ему была свойственна способность изменять своим убеждениям, повинаясь чувству страха или из желания заслужить вознаграждение. Страсть к наживе, из-за которой он порой опускается до попрошайничества и унижений, уживалась в нем с благородством, великодушием, гордостью и возвышенными чувствами. Его панегирикам, за исключением тех, которые посвящаются представителям рода пророка, не свойственна искренность. В большинстве их поэт прибегает к чрезмерным преувеличениям и лести, стараясь компенсировать таким образом отсутствие искренних чувств.

АЛЬ-ФАРАЗДАК — ПОЭТ ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЫ

Под литературной борьбой поэта мы подразумеваем главным образом те взаимные нападки и взаимное осмеяние, которые имели место между аль-Фараздаком и Джариром.

облобызать Камень. Один из сирийцев спросил у Хишама: «Кто этот человек, которому люди оказывают такое уважение?» «Я не знаю», — ответил Хишам, боясь назвать его имя и тем самым привлечь к нему всеобщее внимание. Тогда аль-Фараздак, присутствовавший при этой сцене, сказал: «Я знаю его». «Кто же это, о Абу Фирас?» — спросили у него. И ответил поэт своей знаменитой касыдой, восхваляющей Зейна аль-Абидина. Хишам пришел в ярость и заключил поэта в тюрьму; выйдя из тюрьмы, аль-Фараздак стал повсюду высмеивать Хишама.

Самовосхваление (*фахр*). Отличительная черта сатирических стихов аль-Фараздака — включение в них самовосхваления (*фахр*). Сочиняя свои касыды, поэт часто вносит в них элемент хвастовства, иногда даже начинает касыду с самовосхвалений. Цель их — унижение противника; этот его прием дал даже повод для поговорки: «Когда аль-Фараздак высмеивает кого-нибудь, он возвышает тем самым себя». Подчеркивая, например, свое превосходство над Джариром (Джарир происходил из низших родов племени Тамим, а аль-Фараздак принадлежал к наиболее знатному его роду), аль-Фараздак говорил в каждой из своих сатирических поэм о преимуществах благородного происхождения по сравнению с низким, перечислял всех своих предков, подробно описывая, каким уважением они пользовались в доисламскую эпоху и после появления ислама, всячески позорил Джарира, поносил его род за то, что в нем не было таких людей, какие были в племени Дарим или Муджашиа.

Постоянная тема самовосхвалений поэта — достоинства его племени и его самого, но надо сказать, что аль-Фараздак восхвалял больше свое племя, чем самого себя. Он считал, что его род самый знатный среди арабов, что его отличают от других родов исключительное благородство, великодушие и щедрость, что люди его племени обладают необыкновенным умом. Он считал также, что его собственное великодушие безгранично, как море, что его храбрость подобна храбрости льва; свой поэтический талант он считал унаследованным непосредственно от Имру-ль-Кайса, аль-Мухальхида, Тарафы, аль-Ааши и других великих поэтов.

Мои касыды мне подарили все три ан-Набиги¹, ушедшие из этого мира, А также аль-Мухаббаль, Имру-ль-Кайс и аль-Хутайа.

Самовосхваления аль-Фараздака написаны размером *тавилъ* в высоком стиле, отличаются выразительностью; вместе с тем по своей форме и содержанию они весьма однообразны.

Сатира аль-Фараздака (*хиджа*). После самовосхваления, которое служит ему опорой и которым поэт приободряет себя, он обрушивается на врага всей силой своей сатиры и всячески позорит его. Стремясь как можно более унижить противника, он изображает его полнейшим ничтожеством, воруя чужие стихи; он говорит, что от рода его врага исходит все позорное и безнравственное; он клеветает на своего противника, поносит его бранными словами, всячески оскорбляя даже лучшие его стремления и намерения, возводит на него чудовищные обвинения, издевается над ним, рисует различные вымышленные картины, представляющие его врага, его семью и многочисленных родственников в смешном и унижительном положении. При

¹ «Три ан-Набиги» — это ан-Набига аз-Зубьяни, ан-Набига аль-Джаади и ан-Набига аш-Шейбани.

этом слова его текут неудержимым потоком, и его не способны обуздать в брани даже религиозные убеждения. Возможно даже, что родственникам Джарира доставалось здесь больше, чем ему самому. Однако другие сатирические произведения аль-Фараздака, посвященные не Джариру, отличаются большей сдержанностью и благопристойностью. Наряду с самовосхвалением и высмеиванием врагов аль-Фараздак отводит в своих произведениях немалое место защите племени Таглиб, к которому принадлежит его союзник аль-Ахталь; поэт говорит о величии этого племени, перечисляет его предков, живших и в доисламскую эпоху и в эпоху ислама, и наряду с этим высмеивает племя Кайс Айлян, против которого выступал с сатирическими стихами аль-Ахталь и которое защищал Джарира.

Наиболее крупные сатирические произведения аль-Фараздак посвятил осмеянию дьявола. Поводом для создания одного из них послужил следующий случай: зайдя как-то на базар аль-Мирбад, поэт увидел одного влиятельного человека из племени Бахилия по имени Хумам; при нем был бурдюк с маслом, и поэт стал из-за этого над ним насмехаться. Сказал ему Хумам: «Я отдам тебе бурдюк, а ты подари мне славу моего племени». И сочинил поэт касыду, в которой прославлял честь племени этого человека и высмеивал дьявола. В ней поэт дает обет Аллаху в том, что он «никогда не оскорбит религиозных чувств мусульманина» и что «уста его не произнесут ни одного дурного слова».

В подтверждение обещания он излагает свою беседу с дьяволом и показывает, как тот семьдесят раз дает ему повод для нарушения обета и как поэт в конце концов все же приходит к своему богу. Он рассказывает, как дьявол искушает его и садится в седло к поэту то впереди, то позади; как он обещает поэту бессмертие и вечное наслаждение. В конце концов поэт побеждает дьявола с помощью своих аргументов и указывает ему на его лживость, обвинив его в том, что это из-за него погибло войско Фараона¹ в Красном море и что это он навлек беду на Адама и Еву.

Поэт угрожает дьяволу страшной местью и жестокой расправой. В тоне касыды чувствуется раскаяние человека, жаждущего восстановить свое душевное равновесие; речь его отличается необычайной красотой и изяществом, а его доводы — простотой и убедительностью. Эта касыда, а также некоторые другие бейты из его стихотворений дают возможность назвать аль-Фараздака непревзойденным для своего времени мастером жанра благочестивой поэзии. Однако благочестие аль-Фараздака не было постоянным его качеством, так как в его поступках им часто руководили распушенность и чувственность, свойственные его натуре.

¹ Фараон — легендарный царь амалекитов, превозгласивший себя богом (Коран, XXVIII, 38).

Описания (*васф*). Аль-Фараздак обладал богатым воображением, тонкой наблюдательностью и был отличным рассказчиком; эти качества проявились в его произведениях, написанных в жанре *васф*, и принесли ему славу одного из самых выдающихся повествователей эпохи Омейядов. Темы его описаний чрезвычайно разнообразны: он пишет о животных пустыни — о волке, льве, диком осле; рисует картины жизни оседлых арабов, описывая, например, корабли, войска, подводную ловлю жемчуга и т. д., причем описания эти часто носят повествовательный характер. Одно из описаний свидетельствует о чутком и теплом отношении поэта к животным — описывая волка, он говорит, что готов укрыть его своей одеждой и поделиться с ним пищей:

Когда он подошел ко мне, я сказал: «Подойди еще ближе; вот я стою
здесь перед тобой;

И я и ты — оба мы питаемся одной пищей».

И при свете огня в клубах дыма

Я поделил между нами мой запас еды, разделив его на две равные части.

Отражая преимущественно внешнюю сторону явлений, а не их внутренний смысл, описания аль-Фараздака отличаются образностью и точностью. О них можно также сказать, что они отмечены оригинальностью, так как перемежаются с новостованиями.

Лирические стихи (*газаль*). Лирика в творчестве аль-Фараздака представлена в основном произведениями эротического характера, изобилующими грубыми и вольными подробностями. Эта вольность проявляется как в лексике, так и в содержании лирических стихотворений; описываемые в них чувства также грубы. Поэт старался подражать в своей лирике Имруль-Кайсу и Омару ибн аби Рабиа, однако ему далеко до мастерства этих двух поэтов, особенно второго из них. Грубости формы и содержания лирических стихотворений аль-Фараздака не приходится удивляться, так как сам он был грубым человеком, душа его была черства, а язык — зол.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

АЛЬ-ФАРАЗДАКА

Аль-Фараздаку были свойственны характерные черты бедуинского поэта: он был вольнолюбив и склонен к самовосхвалению, поэтому и стиль его произведений — это традиционный бедуинский стиль, нашедший свое проявление в нарочитом подборе грубых слов, которым он старается затем придать звучность, твердость и определенный ритм; такие слова пригодны для произведений в жанре *фахр* и не могут быть применены в произведениях, предполагающих изящество выражений.

Стихи аль-Фараздака — это не только порождение его природного поэтического дара, к таланту поэта здесь добавились мастерство, умение совершенствовать свой поэтический язык. Можно сказать, что талант аль-Фараздака — это скала, из которой он высекает свои стихи, следуя в их построении строгой форме. Некоторые из стихов аль-Фараздака были понятны лишь ограниченному кругу людей и потому не получили широкого распространения, хотя не лишены подлинной красоты. Произведения аль-Фараздака отразили все характерные черты доисламской поэзии; Абу Убейда сказал о них: «Если бы у нас не было стихов аль-Фараздака, для нас оказалась бы утраченной треть языка арабов».

Аль-Фараздак чувствовал, что нежный и изящный стихотворный стиль не дается ему, поэтому он отказался от лирических вступлений в большинстве своих касид и приступал к изложению содержания и основной темы произведения сразу. В некоторых случаях он нарушал общепринятые грамматические нормы и законы риторики, что значительно усложнило понимание его произведений и вызвало нарекания со стороны грамматистов и риториков.

Помимо литературной ценности, стихи аль-Фараздака обладают также исторической значимостью, поскольку они знакомят нас с многими сторонами личной жизни поэта и его врагов, с условиями жизни арабов того времени, с их обычаями и нравами, с государственной властью Омейядов и произволом их наместников, с битвами и победами; таким образом, стихи аль-Фараздака явились подробной летописью событий его времени.

Джарир (653—733) [33—114]

ЖИЗНЬ ПОЭТА

Происхождение поэта. Абу Хазра Джарир ибн Атыйя ибн Хузайфа по прозвищу аль-Хатафа был сыном Кулейба аль-Ярбуий из племени Тамим; он родился в Йемаме около 653 [33] года. Отец его был человеком незнатным по происхождению, ленивым и скупым. Мальчик воспитывался в суровых условиях жизни нищего бедуинского рода; он пас овец и коз своего отца. С детских лет он отличался красноречием и, еще будучи мальчиком, умел слагать стихи. Уже в раннем возрасте он проявлял нетерпимость и ненависть к своим врагам из числа соплеменников, а также к племенам, враждовавшим с его племенем, чем в конце концов и прославился.

Скитания поэта. Когда между Джариром и аль-Фараздаком разгорелось пламя поэтической борьбы, оружием в которой была сатира, Джарир покинул Йемаму и отправился в Ирак, в Басру, так как понимал, что в Йемаме он не сможет

добиться ни славы, ни богатства. Из Ирака он отправился в Хиджаз, потом снова в Ирак, затем побывал в Бахрейне, Йемене, Дамаске и ар-Расафе. Во время странствий он искал покровительства власть имущих, стремился попасть ко дворам эмиров. Сначала он попал к Язиду ибн Муавии, затем к аль-Хаджжаджу и, наконец, к Бишру ибн Мервану; аль-Хаджжадж принял поэта с большим почетом, и Джарир прославил его в своих панегириках. Джарир был женат несколько раз (трех из своих жен он упоминает в своих стихах) и имел нескольких сыновей, старшим из которых был Хазра.

Под защитой халифа а. Джарир решил стать одним из приближенных Абд аль-Малика ибн Мервана. Он знал, что ко двору халифа стремятся попасть многие поэты и среди них аль-Ахтал; все они надеялись получать там за свое искусство богатые вознаграждения. Но сразу попасть ко двору Абд аль-Малика Джариру не удалось, хотя ему и помогал в этом аль-Хаджжадж; на это ему пришлось потратить много сил — ему мешало и то, что халиф видел в каждом мударитском поэте сторонника аз-Зубейра. Когда же поэт, наконец, предстал перед Абд аль-Маликом, он прочел ему касыду, в которой ополчился на сына аз-Зубейра. Касыда эта начиналась так:

Разве вы не благо для всех, кто ездит верхом,
Вы самые щедрые, и ваши руки полны даров.

После этого Джариру было дозволено остаться при халифе Абд аль-Малике. Тогда же халиф встретился и с аль-Ахталем, который несколько позже победил Джарира в поэтическом поединке, прочитав свою касыду, начинающуюся словами: «Спешите живущий...»

Затем Джарир жил при дворе халифа аль-Валида ибн Абд аль-Малика, который так же, как и его отец, окружил поэта почетом и вниманием. В этот период жизни Джарира и произошел обмен сатирическими посланиями между ним и Адией ибн ар-Рикаа, личным поэтом аль-Валида, положивший начало всей его дальнейшей поэтической борьбе. Причиной борьбы были два обстоятельства — первое то, что Адий пользовался у халифа большей благосклонностью, чем Джарир, а также исконная вражда между племенами Мудар, к которому принадлежал Джарир, и Гатафан, к которому принадлежал Адий. В последний период правления аль-Валида умер аль-Хаджжадж, и с его смертью Джарир потерял своего покровителя в Ираке, на помощь которого он всегда мог рассчитывать.

Когда на трон вступил Омар ибн Абд аль-Азиз, Джарир посвятил ему панегирик, который, однако, успеха не имел, поскольку новый халиф, по словам Джарира, приближал к себе бедняков, а поэтов гнал. Когда же власть в халифате наследовал Язид ибн Абд аль-Малик, поэт стал воспевать в своих па-

негириках его; затем Джарир отправился в ар-Расафу к брату халифа Хишама, которому тоже посвятил панегирик.

Смерть поэта. Историки придерживаются различных мнений относительно точной даты смерти Джарира, однако большинство считает, что он умер в 733 [114] году, приблизительно через сорок дней после смерти аль-Фараздака и спустя двадцать три года после смерти Аль-Ахталя.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

Джариру принадлежит диван, который опубликовал в Каире в 1935 году Мухаммед Исмаил ас-Сави. Этот сборник был составлен на основании экземпляра, записанного имамом Мухаммедом ибн Хабибом, который услышал их от Мухаммеда ибн Зияда аль-Иараби, а тот, в свою очередь, от Имара ибн Биляля ибн Джарира; кроме того, составитель использовал сборник «Накаид» и другие литературные источники. Стихи Джарира представлены жанрами: *мадх*, *риса*, *фахр*, *хиджа* и *газаль*.

ДЖАРИР — ПОЭТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Политические взгляды Джарира. Джарир был патриотом своего племени, а все поэты племени Мудар помогали Ибн аз-Зубейру в его борьбе против Абд аль-Малика ибн Мервана. Однако такая политическая позиция не могла обеспечить Джариру благосостояния, которого ему так не хватало. Поэтому он решил во что бы то ни стало сблизиться с Омейядами. Установление связи с аль-Хаджжаджем было первым шагом на пути политической деятельности Джарира, ибо аль-Хаджжадж сделал его своим личным поэтом, а затем поэтом племени Кайс.

Джарир прославил аль-Хаджжаджа в своих панегириках; впоследствии, находясь уже при дворе Абд аль-Малика, он тоже не раз подымал свой голос в его защиту.

Затем он стал придворным поэтом и начал сочинять панегирики и элегии, посвящая их омейядским халифам, их наместникам и приближенным. Чтобы угодить Омейядам, он не стеснялся поносить даже мертвых. Когда умер Ибн аз-Зубейр, поэт стал сочинять панегирики в честь Абд аль-Малика. Он посвящал свои панегирики также кайситам, то есть врагам племени Таглиб. Он стоял за равенство между арабами и мавлянами (представителями других народов, принявших ислам) и не скрывал своих чувств по отношению к мавлянам и персам; он даже восхвалял их в своих стихах и говорил, что они не уступают арабам в своем благородстве. Он стремился примирить халифа с племенем Кайс, а также добиться взаимопонимания между племенем Тамим и двором правителя. Он говорил, обращаясь к Абд аль-Азизу ибн Мервану:

Поистине Тамим считает себя вашим братом
И всегда благодарен за добро, которое ему делают.
Если вы будете поносить Тамим, то вы будете (тем самым) поносить
Боевых львов, которые могут уничтожить всех ваших врагов.

Когда Язид ибн аль-Мухаллаб поднял восстание против Язида ибн Абд аль-Малика, Джарир выступил на стороне Омейядов против рода аль-Мухаллаба. Политические взгляды Джарира охарактеризовал Ахмед аш-Шаиб: «Патриотизм Джарира склонял его на сторону племени Тамим и Кайс; в то же время он вместе с аль-Фараздаком был на стороне племени Ярбуа. Стремление поэта установить дружбу с халифами основывалось, с одной стороны, на желании соблазнить интересы племени, а с другой — на корыстных целях. Его привела к этому нужда в деньгах, а также расположение к нему кайситов после того, как он сблизился с аль-Хаджжадом. Таким образом, он пользовался меньшим авторитетом, чем аль-Ахталь, в высших политических сферах и меньшим уважением в племени Тамим, чем аль-Фараздак».

Панегирики (*мадх*). Прославляя в своих панегириках Омейядов, их наместников и приближенных, Джарир откровенно стремился к наживе и проявлял в этом явное усердие. Так, восхваляя Абд аль-Малика, он говорил:

Помоги мне ради моего отца и матери,
Ты же щедр в своих милостях!

Целям наживы поэт подчинял и форму и содержание панегириков. Он прославлял деяния лица, которому посвящал панегирик, утверждал его право на власть в халифате, приносил извинения за то, что его племя симпатизирует роду аз-Зубейра. Джарир использовал в своих стихах сюжеты из светской и религиозной тематики; он описывал могущество халифов и тех, кто правит от их имени, их военную силу, их созидательную деятельность (например, строительство каналов и посадку плодовых деревьев халифом Хишамом). Обращаясь к религиозным темам, он многословно восхвалял благочестие того лица, которому посвящал панегирик: может даже показаться, что панегирик посвящен духовному лицу, а не светскому и что халифы заслуживают восхваления скорее благодаря своим религиозным делам, чем светским. В его панегириках часто встречаются такие слова, как «наместник Аллаха на земле», «Коран», «заповедь», «вера», «набожность», «праведность», «благословение» и т. д. Религиозным духом проникнуты не только панегирики, но и произведения других жанров. Халифы в его стихах — это избранные божьи, свое происхождение они ведут от самого знатного рода племени Курейш, события и время подтвердили, что они являются именно теми людьми, которым должна принадлежать власть в халифате. Меч аль-Хаджжаджа — меч спра-

ведливости, а Хишама ибн Абд аль-Малика поэт даже называет «Махди» («Мессия»):

Одолели нас заботы, и сказала
Джуада: куда ты хочешь отправиться?
И сказал я ей: «Конечно же, к халифу.
Ведь он Махди — воплощение мудрости и праведности».

Панегирики Джарира, как правило, очень длинные; он подробно описывает все достоинства восхваляемого лица, причем основной добродетелью поэт считает щедрость. В панегириках автор намеренно говорит о себе в уничижительном тоне, в них нет ни самовосхваления, ни высмеивания противников поэта, скорее поэт ставит себя в положение попрошайки; его панегирики лишены страстных чувств и высоких стремлений.

Элегии (*риса*). Элегии Джарира подразделяются на два вида; к первому относятся элегии, посвященные членам его семьи: жене, сыну Саваде; ко второму относятся элегии, посвященные государственным деятелям и придворным: аль-Валиду и его сыну Абд аль-Азизу. Поскольку Джарир был человеком весьма впечатлительным, его элегии, как правило, были эмоциональными, мягкими и глубоко волнующими.

Когда умер аль-Фараздак, Джарир сочинил на его смерть элегию, где попытался сказать о нем несколько теплых слов, хотя в течение многих лет поносил его.

Пусть плачут о нем и люди, и духи, вот лежит мертвый он,
Юноша из племени Мудар, которого знали все на востоке и на западе,
Юноша, слава которого была подобна славе паломника, совершившего
паломничество девяносто раз,
Юноша, который достиг высшей славы, богатства и добродетели.

Джарир искренен в своей печали; его элегии выражают горестные чувства и полны воспоминаний, которые навевают грусть и тоску.

ДЖАРИР — ПОЭТ ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЫ

В поэтических спорах Джариру приходилось противостоять целой группе поэтов. Имена многих из них он упоминает в своем диалоге с аль-Хадждажем, говоря, что они настроены по отношению к нему враждебно, но что ему удалось одержать над ними победу. Поэтами этой группы, особенно самыми бездарными из них, руководило в борьбе против Джарира желание прославиться благодаря его стихам, а аль-Хадждадж, Хишам и другие сами забавлялись тем, что стравливали поэтов, соперничающих друг с другом в сатире. Джарир посрамил всех поэтов, выступавших против него, за исключением двух — аль-Ах-

тая и аль-Фараздака. Мы ограничимся рассмотрением сатирических стихов-самовосхвалений Джарира, направленных именно против этих двух поэтов.

Сатира (*хиджа*). Джарир проявил исключительный талант в сочинении сатирических стихов, в них нашли выражение глубокие чувства поэта; в моменты воодушевления Джарир был подобен грозному вулкану, извергающему лаву: он уже не отдавал себе отчета в словах. Бурные чувства, глубокая впечатлительность и страстность Джарира руководили им, когда он высмеивал своего противника, а его проницательность помогала находить и выявлять слабые стороны врага. «Он хорошо знал людей,—говорит Марун Аббуд,—ибо с пристрастием изучал их характеры, тщательно анализировал их, вскрывал сущность человеческой природы и описывал ее». Сила его сатирического таланта была настолько велика, что противнику порой было трудно ему ответить. Если он наносил удар, то удар его был метким и сильным.

Прием Джарира в сатире в основном сводился к использованию выражений своих противников; добавляя к ним собственные слова, он стремился еще сильнее поразить врага и причинить ему еще большую боль. Никому, кроме Джарира, не удавалось использовать этот прием столь успешно. Таким образом Джарир использовал для поношения своих врагов грубую ругань и непристойные выражения аль-Фараздака и издевательства аль-Ахтала. Не останавливаясь на этом, Джарир, говоря уже собственными словами, продолжает нападать, разбирая всю жизнь человека, которого он избрал объектом своих насмешек, а также жизнь его близких; он перечисляет все их недостатки, вскрывает все их слабости, останавливаясь на каждой в отдельности; такое подробное описание должно было вызвать в людях презрение к этому человеку. Особое внимание он уделяет перечислению личных недостатков своего врага и недостатков, свойственных всему его племени и в прошлом и в настоящем. Для подкрепления своей мысли он выдумывает никогда не случавшиеся происшествия и повторяет эту мысль несколько раз, для того чтобы она осела в сознании слушателей. Издеваясь над врагом и унижая его, он прибегает к чрезмерной гиперболизации, сравнивает этого несчастного с грязным животным, приписывает ему чудовищные поступки—все, что только в состоянии вообразить его изощренный ум,—беспощадно позорит честь матери и сестер своего противника, обвиняя их в самых грязных и ужасных поступках; все это дополняется обидной издевкой и оскорблениями. В результате этот человек становится объектом всеобщих насмешек; Джарир изображает его в таком «карикатурном» виде, что люди не могут удержаться от смеха, а такой эффект вдохновляет поэта на еще более язвительную насмешку. В качестве иллюстрации разберем стихи, направленные против аль-Фараздака и аль-Ахтала.

Сатира, направленная против аль-Фараздака. В этих стихах поэт рассказывает о жизни аль-Фараздака и всего его племени: он называет аль-Фараздака «сыном кузнеца», потому что его дед был кузнецом, а поэт знал, что арабы считают это ремесло постыдным. Джарир говорит аль-Фараздаку о наковальне, о молоте, о мехах, а затем напоминает ему о сражениях, не делающих чести его роду, например о том, как были выданы аз-Зубейру люди из племени Муджашиа в «Битве верблюда», и позорит честных женщин племени. Переходя далее к личной жизни аль-Фараздака, он сравнивает его с обезьяной, обвиняет его в распутстве и стыдит за развратное поведение, предостерегает всех от знакомства с этим распутником, за которым, где бы он ни появился, следуют позор и бесчестье.

Он порочный человек, предупреждаю вас, о люди Медины,
А порок влечет за собой все дурное.

Кроме того, Джарир обвиняет аль-Фараздака в нарушении законов религии, говоря, что в субботу он еврей, а в воскресенье — христианин. Насмехаясь над аль-Фараздаком, поэт говорит:

Разве аль-Фараздак не лиса,
Которая вопит, попав в зубы к могучему льву?
Мать аль-Фараздака родила его распутником,
Она родила коротконового глупца.

Сатира, направленная против аль-Ахтала. В сатирических стихах, направленных против аль-Ахтала, Джарир разбирает всю жизнь и историю его племени, которой он уделяет значительно больше места, чем в сатире, направленной против аль-Фараздака, так как аль-Ахталь происходит из другого племени и принадлежит к другой религии. Он позорит племя Таглиб, вспоминая сражения, проигранные им племени Кайс Айлян, говорит, что таглибиты всегда были рабами, говорит об отсутствии у них способности к серьезным делам и великодушным поступкам и восхваляет бакритов за то, что они убили Кулейба. Он позорит аль-Ахтала и его род за то, что они исповедуют христианство, всячески унижает его, оскорбляет святой крест, святых христианской церкви и священников обидными словами. Аль-Ахталь был лишен возможности отвечать Джариру в том же духе, так как он жил при дворе мусульманских халифов, связанных родственными узами с пророком ислама. Джарир позорит аль-Ахтала и его род за то, что они едят свинину, пьют вино и спиртные напитки, предаются разгулу и разврату. При этом Джарир дает волю своему таланту воображения: он измышляет и клеветает столько, сколько позволяет ему время и место. Затем Джарир пускает еще одну

стрелу, отравленную издевкой: он лишает своего врага имени, наделяя его прозвищем «маленький осел».

Разве этот Абу аль-Ухуйтыль не таглибит,
Жалкий таглибит по отцу и дяде?

Затем он изображает его умоляющим Мар Сарджис (святого племени Таглиб, которого оно почитало как своего заступника) охранить его племя от войны:

Аль-Ухуйтыль говорит, когда видит знамя:
«О Мар Сарджис, мы не хотим воевать»

Такова сатира Джарира. В ней было много зла и яда, она задевала сразу нескольких врагов, и потому они объединялись для отпора поэту. Джарир часто направлял оружие своей сатиры на совершенно невинных людей и не щадил даже чистых, непорочных женщин. Но поскольку он был человеком набожным, он часто просил у Аллаха прощения за то, что оклеветал непорочных женщин, и каялся перед теми, кого позорил, признавая их невиновность; прося прощения за все, он умолял родственников обиженных наказать его и даже вознаграждал их, когда они выполняли его просьбу.

Наибольшей известностью пользуется его сатирическая касыда с рифмой на «ба», которая называется «Ад-Дамига», что значит «уничтожающая», так как в ней он беспощадно расправляется со своим противником. В этой касыде Джарир высмеивает одного владельца стада верблюдов и его племя Бану Нумейр. Причиной этому послужила вражда, разгоревшаяся между поэтом, с одной стороны, и владельцем стада и его сыном Джандалем, с другой. Эта касыда начинается следующим бейтом:

Меньше брани меня и упрекай
И скажи, что я прав, когда я прав.

Самовосхваление (*фахр*). Сатирические стихи Джарира тесно переплетаются со стихами в жанре *фахр*. Высмеивая противника, он одновременно воздает хвалу себе, унижая тем самым своего врага еще больше. Темой самовосхвалений служат его личные качества, поэтический талант, достоинства его племени и верность исламу.

Когда он высмеивает аль-Фараздака, ему приходится учитывать то обстоятельство, что аль-Фараздак принадлежит к тому же племени, что и сам Джарир — к племени Тамим, известному благородством происхождения. Однако ветвь племени, к которой принадлежит аль-Фараздак, знатнее той ветви, к которой принадлежит Джарир. Джарир лишен, таким образом, возможности хвастаться своими предками перед аль-Фараздаком, так как это позволит аль-Фараздаку возвыситься над ним. Тем не менее Джарир мог похвастаться отдельными битвами, в ко-

торых Бану Ярбуа — племя поэта — одержало победы, а также упомянуть о других сражениях, где племена Бану Дарим (род аль-Фараздака) и Бану Дабба (его дяди) потерпели поражение.

Когда же он высмеивает аль-Ахтала, то он уже может хвастаться своей преданностью исламу и тем, что он, так же как и сам пророк и все халифы, является мударитом:

Поистине те, кто лишены всех достоинств,— это таглибиты,
А халифы и пророк ведут происхождение от нашего племени.

Джарир хвастается перед всеми поэтами своим талантом и тем, что он побеждал их в поэтических состязаниях:

Аллах сделал меня грозой для других поэтов,
Грозой, перед которой они гнут шеи.

Он хвастается также своей принадлежностью к племени Тамим, о чем свидетельствует следующий известный бейт:

Если ты вызвал гнев племени Тамим,
Знай, что ты прогневил весь народ.

ДЖАРИР КАК ЛИРИК

Лирика (*газаль*) не представлена в творчестве Джарира самостоятельными произведениями; она представлена произведениями традиционными и по стилю и по содержанию. Отличительная же ее черта — сочетание традиционного стиля доисламских поэтов с новым стилем поэзии, воспевающей целомудренную любовь. В описании женщины он сначала следует традициям поэтов предшествующих поколений, а затем переходит к описанию своих душевных переживаний и сообщает нам о своих страданиях и мучениях, одиночестве, о тех тревогах и чувствах, которые бушуют в его душе; и тогда мы слышим жалобы, с которыми поэт обращается к небу и земле:

Если бы ты знала, о земля, о наших страданиях
И если бы ты, о небо, слышало наши жалобы повелителю,
вы бы пожалели нас.

Он говорит о глубине своей печали и о том, что он еще не встретил той, которая могла бы рассеять его грусть.

О, если бы имеющий сердце встретил ту, что зажгла бы его,
Или ту, что утешила бы его...
Я не первый, кого сжигает огонь печали,
Кого волнуют и печалит расставания по утрам.

По ночам он бодрствует и следит за движением своей звезды; в смятении чувств он плачет, описывает борьбу между жизнью и смертью и т. д.

Мастерство Джарира в сочинении лирических произведений проявилось прежде всего в музыкальности его стихов. Нежно-сти, мелодичности Джарир достигал с помощью искусства словосочетания и тщательного подбора размера и рифмы, а также повторением отдельных оборотов в сравнениях и сопоставлениях. Таким образом, очарование его лирических произведений зависело скорее от построения бейта, чем от его содержания.

Лирика Джарира — это лирика искренних чувств, боли и страданий, которые нашли отражение в мягких и нежных выражениях, в приятной музыкальности стиха.

Эта лирика не имеет ничего общего с фривольными и натуралистическими описаниями, встречающимися в произведениях других поэтов, что объясняется набожностью и благочестием Джарира.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО ДЖАРИРА

Джарир принадлежал к числу людей темпераментных и мягких по натуре, людей тонкой души, и хотя мягкость лишила стихи Джарира той силы звучания и той величественной пышности, которая свойственна стихам аль-Фараздака, он превзошел последнего в выражении глубоких чувств, которыми проникнуты его элегии, а также стихи, воспевающие благородство происхождения.

Чувству в произведениях Джарира подчиняется все: и разум и воображение, поэтому в его стихах мало раздумья, мало фантазии, а описания отличаются бедностью воображения. Джарир приходит в крайнее возбуждение по малейшему поводу, так как любое волнение, задевающее чувство, вызывает у него бурную реакцию.

Эмоциональность Джарира дополняет огромный талант; его стихи — порождение природного дара, поэт как бы «черпает свои стихи из моря». Джариру не требуется больших усилий для того, чтобы сочинять стихи, он не стремится их улучшать и оттачивать, как это делает аль-Ахтал, и не шлифует их, как аль-Фараздак. Его стихи льются легко и непринужденно на всем протяжении самой длинной касыды. Легкость и изящество языка, его музыкальность делают стихи абсолютно понятными и увлекательными. В то же время это придает произведениям Джарира известную легковесность и лишает их силы и красочности, характерной для творчества аль-Ахтала и аль-Фараздака, хотя, с другой стороны, благодаря этой легкости его стихи приобрели такую живость, которой не смог добиться никакой другой поэт.

Следует также сказать, что хотя Джарир обладал богатым поэтическим даром, ему тоже приходилось иногда обрабатывать свои стихи, подчиняя их законам поэтического искусства.

Итак, Джарир был более одаренным стихотворцем, чем аль-Ахталь и аль-Фараздак. Несмотря на то, что он был слабее их в области художественного мастерства и в умении использовать риторические приемы, он лучше их владел искусством очаровывать людей, был более одарен и более эмоционален, чем они, и при этом умел подбирать для выражения чувств наиболее нежные и ясные слова; он лучше других поэтов владел искусством гармонии и музыкальности в построении стиха. Однако он уступает аль-Ахталю и аль-Фараздаку в силе воображения, в умении логически мыслить и красочно излагать свои мысли.

Убейдалла ибн Кайс ар-Рукайят, ат-Тыриммах ибн Хаким и аль-Кумейт аль-Асади

УБЕЙДАЛЛА ИБН КАЙС АР-РУКАЙЯТ (? — 694 [75])

Убейдалла был поэтом племени Курейш; его прозвали ар-Рукайят потому, что он воспевал в своих стихах трех женщин, которые носили одно и то же имя — Рукайя. Он принадлежит к числу сторонников Ибн аз-Зубейра; вместе с Мусабом ибн аз-Зубейром, которого он воспел в своих панегириках, поэт выступал против Абд аль-Малика ибн Мервана и всячески поносил Омейядов. Однако после гибели Мусаб и Абдаллы поэт перешел на сторону Абд аль-Малика, который взял его под свое покровительство.

Во всех своих помыслах и чувствах Убейдалла был истинным курейшитом и считал, что высшая власть в халифате должна принадлежать только представителям племени Курейш. Всеми силами он пытался сохранить единство курейшитов и поэтому выступал против различных партий, которые разобщали племя Курейш. Поэт прославлял свое племя и призывал его к единству.

Ар-Рукайят не заботился об убедительности тех доказательств, которые он приводил в своих стихах, а полагался в основном на силу своих чувств: чувства печали за судьбу своего племени, чувства гнева против Омейядов, которые бросили на произвол судьбы родину курейшитов — Хиджаз и стали опираться в своей политике на йеменские племена.

Основные жанры творчества Убейдаллы — это панегирики (*мадх*), которые он посвящал зубейритам, шиитам, а затем и Омейядам; элегии (*риса*), восхваления своего племени, своего рода и своей семьи (*фахр*) и, наконец, стихи, содержащие угрозы врагу (*ваид*).

Убейдалла ибн Кайс ар-Рукайят был сторонником аристократии как в своих политических прокурейшитских взглядах, так и в поэзии, в которой он избегал грубых или оскорбительных выражений.

Ат-Тыриммах — поэт-хариджит из племени Тайи; он вырос в Дамаске, а впоследствии вместе с сирийскими войсками пришел в Куфу. Он связался с хариджитской группой аль-Азарика¹ и призывал ее присоединиться к нему до тех пор, пока не убедил ее в этом окончательно.

Ат-Тыриммах в совершенстве владел искусством сочинения панегириков и хвалебных од, посвященных его роду и племени. Его политические стихи отличаются силой и в то же время изяществом, они проникнуты духом верности исламу, выражают его стремление к самопожертвованию во имя веры; поэт рассказывает в своих стихах о жизни хариджитов в дни мира и войны. В своем творчестве ат-Тыриммах предпочитал пользоваться необычным стилем, однако порой делал это весьма неумело.

АЛЬ-КУМЕЙТ ИБН ЗЕЙД АЛЬ-АСАДИ (679—743) [60—126]

жизнь поэта

Аль-Кумейт ибн Зейд аль-Асади из племени Мудар родился в Куфе в 679 [60] году. Еще в детстве он впитал и бедуинскую культуру и культуру оседлых арабов, постиг многие науки, в том числе арабский язык, арабскую поэзию, историю побед и поражений арабов. Юношей он начал сочинять стихи, однако он не стремился использовать свое искусство в целях наживы и довольствовался тем, что обучал детей в мечети Куфы. Когда же поэтический талант аль-Кумейта созрел, племя Мудар желало, чтобы он стал его поэтом, отстаивал его интересы и боролся с врагами мударитов.

Семья поэта восприняла от жителей Куфы шиизм, поэтому и аль-Кумейт стал шиитским поэтом. В своих стихах он приводил доказательства правоты шиитов и защищал шиизм от его врагов; он выступил против рода Мервана, которому принадлежала власть в государстве. Аль-Кумейт не желал принимать вознаграждения за свой труд и не хотел иметь ничего общего с теми, кто поддерживал род Мервана; всей душой он был предан принципам дела, которому служил. Касыды аль-Кумейта, в которых он говорит о своей приверженности Хашимидам и роду Али, получили названия «хашимийят».

Из-за своей приверженности к роду пророка он не раз оказывался на краю гибели. Когда Хаким аль-Кальби, происходивший из йеменцев, переселившихся в Сирию, высмеял в своих стихах род Али, шиитов и племя Мудар, аль-Кумейт ответил ему сатирическими стихами, в которых в свою очередь высмеял всех йеменцев. Это вызвало гнев наместника халифа в Ираке Халида ибн Абдаллаха аль-Касри, который тоже был йеменцем; он донес на поэта халифу Хишаму ибн Абд аль-Малику, и тот

¹ Наиболее крупными группами хариджитов были группы: аль-Азарика, ан-Надждат, ас-Сафарийя, аль-Аджарида, аль-Абадийя, ас-Саалиба.

приказал казнить поэта. Аль-Кумейта схватили и посадили в тюрьму, но поэт бежал из тюрьмы в Сирию и укрылся там близ могилы Муавии ибн Хишама. Так ему удалось сохранить себе жизнь: здесь аль-Кумейт сочинил касыду, в которой попросил у Омейядов прощения и выразил раскаяние в своей приверженности к шиизму; этим он добился прощения халифа. Умер поэт в 743 [126] году.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

Аль-Кумейту принадлежит много стихов, среди них есть па-негирики (*мадх*), сатирические произведения (*хиджа*) и др. Большая их часть до нас не дошла; из оставшихся наибольшей известностью пользуются «хашимийят» — восемь касыд, посвященных защите рода Хашима от его врагов. Эти касыды были опубликованы в Египте и Лейдене в 1904 году; первая из них была направлена поэтом аль-Фараздаку с просьбой распространить ее; она начинается следующими словами:

Меня не радует любовь к белолицой,
И я не шучу, ибо седины мои не позволяют мне шутить,
Меня не забавляет дом и все, что его украшает,
Меня не радуют окрашенные пальцы,
С людьми чистыми, которые отдали любовь свою
Аллаху и были рядом в несчастье,
С родом Хашима, из которого вышел пророк,
С ними я делю и радость и печаль.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ ПОЭЗИИ АЛЬ-КУМЕЙТА

Аль-Кумейт был высокообразованным человеком и превосходил по своей культуре и знаниям всех современных ему поэтов. Один из них даже сказал о нем: «Аль-Кумейт обладал десятью качествами, которые отличали его от других поэтов: он был оратором племени Бану Асад, шиитским правоведом, каллиграфом, знал наизусть Коран, был абсолютно бесстрашен и был крупнейшим знатоком арабской генеалогии, к тому же он первый выступил публично с анализом шиизма; наконец, он был стрелком, равного которому не было в племени Бану Асад, прекрасным наездником, отважным воином, а также щедрым и благородным человеком».

В поэтическом творчестве аль-Кумейта сочетались черты, свойственные и бедуинской литературе и литературе оседлых арабов. С одной стороны, его творчество, как и творчество других поэтов-бедуинов, основывалось на традициях доисламской, а также исламской культуры; с другой стороны, цели его поэзии определялись политическими целями оседлых арабов, их спорами и распрями, почему и стиль произведений поэта был близок стилю официальных посланий. Произведения аль-Кумейта дают правдивую картину эпохи рода Мервана; это живая, энергичная поэзия, зовущая к жизни и прогрессу.

ОСОБЫЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ

УРДЖУЗЫ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Урджузы — это стихотворения, написанные размером *раджаз*, полный стих которого состоит из шести стоп (*мустаф'илун*¹). При этом размере стих делится на два равных или ослабленных полустишия.

Особенностью урджуз поэты считают то, что независимо от размера все бейты, написанные размером *раджаз*, делятся на полустишия.

ГОЗНИКНОВЕНИЕ УРДЖУЗ

Рассказчики и декламаторы считают, что размер *раджаз* древнее всех других поэтических размеров. Некоторые считают даже, что все ранние стихи были урджузами и что только аль-Мухальхиль и Имру-ль-Кайс стали сочинять касыды. Урджузы — подлинно народные произведения; арабы создавали их в дни войны — когда сражались, и в дни мира — когда рыли колодцы.

Объем урджуз того времени не превышал одного-двух бейтов; наивысшего расцвета этот жанр поэзии достиг лишь в эпоху праведных халифов и Омейядов. Со временем поэты усовершенствовали *раджаз* и стали пользоваться им при создании произведений самых разных жанров.

Абу Убейда Маамар пишет: «До сих пор поэты слагали в размере *раджаз* два-три бейта, не больше... Первым, кто расширил границы применения *раджаза*, был аль-Аджжадж, который воспользовался им в традиционных для касыды описаниях любимой и развалин покинутой стоянки, около которой путник останавливается, чтобы вспомнить и оплакать ушедшую

¹ Для обобщенного обозначения стихотворных размеров принято пользоваться производными формами от корня *фа'ала*. — *Прим. ред.*

молодость, а также в описании верблюдицы. Он достиг такого же совершенства в сочинении урджуз, как Имру-ль-Кайс в сочинении касыда».

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ УРДЖУЗ

Как произведения самостоятельного жанра урджузы отличаются особым построением и мелодией стиха, а также некоторыми другими особенностями, которые кратко сформулированы Ахмедом аш-Шаибом; он, в частности, отмечает:

«1. Для урджуз вообще и для урджуз омейядского периода в частности характерны некоторая необычность и странность языка. Вызвана эта необычность обязательной необходимостью четкого деления всех бейтов на полустихия, что требует подбора большого количества слов с общим рифмующимся согласным звуком. В результате многие слова используются в необычном для них значении. Другой причиной необычного языка урджуз является то, что размером *раджаз* пользовались для описания пустыни и всего, что связано с жизнью в ней, а ведь любовь к пустыне — чувство, знакомое бедуинам, но отнюдь не оседлым арабам.

2. Необычность языка урджуз объясняется не только тем, что слова употребляются в них в необычном значении, искажаются формы словообразования и словоизменения: формы *масдара*, множественного числа, прилагательных и глаголов употребляются с нарушением грамматических правил, целиком подчиняясь стихотворному размеру и рифме.

3. Краткость объема произведения требовала и лаконичности языковых средств. Поэтому авторы урджуз были вынуждены использовать прием «*тадмин*» — т. е. выражать мысль не прямо, а намеками; этот прием и лег в основу жанра урджуз. Кроме того, требование соблюдения размера заставляло поэтов использовать вводные предложения и часто нарушать структуру предложений и словосочетаний.

4. Рифма в урджузах отличается не только необычностью значения и грамматической формы рифмующихся слов, но и единством мелодии, а также множеством других особенностей, которые определяются особенностями размера с облегченной стопой типа *мустаф'илун*.

5. Применение *раджаза* в произведениях, построенных по типу касыды, характерно для всех крупнейших поэтов того времени. Они пользовались им для того, чтобы придать образность вступлению к касыде, разнообразить форму стиха, удлинить стопу. Наиболее выдающиеся из этих произведений отличались точностью и глубиной описательной части, а также многословием и длиннотами части, содержащей самовосхваления.

6. Многие из урджуз были очень красивы. Особенно плодотворным оказалось применение *раджаза* в стихах, воспевающих

женщину (жанр *насиб*), самовосхвалениях (*фахр*) и описаниях (*васф*), ибо лирическому содержанию их как нельзя больше подходят ритмические повторы, напевность размера *раджаз* и музыкальность такого стиха».

НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ УРДЖУЗ

В эпоху праведных халифов и Омейядов было много поэтов, сочинявших урджужы; наибольшей известностью среди них пользовались аль-Аджжадж (715) [97], его сын Руаба (762) [145], Абу Миркаль аз-Зуфаян и Абу Нухейля аль-Хумани.

Аль-Аджжадж и Руаба использовали *раджаз* во всех поэтических жанрах — в описаниях (*васф*), лирике (*газаль*), панегириках (*мадх*), сатире (*хиджа*), самовосхвалениях (*фахр*). Однако, поскольку эта группа поэтов, подчиняя размеру *раджаз* грамматические формы, достигла наибольших успехов лишь в виртуозности языка, их произведения вызывали восторг ученых-языковедов, но не пользовались успехом ни у халифов, ни среди народа; по тем же причинам эти авторы урджуж не заняли сколько-нибудь значительного положения в арабской поэзии.

РААВИЙЯТЫ (ПАСТОРАЛИ)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЖАНРА

Раавийятами называли пасторали — стихи, посвященные пастухам и их стадам, а также картинам пустыни и кочевой жизни, на фоне которой они изображаются. Этот вид поэзии явился ценным источником разнообразных сведений о различных сторонах кочевой жизни бедуинов.

Поэты, сочинявшие пасторали, не отказывались полностью от других жанров — панегириков, лирических стихов и проч., однако никогда не подчиняли свои стихи о пустыне и ее природе традиционным жанрам *мадх*, *газаль*, *васф* и *фахр*. Описание природы пустыни и жизни пастухов занимало в их стихах главное место.

НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ ПАСТОРАЛЕЙ

В этом жанре наиболее прославились два крупнейших поэта: ар-Раий и Зур-Румма.

Ар-Раий (709) [90]. Ар-Раий — прозвище поэта Убейда ибн Хусайна ибн Муавии ибн Джандаля ан-Нумайри из племени Мудар. Он пас верблюдов бедуинов, кочевавших близ Басры. Убейд был современником Джарира и аль-Фараздака, однако он предпочитал аль-Фараздака Джариру, за что Джарир его зло высмеял.

В своем творчестве Убейд избрал особый путь — он описывал

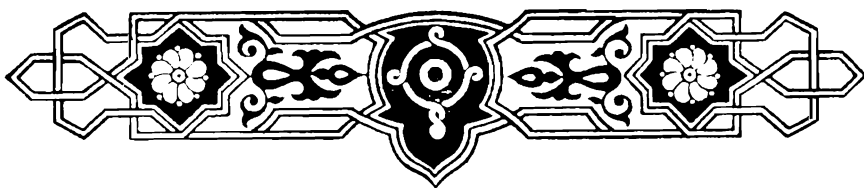
верблюдов и пастбища. В его время о нем даже говорили: «Он так хорошо знал пустыню, что ему не нужен был в ней провожатый», — то есть в описании пустыни он никому не подражал.

Многие из поэтов — предшественников Убейда, а также его современников описывали верблюдицу, ее бег, сравнивали ее с дикими животными, но Убейд ибн Хусайн добавил к этим описаниям картины жизни пастухов. Он описывает передвижение целого стада верблюдов во главе с погонщиками, рассказывает о том, как они спускаются к воде, как пасутся, и не пропускает при этом ни одной подробности. Его стихи рассказывают нам также о многих обычаях пустыни, о гостеприимстве ее жителей, об обряде закалывания верблюда в честь гостя, о мужестве бедуинов и о многом другом.

Зу-р-Румма (696—735) [77—117]. Настоящее имя поэта Абу аль-Харис Гайлян аль-Адави, он был мударитом. Особую популярность он приобрел благодаря своей любви к Мейе аль-Минкарийи. Ему принадлежит диван, содержащий преимущественно произведения традиционных жанров — излияния в любви, плач над развалинами, — выдержанные в стиле доисламских поэтов. В начальный период творчества поэт использовал в своих стихах размер *раджаз*, но впоследствии отказался от него. Прославился он стихами, содержащими описания природы, так как проявил в них незаурядный талант и хорошее знание арабского языка, а также лирическими стихотворениями.

В то же время он не отказывался от сочинения панегириков и поддерживал связи с властью имущими. Однако ни панегирики, ни сатира не принесли ему славы; в них обращали на себя внимание превосходный язык, который приводил в восторг ученых-языковедов, и бедуинская поэтичность, которая имела успех у всех.

Зу-р-Румма воскресил поэзию природоописания, которая родилась в незапамятные времена. В его стихах содержится столько же описаний природы, сколько в стихах всех арабских поэтов, живших до него; он посвящал свои описания ее красотам, а не недостаткам и воплотил в них всю страстность своей души. Он описывал животных пустыни, наделяя их способностью мыслить и чувствовать; его описания ночи в пустыне представляли ее во всей величественности и могуществе. При всем этом они не были фантастическими картинками — поэт лишь отбирал в них наиболее яркие черты природы пустыни.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

Прозаические произведения малых форм

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА И ЕЕ ВОЗНИКНОВЕНИЕ У АРАБОВ

Художественной прозой называется такой жанр литературы, в котором мысли излагаются в стройном порядке, в красивой и увлекательной форме, в изящном и совершенном по выразительности стиле.

Историки литературы придерживаются различных точек зрения по вопросу возникновения художественной прозы у арабов. Некоторые считают, что она появилась незадолго до Корана, уже существовала в момент его появления и затем продолжала развиваться до тех пор, пока Абд аль-Хамид и Ибн аль-Мукаффа не утвердили окончательно этот вид литературы. Другие же утверждали, что до Абд аль-Хамида и Ибн аль-Мукаффы художественная проза не была известна арабам.

Несомненно, в доисламскую эпоху художественная проза, в точном смысле этого слова, не была популярна: арабы заимствовали прозу из письменных произведений древних семитов, которые были написаны в разговорном стиле, без какого-либо порядка или правил — это был бессвязный набор слов, сочетающихся в бессвязные фразы, единство мысли отсутствовало в них; по своей форме они напоминали пословицы, поговорки или отдельные изречения, лишенные каких бы то ни было пояснений или комментариев. В этих произведениях не было ни связного изложения, ни пространных рассуждений; они были кратки, художественно-изобразительные средства в них отсутствовали, кроме разве отдельных поэтических элементов, облегчавших запоминание и пересказ, таких, как, например, рифмующиеся слова или парные сочетания предложений.

После появления ислама проза получила уже более широкое распространение. Постепенно в ней стали появляться, хотя и очень слабые, элементы художественного мастерства. Она стала приобретать более определенную форму и выражать мысль с

помощью понятных и наиболее простых языковых средств. Мерилом красоты стиля прозы стала лаконичность, что сближало прозу периода ислама с прозой доисламского периода.

ВИДЫ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАЛЫХ ФОРМ

Прозаические произведения малых форм периода праведных халифов и Омейядов делились на три основных жанра: произведения ораторского искусства (*хитаба*), подписи (*тавкиат*) и послания (*расаиль*).

Произведения ораторского искусства (*хитаба*). *Источники возникновения этого вида прозы.* Произведения ораторского искусства получили широкое распространение и пользовались большой популярностью; их читали в общественных местах, во время пиров, в дворцах халифов или эмиров, в судах и даже в частных домах. В этом не было ничего удивительного, поскольку для сочинения таких произведений было много причин: ведь люди, создавшие новую религию и стремящиеся распространить ее как можно шире, были вынуждены бороться с ее врагами, а тот, кто произносил их, стремился разжечь в своих слушателях религиозный фанатизм.

Люди, составляющие единую нацию, сложившуюся на основе социального строя, объединяющего арабов силой высшей власти, нуждались в укреплении и упрочении государства, в достижении взаимопонимания между правителями и их подданными, и в это время живое слово было сильнее, чем перо.

В начальный период создания нового государства, когда армия завоевывала чужие земли, подчиняя арабам Хорасан, Турцию, Сиджистан, Синд, Африку, Магриб, Андалузию, полководцы должны были вселять в воинов храбрость и отвагу, воспитывать в них чувство гордости, чувство радости победы.

Затем начался период образования отдельных политических группировок, период борьбы различных направлений; вспыхнула борьба за власть, за влияние, и перевороты стали расшатывать основы государственной власти. К халифам, эмирам, наместникам потянулись делегации из самых различных племен; во дворцах устраивались празднества, на которых ораторы показывали свое искусство, прославляя свои племена. Здесь вспыхивали бесконечные споры, порожденные разногласиями в вопросах политики, общественной жизни и литературы между йеменцами и представителями мударитских племен, между арабами и шуубитами¹ и т. д. Все это в сочетании с влиянием риторического искусства доисламской эпохи и врожденной способностью

¹ Шуубиты отстаивали принцип равенства всех народов, принявших ислам, и не признавали превосходства арабов над другими народами.— *Прим. ред.*

к красноречию помогло развиваться ораторскому искусству, искусству говорить экспромтом, правильно и красиво.

Место возникновения жанра. Одним из важнейших очагов возникновения ораторского искусства в то время был Хиджаз, а позднее Ирак. В Ираке, где определились самые различные политические группировки, стали популярны выступления в общественных местах ораторов и религиозных проповедников. В Сирии, где политическая и религиозная борьба была значительно слабее, необходимость в религиозных проповедях была гораздо меньше.

Жанры произведений ораторского искусства. Возникновение жанров ораторского искусства определялось теми задачами, которые стояли перед ораторами. Это были, например, религиозные проповеди, которые должны были призывать к исламу; полемические проповеди, направленные на защиту политических взглядов и принципов какой-либо группировки; политические и военные проповеди, содержащие разъяснение политической линии или призывы к борьбе либо же угрозы и предостережения. Они могли преследовать и другие цели, например содержать советы, завещания — все, что требовалось необходимостью момента.

Художественная ценность произведений ораторского искусства. Большинство произведений ораторского искусства этого периода было проникнуто религиозным духом. В них часто использовались сюжеты Корана, а также и различные изречения из него, которые ораторы очень любили цитировать. Произведения эти отражали религиозную и политическую борьбу, в них чувствовалась близость к жизни. Ораторы больше всего заботились о том, чтобы повлиять на своих слушателей, убедить их, поэтому их речи содержали в основном предостережения, угрозы и брань в адрес противной стороны.

Если на заре ислама ораторы не заботились о форме своих проповедей, посвященных текущим событиям, то теперь, когда этот вид литературы стал все более развиваться, авторы уже задумались о художественной стороне своих речей, об их музыкальности и напевности; они старались сделать их более доходчивыми и более красивыми по форме. После того как Мухаммед, не желавший следовать в своих проповедях стилю профессиональных проповедников, отказался от белого стиха (*саджа*), белым стихом начали пользоваться ораторы — представители различных делегаций, прибывавших ко двору халифа, стремясь таким образом произвести наиболее выгодное впечатление на слушателей. Со временем белый стих, так же как и яркие образы, стал появляться в произведениях ораторского искусства все чаще. Стремление ораторов произвести впечатление на слушателей приводило к тщательности в подборе слов и фразеологии, к улучшению композиции произведения в целом.

Произведения ораторского искусства того времени, особенно те, что принадлежали сторонникам Омейядов, представляли собой истинные произведения искусства по своему красноречию, изысканности выражений, а также образности сравнений и разнообразию метафор.

Однако в большинстве случаев они были невелики по объему, лаконичны и не выходили за рамки традиционной доисламской литературы.

Наиболее известные ораторы той эпохи. Среди политических ораторов Омейядов наибольшей известностью пользовались Зияд ибн Абих и аль-Хадждадж ибн Юсуф, шиитов — аль-Мухтар ас-Сакафи, а хариджитов — Катари ибн аль-Фуджаа. Среди ораторов, выступавших на празднествах и собраниях, славилась аль-Ахнаф ибн Кайс — вождь племени Тамим, обитавшего в Басре. Среди ораторов — проповедников ислама пользовались известностью Али ибн аби Талиб и Тамим ат-Дари — оба в Медине; аль-Хасан аль-Басри Ваиль ибн Аба и аль-Фадль ибн Иса — в Ираке и, наконец, Гайлян и аль-Авзаи — в Сирии.

Подписи (тавкият). Подписи — это краткие заключения, которые халифы, эмиры и их наместники писали под текстами жалоб, прошений и петиций, поступавших от их подданных; в этих приписках халифы и эмиры выражали свою точку зрения по данному вопросу. Сюда включаются также приписки, которые делал какой-либо чиновник на посланиях, направляемых визирю, в которых он излагал все, что он знал по данному вопросу, выражая свою точку зрения. *Тавкьят* отличались предельной лаконичностью и красноречием.

Жанр этот родился на заре ислама и развивался в эпоху Омейядов. В качестве примера можно привести надпись на жалобе, поданной отцом на собственного сына, которого он обвинял в ущемлении отцовских прав; она гласила: «По-видимому, сын приобрел эти права в результате плохого воспитания, данного ему отцом». А вот *тавкият* Муавии: «Мы — это целая эпоха; кого мы возвысили, тот возвысится, кого мы унизим, тот станет ничтожным».

Послания (расаиль). После появления ислама и распространения власти арабов на другие государства арабская письменность стала получать все большее распространение, ибо халифы, их наместники и вожди отдельных группировок должны были поддерживать постоянную связь со своими единомышленниками.

Разносторонность государственных интересов и разнообразие точек зрения по различным политическим вопросам, различающаяся между отдельными группировками — все это вызвало такое развитие письменности, которого не знала доисламская эпоха. Появилось множество религиозных и политических посланий; те, которые появились вначале, можно было бы считать

прозаическими произведениями малых форм, однако те, которые появились к концу правления Омейядов, когда политическая и общественная обстановка в государстве усложнилась, являются прозаическими произведениями больших форм, со всеми присущими им элементами художественного мастерства.

Лучшие ораторы были одновременно и лучшими авторами посланий, поскольку послания были теми же произведениями ораторского искусства в письменном виде; они имели определенную этическую направленность и содержали религиозную проповедь; в то же время они были лишены искусственной красоты и цветистости стиля. Их целью было изложить в краткой форме политические и религиозные взгляды. Некоторые из них отмечены печатью подлинного искусства.

НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ ОРАТОРЫ АЛИ ИБН АБИ ТАЛИБ (600—661 [40])

ЖИЗНЬ АЛИ ИБН АБИ ТАЛИБА

Али ибн аби Талиб родился в Мекке в 600 году. Всю молодость он провел рядом с Мухаммедом, никогда не разлучаясь с ним, был спутником его во всех походах, кроме сражения у Табука. Он отличался исключительной храбростью в сражениях, за что получил прозвище «Сейф уль-ислам» («Меч ислама»).

Ибн аби Талиб женился на Фатиме — дочери Мухаммеда, которая родила ему двух сыновей — аль-Хасана и аль-Хусейна.

После смерти Мухаммеда власть в халифате перешла к Абу Бекру, затем к Омару и, наконец, к Осману. Али был для них верным помощником и советчиком.

В 656 [35] году халифом стал Али. Однако Муавия ибн аби Суфьян стал подстрекать против Али род Омейядов. К нему присоединились Айша, Тальха ибн Убейдалла и аз-Зубейр ибн аль-Аввам; они отправились в Басру и подняли там восстание. Тогда Али, собрав семь тысяч воинов, решил во что бы то ни стало выступить против них. Когда обе армии встретились, произошло жестокое сражение, победу в котором одержал Али. Эта война получила название «Битва верблюда», так как в разгар сражения Айша появилась в самом центре войска, верхом на верблюде; стараясь воодушевить своих воинов, она призвала их не щадить Али и его армию.

Затем Али сражался с Муавией в битве Сиффин. Когда Али уже почти одолел врага, Муавия прибег к хитрости: он распорядился, чтобы его воины подняли на копьях свитки Корана. Воины Али, уже бывшие одержавшие победу, отказались после этого продолжать сражение, и таким образом Али потерпел неудачу. Злой рок преследовал Али ибн аби Талиба и способствовал успеху Муавии. Али возвратился в Куфу, чтобы подготовиться

к новой войне, но в 661 [40] году Абд ар-Рахман ибн Мульджам убил его отравленным мечом во время молитвы в Куфийской мечети.

ТВОРЧЕСТВО АЛИ ИБН АБИ ТАЛИБА

Али приписывают диван, содержащий благочестивые стихи (*зухдийят*) и мудрые изречения (*хикам*). Однако следует полагать, что этот диван приписан ему незаслуженно.

Кроме того, ему приписывают двенадцать прозаических произведений, содержащих мудрые изречения и религиозные проповеди (*вааз*). Наиболее известным и значительным из этих произведений является «Нахдж аль-балагя» («Путь красноречия»)

Содержание книги «Нахдж аль-балагя». Это большая книга, в которой Али Шариф ар-Ради (? — 1015 [406]) собрал все речи, призывы и приказы, письма и послания, изречения и проповеди, которые приписывали имаму Али. Ее комментировали многие ученые, в том числе и Ибн аби аль-Хадид (1190—1257) [586—655], а также шейх Мухаммед Абдо. «Нахдж аль-балагя» неоднократно публиковалась в Бейруте, Египте, Индии и Персии.

Вопрос о подлинности авторства книги. Некоторые критики считают, что книга «Нахдж аль-балагя» принадлежит перу аш-Шарифа ар-Ради, а не Али. В качестве доказательств они приводят следующие аргументы:

а) В книге содержится ряд выпадов против сподвижников Мухаммеда, которые не могут исходить от имама Али.

б) В книге излагаются глубокие мысли и мудрые суждения, употребляются специфические философские термины; при перечислении отдельных вопросов, чьих-либо достоинств или недостатков автор пользуется цифрами; содержащиеся в ней описания, например описания павлина, муравья и т. д., отличаются исключительной точностью и исчерпывающей полнотой — все это не характерно для эпохи Али и могло быть заимствовано лишь из литературных и философских сочинений, переведенных позднее с греческого и персидского.

в) В книге много белых стихов (*саджа*), которые не были известны в эпоху Али, а многие использованные в ней стилистические приемы характерны для произведений конца омейядской — начала аббасидской эпохи.

г) Отдельные изречения показывают, что автор претендует на знание тайн будущего, а это никак нельзя отнести к Али, который отличался здравомыслием и был человеком высоких моральных качеств.

Таковы доводы сторонников этой точки зрения; им противостоят доводы тех, кто считает, что книга «Нахдж аль-балагя» целиком и полностью принадлежит Али. Сторонники подлинно-

сти авторства ссылаются при этом на силу ума автора, на его природный талант, на его высокий авторитет в вопросах религии и общественной жизни. Они доказывают, что все кажущееся в этой книге странным есть не что иное, как порождение ясного живого ума; что присутствие в ней белых стихов и необычных стилистических приемов естественно для столь большого таланта, каким обладал Али; наконец, то, что автор претендует на знание тайн будущего,—естественный результат изучения им жизни общества, движущих сил и путей его развития.

Безусловно, часть произведений, включенных в эту книгу, несправедливо приписана имаму. Однако подробное рассмотрение данного вопроса не входит в задачи настоящего литературного исследования.

Личность автора в книге «Нахдж аль-балага». Автор проявляет себя в этом произведении как выдающаяся личность: это человек твердых убеждений и непоколебимой веры; убеждения заставляют его самого выполнять все обряды и требования религии и призывать других следовать своему примеру. Вера его безгранична и не допускает никаких послаблений, поэтому в его наставлениях и изречениях чувствуется твердость и жестокая непреклонность.

Твердость и непреклонность убеждений выработала у Али, кроме прочих качеств характера, неподкупную честность; если он действовал во имя долга и справедливости, его не могли остановить никакие опасности и он не щадил никого, какое бы высокое положение человек ни занимал. Если он считал нужным, он мог и применить силу и быть жестоким; он боролся за восстановление любых прав, будь то права человека или права общества. Прямота и честность Али, которым он не изменял ни при каких обстоятельствах, несколько не вяжутся с его патриотической борьбой и успешной административной деятельностью; в конце концов он и пал жертвой своей честности. Али были свойственны высокие стремления, он мечтал быть образцом высокой морали, нравственности, беспристрастности и чистоты.

Али был отважен и смел в борьбе за свои убеждения и за справедливость, в дни войны эти качества проявлялись в сражениях. Он не боялся ни врагов, ни смерти, однако отвага не ожесточила его сердца. Он был человеком глубоких и тонких чувств, которые не раз проявлял при самых разных обстоятельствах жизни; в частности, при погребении своей жены Фатимы он сказал: «Печаль моя стала вечной, а ночи — бессонными...»

Ценность книги «Нахдж аль-балага». Книга Али ибн аби Талиба исключительно интересно по своему содержанию и занимает выдающееся место в литературе его эпохи. Она отличается также богатством поэтических форм,

художественным совершенством и подлинной красотой. Для того, чтобы показать достоинства этого произведения, мы рассмотрим отдельные его части: изречения, послания и проповеди — как с точки зрения их художественной ценности, так и с точки зрения их содержания.

Изречения (хикам). Изречения — это отдельные лаконичные выражения, полные глубокого смысла; они являются плодом размышлений или накопленного опыта, стройны и изящны по форме и легко запоминаются, так как отличаются обычно яркой образностью, например: «Когда ты отступаешь, смерть стоит сзади тебя и твоя встреча с ней неизбежна», — или: «Чем ближе к богатству, тем дальше от цели». Есть среди них и изречения, содержащие скрытый смысл, заставляющие задуматься: «Вздых человека — это шаг к его концу». Их легко запомнить также и потому, что они отличаются обычно гармоничным сочетанием ударений: «Кто предостережет тебя, тот обрадует тебя»; умелым использованием предлогов: «Терпение бывает двух видов: терпение из-за того, что ты ненавидишь, и терпение во имя того, что ты любишь»; или красотой сравнений: «Самое большое богатство — разум, самая большая нищета — невежество, самое большое наследство — воспитанность, самый большой помощник — вовремя данный совет».

Послания (расаиль). Послания Али отличались краткостью, большинство из них не превышало десяти строк; их содержание свидетельствует о том, что автор их был человеком дела и имел широкий политический кругозор, кроме того, они отражают черты его характера. Они были написаны, чтобы воодушевлять, убеждать и наставлять людей. Речь Али льется свободно и естественно, вместе с тем она совершенна и красноречива. Всем посланиям Али присуща лаконичность и выразительность, они не содержат ни преувеличений, ни каких-либо неясностей, ни вольности. «Знайте, что передовой отряд племени — это его глаза, а глаза передового отряда — это авангард. Смотрите, не разделяйтесь. Если вы остановитесь, то останавливайтесь все вместе; если вы уходите, то уходите тоже вместе. Если вас застигла темная ночь, окружите себя забором из копий, не впадайте в глубокий сон — спите чутко».

Речи (хутаб) и проповеди (маваиз). Эти произведения дают наиболее правильное представление о духовном мире имама, о красоте его души и о всех проявлениях ее подлинной силы, которую поддерживают искренняя вера в Аллаха, восхищение им и преклонение перед его совершенством и его творениями, а также воздержание от преходящих благ.

Верой имама проникнута каждая из его проповедей; все они насыщены упоминаниями об Аллахе и горячими молитвами ему молитвами, полными прекрасных слов, которые человек говорит своему богу: «О господи! Прости меня за все то, что ты знаешь! Если ты снизойдешь до меня, то даруй мне прощенье! Прости

меня за двусмысленность во взоре, за ошибки в речи, за безумные желания, за оплошности, которые допустил мой язык!»

Имам часто предается рассуждениям на тему о чудесах, совершаемых Аллахом, прославляет его деяния, его совершенство. Они принимают форму поэтичных описаний муравья, павлина или летучей мыши и являются подлинными шедеврами искусства описания. В этих восхвалениях Аллаха ясно чувствуется глубокое преклонение перед ним поэта: «Он единственный, который существует вечно и везде... Перед ним склоняются головы, и имя его шепчут уста... ни один взгляд его рабов, ни одно сказанное ими слово не скроется от него...» Затем чувство восхищения творениями и совершенством Аллаха переходит у имама в чувство стремления к благочестию. Кроме того, он обращается и к темам повседневной жизни, отстаивает попранные права, говорит о различных отрицательных сторонах общественной жизни и политики своего времени.

ТАЛАНТ АЛИ ИБН АБИ ТАЛИБА

Талант Али ибн аби Талиба всесторонне проявляется в его книге «Нахдж аль-балага». Его талант — это его светлый ум, широкий кругозор, острота мысли, от которой не ускользают тончайшие нюансы явлений и которая проникает в их сущность. Его разум способен разобраться во всем, он не знает ни слабости, ни сомнений. Он проявляется в каждом слове и каждой фразе имама, которые отличаются последовательностью и логической связью, чего мы не можем сказать ни о ком из древних прозаиков.

Талант имама проявляется также в силе его воображения, которое помогает ему создать яркие, живые и точные образы. Он черпает образы из жизни, создавая великолепные картины исключительной красоты, свидетельствующие о художественном мастерстве их автора. Богатство воображения сочетается в его произведениях с силой живых, бурных чувств, что придает создаваемым им картинам необычайную жизненность; естественное красноречие делает их еще более впечатляющими.

Следует еще сказать о его умении владеть словом, художественно-изобразительными средствами и методами поэтического мастерства. Благодаря всему этому проза Али представляет истинную ценность; поэтическое мастерство настолько удачно переплетается в ней с природным талантом, что временами бывает трудно определить, что в них результат мастерства, а что — плод природного дара. Али умело использовал риторические приемы для подкрепления своей мысли, причем это не стоило ему никаких усилий. Разнообразие сравнений, образов, примеров, метафор, широкое применение синонимов, использование рифмованной прозы — все это результат вдохновения его разума, плод его огромного природного таланта, которые он под-

чинил теме произведения, продиктованной его убеждениями. Наконец, язык его произведений — это язык доисламской эпохи, отшлифованный и смягченный в соответствии с требованиями новой эпохи и новой культуры.

Деление его произведений на части и их согласованность между собой порождают исключительно приятную напевность, благодаря чему они кажутся стихами, написанными особым размером, мелодия которых бывает, в зависимости от обстоятельств, то сильной и даже резкой, то нежной.

Не удивительно, что книга «Нахдж аль-баляга» представляет собой большую ценность как с литературной, так и с идейной точек зрения. В ней слышится настойчивый призыв к выполнению требований религии; она зовет следовать учению Корана, укреплять все, что преследует благородные цели, идти по пути добродетели. Али не отделяет религию от политики и общественной жизни, считая ее основой того и другого; он стремится к тому, чтобы общество следовало законам справедливости, равенства и свободы. В книге много внимания уделяется проблеме справедливости — ее имам считает основным законом жизни. Исходя из этого, он требует, чтобы правители и судьи были честными и неподкупными и не боялись потерять свои должности; он говорит, что судей надо подбирать тщательно и предоставлять им все в соответствии с их положением, чтобы они не стремились получить взятку или присвоить краденое. Он призывает правителей сочетать в своей деятельности мягкость с твердостью и служить своему народу верой и правдой. А народ имам хочет видеть объединенным служением одной идее, он хочет, чтобы его не раздирали распри. В армии имам видит твердую защиту народа, украшение правителей, опору ислама и веры; в армии нуждаются все, поэтому правители должны стремиться привлечь армию на свою сторону, установить между армией и собой отношения, основанные на полном доверии и искренней любви. Лучшим средством для достижения этих целей имам считает соблюдение прав воинов.

Помимо наставлений, книга содержит различные высказывания по философии, мусульманскому праву, а также множество исторических сведений; благодаря всему этому Али занял выдающееся место в литературе, религии и общественной жизни.

ЗИЯД ИБН АБИХ (? — 673 [53])

ЖИЗНЬ ЗИЯДА ИБН АБИХА

Абу аль-Мугира Зияд ибн Сумайя, известный под именем Зияд ибн Абих, происходил из племени ат-Таиф. Мнения историков в вопросе о дате его рождения расходятся, однако большинство из них считает, что он родился в первом году хиджры; также расходятся мнения о его отце. Некоторые считают, что

отцом Зияда был Убейд ар-Руми, слуга аль-Хариса ибн Каляды; другие считают Зияда сыном Абу Суфьяна. Мать Зияда, Сумайя, была рабыней аль-Хариса ибн Каляды ас-Сакафи. Еще мальчиком, во время правления Абу Бекра, Зияд принял ислам и с детства был ему предан. Муса аль-Ашари в бытность свою эмиром Басры взял Зияда к себе писцом. Затем Али ибн аби Талиб назначил его эмиром области Фарх, где он подавил восстание. Когда Али умер, Зияд отказался подчиниться Муавии и укрепился в крепости в Фарисе. Муавия прилагал все силы, чтобы склонить Зияда на свою сторону, так как знал о его влиянии, умении руководить людьми и дальновидности. Муавия постарался выяснить его происхождение и, после того как некоторые мусульмане засвидетельствовали, что Зияд — сын Абу Суфьяна, написал ему об этом письмо, в котором гарантировал Зияду безопасность. Зияд прибыл к Муавии и привез ему харадж¹ из Фариса, оценивавшийся в миллион динаров. Муавия назначил Зияда эмиром Басры, Хорасана и Саджистана, затем передал ему области Хинд, Бахрейн и Оман. На этом посту Зияд оставался до своей смерти, то есть до 673 [53] года.

В те времена в Ираке не прекращались волнения, страна была наводнена хариджитами; Зияд разогнал их всех, подавил оппозицию и установил в стране покой, заставив всех подчиниться власти. В своей политике он прибегал к самым решительным мерам, безжалостно расправляясь со смутьянами и подстрекателями, и добился в конце концов мира в стране. Зияд был наиболее выдающейся личностью среди тех, кто управлял государством в эпоху Омейядов, и одним из самых сильных и энергичных людей того времени. Аль-Асмаш говорил: «Есть у нас четыре хитреца: Муавия — в размышлении, Амр ибн аль-Ас — в находчивости, аль-Мугира ибн Шуаба — в решении трудностей и Зияд — во всех больших и малых делах».

ТВОРЧЕСТВО ЗИЯДА ИБН АБИХА

Зияду принадлежат речи по вопросам политики и государственного управления, включенные в различные книги по литературе. Наибольшей известностью пользуется его речь «Аль-Батра» («куцая»), названная так потому, что в ней нет традиционного начала — восхваления Аллаха. Он произнес эту речь в 665 [45] году, когда прибыл в Басру наместником Муавии. «Она заставила людей замолчать; некоторые подчинились его словам из страха, другие хвалили его, заискивая перед ним, третьи пытались порицать его, однако решительная политика Зияда в скором времени убедила людей, что человек он достойный и не нарушает данных им обещаний».

¹ Харадж — поземельный налог. — Прим. ред.

Политическое значение. Эта речь напоминает в какой-то степени выступления государственных деятелей перед народом, поскольку в ней разъясняются цели и задачи новой власти, говорится об общественном благе и о реформах. Зияд заявил в ней о своем намерении ликвидировать мятежи, бунтарские настроения, заставить людей подчиниться власти и смириться. Прежде всего он обратился к людям с религиозным призывом, которым он хотел напомнить о наказаниях за нарушение заповедей Аллаха, за неповиновение. Он говорил, что тот, кто так поступает, делает глупость и что дело его обречено на провал. Затем он призывает людей исправиться, угрожает жестокой силой и грубо их бранит; он говорит о своде наказаний, который предусматривает для каждого преступления особую кару: «Если кто кого утопит, то и мы его утопим; если кто кого сожжет, то и мы его сожжем; если кто вырвет кусок из стены дома, то и мы вырвем из него сердце; кто разроет могилу, того мы похороним заживо». Жестокие слова о наказаниях он смягчает обещаниями блага тем, кто подчинится, кто повинуется властям и забудет старую вражду.

Затем он призывает народ покориться роду Омейядов, подтверждает его право на власть в халифате и доказывает, что она дана им Аллахом: «Мы правим вами волею Аллаха, который даровал нам власть». Поэтому Омейяды заслуживают того, чтобы им подчинялись, в свою очередь они обещают быть справедливыми по отношению к своим подданным: «Вы должны проявлять покорность и послушание нашим распоряжениям, а мы своими делами добьемся для вас справедливости», и Зияд снова призывает к подчинению властям, ибо подчиняться — значит делать добро.

Речь эта похожа на обычное политическое выступление в условиях чрезвычайного положения; в ней сменяют друг друга грубые угрозы и сладкие посулы.

Художественная ценность речи «Аль-Батра». Речь Зияда изобилует образцами подлинного художественного мастерства, которое проявляется в совершенстве ее построения, в ее эмоциональности и необыкновенной красоте стиля.

О мастерстве построения речи свидетельствует то, что она состоит как бы из отдельных, совершенно самостоятельных звеньев, то есть построена по типу речей древних ораторов. Лаконично выраженные мысли тесно связаны друг с другом, в то же время в их связи не чувствуется искусственности; мысли объединяет сила страсти, которой проникнуты его слова. Речь богата разнообразными приемами, сменяющими друг друга, в ней перемежаются предостережения с угрозами и обещаниями, риторические вопросы с клятвами и восторженными возгласами. Все это придает речи впечатляющую силу и оставляет в сердцах людей глубокий след. К тому же речь Зияда облечена в пре-

красную форму, отличается тщательным подбором языковых средств, в ней много сравнений и метафор, она напевна и ритмична. Поэтому неудивительно, что аш-Шуаби говорит: «Всегда, когда я слушаю любого оратора, мне хочется, как бы хорошо он ни говорил, чтобы он замолчал,— я боюсь, как бы он не стал говорить хуже. И только Зияд чем больше говорит, тем красивей».

АЛЬ-ХАДЖЖАДЖ ИБН ЮСУФ (661—714) [41—95]

ЖИЗНЬ АЛЬ-ХАДЖЖАДЖА

Абу Мухаммед аль-Хаджжадж ибн Юсуф ас-Сакафи родился в ат-Таифе около 661 [41] года. Он обучал детей, следуя в этом по стопам своего отца. Затем он оставил учительство и вступил в армию Хубейша ибн Дальджа аль-Кайни, которого Мерван ибн аль-Хакам послал сражаться с Абдаллахом ибн аз-Зубейром. После поражения Хубейша аль-Хаджжадж примкнул к Рауху ибн Зунбаа аль-Джузами — визирю Абд аль-Малика ибн Мервана и стал служить в его охране. Затем он был поставлен во главе войска Абд аль-Малика и стал одним из его помощников. В 691 [72] году он отправился во главе войск Абд аль-Малика в Ирак, где сражался с Мусабом ибн аз-Зубейром. В одном из сражений Мусаб был убит; теперь остался только один враг халифата — Абдаллах ибн аз-Зубейр, основывшийся в Хиджазе. В 692 году аль-Хаджжадж отправился во главе большого войска в Хиджаз, осадил Мекку, захватил Каабу и убил Ибн аз-Зубейра. После этого он стал наместником в Ираке и оставался им в течение двадцати лет. Когда страну охватил огонь восстаний шиитов и хариджитов, он жестоко расправился с ними и не успокоился до тех пор, пока не водворил полный порядок в стране.

Одно из важных событий этого времени — поход аль-Ашаса против аль-Хаджжаджа, в котором приняли участие более двухсот тысяч воинов и в результате которого аль-Ашас занял Ирак. Борьба аль-Хаджжаджа с аль-Ашасом продолжалась шесть месяцев, до тех пор, пока аль-Хаджжадж не нанес ему в 701 [82] году поражения при Дейр аль-Джамаджиме близ Куфы. Аль-Хаджжадж умер в 714 [95] году; он совершил за свою жизнь много великих дел в области реформ и преобразования государственного управления. Это была сильная личность, стремившаяся к господству и власти; в характере его решительность и сила сочетались с жестокостью и деспотизмом. К тому же он был благороден душой и щедр; любил общество поэтов и ученых, с удовольствием вел с ними беседы, слушал их, делился с ними своими взглядами по вопросам литературы, наслаждался вместе с ними пением и стихами и щедро вознаграждал их.

Его произведения. Из произведений аль-Хаджжа до нас дошли его многочисленные речи и послания, включенные в различные литературные сборники.

Литературной славой он обязан своим речам и, в первую очередь, речи, которую он произнес при вступлении на пост наместника в Ираке, а также речи, которую он произнес после битвы у Дейр аль-Джамаджима.

Ценность его произведений. Стиль речей аль-Хаджжа — это зеркало, в котором отражаются черты его характера; тон его речей грозен и криклив, в нем проявляется вся его сила и решительность. Стиль речей выражает также его политическое кредо — грубую, жестокую силу; наконец, стиль речей отличается своеобразным красноречием, которое помогало оратору вселять в людей страх и ужас.

Аль-Хаджжадж стремился к тому, чтобы язык его, подобно его мечу, разил бунтовщиков и смутьянов, чтобы слова его устрашали людей и приводили их в ужас, и потому его речи отличались силой аргументации, образностью и стройностью; он также тщательно подбирал слова и выражения, постоянно работал над совершенствованием своего языка.

Своим речам аль-Хаджжадж придавал еще большую силу, употребляя такие слова, как «смерть», «удар», «битва» и т. д.; он старался как можно ярче обрисовать картины бедствий, часто использовал бранные выражения, унижающие и позорящие людей. Ко всему этому добавлялись уверения, клятвы, восклицания и другие риторические приемы.

Впечатляющей силы речи аль-Хаджжадж добивался нагромождением непонятных, странных и страшных образов. «О люди Ирака! Поистине шайтан проник в вашу плоть. Он перемешал в вас мясо и кровь, нервы и органы чувства, конечно, внутренности и сердца. Затем он дошел до вашего спинного мозга и слуховых каналов. Потом поднялся, свил гнездо, снес яйца и вывел птенцов, а затем начинил вас лицемерием и разногласиями».

Впечатление силы достигается лаконичностью, обилием разнообразных средств выражения, ее стремительностью — слова в речи как бы теснят друг друга — и, наконец, музыкальностью и необычностью словосочетаний.

«Клянусь Аллахом, о люди Ирака! Вы — источник раскола, лицемерия и дурных поступков. Вас надо ободрать, как палку; вас надо скрутить, как кожу в дубильне; вас надо бить гранитными камнями, бить так, как бьют неповинующихся верблюдов...»

Такими необычными приемами аль-Хаджжадж пользуется намеренно и, чтобы сделать свою речь более выразительной, сгущает краски, запугивает слушателей, нагромождает одну на другую страшные картины, употребляет необычную рифму и т. д.

Прозанческие произведения больших форм

ПЕРЕХОД ОТ ПРОЗЫ МАЛЫХ ФОРМ К ПРОЗЕ БОЛЬШИХ ФОРМ

По мере распространения власти арабов на другие государства усложнялись и их политические отношения. Возникла необходимость в письменных посланиях и договорах. Первое время послания не отходили от стиля древних прозаических произведений, их строили по правилам прозы малых форм. Затем, в эпоху Омейядов, когда власть халифа распространилась более широко, число источников доходов увеличилось, государственная деятельность развилась и усложнилась, а борьба между группировками усилилась, правители столкнулись с необходимостью упорядочения системы административного управления, введения точно разработанных основ руководства армией, порядка взимания поземельного налога; появилась крайняя необходимость в упорядочении переписки между центральной властью и ее наместниками в провинциях. Были расширены канцелярии (диваны), созданные еще во время правления Омар, а также были учреждены: диван хараджа, во главе которого был поставлен Сарджун ар-Руми; диван печати, в котором составлялись и печатались официальные документы (чтобы их мог прочесть лишь тот, кому они были адресованы); диван переписки, где составлялись послания халифа; во главе его был поставлен Аус аль-Гассани. Арабы использовали в таких преобразованиях опыт покоренных народов, заимствовав прежде всего основные принципы системы государственного управления. Для составления официальных документов арабы прибегали к помощи персов, греков, ассирийцев и т. д., поэтому в диванах Ирака и Персии был установлен порядок по образцу персидских государственных учреждений и переписка велась здесь на персидском языке, греческий язык и греческие порядки преобладали в Сирии, коптский язык — в Египте. Такой порядок не мог быть постоянным — государство не могло вести официальную переписку на чужеземных языках. Перевод государственных учреждений с персидского языка на арабский был осуществлен ас-Салихом ибн Абд ар-Рахманом во времена аль-Хаджжаджа; перевод с греческого на арабский был осуществлен Сулейманом ибн Саадом во времена Абд аль-Малика; затем, во время правления аль-Валида, арабский язык был введен вместо коптского в учреждениях Египта.

Таким образом, арабский язык стал повсеместно государственным языком. Однако и после перевода государственных учреждений на арабский язык арабы не отказались ни от услуг мавлян, ни от их древней цивилизации, высокоразвитой культуры и системы государственного управления. Наоборот, мавляны, в совершенстве овладев арабским языком, превзойдя в этом и иных арабов, содействовали, благодаря своим познаниям в иностранных языках, развитию арабского языка. Неко-

торых из них халифы брали к себе на службу с тем, чтобы арабы могли учиться у них искусству красноречия.

По мере того как власть арабов распространялась еще шире, они все больше смешивались с народами, унаследовавшими высокую древнейшую цивилизацию, и заимствовали у них значительную часть их культуры, принципы государственного управления, систему и функции диванов. По мере укрепления взаимосвязей между ними арабы стали использовать характерные особенности и стилистические черты их языка, пытаясь применить их к арабскому языку. В результате в арабской прозе родилась новая тенденция — тенденция к пространному описанию (*тавджих тафсылый*). Появление прозы больших форм (*наср тафсылый*) было вызвано необходимостью учреждения государственной власти в составлении подробных посланий и четких, ясных договоров. Тематика этих произведений расширилась, стала более разнообразной по содержанию; в зависимости от освещаемых вопросов произведения делились на части, однако отдельные части были тесно связаны между собой. Несмотря на то, что существовали самые различные виды этой прозы, единство ее основных черт сохранилось. Была разработана классификация отдельных ее видов. Первым, кто проявил талант в искусстве сочинения прозаических произведений больших форм, был Абу-ль-Аля Салим, вольноотпущенник Хишама ибн Абд аль-Малика, который в совершенстве владел арабским и греческим языками; вторым — Абд аль-Хамид ибн Яхья, ученик Абу-ль-Аля, он ввел персидские традиции в письменные произведения арабов и добился такого совершенства в этом искусстве, что в знак признания своего таланта получил прозвище «Аль-Катиб» («писатель»). О нем говорили: «Письменная литература начинается только с Абд аль-Хамида». Согласно общему мнению, Абд аль-Хамид был главой этой литературной школы, поскольку он заложил основы письменной прозы и установил ее законы. По его стопам следовали в дальнейшем все прозаики.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ПИСЬМЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БОЛЬШИХ ФОРМ

Авторы этих произведений настолько увлекались сочинительством, что не могли оставаться чиновниками в диванах, если им не давали там возможности проявить свое искусство, выдумку, красноречие и литературный талант. В результате их творчества художественная проза все больше совершенствовалась; в ней стали проявляться изящество формы, художественное мастерство, богатство риторических приемов.

Прежде всего эти произведения стали большими по объему и более совершенными по языку. Особое внимание их авторы уделяли тщательному подбору слов и оборотов, однако порой они чрезмерно этим увлекались. Большое внимание уделялось

вопросам стиля, гармоничному сочетанию отдельных фраз, в чем им помогал подбор разнообразных синонимов и близких по звучанию слов.

ВИДЫ И ЖАНРЫ ПИСЬМЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БОЛЬШИХ ФОРМ

В этот период появилось множество различных видов письменных произведений, которые можно свести к двум основным жанрам: *тарассуль* (переписка) и *тасниф* (сочинения). К жанру *тарассуль* относились различные виды политических посланий, исходившие из дивана переписки; к ним примыкают различные резолюции, приписки на документах (*тавкият*). В группу эту входят также дружественные послания, выражающие упреки, любовные признания, благодарность, поздравления и т. д., то есть все то, чего в произведениях предыдущего периода не было. К концу периода Омейядов, в особенности после него, словом «*рисаля*» («послание») стали также называть объемистые исследования по различным вопросам, которые не содержали в себе обращения или послания к кому-либо, кроме разве предисловия, где автор обращается к тому или иному лицу.

К жанру сочинения (*тасниф*) относились произведения в первую очередь исторического содержания; этому жанру также уделялось большое внимание. В «Аль-Фихристе» Ибн ан-Надима сказано, что Зияд ибн Абиhi был первым, кто сочинил книгу «О пороках арабов», что Саххар аль-Абди написал книгу пословиц и поговорок; Убейд ибн Ширия сочинил книгу о правителях и событиях старины. Абан ибн Осман написал историю жизни Мухаммеда и его походов, а также ряд других книг. Однако этот жанр не достиг в своем развитии того совершенства, которым отличаются послания. Мы ограничимся исследованием творчества родоначальника письменной литературы той эпохи, основателя Хамидийской творческой школы — Абд аль-Хамида ибн Яхья аль-Катиба.

АБД АЛЬ-ХАМИД АЛЬ-КАТИБ (? — 750 [132])

ЖИЗНЬ АБД АЛЬ-ХАМИДА

Абу Галиб Абд аль-Хамид ибн Яхья был персом по происхождению (вероятно, из Сирии). В молодости он обучал детей, переезжая из одного города в другой. К сочинительству он пристратился после того, как породнился с Салимом, вольноотпущенником Хишама и его писарем. Он обладал великолепным красноречием и хорошо знал законы риторики. Затем он перешел на службу к Мервану ибн Мухаммеду и продолжал служить у него писарем, когда Мерван стал халифом (745) [126]. Когда в Хорасане вспыхнул мятеж и войска Абу Муслима про-

двинулись вперед, Мерван был убит. Абд аль-Хамид, который долгое время находился на службе у халифа, был его секретарем и поддерживал его власть, был посажен в тюрьму и затем убит.

ТВОРЧЕСТВО АБД АЛЬ-ХАМИДА

Из произведений Абд аль-Хамида нам известны несколько политических, дружеских и литературных посланий, среди которых есть послания, написанные от имени Мервана ибн Мухаммеда его сыну и наследнику Абдаллаху. Эти письма были написаны в (745) [127] году во время войны с ад-Даххаком ибн Кайс аш-Шейбани, главой хариджитов. Они составляют около тридцати больших листов и являются как бы уставом, выработанным Абд аль-Хамидом для полководцев по вопросам организации войск, их вооружения и обучения. Среди этих посланий имеется также его обращение к писателям, в котором он дает им наставления по правилам поэтического мастерства и предостерегает их от пороков; он призывает их относиться друг к другу с симпатией, помогать друг другу и указывает на необходимость создания некоего «содружества писателей». Наконец, среди его посланий есть послание, написанное от имени халифа одному из наместников с приказом удерживать жителей этой области от игры в шахматы; в нем он перечисляет все пороки, которые являются результатом увлечения этой игрой, и говорит, что она приносит вред.

ЭЛЕМЕНТЫ НОВОГО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АБД АЛЬ-ХАМИДА И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

С о д е р ж а н и е. Большие прозаические произведения Абд аль-Хамида стали похожими на самостоятельные книги, затрагивающие такую тематику, которой арабы никогда раньше в литературе не касались. Так, например, в своем «военном» послании он пишет о том, что необходимо знать полководцу по вопросам политики и морали, как он должен расположить свои войска в сражении, как готовить их к бою, говорит в связи с этим о различных военных приемах и хитростях. Это послание делится на три части; первая заимствована Абд аль-Хамидом из персидской литературы и основана на его знании персидских книг о государстве и политике. В ней содержатся наставления по поводу того, как полководец должен себя вести, как ему следует обращаться со своей свитой и военачальниками. Далее идет часть, целиком посвященная вопросам об отношении армии к судьям и податным чиновникам. Наконец, в третьей части автор излагает систему внутренней организации войска и подготовки ее подразделений. Эту часть Абд аль-Хамид написал,

использовав свое знание по организации частей византийской армии, находившейся в Сирии.

Стиль. Послания Абд аль-Хамида отличаются следующие характерные черты:

1) Большой объем, пространность и многочисленность деталей в изложении. Послания предшественников Абд аль-Хамида тоже были иногда по объему не маленькими, однако они никогда не достигали такого размера, как послания Абд аль-Хамида.

2) Логическая последовательность изложения. Абд аль-Хамид строго следил в своих посланиях, особенно официальных, за тем, чтобы подготовить читателя к основной теме с помощью близких ей образов и картин. Затем он переходит к главной теме своего изложения, убедительно ее обосновывая. Когда он заканчивает произведение, он дает в конце заключение, и поэтому у читателя остается впечатление целостности и завершенности произведения. Изложение ведется в строгой логической последовательности: мысли следуют одна за другой, оформляясь в самостоятельные смысловые звенья, тесно связанные друг с другом. В изложении нет никакой поспешности, никакой путаницы, что позволяет полностью охватить содержание, переданное с помощью ярких, выразительных образов; при этом автор соблюдает законы риторики и пользуется различными ее приемами.

3) Музыкальность. Произведения Абд аль-Хамида отличаются исключительной музыкальностью; ее создают не белые стихи, а подбор близких по звучанию слов, благодаря чему в повествовании чувствуется определенный ритм и, кроме того, тщательный отбор красивых по звучанию слов и выражений.

4) Образность. Абд аль-Хамид придавал исключительное значение образности изложения как в официальных, так и в личных посланиях; эту образность создавали сравнения, метафоры и аллегории. В качестве примера приведем отрывок из его послания своим близким после того, как он вместе с Мерваном потерпел поражение: «Итак, поистине Аллах создал мир, окруженный ненавистью и радостью; он разделил людей на разные группы. Одних он в изобилии оделил сладостными дарами жизни и сделал их уделом счастье. И живут они в этом мире в полном довольстве, наслаждаясь жизнью. Других этот мир зажал в свои когти, искусал своими клыками, раздавил своей тяжестью, озлобил их друг против друга, опорочил их, виушив им ненависть...»

5) Легкость и изящество стиля. В своих письменных произведениях Абд аль-Хамид употребляет слова и выражения, точно передающие его мысль, слова нежные и благозвучные, доступные для понимания. Это естественная речь, в которой нет ничего запутанного, ничего необычного.

ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА АБД АЛЬ-ХАМИДА

До Абд аль-Хамида авторы письменных произведений полагались на свой талант и прирожденную склонность к красноречию, постигая законы риторики на практике. Абд аль-Хамид создал для письменной прозы строгие законы и разработал систему их построения. Он проложил новый путь в литературе, который получил всеобщее одобрение и которому последовали все писатели. Говорили даже, что «письменная литература начинается только с Абд аль-Хамида». Одним из наиболее знаменитых учеников Абд аль-Хамида был его друг Абдаллах ибн аль-Мукаффа. Таха Хусейн сказал о них: «Мы можем считать этих двух писателей подлинными зачинателями художественной прозы. Что же касается Абд аль-Хамида, то в его языке нет ни малейшей соринки. Пожалуй, нет писателя, который сравнялся бы с Абд аль-Хамидом по своему красноречию, гармоничности стиля и красоте содержания. Он лучший из тех, кто писал на арабском языке, совершенствовал его выразительность и придал ему такую силу, что на этом языке стало возможно выразить и передать самые разнообразные понятия. По-видимому, Абд аль-Хамид был непосредственным учителем всех авторов посланий и, в первую очередь, аль-Джахиза».

НАУКА И ИСКУССТВО В ЭПОХУ ПРАВЕДНЫХ ХАЛИФОВ И ОМЕЙЯДОВ

Науки

По мере распространения господства арабов и их общения с другими народами, представителями древнейших цивилизаций — персами, греками, римлянами и др., у арабов стали развиваться и совершенствоваться различные науки; разумеется, уровень их был довольно примитивен — это были лишь первые, хотя и многообещающие, попытки проникновения в глубины знаний.

ЦЕНТРЫ КУЛЬТУРЫ

Чужеземная культура проникала к арабам из нескольких центров, важнейшим из которых была Александрия — центр греческой мысли и культуры; греческую культуру арабы восприняли от многих ученых, оставшихся в городе после его захвата завоевателями. Кроме Александрии, центрами культуры были школа в Нисибине, на берегах Евфрата, где процветал неоплатонизм; школа ар-Раха — очаг культуры древних сирийцев, где изучали параллельно греческую и халдейскую философию; школа в Гундишапуре, в Ахвазе, которую основал и превратил затем в институт изучения философии и медицины Хосров Ануширван (531—579). Большинство преподавателей этой школы были несторианцами; наряду с философией древних греков здесь изучали индийскую философию, и поэтому эта школа стала центром трех культур — греческой, индийской и персидской, но больше всего она прославилась своими учеными-медиками. Школа в Гундишапуре продолжала свою научную деятельность и после завоевания арабами Персии.

Различные по своему характеру культуры распространились среди арабов в первую очередь благодаря их контактам с другими народами. В эпоху Омейядов общения между арабами и народами Сирии — наследниками греческой и арамейской культур были очень развиты, и халифы часто приглашали к своему двору сирийских философов, ученых и врачей. Вторым каналом распространения культуры была переводческая деятельность, однако в эпоху Омейядов она не получила должного развития; обычно ею занимались люди, посвятившие всю свою жизнь науке, и в основном их усилия были направлены на переводы книг по медицине, химии, истории.

ОТРАСЛИ НАУКИ

Богословские науки. В новом мусульманском государстве правовой основой стали Коран и Хадисы. В соответствии с этим мусульмане разработали систему управления государством и его подданными; так появились богословские науки и наука толкования мусульманских законов.

Исторические науки. После того, как некоторые неарабские народы приняли ислам, среди мусульман стали распространяться предания об историческом прошлом этих народов; для арабов они послужили толчком в создании летописи истории своего пророка, его сподвижников, деяний Абу Бекра, истории завоевательных походов и т. д. Об этом мы уже достаточно говорили выше.

Языковедение и литературоведение. Грамматика и смежные с ней науки. По мере развития общений арабов с другими народами арабский язык постепенно утратил свою исконную чистоту, появились искажения как грамматических форм, так и произношения. Опасаясь, что это приведет к извращению Корана, а также стремясь сохранить чистоту языка, арабы создали грамматическую науку (*нахв*), которая ввела систему огласовок в конце слов. Основоположником этой науки был Абу-ль-Асвад ад-Дуали (688)[69]. Он ввел в рукописях следующие огласовки: для обозначения винительного падежа он ставил точку над буквой, она называлась *фатха*, для обозначения родительного падежа — точку под буквой (*кясра*); именительный падеж он обозначал точкой, которую ставил между буквами (*дамма*). Абу-ль-Асвад не ввел знака *сукуна*, означающего отсутствие гласной после согласной, считая, что это покажет отсутствие точки. Этот способ огласовок получил широкое распространение; в дальнейшем к этим огласовкам добавились *танвин* (обозначающий удвоение огласовки), который передавали две точки, расположенные одна над другой, в Медине ввели знак *ташдид* (обозначающий удвоение

согласной), его обозначали две дужки, и ставился он над удвоенной согласной, если она была огласована *фатхой*, под удвоенной, если она была огласована *кясрой* и слева, если она была огласована *даммой*. Причем точка *фатхи* ставилась внутри дужки; точка *кясры* — под выпуклой частью дужки; точка *даммы* — слева от дужки. Впоследствии от точек отказались, дужки со знаками *даммы* и *кясры* перевернули, а дужку со знаком *фатха* оставили по-прежнему.

В Басре ввели знак *сукун*, а огласовку родительного падежа стали изображать горизонтальной черточкой, отделенной от буквы.

Правила, созданные Абуль-Асвадом, были приняты в эпоху Омейядов и в начале эпохи Аббасидов, а также применялись в Андалузии в середине X века. По мере того как употребление точек над буквами, облегчающее чтение, стало распространяться все шире и шире (раньше этих точек вообще не ставили), огласовки стали постепенно обретать свою постоянную форму. Та форма, которую придал им аль-Халиль ибн Ахмед (786) [170], сохранилась до наших дней. Именительный падеж он обозначал маленькой буквой «вав»; винительный — «алифом», а родительный — буквой «йа»; знак удвоения (*шадда*) он изображал первой частью буквы «шин» (сокращение от слова *ташдид* «усиление»); *сукун* — головкой буквы «ха» (сокращение от слова *тахфиф* «облегчение»); хамзу разделительную буквой «айн» (сокращение от слова *катаа* «пауза»); хамзу соединительную — первой частью буквы «сад» (сокращение от слова *васл* «соединение, слияние»).

Декламация и критика. В эпоху Омейядов, в связи с возрождением фанатического патриотизма и традиций доисламской эпохи, декламаторы снова приобрели большую популярность. Однако среди них были и такие, которые искажали содержание произведений или добавляли к ним свои слова. В этот период прославились Хаммад ар-Равия (771) [155], Абу Амр ибн аль-Аля (771) [154], Халыф аль-Ахмар (796) [180]. Сама деятельность этих рассказчиков и ученых-языковедов определяла их приверженность традициям доисламской эпохи. Они признавали лишь тех поэтов, характер творчества которых был близок доисламской поэзии, и даже если им нравился современный поэт, они воздерживались от похвалы только потому, что он не следовал доисламской традиции. Мнение этих ученых-критиков пользовалось всеобщим уважением; чтобы узнать его, халифы приглашали их на собрания, где читались стихи. Но в общем литературная критика носила весьма ограниченный характер и сводилась к нескольким догмам, далеким от подлинного анализа; чаще всего она относилась к форме произведения, а не к его содержанию. Собрания, на которых критиковались литературные произведения, были явлением частым; они происходили как в замках халифов, эмиров и наместников, так

и в аль-Мирбаде, близ Басры, и Кинасе, близ Куфы. Нет никакого сомнения в том, что своей пропагандой традиций доисламской эпохи эти рассказчики и критики лишь тормозили развитие поэзии.

Философия и смежные с ней науки. С древних времен изучение философии было связано с изучением медицины, которую распространили в мусульманском мире христиане. Одним из наиболее выдающихся ученых, познакомившим мусульман с греческой и христианской философией, был аль-Киддис Юханна ад-Димашки, сын Сарджуна, главного казначея в Дамаске. Из уже упоминавшихся школ вышло большинство врачей омейядского двора, в том числе и Асал ан-Насрани — врач Муавии и Масарджавих аль-Яхуди, живший во времена Омара ибн Абд аль-Азиза.

Химия и астрономия. В эпоху Омейядов химия была малоразвитой наукой; по преданию, первым, кто начал заниматься химией в халифате и сделал ее наукой, был Халид ибн Язид ибн Муавия. Химию широко изучали в александрийской школе, и Халид призвал к себе христианского священника Мирианоса, которого попросил обучить его медицине и химии; кроме того, он приказал перевести на арабский язык греческие и коптские книги по химии. Помимо химии, Халид увлекался также астрономией и тратил много денег как на ее развитие, так и на устройство различных приборов.

Искусство

Установлено, что арабы заимствовали свое искусство от соседних народов — представителей древнейших цивилизаций; фактически они продолжали развивать греческое, византийское и персидское искусство, несколько видоизменяя его.

ЖИВОПИСЬ И АРХИТЕКТУРА

Искусство живописи у мусульманских арабов ограничивалось изображением животных и некоторых геометрических фигур, которые использовались в искусстве орнамента. Это искусство было исконно арабским и поэтому даже называлось «аль-Фанн аль-араби» (то есть «арабское искусство»). В замке «Аль-Хайр», близ Тадмора, сохранились замечательные образцы арабского искусства орнамента и живописи.

Когда арабы завоевали Сирию и Персию, они познакомились и с искусством архитектуры; заимствовав этот чуждый для них вид искусства, они придали ему свои специфические черты. Стиль арабской архитектуры отличали множество колонн, купола и изогнутые линии.

МУЗЫКА

Исключительно широкое распространение у арабов получило пение, особенно славился обилием певцов Хиджаз. Наиболее известными среди них были Тувайс, Ибн Сурайдж и Маабад. На манеру пения арабских певцов большое влияние оказывали чужеземные певцы — персы и греки, они же познакомили арабов с новыми музыкальными инструментами: персидской лютней и свирелью, греческой цитрой. В это время были известны уже различные виды пения — обычное сольное пение, пение в сопровождении хора или музыкальных инструментов, а также пение, сопровождаемое танцами.

~ 1

ПЕРИОД
АББАСИДОВ

ПЕРИОД АББАСИДОВ
НА
ВОСТОКЕ

750-1258
[132-656]

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ И КУЛЬТУРУ

После падения власти Омейядов в Сирии правление перешло к династии Аббаса, дяди Мухаммеда. Основателем государства Аббасидов был Абу аль-Аббас ас-Саффах (750—754) [132—136], который уничтожил всех членов династии Омейядов; столицей своего государства он сделал город аль-Анбар в Ираке. После него халифом стал его брат Абу Джаафар аль-Мансур (754—776) [136—158], который перенес столицу халифата в Багдад.

Вначале аббасидское государство опиралось на персов лишь частично, а в основном на шуубитов и на арабов, выступавших против Омейядов и оказывавших помощь Хашимидам (т. е. сторонникам Али и Аббасидам). Однако постепенно персы заняли в государстве Аббасидов господствующее положение, а арабы стали в конце концов по своему положению лишь одним из многочисленных народов, входивших в состав империи. Персы проникли в главные органы управления государством, из их числа стали назначать военачальников, визирей, различных чиновников, вали, писарей. Столица государства была переведена из Дамаска в Багдад, расположенный на персидской границе рядом со столицей персов — Мадаин. Отныне халифат был обращен лицом не к Средиземному морю, а к Персидскому заливу.

У персов арабы заимствовали абсолютистский строй государства. Дворцы халифов в Багдаде стали подобием царских дворцов в Мадаине, у персов арабы переняли институт диванов, методы ведения войны, систему правления и организации общественной жизни. Персидское влияние проявилось также в способах приготовления пищи, напитков, в одежде и мебелировке, в празднествах, играх и забавах. Таким образом, влияние персов было настолько сильным, что вытеснило традиционные обы-

чаи арабов. Арабы восприняли новое влияние активно: возникло течение обновления, лозунгом которого был призыв к «отбору», т. е. к отбору всего лучшего, что содержали древние неарабские культуры, и к широкому их применению.

НОВАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОБСТАНОВКА

Экономика. В этой обстановке стремления к обновлению совершенствовался арабский язык и развивалась аббасидская литература. Ирак был страной, с давних времен известной своей древнейшей культурой. Его населяли культурные народы, представители развитых цивилизаций — ассирийцы, персы и др., оставившие после себя богатое научное и художественное наследие. К тому же Ирак был страной плодородных земель, полноводных рек и огромных природных богатств. Месторасположение столицы халифата — Багдада — на западном берегу реки Тигр имело огромное значение, об этом говорил халиф Мансур: «Это место удобно в стратегическом отношении: Тигр связывает нас с Китаем, по нему к нам идут заморские товары; с Аравийского полуострова, из Армении и близлежащих районов сюда идет продовольствие; по Евфрату к нам идут товары из Сирии и прилегающих к ней районов». Город расположился вокруг центра — дворца халифа, который назывался «Баб аз-захаб» («Золотые ворота») или «Аль-кубба аль-хадра» («Голубой купол»); около дворца находилась мечеть. За пределами городских стен на берегу Тигра Мансур построил другой дворец, назвав его «Аль-Хульд», что значит «вечность», по аналогии с «джанна аль-хульд» — «садом вечности», т. е. раем. К северо-востоку от города был выстроен третий дворец для престолонаследника, сына Мансура — аль-Махди, который назывался «Ар-Расафа». Визирь из персов, особенно Бармакиды, строили к востоку от Багдада роскошные дворцы, среди которых выделялся дворец Джаафара. Располагались эти дворцы по берегу Тигра, а позади их были разбиты обширные сады и парки. Скоро Багдад стал сердцем Восточного мира, великим торговым портом, откуда шел путь в Индию, важным торговым центром в экономическом мире, унаследовавшим славу и блеск Мадина, Вавилона, Ниневии и других столиц Древнего Востока.

Высокоразвитая экономика страны создала широкие возможности для роскошной жизни. Аль-Хатиб аль-Багдади сказал: «Багдад превосходит все города мира по красоте и величию; нигде нет такого количества великих ученых людей, и знатных и простых, обширных районов и окраин, множества домов и улиц, кварталов и рынков, улочек и переулков, мастерских и постоянных дворов; нигде нет столь приятного климата, такой пресной воды, прохладной тени, умеренной погоды летом и зимой, такой здоровой осени и весны». Двор во дворце и все помещения были застланы редкими коврами, украшены велико-

лепными тканями, кушанья при дворе подавались на золотой и серебряной посуде, инкрустированной драгоценными камнями.

При дворе халифа собирались поэты, ученые, музыканты, певцы, затейники и шуты, владельцы псарен и устроители петушиных боев и т. д.; таким образом, дворец стал центром культуры и главным местом развлечений.

По всей стране, а особенно в Багдаде, широко развилась торговля. На многочисленных рынках и базарах продавались товары со всех концов света: фарфор и шелк из Китая, благовония и металлические изделия из Индии, яхонт и лазурь из Турции, медь, воск и меха из Швеции, Норвегии и России, золотой песок и слоновая кость из Африки и т. д. Была развита торговля рабами — их вывозили из Центральной Азии и Африки.

Общественная структура. Что касается общества, то оно уже не было чисто арабским, так как в состав государства входили столь различные народы, как персы, турки, арамейцы, греки и др. В процессе ассимиляции нравы, обычаи и верования этих народов смешивались, и это смешение повлекло за собой упадок нравов. Особенно широко был распространен обычай иметь наложниц, а также скрытое и открытое пьянство. Пьянствовали даже некоторые халифы. Существовали кружки, где время проводили в веселье, пении и пьянстве, они назывались «Собраниями пирующих». Большой популярностью пользовались ученые, поэты, певцы и музыканты, которые принимали активное участие в пирах вместе с эмирами и аристократами.

В то время очень были распространены игра в шахматы, скачки, охота; охота являлась излюбленным видом развлечения халифов и эмиров, поэтому стали разводить охотничьих соколов, гончих собак и др.

Слугами были невольники из немусульманских народов, насильно увезенные со своей родины, а также пленники или рабы, купленные за деньги. Некоторые юноши-невольники носили красивые одежды, украшения, натирались благовониями, словно женщины, и иные из поэтов, например Абу Нувас, даже воспевали их в своих стихах; в то же время и среди рабынь были красивые девушки, которые стриглись, как юноши, и одевались в мужские одежды.

Религия. В религиозном отношении люди пользовались полной свободой, ибо аббасидское государство населяли разные народы, исповедовавшие самые различные религии; среди них были представители многочисленных мусульманских сект, христиане различных толков, иудеи, зороастрийцы, манихеи различных направлений.

Манихеи имели особенно большое влияние в Ираке, а также среди тех, кто недавно принял ислам. Первые аббасидские халифы, заботясь о чистоте религии, преследовали различные отклонения от ислама; в результате было убито несколько поэтов

и писателей, заподозренных в атеизме и зиндакизме¹, среди них Ибн аль-Мукаффа, Башшар и Ибн Абд аль-Куддус.

Состояние культуры. В период правления Аббасидов культура переживала значительный подъем; халифы поощряли развитие всех отраслей науки, используя при этом и свои средства и свое положение. Они окружали почетом поэтов и писателей, назначали их на высокие государственные посты. Следуя примеру халифов и стремясь превзойти друг друга, министры и эмиры крупных городов государства состязались в создании «Домов мудрости»². Новое поколение проявляло интерес к науке, а также к культурам и цивилизациям других народов, поэтому не удивительно, что на новой культуре отразились многочисленные и разнообразные влияния.

На литературу в то время оказывали сильное влияние следующие три культуры: 1) чисто арабская культура, в основе которой лежал Коран и связанные с ним религиозные учения, а также поэзия и связанные с нею филологические науки: грамматика языка и т. д.; 2) греческая культура и 3) восточная культура. Науки и литература греков пришли на Восток в период завоеваний Александра Македонского. Греки распространили на Востоке свои философские учения, знания по медицине и астрономии, и их культура достигла государства персов. Что же касается восточной культуры, то она является сложной совокупностью культуры персов, индийцев и семитских народов, населявших Ирак. Персидская культура оказала влияние на арабскую литературу в результате смешения арабов с персами и перемещения столицы халифата в Багдад, а также в результате того, что государственные деятели и поэты персы пользовались арабским языком. Индийская культура смогла оказать влияние на арабскую литературу в результате широко развившейся торговли и арабских завоеваний, распространившихся на значительную часть Индии, а также в результате того, что часть индийцев приняла ислам. Среди таких индийцев были поэты и ученые, писавшие на арабском языке: поэт Абу Ата-ас-Санди и Ибн аль-Араби. Индийская культура проникала к арабам также и через персов.

Все эти три различные по своему характеру культуры унаследовали к тому времени самое лучшее из науки и культуры

¹ При Сасанидах каждого, кто осмеливался дать новое толкование Авесте (Зенд), называли «зиндик». Кроме того, так называли манихеев и последователей Маздака. Особенно широкое значение это слово приобрело в период правления Аббасидов; им стали называть всех, кто предавался разврату, а также тех, кто хотя бы на словах отводил от религии или высказывал необдуманные атеистические суждения. Сасаниды называли «зиндиками» и тех, кто принимал на словах ислам, но оставался в душе приверженцем древней религии персов — зороастризма, а также тех, кто принадлежал к секте манихеев.

² «Домами мудрости» в аббасидский период называли библиотеки и хранилища письменных документов. — *Прим. ред.*

ассирийцев, вавилонян, финикийцев, египтян, индийцев, персов, греков и римлян. Несомненно, что просвещенный человек, занимающий в то время ту или иную государственную должность, мог многое почерпнуть из этих культур.

Все эти культуры распространялись в стране через школы, различную переводную литературу; значительно способствовала распространению культуры деятельность халифов. Школы в Гундишапуре, ар-Раха, Нисибине и Харране занимались распространением греческой культуры: в школах ар-Раха и в Нисибине изучали греческую философию и христианское учение; в Харране существовало общество язычников, так называемых «последователей сабеизма», которое успешно занималось изучением греческой науки и литературы; школа в Гундишапуре, которую превратили в центр греческой культуры несторианцы, приобрела широкую известность как центр изучения медицины. Через эти школы наука и культура распространялись по всему мусульманскому миру.

Основным каналом проникновения древних наук в аббасидское государство были перевод и переписывание. Переписывание научных и литературных трудов способствовало распространению этих наук во всех районах страны и сделало их общедоступными. Халифы, их наместники и другие официальные лица помогали развитию этого благородного дела. Аристотель, Платон, Гиппократ и другие греческие ученые зазвучали на языке арабов; их труды сыграли огромную роль в деле культурного подъема в стране. К сожалению, движение за развитие науки в аббасидском государстве шло по пути заимствований лишь из греческой науки и философии, влияние же греческой литературы распространено не было, многочисленные переводы с греческого не имели отношения ни к прозе, ни к поэзии. С индийских и персидского переводилось все подряд; в результате были переведены история персов и жизнеописание персидских царей, в то время как ни история Геродота, ни география Страбона, ни «Илиада» и «Одиссея» Гомера переведены не были; арабам долго оставались неизвестны драматические произведения греческой литературы и многие литературные памятники. Возможно, арабов не привлекала греческая литература потому, что она не соответствовала их вкусам по своему содержанию и характеру: она была проникнута языческим духом, чего не могло принять религиозное сознание арабов. Далее, переводы трудов по философии, медицине, астрономии и логике делались охотнее потому, что Аббасиды нуждались в знаниях по этим отраслям науки больше, чем по другим. Таким образом, от греков на Восток пришли и распространились в основном медицина, философия, технические науки, но не литература, история или география.

В арабском мире получили распространение различные культуры, каждая из которых имела свою особенность. Для мышления греков была характерна склонность к философскому анализу и установлению причинных связей явлений, склонность скорее к идеализации, чем к материализации действительности, склонность к глубокому научному познанию. Поэтому мировоззрение греков явилось для арабов одним из важнейших факторов, стимулирующих развитие науки, а также искусства сочинительства.

Индийцам свойственна склонность к созерцательности, поэтому индийская мысль характеризуется больше поэтизацией действительности, чем научным подходом к ней; это мышление отличаются богатство фантазии, воображение, образность, его определяет в основном чувство. Религиозный фанатизм и суфизм индийцев отразился на всей их жизни. Индийская мысль оказала влияние на мировоззрение арабов, склонила их к аскетизму.

Персидское мышление было весьма сложным: отражая достижения почти всей древней науки, оно включало, кроме персидской, элементы индийской и греческой культур, причем влияние индийской культуры было преобладающим. Персидская культура оказала влияние на арабов в областях, более близких к повседневной жизни,— арабы восприняли роскошь и пышность быта персов, заимствовали их стиль устной речи и письма, подражали им в сочинении музыки, переняли их музыкальные инструменты. На культуру аббасидского периода персы оказали влияние большее, чем все другие народы, а преимущественное влияние персидской литературы на арабскую явилось естественным результатом политики аббасидских халифов.

Таким образом, арабская культура развивалась, испытывая влияние культур других народов. Словарный фонд арабского языка пополнился новыми словами, заимствованными из греческого (в основном в области научной лексики), индийского (бытовая лексика), персидского (музыкальная, общественно-политическая, культурная и т. п. лексика). Арабская культура обогатилась в научном отношении в основном благодаря греческому влиянию: персы и индийцы познакомили арабов с трудами по астрологии, со своими преданиями, историей, архитектурой, с древней персидской религией; греки — с трудами по логике, медицине, инженерному делу, астрономии и философии. Арабская литература обогатилась новыми понятиями и идеями, научными методами, литературными стилями и новыми литературными жанрами. Господствующее влияние на литературу аббасидского периода оказывали персы. Их влияние шло двумя путями: через многочисленные переводы персидских произведений и их чтение, а также через общение с самими персами. Не-

сомненно, персы оказали большое влияние на арабскую литературу в том отношении, что внесли в нее новые стили литературного творчества и применили его к новым условиям.

В результате распространения греческой философии и других наук оформились мусульманское догматическое богословие, религиозные учения и наука о языке, которые приняли философское направление, расширились горизонты арабской культуры, арабская мысль начала развиваться в самых различных направлениях. Возросло число общественных библиотек и научных центров, развитие науки и научные исследования приняли организованный характер.

Распространение иноземных культур привело к увеличению числа религиозных сект ислама; каждая из них стремилась подкрепить свое направление религиозного учения определенной философией с ее логикой и аргументацией. Так, распространились философия суфизма и его разные толки, учение о переселении душ, пантеизм, разновидности учения индуизма и религии греков.

Получило развитие музыкальное искусство, появились многочисленные музыкальные инструменты. Все это оказало большое влияние на общественную и литературную жизнь той эпохи.

ЛИТЕРАТУРА ПРИ АББАСИДАХ

АББАСИДЫ И АББАСИДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В период правления праведных халифов халифат являлся светски-религиозным государством, в котором власть религии была очень сильна. В период правления Омейядов халифат представлял собой огромное государство с сильной централизованной властью, однако вскоре религиозная власть стала постепенно ослабевать; к X [IV] веку центральная власть в Багдаде ослабла настолько, что халиф фактически утратил власть в империи. Персия находилась в руках Бувейхидов; Мосул, Диар Бакр, Диар Рабиа и Мудар — в руках Хаманидов; Египет и Сирия — в руках Мухаммеда ибн Тугджа, а затем — в руках Фатимидов; Хорасан и восточные области находились в руках Саманидов.

В политическом отношении эпоха правления династии Аббасидов делится на два больших периода: период расцвета и прогресса (VIII—IX вв.) и период политического упадка. Первые аббасидские халифы сохраняли в своих руках власть, опираясь на персов, хотя и не останавливались перед жестокостями по отношению к этим же персам — пример тому преследование Абу Муслима Хорасанского и Бармакидов. Однако впоследствии халифы превратились в марионеток правящей верхушки военной власти.

Литература, которую называют литературой периода Аббасидов, достигла высокого уровня развития в результате активной деятельности аббасидских халифов, она возникла и развивалась под их покровительством. Под этим названием объединяются литература Аббасидов в Багдаде, Бувейхидов в Персии, Хаманидов в Сирии, Фатимидов в Египте и Магрибе.

Главным центром аббасидской литературы являлся Багдад — опорный пункт аббасидского халифата, а затем столица государства Бувейхидов. В тот период возникло несколько важнейших центров науки и цивилизации. В Ираке центрами аббасидской литературы были Басра и Куфа. Эти города конкурировали между собой, что способствовало развитию разных областей науки: грамматики, теории языка, литературы, словесности и т. д. Огромное влияние на всю духовную жизнь, особенно на формирование языка, имел Мирбад. Теперь поэты приезжали сюда не для того, чтобы высмеивать друг друга, а чтобы постичь особенности арабской поэзии и постараться заимствовать что-либо из нее. Сюда же приезжали филологи, чтобы собрать среди жителей Мирбада языковой материал, который помогал им устанавливать правила грамматики и проверять свои теоретические заключения.

Кроме вышеупомянутых городов Ирака, прославились как центры науки Медина в Хиджазе, где процветали богословские науки; Фустат в Египте, где процветали богословские науки и наука о языке; Бухара — столица саманидского государства в Хорасане и Туркестане; Гурган — столица Табаристана; Газна — столица газневидского государства в Индии и Афганистане; Каир — столица фатимидского государства в Египте и особенно Хaleb — центр государства Хаманидов в Сирии.

Обучение велось в аббасидский период в начальных школах для мальчиков и мечетях, где не только молились, но и учились; кроме того, в домах знати, дворцах и мечетях между учеными постоянно проводились в присутствии халифов диспуты и дискуссии; большая роль в деле образования принадлежала библиотекам, наиболее известной из которых была «Хизанат аль-хикма» («Сокровищница мудрости»), или, как ее еще называли, «Бейт аль-хикма» («Дом мудрости»), в Багдаде; эту библиотеку основал Харун ар-Рашид, а при Мамуне и под его покровительством она еще более разрослась.

ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ АББАСИДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Прежде всего литературу этого периода характеризует необычайно бурное развитие, которому способствовали многие факторы. Этнический состав государства изменился: теперь в него входили, кроме арабов, персы, турки, сирийцы, греки, берберские племена, и в результате семитская культура смешалась с арийской. Духовную жизнь определяли теперь новые направления и влияния, причем преобладающая роль здесь принадлежала персам.

В этот период разгорелась борьба между арабами и шуубитами, которые требовали равенства для всех народов, приняв-

ших ислам; позиции шуубитов были в этой борьбе очень твердыми. Шла также борьба между сторонниками старины, идеализировавшими и считавшими святыней все старое, и сторонниками нового. Не прекращалась в то время и борьба между сторонниками различных религиозных группировок, число которых все более возрастало.

Науки и литературы других народов вливались в культуру арабов по двум каналам — по пути заимствований и по пути переводов. Литература стала зеркалом нового общества, его склонностей и мировоззрения; она отразила противоречия между слоями этого общества, а также различные сферы его жизни, роскошь и убранство дворцов, культуру того времени, возросшее стремление к знаниям, к наукам. Все это нашло отражение и в поэзии и в прозе того периода. Следовательно, в поэзии и прозе аббасидского периода слились и арабское культурное наследие и богатое культурное наследие древнейших цивилизаций. Поэзия и проза этого периода восприняли язык и литературный стиль доисламской литературы и литературы периода праведных халифов и Омейядов, творчески видоизменив и обогатив их, отбросив все ненужное, что мешало дальнейшему развитию.

Приведенный нами ниже разбор поэзии и прозы аббасидского периода прольет свет на эту основную характерную особенность аббасидской литературы.

АББАСИДСКАЯ ПОЭЗИЯ

Поэзия перешла из тихих степей в шумный город, из бесплодной пустыни в окруженные садами дворцы, от спокойной жизни арабских племен к полной развлечений жизни культурных центров, от литературных и политических кружков в музыкальные. Все это оказало влияние на поэзию, ее цели и жанры, идеи и представления, на стиль и поэтические размеры.

Цели и жанры поэзии. Цели и жанры поэзии претерпели заметные изменения. Сторонники нового, несмотря на сильное противодействие сторонников старого, шли своим путем, однако их движение обновления не было решительным, и обновление не являлось коренным переворотом; оно не было настолько бурным в своем развитии, чтобы создать принципиально новые жанры, например жанр героической эпопеи, драматический жанр и другие, не известные до сих пор арабам. Большинство жанров арабской поэзии оставалось ограниченным традицией, и поэзия почти не выходила за рамки песенного творчества, хотя редкие исключения все же были.

Почти исчезла политическая поэзия — за ненадобностью она была окончательно забыта, хотя иногда поэты и обращались

к ней в борьбе между шиитами и Аббасидами, между арабами и шуубитами и пр.

Упадок нравов привел к полному забвению и жанра чистой лирики; были также забыты стихи, воспевающие честь женщины.

Новыми направлениями в поэзии и новыми темами нужно считать: 1) философские стихи, в которых делалась попытка аналитического подхода к окружающему миру; 2) суфийские стихи, лирическое содержание которых лишилось реального смысла и обратилось в сферу духовную, в область размышлений о божестве, его совершенстве и чистоте; 3) назидательные стихи, которые явились одним из проявлений мысли той эпохи. Жанр этот использовался также авторами различных научных сочинений, так как это помогало запоминать их содержание. В дидактическом жанре созданы «Калила и Димна», касиды на темы мусульманского права. Новыми были также стихи, написанные в повествовательном жанре, сказки в стихах, а также сатирические и юмористические стихи, авторами которых были Ибн Хаджадж, Ибн Суккара, Сарья ад-Дила, и переписка в стихах. В самостоятельный жанр выделились благочестивые стихи (*зухдийят*), которые приобрели в творчестве поэта Абуль-Атахи философское направление, воспевание вина (*хамрийят*), которое довел до совершенства Абу Нувас, воспевание охоты (*тардийят*) и т. д.

Из других поэтических жанров широко распространились панегирики (*мадх*) и элегии (*риса*). Поэты воспевали великих людей, возвеличивали их деятельность, их поступки, как действительные, так и выдуманные, распространяли афоризмы и изречения о различных качествах их характера, достоинствах и пр.

Все произведения этих жанров были приблизительно одинаковыми по своему характеру и содержанию; образы восхваляемых менялись лишь в зависимости от таланта поэта и его поэтического мастерства. Каждый эмир наделялся всеми прекрасными качествами: это был сильный и неустрашимый воин, великодушный человек; каждый ученый владел бескрайними как море знаниями и умом. Поскольку такие восхваления давали средства к жизни, ибо великие мира сего жаждали восхваления и поощряли его, поэты предпочитали этот жанр всем другим; в результате гиперболизация в восхвалениях достигла чудовищных размеров.

Сатира (*хиджа*) также служила средством заработка. Она разоблачала и высмеивала все достойное порицания и редко обращалась к темам положительным.

Глубокое развитие получило поучительно-назидательная поэзия, чему особенно помогло распространение философского учения индуизма. Содержание же большинства лирических

стихов (*газаль*) стало непристойным; авторы не стыдились с циничной откровенностью говорить об интимной стороне своей жизни, более того, они воспевали разврат и пороки.

Кроме традиционных тем, поэты обращались к темам повседневной жизни и описывали в своих стихах произведения искусства, постройки, фонтаны, дворцы, окруженные благоухающими садами и лугами. В целом аббасидскую поэзию характеризовало стремление к реалистическому воспроизведению действительности и отказ от ее искажения, хотя, разумеется, на нее оказывало определенное влияние и культурное наследие прошлого.

Стиль и формы поэзии. Несмотря на то что поэты достигли большого разнообразия жанров, поэтические приемы и принципы стихосложения оставались традиционными; рифма, поэтические размеры, композиция произведения — все было прежним, по-прежнему поэты начинали свои панегирики и сатиры с лирического вступления, восхваления своего племени или описания верблюдицы. Все изменения и новшества свелись к тому, что кое-где воспоминания о следах покинутой стоянки сменились описанием дворца или вина. Композиционного единства касалась поэты также не нарушали, однако они создали несколько новых размеров — *мустатыль* («удлиненный») и *мумгадд* («продленный»), заменив ими *тавил* и *мадид*. Соблюдая законы красноречия, они старались избежать в своих произведениях непонятных и сложных выражений. Однако в конце концов ремесло победило поэзию, и к концу аббасидского периода поэтическое искусство свелось к бессодержательному украшательству.

В то время говорили: «К поэзии Ирака и Сирии обратились взгляды всего арабского мира. Ей подражали в Египте, в Магрибе, в Андалузии — во всех арабских странах. Созданные в этих странах стихи не отличались ни местным колоритом, ни характерными местными особенностями стихосложения — все было лишь подражанием поэтам Ирака: и стиль, и направление поэзии, и ее тематика».

АББАСИДСКАЯ ПРОЗА

Аббасидская проза заимствовала уже рассмотренные нами особенности и стиль прозы последнего периода — периода господства Омейядов — и начала развиваться под влиянием новой цивилизации дальше. Культура и мысль аббасидского периода нашли отражение в прозе гораздо большее, чем в поэзии. Если мы рассмотрим жанры и стиль прозы этого периода, то увидим, что она достигла небывалого до тех пор уровня развития.

Цели и жанры прозы. Со временем постепенно теряет свое значение ораторское искусство — к этому привело отсутствие стимулирующего его фактора, так как наиболее действен-

ными факторами могли быть только межплеменная борьба и борьба политических направлений. В начале периода господства Аббасидов ораторское искусство было еще довольно широко распространено, так как в тот период происходили государственные перевороты, социальные преобразования и велась острая борьба между различными политическими и религиозными группировками, к тому же арабский язык не успел еще подвергнуться какому-либо иностранному влиянию; благодаря всему этому интерес к ораторскому искусству не ослабевал, и потому темы речей и их задачи были очень широки. Когда власть Аббасидов упрочилась, они стали оказывать предпочтение мечу и власти, а не красноречию; огонь партийной и сектантской борьбы угас, арабский язык постепенно утратил свое красноречие, люди стали интересоваться культурой, распространилась письменность, и вместо того, чтобы произносить речи, стали больше писать; в конце концов ораторское искусство постепенно выродилось. Речи заменили административные распоряжения, государственные циркуляры, научные и литературные диспуты. Только лишь в мечетях по пятницам и во время празднеств произносились речи на религиозные темы. Письменность получила распространение не только в учреждениях — она нашла применение во всех областях жизни: ею стали пользоваться для описания развлечений, дворцов и садов, для описания характера и внутренних качеств человека, его увлечений и страстей; она сыграла большую роль в критике и разборе литературных произведений, при рассмотрении различных научных и религиозных вопросов; наконец, она нашла огромное применение в литературе — стали записывать рассказы, романы, фантастические и исторические произведения и пр.

В период правления Аббасидов появились и распространились самые разнообразные формы письменных документов: дружеские послания, выражающие благодарность, порицания, соболезнования и утешения, поздравления, симпатию и любовь и т. д., а также различные литературные произведения, научные трактаты, статьи, обзоры, договоры, рассказы, романы и пр.

Стиль прозы. На прозу аббасидского периода оказывали влияние философия и другие науки; создались условия для развития мысли. Авторы прозаических произведений стремились к определению причинных связей явлений; большую роль в развитии мысли, в формировании стилей, в создании разнообразных книг сыграли заимствования и переводы. Персы, персидская литература, праздная жизнь аббасидского периода — все это наложило определенный отпечаток на все произведения литературы. Появилось стремление к изяществу и легкости в литературном стиле, к пространному изложению в предисловиях; мысль свою авторы старались излагать связно и обязательно выделять начало и конец произведения. В то же

время наблюдается чрезмерное употребление титулов, званий, часты обращения к богу; характерна также склонность к чрезмерно детализированному и подробному описанию.

Таким образом, мы перечислили в общих чертах все основные особенности аббасидской прозы. Далее мы увидим, как постепенно она свелась к цветистым описаниям и в конце концов стала на путь чистого искусства.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ АББАСИДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В целях удобства изучения аббасидскую литературу можно разделить на три периода:

1. Литература движения обновления (от начала правления Аббасидов до начала IX [III] века). В литературе этого периода предпринимаются смелые попытки обновления, причем в самых различных жанрах: в сатире (*хиджа*) — Башшаром, в воспевании вина (*хамрийят*) — Абу Нувасом, в благочестивых аскетических стихах (*зухдийят*) — Абу-ль-Атахией. В прозе следовали методу и стилю Абд аль-Хамида, а также Ибн аль-Мукаффы и его учеников: Ахмада ибн Юсефа ибн аль-Касима ибн Субейхи, Амары ибн Хамзы, Сахля ибн Харуна, аль-Хасана ибн Сахля, Амра ибн Масада и других.

2. Литература приверженцев старых традиций — движения противодействия (от начала IX [III] века до начала X [IV] века). Она возникла как реакция на литературу движения обновления предыдущего периода; ее характеризуют стремление к возврату прошлого, к восстановлению арабских традиций в мусульманском праве, богословских науках, а также и в литературе. Однако литература движения противодействия развивалась под непосредственным влиянием литературы предшествующего периода. В поэзии этого периода ведущая роль принадлежала Абу Таммаму, аль-Бухтури и Ибн ар-Руми, хотя в поэзии последнего наблюдались отступления от традиции. Проза этого периода характеризуется применением метода аль-Джахиза — подробным описанием, множеством отступлений от темы и усиленным вниманием к текущим событиям.

3. Литература стабилизации и постепенного превращения поэтического творчества в чистое искусство украшения (продолжался до конца аббасидского периода). Число поэтов в это время умножилось, но талантливых среди них было очень мало. Наиболее выдающимися были: аль-Мутанабби, Абу Фирас, Абу-ль-Ала аль-Маари, Омар ибн аль-Фарид, аш-Шариф ар-Ради. В прозе ведущее положение занимали Ибн аль-Амид и аль-Кади аль-Фадыль; они писали рифмованной прозой, во многом усовершенствовали прозу и обогатили ее рядом заимствований.

Из прозаических произведений этого периода мы рассмотрим несколько произведений повествовательного жанра, среди них — «Деяния Антары», сказки «Тысяча и одна ночь» и другие.

ЛИТЕРАТУРА ДВИЖЕНИЯ ОБНОВЛЕНИЯ ПОЭЗИЯ

Башшар ибн Бурд (714—784) [96-167]

БАШШАР И ЕГО ЭПОХА

Башшар жил на грани двух периодов — периода движения за сохранение и господство арабского духа и традиций, когда религиозная и политическая борьба была особенно острой, и периода движения «хосровизма», т. е. движения за установление того порядка, который был способен примирить приверженцев старого со сторонниками новой религии и идеологии, занявшими в стране господствующее положение. «Хосровизм» вызвал движение противодействия арабов, гордившихся своей славой и древней культурой. Башшар был как будто бы приверженцем «хосровизма», и в то же время его симпатии были на стороне защитников арабских традиций.

Башшар был свидетелем упорной борьбы между сторонниками старого и нового направлений в области этики и литературы. В области этики он придерживался нового направления, а в творчестве лавировал, стараясь удовлетворить как сторонников традиции, так и сторонников нового. В своих произведениях он следовал стилю и методам древней поэзии, соблюдая присущую ей строгость и энергичность, и в то же время его стихи были проникнуты духом новой эпохи, ибо он понимал, что литература — продукт определенной общественной среды, и считал своим долгом быть представителем своего народа и эпохи. Итак, своим творчеством Башшар положил начало классической литературе, широко распахнув при этом двери для всех поэтов, желающих принять участие в ее развитии. Таким образом, творчество Башшара явилось промежуточным звеном между двумя литературными периодами.

ЖИЗНЬ ПОЭТА

Происхождение. Башшар родился в Басре около 714 [96] года в семье гончара, перса по происхождению, по имени Бурд. Вместе со своей женой он был в рабстве у одной

женщины из племени Укайл, которая дала затем свободу Башшару, почему он и считал себя в родстве с этим племенем. Вырос Башшар в бедуинской среде; чтобы научиться говорить на чистом арабском языке, он уехал к бедуинам, а затем вернулся в Басру, которая была в то время центром науки и литературы. Здесь он получил возможность изучать литературу и различные науки. С юных лет Башшар отличался большими способностями и смышленостью, он начал сочинять стихи, когда ему было всего десять лет. Однако на жизненный путь он вступил, не получив никакого воспитания и образования. Подобно всем детям улицы, Башшар провел ранние годы своей жизни в такой обстановке, которая развила в нем бесстыдство и цинизм.

Невоздержанный юноша. Говорят, что Башшар написал сатирическое стихотворение на Джарира, чтобы заставить этого омейядского поэта отозваться и тем самым способствовать популярности Башшара. Однако Джарир не обратил внимания на это стихотворение. По всей вероятности, Башшар пытался также приблизиться к омейядским халифам, однако, как это видно, они не проявили к нему никакой благосклонности. Молодой Башшар поддерживал постоянную связь с видными представителями многочисленных литературных и научных кружков Басры, особенно с Васылем ибн Атой, шейхом мутазилитов. Башшар проявлял живой интерес к зиндакизму и к атеизму. Когда его положение улучшилось, он построил себе роскошный дом, где всегда царил веселье. В это время он познакомился с рабыней, которую затем воспевал в своей любовной лирике. Его образ жизни вызвал гнев ревнителей закона и многих представителей духовенства, особенно Васыля ибн Аты, и в результате около 744 [127] года Башшара изгнали из Басры.

Тревожная и бродяжническая жизнь. Изгнанный поэт отправился в Харран к Сулейману ибн Хишаму, однако Сулейман не приютил его. Вне себя от гнева Башшар ушел от него к правителю Ирака Язиду ибн Омару ибн Хубайре аль-Фаззари, который возвеличил его за панегирик, посвященный племени Кайс Айлян. Поэт жил у Язида в Куфе, восхваляя его до тех пор, пока Язида не убили в 750 [132] году. Тогда Башшар вернулся в Басру, но вскоре враги принудили поэта уехать снова. Так, блуждая, Башшар переезжал из города в город. Покой поэт нашел только после смерти всех своих врагов; в 762 [145] году он опять вернулся в Басру и стал жить там, прославляя в своих стихах ее правителей. Несколько раз Башшар просил покровительства у халифа аль-Мансура в Багдаде, хотя раньше призывал его убить, о чем, правда, Мансур ничего не знал. Однако халиф славился своей неблагосклонностью к поэтам, и Башшар не смог добиться его милостей.

Башшар и аль-Махди. Аль-Махди стал халифом в 775 [158] году; Башшар стал к этому времени уже прославленным поэтом. О новом халифе поэт отозвался с восторгом и уважением и затем часто прославлял его. За это он был принят халифом и получил от него в качестве подарка красивую одежду. Однако Башшар был человеком с дурным характером, что не раз вредило ему, и вот по всякому поводу или без повода он стал высмеивать визирей аль-Махди и его приближенных. Все это усугублялось еще и тем, что враги поэта донесли халифу, что любовная лирика Башшара непристойна и порочна. Халиф, славившийся своим целомудренным отношением к женщине, строго обошелся с Башшаром и запретил ему писать стихи, воспевающие женщину (*насиб*), пригрозив, что, если поэт этот запрет нарушит, он будет убит. Несмотря ни на что, Башшар не изменил своим дурным привычкам и продолжал писать столь же непристойные стихи, хотя и не ставил теперь под ними своего имени. В результате аль-Махди стал пренебрегать им и в конце концов отдалил его от себя.

Кончина Башшара. Когда визирем аль-Махди стал Якуб ибн Дауд, Башшар начал его усиленно восхвалять, чтобы завоевать таким образом его благосклонность и вернуть себе с его помощью благосклонность халифа. Однако Якуб ибн Дауд не обратил на Башшара никакого внимания, чем очень разозлил поэта. Башшар зло высмеял и аль-Махди и его визиря, за что Якуб решил ему отомстить. Он постоянно и упорно оскорблял Башшара перед халифом, обвинял поэта в зиндакизме; наконец, он добился того, что аль-Махди приказал убить Башшара. Около 784 [167] года Башшар умер от семидесяти ударов кнута.

Абу-ль-Фарадж иль-Исфгани, автор «Книги песен» — «Китаб аль-агани», — рассказывает, что, когда жителям Басры стало известно о смерти Башшара, они встретили эту весть с радостью и поздравляли друг друга с избавлением от человека, язык которого никого не щадил. Рассказывают даже, что на похоронах Башшара присутствовали только персы.

личность поэта

Башшар был человеком некрасивым, с уродливой фигурой и к тому же был слеп. Однако в тех случаях, когда его поведение не вызывало упреков и он оказывал уважение окружающим, ему удавалось заставить людей быть снисходительными к его уродству и относиться с почтением к его уму и таланту.

Непривлекательность внешности Башшара дополняли дурные манеры и тяжелый характер поэта — ведь в детстве около него не было никого, кто мог бы заняться его воспитанием и исправить эти недостатки, а так как Башшар получил плохое воспитание, он привык следовать всем своим прихотям, поро- ж-

денным самыми отвратительными пороками. Естественно, что это вызывало к нему всеобщую неприязнь.

Основным его пороком была распушенность — Башшар нарушал все правила приличия, для него не существовало никаких ограничений или сдерживающих моментов, он никого не уважал и не признавал никаких ни моральных, ни религиозных норм, отличался непостоянством и часто изменял своим убеждениям, нарушал свои обещания; ничто не могло сдержать или образумить Башшара в его стремлении удовлетворить свою прихоть. Все его желания сводились к чувственным наслаждениям, в погоне за которыми он пренебрегал всем, унижался, развратничал, совершал постыдные поступки, самым бессовестным образом выклянчивал деньги, ибо они были больше всего необходимы ему для удовлетворения его желаний. Башшар не признавал никаких духовных ценностей, его привлекало в жизни лишь то, что можно было реально ощутить.

Внешняя и внутренняя непривлекательность Башшара мешала ему добиваться желаемого, а так как он был весьма проницателен и впечатлителен, он всегда чувствовал, что эти недостатки делают его парией среди других, поэтому душа его прониклась мятежным духом, желанием отомстить всему человечеству, стремлением вершить зло. Башшар не находил себе покоя до тех пор, пока ему не удавалось втоптать в грязь чью-либо честь, излить в брани всю горечь и ненависть своей души. Если же он и смягчался, то становился язвительным насмешником, причем насмешки его были, как правило, исключительно острыми. Он был настолько злобен, что даже радовался своей слепоте, так как благодаря ей мог не видеть людей.

Нет ничего удивительного в том, что Башшар был при всем этом исключительно кичлив, считал, что нет среди людей ему равных, и всячески превозносил себя. Кроме того, он был в высшей степени эгоистичен и относился к людям так, как пчела к цветку, т. е. старался высосать из них все, в чем нуждался; поэтому и свое искусство Башшар превратил в охотничьи силки. Эгоизм Башшара, жадность к радостям и наслаждениям породили в нем малодушие. Он всегда боялся трудностей и старался избежать их, так как в них могли бы проявиться низменные стороны его души; всегда был подобо-страстен к великим мира сего. Он никогда не нападал на кого-либо, если не мог обезопасить себя от гнева того, о ком говорил, а если и подвергал себя опасности, то лишь рассчитав предварительно все самым тщательным образом; он охранял себя всеми возможными способами. Поэт любил жизнь и все, в чем наиболее полно и совершенно проявлялась жизнь, потому он тщательно охранял себя и пугался каждый раз, когда ему что-либо угрожало.

Малодушие всегда порождает ложь и лицемерие, поэтому Башшар был искусным лицемером; в то же время он был, как рассказывают, исключительно добр и ласков с близкими ему людьми.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

В свое время Башшару принесло славу большое количество произведений, созданных на персидском языке; среди них много речей, различных прозаических отрывков и, наконец, стихов. По утверждению самого Башшара, число сочиненных им касыд достигает двенадцати тысяч; если это верно, то можно говорить, что в значительной своей части литературное наследство Башшара погибло, так как до нас дошло лишь весьма небольшое количество его касыд, включенных в свое время в различные литературные сборники, в том числе в «Книгу песен». Около 320 его бейтов были помещены в книге избранных стихов Башшара, которую издали Абу Бекр аль-Халиди и Абу Осман аль-Халиди — хранители библиотеки Сейфа ад-Дауля. Не приходится сомневаться в том, что многие стихи Башшара были намеренно уничтожены в силу непристойности их содержания.

Произведения Башшара выдержаны в традиционных жанрах — это панегирики (*мадх*), сатиры (*хиджа*), любовная лирика (*газаль*), элегии (*риса*) и др.

ПОЭЗИЯ БАШШАРА

В эпоху Башшара поэзия либо была источником заработка, либо служила развлекательным целям. Башшар был прирожденным поэтом, но в то же время и прирожденным корыстолюбцем; он был необуздан в своих желаниях и увлечениях, жаден до денег, в которых всегда испытывал недостаток, и до наслаждений, и ничто, кроме стихов, не могло дать ему средств для удовлетворения его потребностей. Этим-то целям Башшар и подчинил свой талант, когда увидел, что его искусство способно предоставить ему полную свободу действий, если только стихи придется по вкусу заказчикам. Поэтому, если он посвящал свои стихи лицам, облеченным властью, он сочинял их в традиционном стиле, а если хотел расположить к себе людей из народа или сторонников новой поэзии, создавал произведения новых форм. Но и те и другие произведения отразили двойственность души поэта, подверженного влиянию двух эпох — омейядской и аббасидской; в его стихах проявились колебания между старыми традиционными жанрами и новыми формами.

Панегирики (*мадх*). Башшар, как правило, не сочинял панегириков, он обращался к этому жанру лишь в тех случаях, когда стремился достичь с помощью своих стихов какой-либо

определенной цели. Поэтому стихи Башшара, выдержанные в традиционном стиле, почти исчерпываются этим жанром. Башшару был хорошо знаком стиль древних поэтов, он умел сочинять стихи, аналогичные их стихам и по форме и по содержанию, и даже заимствовал подлинный язык древних поэтов, стараясь строго придерживаться традиционных правил. Такое умение подражать древним поэтам увлекало Башшара; подражая им в панегириках, он приводил в восторг тех, кому посвящал их, так как сочинял именно то, чего они хотели. Башшар сочинял в размере *тавилъ*, предпочитал спокойный строй стиха и красноречивый язык. Его стихи отличались слабой логической связью; начинались они, как правило, с лирического вступления и причитаний, за которыми следовало описание сцены прощания, оплакивание развалин, упоминание о коне или о знатном всаднике; после этого поэт переходил непосредственно к восхвалению того, кому посвящался панегирик, превозносил, как только мог, его самого, и особенно его щедрость, чтобы этот человек уже не смог отказать ему в вознаграждении. Башшар настойчиво выклянчивал подарки, прибегая подчас даже к угрозам. Вместе с тем, памятуя о том, что те, кому он посвящал свои панегирики, несмотря на всю их приверженность к прошлому, уже попали в известной мере под влияние духа новой эпохи, Башшар привносит в свои стихи новое содержание или вставляет в них тонкие описания, выдержанные в стиле произведений оседлых арабов.

Итак, Башшар использовал жанр панегирика лишь как средство заработка, и если достиг в нем совершенства, то не в силу своей личной склонности и не для услаждения слуха приверженцев старых традиций, а преследуя ясно намеченную цель.

Поэзия новых форм. Причины появления новых форм. Башшар предстает перед нами человеком, любящим жизнь и ее удовольствия, описанию которых он и посвящает свои стихи. Поэт был свидетелем рождения нового направления во всех областях жизни; переворот, свершившийся в области политики, общественных отношений, религии и науки, провозгласив известные свободы, породил в то же время и анархические настроения.

В душе поэта переворот встретил горячий отклик. Башшара всегда тяготили рамки традиций и строгие правила поведения, ведь он всегда стремился насладиться всеми благами жизни, свободой и к тому же хотел обогатиться. А поскольку он был искусным художником и умел направить свое творчество по любому пути, он сумел использовать и этот переворот в своих целях.

Источники литературы новых форм. Произведения Башшара разных жанров явились правдивым отражением

современной ему жизни и воплотили в себе все то новое, что было характерно для каждой из ее областей.

Сатира (*хиджа*). Прежде всего Башшар обратился к сатирическому жанру. Жертвами его сатиры стали многие, в том числе Хаммад Аджаррад, аль-Мансур и аль-Махди. Башшар сочинял сатирические стихи, повинаясь произвольному желанию излить всю ненависть своей души, свое презрение к людям, стремясь причинить им зло. В то же время сатира служила для Башшара источником дохода: он часто грозил людям написать на них сатирические стихи, и, чтобы избежать этого, многие откупались от него деньгами. Наконец, сатирические стихи служили Башшару оружием: в них он клеветал на того, кто его высмеивал, с их помощью он мог снять с себя все обвинения и свалить их на противника.

Поэты, предшественники Башшара, также создавали сатирические произведения, и их стихи также содержали немало брани, однако Башшар перешел в этом всякие пределы допустимого и позволял себе то, на что никто до сих пор не осмеливался. Мы не можем назвать ни одного из предшественников Башшара, чьи стихи высмеивали бы человека столь жестоко и содержали бы столь же много непристойной ругани. До Башшара поэты создавали свои сатирические стихи в подавляющем большинстве случаев на социальные темы; в них они высмеивали свои жертвы, наделяя их такими недостатками, как скупость, трусость, малодушие, однако они не наносили им личных оскорблений и не занимались поруганием их чести. Но Башшар ибн Бурд не знал предела в унижении чьего-либо достоинства, а в подборе колких, язвительных сравнений он превосходил самого себя.

Надо заметить, что во всех случаях, будь то стихи, где поэт изощрялся, говоря о таких отвратительных позорных чертах своей жертвы, как развращенность и бесстыдство, или стихи, где он насмеялся над арабским происхождением человека, следуя в этом новым шуубитским тенденциям, с презрением отвергавшим все арабское и прославлявшим персов, Башшар выступал как новатор поэтической формы. Он создал новую форму литературного произведения, сочетающую в себе два жанра — самовосхваления (*фахр*) и сатиры (*хиджа*). Используя жанр *фахр*, поэт похвалялся своим персидским происхождением, а в жанре *хиджа* позорил и обливал грязью арабских предков своей жертвы, приписывая арабам такие пороки, как низость и трусость; ни один из предшествовавших ему поэтов не осмелился бы говорить то, что говорил теперь Башшар:

Пожалей Амра и не копайся в его родословной,
Ведь его арабское происхождение разобьется так же (легко), как
стеклянное блюдо,

Когда я расскажу самому гордому арабу о себе

И о нем, если он начнет хвастаться собой.

Когда ты после того, как был голым, надеваешь шелковые одежды

И сидишь за одним столом с благородными и пируешь с ними,

Ты кичишься перед сынами Персии, а ведь ты — сын пастуха и жены
пастуха,

И знатность твоя ничего не стоит!

Если ты захочешь испытать воды,

Ты будешь лакать ее вместе с собакой из дождевой ямы.

Стремясь сделать свою жертву всеобщим посмешищем, Башшар старается поддаться под настроение слушателей и угадать их желания; он подбирает наиболее доступные людям сюжеты и образы, связанные с их жизнью, бытом и окружающей их средой. С той же целью он применяет легко запоминающиеся выражения, старается, чтобы его стихи были более изящными в противоположность древним поэтам, сочинявшим сухие, тяжеловесные стихи, трудные для понимания простых людей, тем более, что в его эпоху большинство слушателей были либо мавляны, либо персы, либо арабы, испытавшие на себе влияние неарабских народов. Сатирические стихи Башшара, так же как и его самовосхваления, нередко отличались оригинальностью темы и необычностью образов, что было также весьма характерно для его эпохи.

Любовная лирика (*газаль*). Примерно то же самое следует сказать и о лирических стихотворениях Башшара. О новом направлении здесь говорят и непристойность сюжетов и мягкость в описании образов, носящих отпечаток оседлой культуры, и изящество выражений, и музыкальность стиха. Все эти черты были свойственны поэзии Башшара потому, что она явилась правдивым отражением вольности и роскоши его века, века, подвергшегося влиянию культур неарабских народов, отражением эпохи расцвета изящных искусств.

Здесь следует отметить, что Башшар не знал любви в подлинном и чистом смысле этого слова. Он понимал любовь лишь как грубое чувственное наслаждение. Слепота лишила его возможности познать красоту, но способность к чувственным восприятиям развилась в нем с удвоенной силой. Всем этим и можно объяснить то, что лирические стихи Башшара не выходят за пределы чувственных описаний; лишь в редких случаях, когда поэт отдает дань традиции, он поднимается выше своих страстей; столь же редко он проявляет духовный интерес в своих чувствах к женщине.

Сознание силы своего мастерства постоянно будило в Башшаре желание заставить всех забыть об уродстве его внешности, обратив всеобщее внимание на совершенство новых, найденных им художественных средств выражения. Башшару удалось создать исключительные образцы произведений в жанре

газаль: отображение необузданных желаний и порывов мучительной страсти соседствовало с нежным и утонченным диалогом влюбленных, а натуралистическое описание бурной страсти с меланхоличностью, музыкальностью, напевностью, легкостью и изяществом стиля. Юные души и молодые сердца были не в силах противостоять очарованию этих стихов; поэтому любовная лирика Башшара таила в себе большую опасность для девушек — в этих стихах чувствовалась непринужденность, господствовавшая в обществе, они будили низменные желания. Но ведь стихи эти предназначались именно им, и, исполненные волшебного искусства, они беспрепятственно проникали в женские сердца, овладевали разумом, губили жизни. Лирика Башшара отразила все характерные черты и особенности его эпохи. Мелодии, которые мы слышим в лирических произведениях Башшара, совершенно оригинальны; лишь отдаленно они напоминают нам стихи Ибн аби Рабиа, к которым их приближает чувственность содержания; однако стихи Башшара весьма отличны от традиционной поэзии, об этом можно судить хотя бы по следующим бейтам одной из его касыд:

Ночь уже на исходе, а я еще не сплю,
Сон бежит от меня, и вместо него приходят мечты.
О, моя ночь! Ты так жестока ко мне
Из-за моей любви к этой невинной.
О, почему я не яблоко, разделенное пополам?
О, почему я не ветка благоухающего базилика?

Из всего сказанного можно сделать следующий вывод: главное в новаторской деятельности Башшара заключалось в следующем: арабскую поэзию бывшую до тех пор, как правило, достоянием аристократии или избранных людей, замкнутую в сфере привычных образов, ограниченного воображения и личных переживаний, поэзию, служившую обычно прихотям власти имущих и изображавшую в ложном и искаженном виде великих мира сего,— эту поэзию Башшар повернул к реальной и многогранной жизни, к жизни широких народных масс, полной радостей и огорчений. Иными словами, он поднял поэтическое искусство на его высокий пьедестал, привнес в поэзию новые темы, которые родились в новой общественной среде, на почве новой, современной поэту культуры. Он открыл новые неиссякаемые источники творчества, чем вызвал огромный интерес к своим произведениям и обеспечил им большую популярность.

Башшар не ограничивал тематику своих произведений сюжетами из жизни народа и описанием личных переживаний; он обращался также к самым обычным событиям повседневной жизни, порой даже забавным, к которым никогда не обращались древние поэты. Вот, например, его стихи о соседке:

Вот Рабаба — хозяйка дома,
Она вливает уксус в масло;
У нее есть десять кур
И петух голосистый...

Или, например, шуточная касыда, в которой Башшар говорит языком влюбленного осла, явившегося во сне к поэту, чтобы поведать ему о своих делах. Разве можно сравнить его доступный народный язык с высокопарными, степенными стихами древних поэтов? Однако Башшар не ограничивал своего творчества повседневными темами, описаниями жизни простого народа или праздной роскошной жизни богатых, он рассказывал и о самых различных сторонах жизни современного ему общества, стремился во что бы то ни стало принять личное участие в движении обновления, охватившем политику, науку, религию, философию; он предлагал нововведения в каждой из этих областей, решал самые разные проблемы; все это свидетельствует о тесной связи поэта с жизнью.

Помимо всего этого, легкость стиля его поэзии, мелодичность, изящество сравнений вполне соответствовали легкости нравов и беспечности жизни эпохи, когда все отказались от строгости старого стиля.

Таким образом, Башшар был первым поэтом, тесно связавшим свое творчество с жизнью современного ему общества во всех ее проявлениях. Ясно представляя себе задачи и нужды времени, он откликнулся на них произведениями, где охарактеризовал основные черты своей эпохи. Тем самым Башшар нарушил традиции предшествовавших ему поэтов, которые, ограничивая свое творчество описанием личных переживаний или восхвалением власти имущих, соревнуясь в слепом подражании традициям и древним поэтам, создали в конце концов глубокую пропасть между литературой и жизнью.

Сочетание традиции и новаторства в творчестве Башшара. Выше мы видели, что в некоторых произведениях Башшар следует традиции, но чаще всего идет по пути обновления. Трудно провести четкую границу между традиционными и новыми элементами его творчества или точно определить характер того или иного его произведения, чтобы указать, какие из них являются подлинно традиционными и какие — характерными для движения обновления. В его панегириках, например, и в стиле и в тематике преобладает традиционный элемент, однако и они содержат много оригинальных описаний; поэт использует в них новые средства художественного выражения. И в стиле и в тематике лирических произведений преобладает новаторский элемент, но вместе с тем они не лишены старых традиционных описаний, о чем свидетельствуют хотя бы описания страшных, бессонных ночей. То же можно сказать и о его самовосхвалениях, сатире, а также

о поэтических произведениях других жанров, о которых мы не говорили потому, что они занимают незначительное место в творчестве Башшара. Кроме того, Башшар часто облачал новое содержание в старые формы и, наоборот, — в новые формы вкладывал традиционное содержание. Иными словами, произведения Башшара являются либо произведениями новых жанров, содержащими традиционные элементы, либо произведениями, намеренно созданными в традиционном стиле, но обязательно содержащими черты нового, что было наиболее характерно для творчества поэта.

Ничего удивительного в этом нет, так как Башшар жил в последний период господства Омейядов и в первый период эпохи Аббасидов и находился, таким образом, под влиянием двух направлений. И хотя поэт склонялся больше к образу жизни Аббасидов, впечатления детства, проведенного среди арабов-бедуинов, оставили в его душе глубокий след, и он не мог так просто вытеснить их из своей памяти. К этому следует добавить, что из-за своей слепоты Башшар часто бывал вынужден воспринимать окружающее глазами древних поэтов, не говоря уже о том, что всякий переворот вообще, каким бы насильем он ни сопровождался, не может полностью и сразу изменить образ жизни или характер литературного творчества. Связи между старым и новым всегда очень крепки, и только долгие годы могут уничтожить их. Поэтому не удивительно, что творчество Башшара явилось здесь связующим звеном и что в своей поэзии Башшар, подвергшийся влиянию двух эпох, колеблется между классическим, традиционным направлением и новым направлением.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТАЛАНТ БАШШАРА

Разум и чувства. Поэтический талант Башшара — это прекрасный дар, которым поэт был щедро наделен; он в совершенстве владел своим огромным талантом и всегда подчинял его своей воле. Развитию этого таланта способствовал ясный, всеобъемлющий разум поэта.

У Башшара были все данные для того, чтобы без особого труда сочинять стихи различных жанров — как новых, так и традиционных, — а также рассказывать о многочисленных изменениях, происходивших в его эпоху, и широко использовать новые темы в своем творчестве.

Душа поэта была целиком во власти бурных чувств и страстей: если он был, например, зол на кого-либо, злость полностью захватывала его и тогда он уже ни на что не обращал внимания. Вот как он, например, высмеивал аль-Махди, натравливая его на визиря Якуба ибн Дауда:

О, Омейяды, вставайте! Пока вы так долго спали,
Якуб ибн Дауд стал халифом.

Теперь пропал ваш халифат, ищите
Халифа между бурдюками с вином и лютней.

Когда же он восхвалял самого себя, он бывал полон необычайного презрения к окружающим:

Когда в душе моей бушует мударитский гнев,
Я способен разорвать тучи, скрывающие солнце, и тогда хлынет
кровавый дождь.

Если в душе Башшара пылал жар страстей и он стремился расположить к себе чье-либо сердце, он особенно тщательно и строго обрабатывал свои стихи и тогда они способны были вызвать в слушателе искреннее волнение. В этих стихах поэт часто приписывает себе такие качества, которые должны были бы, по его мнению, расположить к нему людей; так, например, он говорит:

Под моей одеждой хрупкое тело —
Если ты вздумаешь опереться на него, оно сломается.

Некоторые из наших критиков, в первую очередь Таха Хусейн в своей книге «Хадис аль-Арбаа», высказывают сомнение по поводу искренности чувств Башшара, считая его стихи лживыми и надуманными. Несомненно, слова поэта о том, что он худ, изможден, что он проводит бессонные ночи, — вымысел от начала и до конца, здесь нет ни крупицы правды, но ведь эта ложь, судя по тому, как он ее преподносит, имеет совершенно определенную и заранее продуманную цель: она должна помочь поэту скрыть свои физические недостатки, с ее помощью он пытается как бы оправдаться и хотя бы на время отвлечь внимание слушателя от своего уродства. В то же время Башшару были свойственны глубокие, искренние чувства и пылкая страсть — ими проникнуты его стихи, в которых он любыми способами стремится выразить свою страсть; поэтическое мастерство помогало Башшару найти множество средств для выражения своих чувств, помогало ему завуалировать их подлинную природу, однако и эта попытка маскировки не могла скрыть необыкновенно бурной страстности чувств, бушевавших в его душе.

Воображение поэта. Воображение Башшара было развито не очень сильно, очевидно, слепота ограничивала полет фантазии поэта, однако его поэтическое чутье, обостренность чувств и постоянная настороженность, которыми отличаются слепые и благодаря которым они постигают красоту во всех ее тонкостях и умеют во всем ее находить, помогали Башшару создавать оригинальные, великолепные образы, придавать им яркость и выразительность.

Слепота до предела обострила способность Башшара к ощу-

щению; на ощущениях было сосредоточено все его внимание — он угадывал предметы по тончайшим оттенкам запахов, очень любил благовония, чутко прислушивался к тому, как реагируют его чувства на малейшее осязательное впечатление, улавливал по самой легкой вибрации голоса истинные и скрытые чувства. И каждый раз, когда он постигал с помощью своих ощущений какое-либо явление или предмет, он пытался воссоздать в своем воображении его яркий образ и наделял его таким смыслом, который редко придет в голову зрячему человеку. Так, он говорил:

Меня отвращают от любви Абды люди,
Сердца которых не похожи на мое.
Я сказал им: не мешайте моему сердцу избрать того, кого оно хочет,
Ибо тот, кто любит, видит сердцем, а не глазами.
Как могут глаза познать существо страсти!
Его могут услышать лишь уши, которым поможет в этом сердце.

Таким образом, поэзия Башшара свидетельствует не только об изощренности его фантазии, которая помогала ему создавать образы независимо от зрительного восприятия, но и (это особенно относится к его касыдам) о его реалистическом восприятии действительности; Башшар отобразил ее в своем творчестве не с помощью искусственно созданных образов, а с помощью передачи тончайших из своих ощущений, не боясь говорить и о том, что могло бы показаться обыденным.

Реализм — наиболее ценная черта большинства стихов Башшара; так же реалистично и поэтическое воображение поэта, однако порой этот реализм сводится к грубому натурализму, например тогда, когда Башшар подробно перечисляет постыдные подробности своих любовных походов.

Художественный вкус Башшара. Реалистическое восприятие действительности не лишило Башшара тонкого вкуса, которым он руководствовался, который не позволял ему идти на поводу у заказчиков и выполнять их капризы, а наоборот, давал ему возможность добиваться их благосклонности. Именно благодаря художественному вкусу Башшар сумел достичь в своих стихах необычайной гармоничности и художественного совершенства.

Таким образом, в Башшаре сочетались самые редкие черты поэтического таланта, и хотя он не достиг вершин гениальности, его можно назвать одним из наиболее выдающихся арабских поэтов.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО БАШШАРА

Как мы уже упоминали, Башшару принадлежит большая заслуга в обновлении методов поэтического творчества; однако если мы просмотрим его произведения, мы не найдем ничего

оригинального в логическом построении его стихов. Новаторство Башшара в арабской поэзии касалось в основном средств поэтического выражения: языка, стихотворных размеров и стиля.

Язык Башшара — это подлинный арабский язык во всем его богатстве и разнообразии, утративший под влиянием утонченного вкуса аббасидской эпохи свою архаичность. Башшар глубже, чем кто-либо другой из поэтов, сумел проникнуть в тайны арабского языка; к тому же при выборе наиболее уместных для каждого случая выражений он проявлял вкус истинного художника, благодаря чему в них всегда сочетались красноречие, строгость, они всегда были выдержаны в истинно арабском духе и в то же время свободны от излишней архаики, в них чувствовалось влияние утонченной культуры того времени. И хотя последнее наиболее характерно для тех его произведений, где он шел по пути обновления — для его лирики и сатиры, — то же самое можно отнести и к его произведениям, написанным в стиле древних поэтов, — к его пангирикам и самовосхвалениям. В первых он подбирает простые выражения и словосочетания, принося им в жертву красноречие и чистоту языка, благодаря чему его стихи становятся общедоступными, во вторых — подражает древним поэтам в строгости изложения, совершенствуя лишь тяжелые, устаревшие формы. Однако и в тех и в других Башшар широко пользуется знаниями всех тайн и богатств арабского языка.

Поэтические размеры. То же самое следует сказать о форме и размерах стихов Башшара — одни из них представляют собой тонкую цепочку бейтов, совершенную по легкости и изяществу, безупречную по четкости построения, другие отличаются строгостью построения, высоким стилем, последовательностью, плавностью изложения и красотой. И в тех и в других ясность сочетается с силой, а изящество — со строгостью; Башшар глубоко чувствовал тончайшие скрытые оттенки музыки стиха, она звучала в каждом слове, которые сливались в единое гармоническое целое. Мелодичность, напевность придает прелесть легкой грусти любовной лирике Башшара, пламенную восторженность его восхвалениям, силу и остроту разящей насмешки его сатирам; каждый бейт его произведений полон жизни, каждое слово, каждый слог имеют самостоятельное звучание и занимают определенное место в общей музыкальной теме произведения.

Яркость образов. Еще больше живости придает стихам Башшара яркость образов и утонченность сравнений, в которых проявляется его изысканное воображение городского жителя. Он пользуется этими средствами художественного выражения весьма сдержанно, умеренно и лишь по необходимости, руководствуясь в этом своим вкусом; все это помогает ему довести свое произведение до совершенства.

Башшар — вождь движения обновления в литературе. В вопросе оценки творчества Башшара критики придерживаются различных точек зрения. В древности одни считали его бесспорным вождем поэтов, другие — случайным гостем в поэзии. Среди современных критиков также есть и такие, которые превозносят его до небес, и другие, которые яростно нападают на него, не признавая почти никаких его достоинств. Однако объективный критик наших дней легко может увидеть, что, если даже Башшара нельзя назвать гениальным поэтом, его можно считать благодаря его таланту одним из наиболее выдающихся стихотворцев. Нельзя считать, что с ним не может сравниться никто из поэтов, и в то же время нельзя называть его бездарностью; правильнее было бы сказать, что он может занять достойное место в ряду наших великих поэтов.

Однако независимо от той или иной оценки необходимо сказать, что Башшару принадлежит одна огромная заслуга, значение которой нельзя отрицать: Башшар первый вышел за пределы традиционных тем арабской поэзии, которых слепо придерживалось большинство поэтов — предшественников Башшара; он укрепил связь литературы с жизнью и очень много сделал для совершенствования художественных методов, чем открыл широкий путь обновлению арабской поэзии. Ему принадлежат высокие образцы поэтического творчества, и если бы все аббасидские поэты последовали этим образцам, применив к ним свой талант, это позволило бы им создать еще более совершенные произведения, которыми они намного обогатили бы нашу арабскую поэзию. Однако, к сожалению, большинство из поэтов аббасидского периода впоследствии отошло от течения обновления и возвратилось к традиционным формам. Лишь небольшое число поэтов продолжало следовать за Башшаром. в их числе был Абу Нувас — верный соратник Башшара на поприще движения литературного обновления.

Абу Нувас (762—813) [145—198]

ЗАСТОЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ

Застольная поэзия в эпоху Абу Нуваса. Злоупотребление вином стало одной из самых характерных черт жизни изнеженного, жадного до развлечений аббасидского общества; увлечение это охватило весь мусульманский мир. Густая сеть винных лавок покрыла Багдад и его окрестности, караванные пути и пешеходные тропы, где вдали от взоров представителей властей и блюстителей порядка их посещали все — и мужчины и женщины, люди самых разных верований — язычники, иудеи, христиане; самых разных национальностей — персы, греки, римляне, набатейцы, курды, суданцы. Винные

лавки стали пристанищем бездельников, которые проводили там в пьянстве и увеселениях день, два, три, а то и целый месяц.

В стране было много христианских монастырей, расположенных вдали от городов и сел, в пустынях или на склонах гор, где монахи совершали религиозные обряды и молились своему богу в уединении, вдали от мирской суеты. И не было среди людей, отправлявшихся на охоту или просто на прогулку, такого, кто бы не преминул сделать крюк и не зашел в такой монастырь отдохнуть, тем более что благочестивые монахи славились своим гостеприимством и щедростью, а двери монастырей были открыты в любое время дня и ночи. Здесь бывало и молодое и выдержанное вино — монахи время от времени торговали им, чтобы заработать себе на пропитание, и подавали его любому гостю, кто бы их о том ни попросил. Постепенно число посетителей, приходивших с одной целью — выпить вина, — все увеличивалось.

Одну из таких компаний любителей вина возглавлял Абу Нувас, который часто посещал винные лавки и монастыри. Напиваясь, он воспевал в поэтической форме вино или описывал состояние опьянения.

Тема вина в арабской литературе. С незапамятных времен люди пили вино и прославляли его в песнях на всех языках. В арабской литературе также давно появились произведения, посвященные вину (*хамрийят*): среди доисламских поэтов мало было таких, кто не сочинял бы стихов на эту тему. Тарафа, Антара, Адий ибн Зейд аль-Аббади, а также многие другие поэты создали бейты о вине, которые стали затем знаменитыми, а Великий аль-Ааша воспевал вино и описывал состояние опьянения в большинстве своих произведений. Однако доисламские поэты не создали самостоятельного жанра винной поэзии, а просто вставляли описания вина в свои панегирики и самовосхваления; при этом они не шли дальше изображения цвета вина, его вкуса, форм сосудов и состояния опьянения. Таким образом, самостоятельного жанра винной поэзии в доисламскую эпоху не существовало. Затем наступила эпоха ислама, Коран запретил мусульманам употребление вина и застольные поэты умолкли. Теперь вино осмеливались пить только тайком. Так продолжалось до тех пор, пока к власти не пришли халифы омейядской династии; многие из них пили вино, особенно прославились этим халифы аль-Валид и Язид. Однако они тоже делали это тайно, скрываясь от людей, так как пьянство считалось пороком. Одним из самых знаменитых поэтов того времени, сочинявших стихи о вине, был аль-Ахталъ; благодаря тому, что он занял высокое положение при дворе халифа, он всем рассказывал о том, что пьет вино и сочиняет о нем стихи, и даже хвастался этим. Кроме него, следует отметить другого поэта той эпохи, аль-Валида ибн Язида — главу поэтов, вос-

певавших вино и распутную жизнь, общавшихся с зиндиками и неверными. Таким образом, застольная поэзия достигла в эпоху Омейядов высокого уровня развития, хотя она и тогда не выделилась в самостоятельный жанр и хотя тема вина не заняла в поэзии преимущественного положения среди других тем.

В эпоху Аббасидов, при которых, как мы уже видели, была провозглашена свобода нравов, число винных лавок и увеселительных заведений резко возросло; в результате многие стали предаваться безудержному пьянству. О том, разрешается оно или запрещается религией, было много споров. Некоторые поэты не только не ограничивали себя в вине, но и громогласно восхваляли пьянство, описывая, какое наслаждение оно доставляет.

Широкое распространение получило в то время и пение — звуки его наполнили дома и дворцы.

Этот образ жизни оказал определенное влияние на развитие литературы; среди поэтов появилось много любителей увеселений, и большинство из них прославляли в своих произведениях вино. Вождем этого направления поэзии и его выдающимся представителем, превзошедшим в своем искусстве и предшественников и потомков, был Абу Нувас.

ЖИЗНЬ АБУ НУВАСА

До нас дошло очень мало сведений о жизни абу Нуваса — к тому же все они весьма противоречивы и запутаны.

Детство и юношество поэта. Аль-Хасан Абу Нувас родился в Ахвазе — одной из деревень Хузистана, в Персии, около 762 [145] года. Отца его звали Гани; судя по одним источникам, он происходил из Дамаска и служил в армии Мервана — последнего халифа Омейядов, по другим — был персом. Мать поэта — Джуллубан — была персиянкой. Родители поэта были, по-видимому, людьми низкого происхождения, денег у них было мало, и жили они в бедности. Когда мальчику шел второй год (а по другим сведениям шестой), семья поэта переехала в Басру; этот город стал его второй родиной — он прожил там до тридцати лет. Когда мальчик немного подрос, отец отправил его к человеку, который научил его читать Коран. Детство поэта было нелегким, так как его отец умер рано и мать, измученная нуждой, отдала его в услужение торговцу благовониями, для которого мальчик собирал душистые травы.

В то время Басра была одним из самых крупных центров культуры и науки, по своему значению она уступала только Багдаду. В Басре жили многие выдающиеся ораторы и рассказчики (аль-Асман и Абу Убейда), ученые-грамматисты, знатоки Корана, языковеды и филологи (Абу Зейд аль-Ансари). Некоторые

Молодые люди приходили к этим ученым специально, чтобы учиться у них. Абу Нувас, хотя и служил в лавке рыночного торговца, сильно тяготел к литературе и науке. Он стал учиться у Абу Убейды и Халяфа аль-Ахмара — главы языковедов. Ему не было в то время и десяти лет, но он изучал науки не разгибая спины и не успокоился до тех пор, пока не стал всесторонне образованным человеком. Ибн Хилликан в своей «Истории» приводит следующие слова Ибн Наубахта: «Я не видел еще человека более образованного, чем Абу Нувас, не видел никого, кто мог бы так много запомнить, почти ничего не записывая». Говорят, что Халяф аль-Ахмар не позволял своему ученику сочинять стихи до тех пор, пока не заставил его сначала выучить наизусть большую часть стихов арабских поэтов, а затем забыть их.

Однако Басра была не только центром науки: в ней было много любителей развлечений, которые часто устраивали свои пирушки и все больше и больше развращали городскую молодежь. Абу Нувас, склонный по своему природному темпераменту к такому образу жизни, тоже стал участвовать в этих развлечениях, хотя был еще очень молод. Познакомившись с поэтом Валибой ибн аль-Хубабом, который прославлял в своих стихах разврат и пороки, Абу Нувас пристрастился к увеселениям еще больше; аль-Хубаб, восхищенный талантом молодого поэта и его умом, пригласил Абу Нуваса сопровождать его в Куфу, обещая познакомить молодого поэта с лучшими образцами поэзии и литературы. С тех пор молодой Абу Нувас стал повсюду сопровождать аль-Хубаба и его распутных друзей и постепенно перенял у него и пороки и стиль поэтического творчества.

Так и шло воспитание Абу Нуваса: развлечения не отвлекали его от наук, а науки не мешали предаваться распутству. Решив во что бы то ни стало постичь арабский язык во всех его тонкостях, он поселился на год в пустыне, где изучал язык ее коренных жителей. К тридцати годам он достиг полного совершенства в науках и литературе и его взор обратился к Багдаду — городу богатства, красоты, беззаботной жизни, где повсюду звучали стихи, где поэтов осыпали щедрыми дарами.

Абу Нувас, Бармакиды и род ар-Рабиа. Абу Нувас прибыл в Багдад около 795 [179] года, когда халифом был Харун ар-Рашид; здесь он стал приближенным Бармакидов, в чьих руках в то время была сосредоточена вся полнота власти, и стал прославлять их в своих панегириках, за что получал от них щедрые дары. Поссорившись с Бармакидами, Абу Нувас перешел на сторону знатного и богатого рода ар-Рабиа, соперничавшего с Бармакидами. С той поры он постоянно жил в Багдаде и посвящал этому роду большинство своих панегириков. Большую пользу ему принесли и другие его связи.

Абу Нувас и Харун ар-Рашид. В первые годы

своего пребывания в Багдаде Абу Нувас не осмеливался появляться во дворце и пытался стать приближенным халифа, так как его стихи и образ жизни приобрели исключительно дурную славу. Видимо, лишь после того, как в 804 [187] году Бармакиды были отстранены от власти и визирем стал аль-Фадль ибн ар-Рабиа, Абу Нувас предстал перед Харун ар-Рашидом и прославил его в касыде, сочиненной им в честь победы, одержанной в том же году халифом над Никифором¹. За этой касыдой последовало множество других, и в результате поэту удалось обратить на себя благосклонное внимание халифа. Вначале халиф даже приблизил к себе Абу Нуваса, однако в скором времени он отдалил от себя поэта, так как Абу Нувас допускал крайнюю вольность в поведении, погряз в пьянстве и разврате, забыл о боге, а Харун ар-Рашид придерживался строгих правил. Однажды, когда поэт осмелился высмеять в своих стихах племя Аднан и оклеветать в непристойных выражениях племя Курейш, халифу пришлось заключить его на длительный срок — почти на четыре месяца — в тюрьму. Естественно, что в тюрьме поэт тяжело страдал — ведь он привык удовлетворять малейшие свои прихоти и доставлять себе любые удовольствия. Поэтому он послал халифу из тюрьмы несколько касыд, в которых вымаливал себе прощение.

Абу Нувас и аль-Хасыб. Выйдя из тюрьмы, Абу Нувас всей душой стремился вернуться к привычному образу жизни и получить возможность снова сорить деньгами в поисках наслаждений. Так как денег у него совсем не осталось, он решил, что единственным выходом из его положения будет отъезд в Египет. В Египте поэт связал свою судьбу с эмиром аль-Хасыбом, возглавлявшим диван хараджа. Свое путешествие в Египет Абу Нувас описал в касыде, где рассказал о всех странах, через которые ему пришлось проезжать. Существуют различные предположения по поводу того, какое положение Абу Нувас занимал при аль-Хасыбе; известно лишь то, что он прославлял аль-Хасыба в своих панегириках, что аль-Хасыбу нравились и стихи поэта и его общество и что он щедро одарил его, чем и избавил поэта от денежных затруднений. Однако Египет не мог заменить Абу Нувасу Багдада, а подарки аль-Хасыба не удовлетворили его; поэтому он возвратился в Багдад и высмеял аль-Хасыба в своих стихах, обвинив его в скупоści.

Абу Нувас и аль-Амин. Абу Нувас знал аль-Амина, еще когда был учеником; аль-Амин любил и уважал поэта за доброту и мягкость его юношеской души. Поэтому Абу Нувас видел себя в мечтах придворным поэтом и личным другом аль-Амина, когда тот станет халифом. И вот его сокровенная

¹ Никифор I, византийский император, правивший в 802—811 гг.—
Прим. ред.

мечта сбылась: не успел аль-Амин стать халифом, как сразу же приблизил к себе спутника своей молодости, сделав его своим личным другом и придворным поэтом. Снова в жизни Абу Нуваса наступила полоса благоденствия; теперь у него было богатство, и ему стали доступны все наслаждения, к которым он так стремился. Благодаря старой дружбе между поэтом и халифом никогда не бывало разногласий по поводу стихов; любой бейт, который приходил поэту на ум, обязательно содержал хвалу халифу. Однако период такого благополучия поэта был недолгим — он продолжался, по-видимому, не более двух лет, до тех пор, пока не началась междоусобная война аль-Амина с его братом аль-Мамуном и до ушей аль-Амина не дошли слова, сказанные аль-Хасаном ибн Сахлем в Хорасане: «Каким может быть исход борьбы аль-Амина, если его поэт и друг говорит:

«О, напои меня вином и скажи мне, что это за вино.

И не делай из этого тайны, ведь это можно сделать и при людях?»»

Страх и опасения проникли в душу халифа, и он поспешил принять меры, чтобы рассеять недоверие к себе и успокоить умы. Он резко оборвал свою дружбу с Абу Нувасом и выразил ему свое гневное недовольство; обвинив поэта в безбожии, аль-Амин заключил его в тюрьму на три месяца, а когда поэт вышел из тюрьмы, халиф строго-настрого запретил ему прикасаться к вину.

Беспутная жизнь. Абу Нувас предпочитал жить в городах, прежде всего в Багдаде, где он мог вести жизнь, полную удовольствий, пьянствовать и предаваться пороку. Во всех увеселениях его всегда сопровождала компания кутил, вместе с которыми он посещал винные лавки, проводя там большую часть времени. Он получал в награду за свои стихи богатые вознаграждения и никогда не берег денег, наоборот, всегда тратил все, что у него было, на пирушки и забавы, и поэтому не раз оказывался в тяжелой нужде. В молодости Абу Нувас любил невольницу по имени Джинан, о которой он упоминает во многих своих произведениях, однако сердце его было занято не только ею, ибо он увлекался каждой красивой женщиной, которую встречал. Такой предельно распушенный и безнравственный образ жизни он продолжал вести до тех пор, пока не стал дряхлым стариком.

Смерть поэта. Когда в 813 [198] году аль-Амина убили, поэтом овладело отчаяние; он заметно опустился и часто стал думать о смерти. Он понял, что прожил жизнь бесполезно и дурно, раскаялся и прожил последние годы благочестиво. Умер Абу Нувас в Багдаде, когда ему был всего пятьдесят один год.

Аш-Шафай рассказывал о нем: «Когда я вошел к Абу

Нувасу и спросил его, что он сегодня сочинил, он произнес следующий бейт:

Велики мои грехи, но когда я сравнил их
С твоим милосердием, о Аллах, оно оказалось куда большим».

ЛИЧНОСТЬ И ОБРАЗ ЖИЗНИ АБУ НУВАСА

Абу Нувас был как бы самой природой создан для развлечений и для поэзии. Он был строен и красив, обладал нежной душой и веселым нравом и вдобавок ко всему отличался незаурядным умом. Он был высокообразованным человеком в области филологии и языка, хорошо знал индийскую и греческую медицину, астрономию, естествознание. Благодаря такому сочетанию физических и духовных качеств он был для многих желанным другом, приятным и интересным собеседником; Абу Нувас был поэтом в самом высоком смысле этого слова. И вместе с тем он был от природы распушенным человеком, а его легкомысленная жизнь в молодости еще более усугубила эту распушенность. С юных лет наслаждение было и его религией и его вероучением:

О мои наслаждения, наслаждения моей юности,
Наслаждения, которые никогда мне не надоедали!
Я наслаждался звуками лютни и арфы,
Но более всего предавался я пьянству.
Я сбросил с себя все покровы праведности
И воспевал в стихах своих распушенность,
Я достиг предела в своем бесстыдстве...

Абу Нувасу не были свойственны уравновешенность, благоразумие или терпение, которые позволили бы ему осознать все последствия своего беспутства и пойти по пути спокойной и праведной жизни, которая обеспечила бы ему вечное блаженство. Его характеру была свойственна беззаботность молодости, не покидавшая его до конца жизни. Он прожил большую часть своих дней, как ребенок, безответственно, избегая жизненных тягот и забот. Его мало интересовали общественные и политические события, как бы значительны они ни были. Он был чужд им и предавался забавам, посмеиваясь над всем, не примыкая ни к одной из группировок, ни к одному из политических или общественных направлений. Его религией были вино и чувственные наслаждения, он преклонялся перед всем, что умножало и разнообразило их, и, наоборот, питал отвращение ко всему, что было несовместимо с ними.

Он всегда стремился удовлетворить свою страсть к наслаждению именно в данный момент, не задумываясь над тем, к чему это приведет. Иначе говоря, он, подобно большинству любителей наслаждений, преклонялся перед естеством со всеми

его слабостями и причудами, не избегал и не стыдился ни одного из его проявлений, каким бы порочным или позорным оно ни было.

Он был откровенен и не хотел ничего скрывать, даже противоестественного, он стремился делать все только явно и открыто, несмотря даже на то, что иногда это влекло за собой позор. Он не приукрашивал естества и открыто признавался в любви к нему, считая, что подчинение его законам незачем скрывать.

Такое отношение к жизни определялось тем, что Абу Нувас был свободен, что он не занимал высокого положения, которое неизбежно заставило бы его притворяться. Поэтому он и не был скрытен — он не боялся открытого проявления своих природных склонностей, не стеснялся того, что они становились достоянием гласности, и часто повторял: «Брось притворство и лицемерие — на них далеко не уедешь!»

Путь к наслаждениям, к которым Абу Нувас так стремился, был не всегда для него легким, а результат — не всегда тот, какого он ожидал. Поэтому очень скоро Абу Нувас начал со всей страстностью и энергией молодости восставать против развращенности и распушенности. Однако и теперь винные пары он старался рассеять с помощью вина, а о раскаянии, следовавшем за наслаждением, старался забыть, снова отдавшись во власть наслаждений; все это ослабляло его нервы, притупляло мысль. Может быть, на некоторое время ему и удавалось уйти таким образом от жизненных забот, но он сознавал, что за внешним весельем скрывает глубокий внутренний пессимизм; он говорил:

Бери у людей отчаяние,
Ибо богатство в отчаянии.

И потому, когда поэтом неожиданно овладевали мысли о дальнейшей своей жизни, о ее конечной цели, он видел перед собой мрачную перспективу — смерть, которой никто не в силах избежать. Тогда Абу Нувасом овладевали приступы страха перед смертью, он начинал видеть жизнь во всей ее сложности, начинал искать пути примирения своего праздного существования с религией и находил его в твердой вере во всепрощение Аллаха:

Не ограничивай себя в вине, пей вволю,
Ведь, как только ты встанешь на праведный путь,
Ты заслужишь прощение Аллаха — ведь
Прощение создано для тех, кто ошибается. —

Обретя такую уверенность, он бесстрашно поддавался всем самым крайним жизненным соблазнам. А того, кто пытался остановить его, опровергая его уверенность во всепрощении, он способен был возненавидеть, даже если этот человек и был его

другом. Так, например, ан-Низама, шейха мутазилитов, который упрекал поэта за его образ жизни и утверждал, что за свои грехи тот будет гореть в вечном огне, Абу Нувас высмеял вместе с его ученостью в следующих стихах:

Перестань упрекать меня, ведь упреки — это соблазн.
Лучше бы ты вылечил меня настоящим лекарством;
А тому, кто претендует на знание философии, я скажу вот что:
Ты запомнил что-то одно, а остальное все прошло мимо тебя;
Не забывай, что нужно прощать того, кто погряз в грехе,
Не признавать этого — значит идти против веры.

Из тех же убеждений Абу Нувас никогда не богохульствовал, хотя основных заповедей религии тоже никогда не выполнял. Если он и не был благочестив, он все же всегда стремился остаться правоверным мусульманином; когда силы изменили ему и он почувствовал близость конца, он всей душой обратился к религии. Таков моральный облик Абу Нуваса; смыслом всей его жизни было наслаждение, которое он всю жизнь старался примирить с тем, что его должно было от этого наслаждения увести.

ТВОРЧЕСТВО АБУ НУВАСА

Произведения поэта. Абу Нувасу принадлежит сборник стихов, неоднократно издававшийся в Бейруте и в Египте. Сборник содержит около 12 тысяч бейтов, составляющих 12 разделов. В основном они посвящены вину и развлечениям. В сборнике представлены панегирик (*мадх*), элегия (*риса*), сатира (*хиджа*), любовная лирика (*газаль*). Среди них много описаний охоты (*тардийят*) и др.

Достоверность принадлежности стихов Абу Нувасу. Известно, что Абу Нувасу приписывается много стихотворений, на самом деле ему не принадлежащих, особенно это касается его стихов о вине, многих из его лирических стихов, описаний охоты.

Объяснить это можно тем, что он был очень популярен и считался непревзойденным мастером застольной поэзии, поэтому вокруг его имени создавалось множество легенд и ему приписывались стихи, происхождение которых было неизвестно. В то же время многие из его стихотворений оказались утерянными, так как Абу Нувас сам не записывал своих стихов — их записали спустя 30—40 лет после его смерти.

Можно полагать, что большинство слабых стихов приписано ему несправедливо либо же они созданы им экспромтом во время пирушек и увеселений.

Новые жанры. Следуя по стопам Башшара ибн Бурда, Абу Нувас хотел, чтобы поэзия отражала жизнь, чтобы между литературой и действительностью не было противоречия. Поскольку такой взгляд на поэзию отличался от взгляда большинства прежних поэтов, особенно подражателей, Абу Нувас может считаться, так же как и Башшар, новатором. Однако взгляды этих двух поэтов, которых можно считать вождями движения обновления в литературе аббасидского периода, расходятся в следующем: Башшар ибн Бурд был новатором постольку, поскольку он следовал духу своего времени, Абу Нувас же был новатором по своему твердому и сознательному убеждению; его новаторство имело определенные цели, и он следовал в нем определенным законам, отстаивая их и борясь против всего, что ему мешало.

Традиционные жанры. Оба этих поэта сходны в своем отношении к традиционным жанрам. В угоду власть имущим и ради сближения с ними Башшар и Абу Нувас стремились подражать древним поэтам в стиле и содержании своих произведений. Они делали это потому, что сближение с придворными кругами давало им средства к существованию и обеспечивало им легкую и беззаботную жизнь. Не надо забывать и о том, что древняя арабская культура, лежавшая в основе воспитания обоих поэтов, тоже оказала влияние на склад их ума и потому их подражательство могло быть иногда и произвольным. Прежде чем обратиться к творчеству Абу Нуваса, в новых жанрах и в первую очередь к произведениям того жанра, в котором он остался непревзойденным поэтом, — жанра застольной поэзии, мы рассмотрим его традиционные произведения.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЖАНРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АБУ НУВАСА

Побудительные мотивы. К традиционным жанрам Абу Нувас прибегал только в силу необходимости. Этот компромисс всегда вызывал в нем раздражение, и создание таких произведений всегда стоило ему больших усилий; однажды в начале одного из своих панегириков он даже не побоялся сказать следующее:

Пусть стихи о тебе бредут по следам покинутых стоянок и по холмам
пустыни,

Ведь ты так редко нуждаешься в описаниях вина.

Власть имущий заставляет меня описывать следы стоянок,

И я связан необходимостью выполнить его повеление.

Я покорно подчиняюсь твоей воле, о повелитель,

Хотя ты и взвалил на меня непосильную задачу!

Ценность этих произведений. После того как мы сказали, что Абу Нувас прекрасно знал древнюю арабскую ли-

тературу, великолепно владел арабским языком и обладал большим поэтическим талантом, излишни доказательства того, что он был и блестящим подражателем. Его панегирики были очень похожи на хвалебные оды древних поэтов, особенно на стихи поэтов омейядского периода. Он начинал их плачем над развалинами стоянки или притворными лирическими излияниями, воспоминаниями о тех, кто отправился в путь, а иногда и описанием верблюдницы и только после этого говорил о том, кого восхвалял. Он приписывал восхваляемому обязательные для традиционных стихов черты: благородство происхождения, щедрость, родство с пророком, роль наместника бога на земле, — преследуя при этом лишь одну цель — получение вознаграждения.

Все эти стихи отличаются слабой логической связью, высоким стилем и очевидным преувеличением в выражении чувств, написаны они в размере *тавилъ*. Если же Абу Нувас замечал проявление симпатии и дружбы со стороны того, кого он славил, он не отказывал себе в удовольствии адресовать ему более свободные и естественные стихи; такими, в частности, были его стихи, посвященные аль-Амину.

Немногочисленные элегии Абу Нуваса (*писа*) мы также имеем основания отнести к его подражательной поэзии. То, что Абу Нувас прибегает в элегиях к искусственности и подражательству, не удивительно. Ведь он принадлежит к числу тех поэтов, которые не могли создать выдающихся произведений в этом жанре: всю жизнь он бежал от печали, и страсть к наслаждениям и удовольствиям в конце концов вытеснила из его сердца всякое чувство сострадания.

Необходимо сказать, что и в целом поэзия Абу Нуваса, так же как и поэзия Башшара, не свободна от элементов подражания; оно проявляется в использовании традиционных сюжетов, повторявшихся у многих его предшественников. Если мы проанализируем большинство его произведений, будь то описание (*васф*), самовосхваление (*фахр*), сатира (*хиджа*) или другие, мы обнаружим в них как элементы нового, так и традиционные черты и заметим колебания поэта между этими двумя направлениями, однако новое всегда брало в его произведениях верх над традиционным.

АБУ НУВАС— ПОЭТ-НОВАТОР

Побудительные причины новаторства. Абу Нуваса, так же как и Башшара, привели к новаторству как внешние, так и внутренние причины.

Новая жизнь разбивала оковы старого, предоставляла большую свободу творчеству, вела наступление на традиции, а в Абу Нуваса всегда жило стремление к независимости, к оригинальности.

В аббасидском обществе царили распущенность, свобода нравов, цинизм, а Абу Нувас был по природе склонен к такому образу жизни.

Политическую жизнь того времени определяла борьба между арабами и другими народами, особенно персами. Одну сторону представляли приверженцы арабов, другую — шуубиты. В Абу Нувасе текла персидская кровь, таким образом, считалось, что он человек низкого происхождения, поэтому его не связывали расовые привилегии, и ничто другое, кроме выгоды, которую ему сулили, не определяло его симпатий к той или иной из группировок. Завоеванные арабами народы, особенно персы, вели более свободный образ жизни, жили в роскоши, проводили время в развлечениях, развивали и поощряли различные виды искусства. Строгое арабское мышление, цепко придерживающееся традиций и предпочитавшее все старое, ничего этого не хотело понимать. Абу Нувас, больше кого бы то ни было ненавидевший традицию и все искусственное, всю косность бедуинского духа, стремился к жизни в роскоши и к развлечениям больше других.

В науке и философии господствовали новые взгляды и направления, совершенно неизвестные древним арабам; Абу Нувас увлекался новыми течениями в области наук и философии.

Свобода проникла и в область религии, что было невозможно в предшествующую эпоху: появилась свобода личного толкования религии. Абу Нувас, которому религия была очень нужна, больше других нуждался в этой свободе и возможности толкования ислама. Таким образом, характер общественной жизни того времени как нельзя более соответствовал внутреннему миру и наклонностям Абу Нуваса.

Абу Нувас был поэтом и, если бы хотел, мог бы придерживаться того пути, по которому шло большинство его предшественников, то есть принять новый уклад жизни, но остаться подражателем в поэзии, однако его искренность, его свободолюбивая душа увели его от этой двойственности. Новаторская поэзия Башшара неизбежно должна была оставить след в душе Абу Нуваса и оказать влияние на все направление его поэзии; поэтому он, так же как и Башшар, стремился приблизить свою поэзию к жизни и, применив в ней новые средства, создать подлинную картину жизни своего времени, со всем тем новым, что было для него характерно.

Но и этим Абу Нувас в своем стремлении к обновлению не ограничился; он не только создавал прекрасные образцы нового стиля, но стремился защищать это новое, выделять его особенности и восхвалять их. В то же время он нападал на традиционную поэзию, на весь старый уклад жизни арабов, изображая их с ядовитой иронией.

Элементы новаторства в поэзии Абу Нуваса. Сатира (*хиджа*). Очевидно, Абу Нувас не имел естественной

склонности к сатире и не отличался мстительностью, свойственной большинству поэтов-сатириков, которые получали удовольствие лишь тогда, когда бичевали пороки, критиковали все и вся и злословили. Если другим сатирикам страсть к вину давала возможность вводить в сатирические произведения бесстыдные и позорящие врага сцены, Абу Нуваса она на это не вдохновляла. Однако иногда Абу Нувасу приходилось обращаться к сатире; обычно он прибегал к этому жанру, защищая какое-либо политическое направление или литературное убеждение, оспаривая точку зрения противника. Он часто адресовал свои сатиры арабам вообще, восставая против мировоззрения древних арабов.

Иногда он высмеивал господствующие или влиятельные семьи или ругал арабские племена, особенно низаритов, нанося для каждого из них острые и ядовитые выражения; иногда он обрушивался на мировоззрение древних арабов-бедуинов, разоблачая его бессмысленность и ограниченность. Он порицал их косность и грубость, жалкий, внушающий отвращение образ их жизни. Он говорил об отсутствии здравого смысла в идеях тех, кто проповедовал этот образ жизни.

Один из видов его сатирических произведений, в основном политического характера, выражает его симпатии к персам и пренебрежение к арабам. Второй вид его сатиры — это вступления к его стихам о вине; здесь он во всеуслышание заявляет о своей приверженности к новому образу жизни, жизни в роскоши и удовольствиях, о своем презрении к тем, кто этой жизни не знает или знает, но все же воспекает тяжелую жизнь бедуинов.

В других сатирических стихах Абу Нувас высмеивает тех, кто не оценил его поэтического дара, тех скупцов, которые не вознаградили его должным образом за его панегирики и не дали ему столько денег, сколько ему было нужно для его развлечений и пирушек.

Наконец, среди его сатирических произведений есть юмористические стихи, которыми он развлекал своих друзей и сотрапезников, в которых посмеивался над соперниками. Хотя Абу Нувас никогда не был мстительным, его язык был остер и даже ядовит.

Необходимо заметить, что сатира Абу Нуваса не отличалась принципиальной новизной. Стиль, избранный им для большинства его сатирических стихотворений, характеризуется преувеличенными оскорблениями, цинизмом, поношением обычаев различных племен и меткими выражениями — это стиль Джарира, которому подражала группа его поклонников, а в их числе и Абу Нувас. Однако его сатира отмечена и некоторыми чертами нового; оно проявляется в его явном издевательстве над арабами и их складом ума, в призыве к наслаждениям и легкой

жизни, в восхвалении представителей других народов, в частности персов, а также в изяществе стиля, которым отличалась подчас его сатира. В плавных и легких выражениях его сатирические стихи обличали пороки тех, кого высмеивали, больно жалили, были полны изящных колкостей, коварства, были остры и быстро запоминались; благодаря этому они были у всех на устах и тот, против кого они были направлены, становился всеобщим посмешищем.

О п и с а н и я о х о т ы (*тардийят*) не были новы для арабов, но до Абу Нуваса они еще не выделились в отдельный жанр, а входили, подобно стихам о вине, в большинстве случаев в главную часть касыды любого содержания; обычно они были очень краткими, их объем редко превышал несколько бейтов.

Абу Нувас уделял этому жанру особое внимание, так как пользовался покровительством эмиров, большинство которых увлекалось охотой. Поэт отправлялся на охоту вместе с ними и возвращался с богатым и разнообразным запасом впечатлений, которые он использовал потом при описании собак, дичи, охотничьего снаряжения и многого другого, что можно увидеть на охоте. Плодом таких поездок явились касыды с рассказами о веселом времяпрепровождении, где поэт подробно, в необыкновенно красочных описаниях изображал охоту, достигнув при этом такого мастерства и совершенства, какого никому, кроме него, достичь не удавалось. Абу Нувас применил в описаниях охоты блестящие средства поэтического выражения, использовал в них и метафоры, и необычные сравнения, в которых отразилась вся утонченность культуры его времени.

Охотничьих касыд, принадлежность которых Абу Нувасу бесспорна, насчитывается свыше тридцати; большинство из них написано в размере *раджаз*. Они не свободны от архаизмов и некоторого однообразия, в них много непонятных выражений.

Стихи на темы о благочестии — *зухдийят* — так принято называть те немногочисленные касыды, которые Абу Нувас создал в последние дни жизни, когда старость и слабость лишили его возможности развлекаться, когда страдающий поэт познал всю глубину своих прегрешений и, почувствовав приближение второй жизни, испугался ее мрачного видения.

Зухдийят — аскетические, благочестивые стихи Абу Нуваса — весьма далеки от доисламских *зухдийят*, известных нам по истории арабской поэзии, от тех в большинстве своем сухих наставлений и искусственных проповедей, которые не имели должного воздействия на людей потому, что редко были — продиктованы глубокими чувствами.

Зухдийят Абу Нуваса — это искренние стихи-песни, в печальных мелодиях которых слышатся стоны страдающего сердца, страх и раскаяние. При всей своей немногочисленности это лучшие стихи Абу Нуваса, наиболее тонкие, глубоко прочув-

ствованные, трогательные, правдивые. Они достойны упоминания в числе лучших образцов арабской песенной поэзии.

Любовная лирика (газаль). Характер Абу Нуваса, его склонность к легкой жизни, стремление к смене удовольствий — все это лишило его возможности познать истинную любовь, и потому его стихи о любви отличались искусственностью. Если в некоторых произведениях этого жанра Абу Нувас и достиг художественного совершенства, это совершенство не может скрыть неискренности его чувств.

Абу Нувасу принадлежит другой вид лирики, почти новый в арабской литературе, потому что он рассказывает о новом явлении в жизни аббасидского общества. Мы говорим о произведениях, воспевающих женоподобных юношей, не в меру эlegantных и разряженных, развязных изящных рабынь, переодетых в мужское платье и принимающих участие в литературных диспутах, занимающихся поэзией и музыкой. Поэт развлекался с этими девушками и потому писал о них. Он посвящал им стихи, которые были столь же изящны, безнравственны и циничны, как и сами рабыни, стихи, которые отличались внешней красотой, но не были отмечены ни подлинным чувством, ни истинной красотой.

В то же время стихи, посвященные юношам, Абу Нувас создавал под влиянием искренних чувств, и потому они были воплощением изящества, живости, страсти, свидетельствовали о большом художественном мастерстве поэта и отличались музыкальностью; написаны они были размером *вафир* («полный»). В результате он заслужил славу одного из основоположников этого вида лирики и лучшего его представителя, однако слава эта позорна, потому что большинство его стихов на эту тему говорят об извращениях и пороках, циничны, содержат много непристойностей. И сколь бы велико ни было художественное мастерство поэта, оно не может заставить забыть об отвратительном содержании этих стихов, которое не позволяет называть их произведениями подлинно высокой литературы. Несомненно, что это направление творчества знаменитого поэта было, как сказал Ахмед Хасан аз-Зият, «преступлением против литературы и мрачным пятном в истории арабов».

Застольная поэзия (хамрийят). Абу Нувас — непревзойденный мастер застольной поэзии, вино — вот истинная дама его поэзии. Здесь проявился его талант новатора, благодаря которому он возвысился и над своими предшественниками и над последователями. Абу Нувас был вождем тех, кто пил вино, и тех, кто его воспевал; он создал в арабской литературе самостоятельный жанр застольной поэзии и достиг в нем совершенства.

Вино было его идолом, которому он поклонялся, ради него он поступался заповедью религии, и его не могли остановить ни запрет, ни осуждение; каждого, кто любил вино, Абу Нувас

считал благородным и достойным уважения человеком, представителем нового направления, освободившимся от пут прошлого и от его идеалов.

Поклоняясь вину, поэт вкладывал в него живую душу. Его любовь к вину была так же сильна, как и воздействие вина; поэт любил все, что было связано с вином, все, что напоминало о нем; эта страсть была настолько сильна, что стала как бы частью его существа. Без вина жизнь теряла для Абу Нуваса свою прелесть, и, если вина не было, он не видел в жизни смысла. Вино владело его сердцем, телом, чувствами, было предметом его земных вожделений, лекарством от всех бед и огорчений.

Страсть Абу Нуваса нашла поддержку у нескольких его друзей, для которых вино тоже было радостью жизни. Поэта постоянно окружала компания любителей увеселений, он не стеснялся своего образа жизни, не интересовался ничем, не задумывался ни о своих словах, ни о том, что делает, над всеми насмехался, презирал всех и вся. И он и его друзья стремились в жизни лишь к наслаждениям, видели мудрость жизни лишь в том, чтобы не упустить момента, когда они смогут вкусить сок виноградных гроздьев. Они хотели, чтобы вино было совершенным по вкусу, возможно более крепким и текло непрерывной рекой, чтобы они пили его столько, сколько могли. Стремясь удовлетворить свои желания, они скрывались от глаз стражи, отправлялись в места шумных увеселений, рассеянные по всему Багдаду и его окрестностям, встречались под открытым небом в садах, виноградниках, в домах друг у друга и пили, пили средь бела дня и при вечернем мраке, а чаще всего уже на исходе ночи.

На таких пирушках царило веселье и радость, звучала музыка, музыка весны и жизни — журчанье воды, щебетанье птиц, — и песни, которые исполняли красавицы рабыни под аккомпанемент различных музыкальных инструментов; от волшебных зрелищ захватывало дух, разбросанные повсюду душистые травы наполняли воздух одуряющим ароматом. Хмельное веселье продолжалось день, два, три, а то и месяц, и тогда пили уже не бокалами или чашами, а большими кубками, поглощая ритль за ритлем¹.

Стиль застольной поэзии и ее ценность. Воспринимая жизнь реалистически, Абу Нувас стремился в своих стихах о вине воспевать только реальные ощущения, опираясь при этом лишь на собственное восприятие, описывая опьянение так, как он переживал его сам.

Поскольку он не только поклонялся вину, но и питал к нему истинную страсть, он изучал и применял в описании вина все слова и выражения, которые только могли помочь ему расска-

¹ Ритль — мера веса, равная примерно 400 граммам. — Прим. ред.

зять о его виде, аромате, вкусе и воздействии на чувства и душу человека.

Вид вина радует волшебными оттенками: здесь и красное вино — кровь виноградных гроздьев, — в котором смешались цвета яхонта, агата, драконовой крови и пурпура, все цвета: от темно-красного до желтого или бледно-зеленого; здесь и белые вина цвета шафрана и золотистого — такого, что с ним не могло бы сравниться и само золото:

Вино — словно золото, расплавленное в бокале,
Как море, бурлящее от глаз китов.

Вино имеет цвет огня и искрится, как огонь, а если налить его в бокалы, оно засверкает, как яркий светильник, засияет, как звезды, запылает, как солнце:

Зажжешь светильник и нальешь вино — и спутаешь их,

Ибо вино освещает дом, как огонь,

И, хотя мы знаем (где вино, а где огонь), мы начинаем сомневаться и спрашиваем:

«Что это? Наше вино — огонь или наш огонь — вино?»

А если смешаешь вино с водой, оно запенится, забурлит и заискрится.

Обонянию доставляет наслаждение прекрасный аромат вина, его запах — это запах мускуса, и благодаря ему вино оживляет душу раньше, чем тело.

И, наконец, о вкусе: вино приятно на вкус и обжигает так же сильно, как перец; чем старше вино, тем оно приятней, поэтому Абу Нувас мастерски описывает старое вино:

Из молодого вина можно сделать все,

Что пожелаешь,

Но из него можно сделать и старое вино, —

Когда его пьешь, оно кажется невесомым,

А когда на него смотришь, оно искрится так,

Как пылинки искрятся в солнечных лучах.

Опьянение приносит наслаждение душе и телу, оно подобно выздоровлению после болезни, оно прогоняет печаль, заглушает боль, заставляет забывать о горестях жизни.

Описание вина и его воздействия на людей Абу Нувас дополнял описаниями виноградников, способов приготовления вина, винных лавок, персидских чаш с рисунками, виноторговцев, виночерпиев, друзей по пирушкам и певич, поэтому его стихи о вине удовлетворяли всех, кто искал в них пищу для ума и фантазии.

Вдохновляли поэта на эти стихи прежде всего его любовь и пристрастие к вину, чувственное восприятие всего, что с ним связано, и, кроме того, творческое наследие поэтов прошлой эпохи, в первую очередь аль-Ааши и аль-Ахталя. Абу Нувас

использовал многие нововведения своих предшественников, поэтому мы находим в его произведениях все, что было создано аль-Аашей, аль-Ахталем и другими поэтами, воспевавшими вино. Однако благодаря глубине и разносторонности своих познаний Абу Нувас, вдохновленный в своем творчестве запретом вина религией, сумел внести в застольную поэзию то новое, что позволило ему занять особое место как среди поклонников вина, так и среди его поэтов. Стихам Абу Нуваса о вине придают особое очарование живость, естественность описаний, яркость языка, откровенность и правдивость — все это порождение искренности чувств поэта. В этих стихах поэт изливает свою душу, в них проявляется его высокое художественное мастерство и поэтическое своеобразие; необходимо также сказать о легкости изложения и музыкальности стихов о вине, которых поэт достигает благодаря простоте изложения, изяществу поэтического размера и рифмы.

Таким образом, стихи Абу Нуваса о вине, несмотря на то, что среди них есть и слабые (это касается тех, которые могут считаться приписанными ему, или тех, которые создавались им экспромтом во время пирушек и увеселений), имеют большую литературно-художественную ценность и являют собой правдивый образ души поэта; они также дают нам представление о той распушенности, которая царила в Багдаде в дни жизни поэта.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТАЛАНТ АБУ НУВАСА

Абу Нувас отличался редким поэтическим талантом; некоторые из его произведений свидетельствуют о такой одаренности, которая позволяет назвать их гениальными и ставит поэта на почетное место среди крупнейших мастеров арабской поэзии.

Разум. Самые прекрасные из его достоинств — это светлый ум, тонкое чутье, богатое творческое воображение; благодаря этим качествам Абу Нувас умел с первого взгляда проникать в суть явлений. К этим достоинствам добавлялась широкая образованность, а также богатый жизненный опыт поэта, приобретенный им в результате наблюдений, общения с самыми разными людьми; необходимо сказать и о его веселом от природы характере, который не раз толкал его на самые неожиданные выдумки.

Воображение. Но поистине самым ценным вкладом в арабскую поэзию являются великолепные образы, созданные поэтом; ему помог в этом его проницательный глаз, от которого ничто не ускользало, и достойная удивления сила воображения:

Я продолжаю осторожно извлекать дух из кувшина
И упиваться его кровью, текущей из продырявленного чрева,
До тех пор, пока не отвернусь, и вот — дух во плоти,
А кувшин валяется на земле — он плоть, лишенная духа.

Прекрасные образы компенсируют тривиальность содержания, которая особенно свойственна традиционным стихам; это можно увидеть на примере следующих двух строк хвалебного стихотворения:

Поистине ты — дар, никогда не утомляющий,
В тебе стонет и жалуется охрипший глас богатства.

В создании этих фантастических картин Абу Нувасу помогло искусство олицетворения неодушевленных предметов, он вселял в них жизнь, говоря о них так, будто они люди, которые могут чувствовать, волноваться и выражать свои чувства:

Вот котелок ар-Ракаим; о нем говорят,
Что все, кроме огня, относятся к нему плохо.
И он жалуется своим соседям, когда встречается с ними:
«Сегодня уж год, как я не знаю влаги».

Однако изобразительный талант Абу Нуваса и его тонкая наблюдательность с особой силой проявлялись не столько в этих фантастических образах, сколько в его умении описывать блестящие зрелища, создавая необыкновенно красочные картины. Ярким примером своеобразия его изобразительной манеры и необыкновенной впечатляющей силы его стихов являются описания вина. Нельзя не сказать и об одной странности в творчестве Абу Нуваса: мы говорим почти о полном отсутствии торжественности в его описаниях красот природы, в частности великолепия садов, где чаще всего проходили хмельные увеселения. Если же он и описывал когда-либо природу, то это был лишь беглый набросок, нечто вроде вступления или обрамления повествования; она не волнует поэта, и он быстро переходит к теме, которая представляется ему единственно достойной внимания, — теме вина, всецело владеющий его интересами и заставляющей забыть обо всем прочем.

Чувства. Разумеется, легкомысленная жизнь лишила чувства Абу Нуваса глубины и силы. Но при всей их примитивности поэту было свойственно тонкое восприятие самых скрытых и сладких ощущений, постоянное страстное стремление к новым наслаждениям, обостренное восприятие красоты, прославление всего прекрасного, искренность, не лишенная иногда (в описании душевных переживаний и радостей) наивности, — все это придавало его стихам очарование изящества, живости и делало их очень приятными, а шуточный, игривый, насмешливый тон, свойственный большинству его стихов, придавал им еще большую изысканность, они становились для всех любимыми и близкими сердцу. Разумеется, когда мы говорим о шутовском тоне, мы не имеем в виду его циничных стихотворений — в большинстве их он настолько опустил, что мы не можем даже считать их произведениями художественной литературы

Как бы ни были прекрасны образы в стихах Абу Нуваса, как бы ни был он искренен в своих душевных переживаниях, в целом он ограничивается лишь тем, что дают ему реальные ощущения, и не пытается придать своим стихам глубокий внутренний смысл. Он возбуждает в читателе чувство радости и восторга, заставляет его восхищаться, но редко открывает перед ним те широкие горизонты вдохновения, которые позволили бы ему перейти за грань чувственных ощущений, как это было свойственно другим великим поэтам. Поэтому его песни редко вызвали в душе читателя те чувства, которые способны волновать еще долго после того, как касыда прочитана; об этом же говорит и профессор Марун Аббуд:

«Стихи Абу Нуваса представляются мне колоколом, который перестает звучать сразу же, как только в него перестают бить, в противоположность тем колоколам, которые еще долго после этого звучат, привлекая тем самым слух. Мне представляется, что Абу Нувас — тело, лишенное души или обладающее такой душой, у которой нет будущего; она служит лишь веселью и развлечениям, и поэт никогда о ней не думает, занятый лишь вещами, реально ощутимыми».

Исключение составляют его аскетические стихи — *зухдийят*, которые, как мы уже говорили, занимают особое место не только в творчестве Абу Нуваса, но и во всей арабской лирической поэзии.

В целом мы можем охарактеризовать поэзию Абу Нуваса как поэзию субъективную, поскольку она несет печать его личности и поэтического таланта и, ограничиваясь этим, отображает личность и талант поэта с той искренностью и своеобразием, которые были для него весьма характерны. Поэтический талант Абу Нуваса был совершенно свободен, и его творчество никогда ничего не связывало, исключение составляют лишь редкие произведения, созданные по необходимости, например панегирики.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО АБУ НУВАСА

Тщательность. Абу Нувас обрабатывал свои стихи, особенно стихи о вине, с необычайной тщательностью. Он был художником, обладавшим тонким вкусом; процесс творчества всегда доставлял ему радость, и он бывал доволен лишь тогда, когда достигал в нем совершенства. Он мог создавать стихи лишь тогда, когда его душа и разум были спокойны. Особенно его интересовали состояния души, требовавшие изобилия художественно-изобразительных средств, из которых он стремился отобрать все наиболее красивое и стройное, отбросив все банальное и лишнее; возвращаясь снова и снова к созданному произведению, он старался очистить его от всего, что лишало его художественной красоты.

Разнообразие. Благодаря тщательной художественной обработке Абу Нувасу удавалось избежать назойливого повторения, сухости и подражательства. Повторения и сухость, правда, могли стать для него неизбежными в силу однообразия тематики; например, если бы не мастерство, все его стихи о вине могли бы быть похожи друг на друга; однако он предвидел эту опасность и избежал ее благодаря характерному для его стихов разнообразию содержания, в чем ему помог изощренный ум, благодаря обилию образов, подсказанных незаурядным воображением, благодаря разнообразию фантастических картин, метафор и др. Необычайно разнообразен и стиль его произведений: поэт пользуется то описательным, то ораторским, то лирическим, то повествовательным стилями. Однако преобладающим для поэзии Абу Нуваса является повествовательный стиль; в нем поэт выступил как новатор, и в его свободном и широком течении выявилось все духовное богатство поэта.

Язык. Необычайно богатым был и язык Абу Нуваса; поэт мог выразить любую мысль, создать любую картину и никогда не испытывал при этом никаких затруднений. Как мы уже знаем, Абу Нувас великолепно владел арабским языком, обучившись ему у его истинных носителей. Познав все особенности языка, он умел пользоваться им во всем богатстве его разнообразия. Язык поэта был степенным, красноречивым, возвышенным в панегириках и стихах об охоте, лаконичным и легким в любовной лирике, мягким и предельно ясным в стихах о вине, в юмористических стихах.

Поэтические размеры. Как и язык, поэтические размеры в творчестве Абу Нуваса необычайно разнообразны, и поэт прекрасно ими владеет. Абу Нувас умел пользоваться самыми различными поэтическими формами, употреблял все поэтические размеры, поражая всех многообразием их и плавностью. Разнообразие размеров объяснялось разнообразием жанров, представленных в творчестве Абу Нуваса, для каждого из которых он избирал соответствующий размер: спокойный и размеренный в панегирике, *раджаз* в охотничьих стихах, степенный и краткий в аскетических стихах, изящный, игривый и гибкий в стихах о вине.

Плавность особенно характерна для коротких размеров, используемых поэтом в ораторском, лирическом и повествовательном жанрах. Несомненно, Абу Нувас был в этой области одним из новаторов, причем наиболее искусным из них — он один из первых освободил арабскую поэзию от той монотонности, которая столь часто была ей свойственна, придавала ей тоскливое однообразие, разрывала касыду на бессвязные отрывки и делила стих на две отдельные части, — от всего того, что сделало древнюю поэзию как бы забальзамированной мумией. Абу Нувас покончил со всем этим; он свободно изливал свои чувства в стихе, не содержащем внутренней цезуры, превращал стих в

повествовательное предложение, свободное, как в прозе, не боялся выражать мысли иносказательно. Говоря о поэтических размерах в творчестве Абу Нуваса, мы должны указать на необычайную музыкальность его стихов, которую породило разнообразие размеров.

Кроме того, Абу Нувас достиг редкого совершенства в согласованности поэтического размера с теми чувствами, которые он выражал в своих стихах. Особенной музыкальностью отличаются лирические стихи; она помогает перенестись в атмосферу душевных переживаний поэта; благодаря этой музыкальности, разнообразию стиля, языка и поэтических размеров, Абу Нувасу удалось избежать в своих стихах сухости и безжизненности. В этом ему помог живой, свободолюбивый характер, который наложил отпечаток на все его произведения, тесная связь творчества с жизнью и природное остроумие.

Абу-ль-Атахия (718—825) [130—210]

АБУ-ЛЬ-АТАХИЯ И ЕГО ЭПОХА

В начале аббасидского периода, в эпоху, когда необычайно возросло число источников роскоши и богатства, в жизни общества определились два направления — разврат и цинизм и, возникшие как реакция на них, воздержание и аскетизм.

Аббасидский переворот принес благосостояние арабам, укрепил их власть, и поднявшаяся волна массового увлечения роскошью докатилась до самых дальних концов страны. Поэты Башшар и Абу Нувас призывали в своих стихах к наслаждениям, к непрерывным удовольствиям.

В то же самое время в арабские страны хлынула потоком философия, которую несли в Багдад со всех концов империи различные религиозные учения. Индийская, иудейская, христианская, мусульманская и другие религии призывали забыть о мирской суете и подумать о загробной жизни, проповедовали воздержание. Возникло течение аскетизма, явившееся продолжением движения, известного в арабской литературе с древнейших времен, следы которого мы можем найти у Кус ибн Саида и Ибн аби ас-Салта; сводится оно в основном к выполнению заповедей, провозглашаемых религией. Вождем этого течения в эпоху Аббасидов был Абу-ль-Атахия. На стихи Башшара и Абу Нуваса он отвечал столь же новаторскими лирическими стихами, но говорилось в них о воздержании, о презрении ко всему мирскому, о смерти; тем самым творчество Абу-ль-Атахии дополнило картину жизни его времени, созданную Башшаром и Абу Нувасом.

Происхождение. Абу Исхак Исмаил ибн аль-Касим ибн Сувейд ибн Кисан, известный под именем Абу-ль-Атахия, родился в деревне Айн ат-Тамр, неподалеку от аль-Анбара. Родовая принадлежность его неизвестна; отец его был цирюльником, а он и его брат Зейд занялись продажей гончарных изделий в маленькой лавке в Куфе.

Историки расходятся во мнении о его происхождении. Некоторые из них считают его арабом, другие отрицают его арабское происхождение, считая свою точку зрения наиболее правильной.

Абу-ль-Атахия провел юность в Куфе; он очень любил развлечения и водил дружбу с людьми развращенными, однако, заметив в себе способность к высокой поэзии, стал сочинять стихи, чем и снискал себе славу. Считая, что теперь он достоин постучаться в двери дворцов халифов, поэт оставил Куфу и направился в Багдад.

Поэт халифов. Молодой поэт прибыл в Багдад во время правления аль-Махди (775—785); халиф отнесся к нему благосклонно и приблизил его к себе; вскоре Абу-ль-Атахия стал собеседником халифа в часы уединения и его товарищем в развлечениях. За свои прославления халифа он получал от него богатые вознаграждения.

Во дворце аль-Махди была рабыня по имени Отба. Абу-ль-Атахия горячо ее полюбил и воспел в своих стихах, но в ответ встретил лишь ненависть и отвращение. Неудача в любви была первой причиной его отказа от развлечений и наслаждений, с этих пор он потерял интерес к мирской суете — он предпочел ей изучение философии различных богословских школ, шиитских сект, течения джабарийи¹, аскетов, пока не выработал своей философии, которая привела его в конце концов к благочестию и аскетизму и в творчестве, и в образе жизни.

Интереса к богатству он, однако, не потерял, и чрезмерная любовь к деньгам влекла его из одного дворца в другой. При дворе Харуна ар-Рашида, который приблизил поэта к себе, он получил должность, оплачиваемую в 50 тысяч дирхемов, кроме того, халиф и его эмиры постоянно вознаграждали поэта. Достойно упоминания то, что Абу-ль-Атахия не сблизился в это время с Бармакидами, несмотря на их щедрость и благосклонность, несмотря на то, что его стихи и искусство декламации пользовались у них широкой популярностью.

В этот период творчества Абу-ль-Атахия перестал создавать лирические стихи, посвятив себя целиком стихам аскетического содержания, в которых говорилось о воздержании, о смерти, о наказаниях. Вместе с тем он не отказался ни от панегириков,

¹ *Джабарийя* — философское течение, отрицавшее свободу воли человека и проповедовавшее предопределенность человеческой судьбы. — *Прим. ред.*

которые сочинял в честь халифа и его приближенных, ни от награда за них. Однако впоследствии Абу-ль-Атахия вообще перестал сочинять стихи, за что Харун ар-Рашид даже посадил его в тюрьму; поэт был освобожден лишь после того, как уступил желанию халифа. Так Абу-ль-Атахия вновь вернулся к поэзии, хотя навсегда расстался с лирикой и сатирой.

Когда халифом стал аль-Мамун, поэт вошел в число его приближенных; десять с лишним лет он был другом халифа и пользовался его щедростью. В период правления халифов ар-Рашида, аль-Амина и большую часть правления аль-Мамуна Абу-ль-Атахия писал преимущественно стихи аскетического содержания.

Смерть поэта. О дате смерти Абу-ль-Атахии существуют различные мнения. Согласно одной из версий, приписываемой его сыну Мухаммеду, он умер в 825 году; согласно другим сообщениям, он умер в 826 или 828 году. Похоронен поэт в Багдаде; на своей могиле он завещал написать следующие стихи:

Пусть ухо живого услышит меня,
Услышит и лучше запомнит.
Я — заложник своей смерти,
Берегись же смерти, подобной моей.
Я прожил девяносто лет
И теперь навечно прикован к своему ложу.
О, разве живой может чувствовать себя в безопасности,
Если стены дома его столь ненадежны!
Поэтому нет пищи достойной иной, кроме благочестия,
Принимаешь ты его или нет.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

До нас не дошли все стихотворения Абу-ль-Атахии, но те, что дошли, можно разделить на две части. Большая из них включает стихи аскетического содержания (*зухдийят*), другая объединяет стихотворные произведения различных жанров: любовно-лирические (*газаль*), панегирики (*мадх*), элегии (*риса*), сатирические стихи (*хиджа*), описательные (*васф*), пословицы и афоризмы (*хикма*).

Аскетические стихи Абу-ль-Атахии собрал в XI веке имам Абу Омар Юсуф ибн Абдаллах ибн Абд аль-Барр ан-Нимри аль-Картуби, скончавшийся в 1070 [423] году. Стихотворения других жанров были рассеяны по разным старинным сборникам литературы и различным рукописям до тех пор, пока их не собрал Л. Шейхо, опубликовавший в 1886 году диван Абу-ль-Атахии, назвав этот сборник «Яркие огни в диване Абу-ль-Атахии»; кроме того, он опубликовал сокращенное учебное издание дивана, объемом в 307 страниц.

В начальный период творчества Абу-ль-Атахия создавал произведения в традиционных жанрах, это были любовно-лирические стихотворения (*газаль*), панегирики (*мадх*), элегии (*риса*), сатиры (*хиджа*) и др. Позднее он постепенно отказался от них и начал сочинять стихи аскетического содержания (*зухдийят*), а также дидактические произведения, афоризмы, притчи, обогатив тем самым арабскую литературу новыми произведениями, в чем она давно нуждалась.

Любовная лирика (*газаль*). Подавляющую часть своих лирических произведений Абу-ль-Атахия посвятил рабыне Отбе, которую полюбил, когда жил в Багдаде. Мы не знаем его лирических стихов, воспевающих какую-либо другую женщину, если не считать стихов, посвященных рабыне Суде, написанных во время пребывания в Куфе; за эти стихи Суда пожаловалась на поэта своему господину, и тот приказал дать ему сто кнутов. К Отбе Абу-ль-Атахия испытывал истинную любовь — строгую и благородную, чувство его было очень сильным. Ради него он пошел бы на самые тяжелые жертвы, несмотря даже на то, что в ответ на него он встречал лишь неприязнь и отказ. Посвященные Отбе стихи, являясь в большинстве своем вступлениями к многочисленным панегирикам, наполнены жаром горячо любящего сердца, навеяны увлечением поэта и тем отпором, который он встретил; они лишены того духа развращенности и беспутства, которые внес в лирику цинизм века, а воспевают муки платонической любви:

Страсть истомила мое тело, кости, истощила мою силу,
Остался во мне лишь дух, а плоть изнурена...

И хотя чаще всего содержание его стихов было выдержано в традиционном стиле древней поэзии, форма их была изящной и увлекающей, а некоторые из них явились поистине прелестными новинками.

Панегирики (*мадх*). Всю свою жизнь Абу-ль-Атахия провёл во дворцах знати и халифов, используя все средства, чтобы добиться их благосклонности и заставить раскошелиться. Он не скупился на похвалу, но его похвала была вызвана скорее корыстными целями, чем искренними чувствами. Лучшими из панегириков являются те, что посвящены аль-Махди и ар-Рашиду; он прославлял Аббасидов, хотя они и не одобряли его шиитских убеждений. Он надеялся, что его стихи помогут ему удержаться вдали от политических распрей, разгоревшихся в это время между Аббасидами и последователями Али. Однако ради благосклонности Аббасидов он не шел ни на измену, ни на поношение последователей Али. При всей своей любви к деньгам, он умел отказываться от них, если способ их получения мог задеть или унижить его достоинство; он старался так использовать свое искусство, чтобы удовлетворить и себя и того, кого восхвалял.

Абу-ль-Атахия следовал в панегириках традиции и начинал их с обычного лирического вступления или воспевания вина, хотя стремился всегда сократить эти вступления. В собственном панегирик он также не внес ничего нового, а пошел привычным путем, превознося достоинства халифа, его высокое звание и место перед лицом Аллаха, чудеса его величия, благородство его в гневе, его щедрость, доброту, стойкость в бою и многое другое.

Но и старое традиционное содержание он умел высказать очень своеобразно и захватывающе, проявив незаурядное искусство в умении вкладывать старое содержание в оригинальную форму и выражать традиционные чувства в таком дружеском и искреннем тоне, который заставляет поверить в них и подчас помимо воли восхваляемого покоряет его сердце; он умел также придать своим стихам легкость, изящество, плавность, приятную естественность, хотя и прибегал иногда к чрезмерной лести; примером могут служить его слова об Амре ибн аль-Але:

Если бы люди захотели воздать ему должное,

Им следовало бы идти за ним так, чтобы щеки их стали подошвами.

Вместе с тем иногда, особенно в период приверженности к аскетизму, Абу-ль-Атахия мог выступить перед тем, кого восхваляли в роли наставника, сознающего свое превосходство, не нуждающегося в покровительстве и подарках, горячо и гордо отстаивающего права подданных.

Стихи, выражающие благодарность и поддерживающие порицание. В этих стихах Абу-ль-Атахия придерживается тех же принципов, что и в панегириках, так как они являются дополнением к последним. Однако в них также имеются черты новаторства — они очень изящны и свидетельствуют о большом мастерстве поэта.

Элегии (*руса*). Абу-ль-Атахия иногда не отделял элегию от панегирика, используя этот жанр для того, чтобы возвеличить и воспеть достоинства восхваляемого, посчитав его умершим. Иногда он вставлял элегию в свои стихи аскетического содержания, наполняя ее афоризмами и мудрыми изречениями о жизни и смерти. Однако в его элегиях, посвященных друзьям и покровителям, звучат искренние вздохи и слезы подлинного сожаления.

Сатира (*хиджа*). Абу-ль-Атахия прибегал к сатире только тогда, когда она была нужна ему для защиты от врага или соперника или если хотел выразить разочарование, встретив в ответ на панегирик холод и невнимание, в ответ на преданность и дружбу — сухость, в ответ на просьбу — отказ. Его сатира не отличается кичливостью и в то же время свидетельствует о большом поэтическом мастерстве. Абу-ль-Атахия обладал удивительной способностью высказать в немногих ясных словах остро ранящую мысль, которая могла и оскорбить и заставить страдать. Но в целом сатира Абу-ль-Атахии мягка; она прино-

сит веселье, и понимание ее не требует большого напряжения ума.

Аскетические стихи (*зухдийят*). Поскольку стихи аскетического характера занимают наиболее значительное место в творчестве Абу-ль-Атахии, мы считаем необходимым специально остановиться на них и уделить им особое внимание.

АБУ-ЛЬ-АТАХИЯ — ГЕВЕЦ АСКЕТИЗМА

Был ли Абу-ль-Атахия аскетом? Аскетизм Абу-ль-Атахии не переставал быть предметом споров и в дни жизни поэта, и в наше время; вокруг этого вопроса сталкивались самые противоречивые мнения — одни говорили, что аскетизм поэта сделанный, искусственный, что его внешние проявления не доказывают подлинного внутреннего убеждения, другие утверждали, что он так же искренен в них, как и в своих элегиях. Факты же жизни и творчества Абу-ль-Атахии говорят и за то и за другое. Рассказывают, что поэт носил грубую одежду, бодрствовал по ночам, посвящая себя молитве, что он обрек себя на воздержание и ни разу этого обета не нарушил.

Но наряду с этим он был небрежен в совершении религиозных обрядов и жаден до мирских благ; до самой смерти он не прекращал копить деньги, был невероятно скуп и не упускал ни одной возможности поживиться или выпросить деньги, не находя в этом ничего дурного.

Наиболее правильный вывод, к которому можно прийти, исходя из этих противоречащих друг другу фактов, следующий: в духовном мире Абу-ль-Атахии и в обстоятельствах окружавшей его жизни столкнулись два стремления, которые то влекли его к мирским наслаждениям, то отталкивали от них. Поэтому он колебался в своих убеждениях и ни на одном из них не мог остановиться. По своей природе он стремился к духовному совершенству, но в то же время не был чужд веселью, наслаждениям, легкой жизни, хотя и не преступал в этом разумных границ. Из-за того, что он был человеком низкого происхождения, он еще на пороге жизни столкнулся с жестокой действительностью и был какое-то время лишен светских радостей. Затем перед ним вдруг засиял блеск славы и появилась надежда на богатство, поскольку за стихи халифы и знать щедро его вознаграждали. Тогда в нем вновь вспыхнуло стремление к мирским наслаждениям. Однако вскоре его постигло горькое разочарование — неудачная любовь к Отбе. Этот жестокий удар судьбы окончательно привел поэта к его философии воздержания и аскетизма. К тому же Абу-ль-Атахия видел, к чему привел безнравственный образ жизни его современников — Абу Нуваса с его последователями и других.

Поэтому Абу-ль-Атахия решил уйти от земных радостей и вести суровую жизнь аскета. Очевидно, его решение было ис-

кренним, однако у него не хватало силы воли, чтобы до конца отстоять свои идеалы, пожертвовать ради них всем и прежде всего деньгами, которые текли к нему непрерывным потоком; в деньгах поэт видел главное счастье, так как долгое время был их лишен. Так, стремление к идеальной жизни постоянно уступало в нем слабости, которая вела его по ложному пути. Он носил простую одежду, проявлял во всем умеренность, и потому его образ жизни действительно был аскетическим, но если выгода или необходимость требовали от него другого, он не колеблясь сбрасывал с себя одежды праведника. И если стихи аскетического содержания преобладали в его творчестве, то это говорит лишь о том, что аскетизм нашел в его стихах большее выражение, чем слабости и колебания. В аскетизме Абу-ль-Атахи есть что-то от эгоизма и тщеславия; причина этого во всеобщем внимании к нему людей серьезных или изображающих из себя серьезных, а также многих религиозных деятелей, которые проявляли к нему большой интерес, очень его почитали и провозгласили вождем аскетического направления, противопоставив Башшару и Абу Нувасу как вождем противоположного направления.

Характер аскетических стихов Абу-ль-Атахи. Аскетизм Абу-ль-Атахи не представляет собой стройного философского учения, и в своих взглядах поэт не придерживается какого-либо определенного философского направления. Абу-ль-Атахи постоянно колебался между различными течениями и в конце концов ни к одному из них не примкнул, так как не имел твердых философских убеждений. *Зухдийят* Абу-ль-Атахи являлись не чем иным, как проповедями в литературной форме, поэтическими размышлениями о жизни и смерти; отправной точкой большинства из них были высказывания о религиозных книгах или какое-либо распространенное среди аскетов и суфиев убеждение, а иногда наивные, всем известные притчи.

Эти произведения были проникнуты презрением к мирской жизни, наполнены призывами к воздержанию; в основном они говорили, что заботиться о мирской жизни и стремиться к ней не стоит — она лишь суета преходящая, преисполненная обмана и лжи, все в ней — лишь страдания, неудачи и непостоянство. Если она и дает радости и наслаждения, то потом сразу же бросает в объятия смерти, а смерть и тление губят все, причем чем счастливее был человек на земле, тем быстрее. Но самое страшное из того, что несет человеку смерть, — это забвение: память о нем в сердцах самых близких людей стирается сразу же, как только его засыпет земля.

О нем немного поплачут, затем изгонят его (из сердца),
Предадут его земле и забудут...

Не задумываясь над этой ужасной правдой, люди погружаются в пучину жизни и греха, они неумеренны в своем стремлении

ж деньгам и в скупости, забывают о том, что усердия их тщетны,— они думают, что за гробом нет жизни. Так пусть же люди заглянут в свои души, избавятся от заблуждений, от алчности и пустых желаний, пусть они последуют по пути добра, который им укажет вера, презирая в жизни наслаждение и деньги, довольствуясь тем добром, которое у них есть, удовлетворяясь лишь самым необходимым, а остальное пусть раздадут в виде милостыни, чтобы заслужить право на загробную жизнь. Загробная жизнь — это единственное, что действительно ценно, и лучшее, чем человек может обеспечить себя на пути к ней,— это воздержание и благочестие.

Общественная ценность аскетических стихов. Несомненно, что *зухдийят* Абу-ль-Атахии содержат ценные уроки: поэт учит не поддаваться соблазну, не самообольщаться, не преступать меры в погоне за преходящими благами, избегает легкой жизни и заблуждений, посвятив себя целиком благочестию и молитве. Однако преувеличенно-пессимистическое презрение Абу-ль-Атахии к реальной жизни несет вред: поэт видит в жизни только мрак и гибель, а такой взгляд лишь порождает отчаяние в душах людей.

Кроме того, поэт ограничился повторением общеизвестных истин и не разъяснил принципов, которыми следует руководствоваться, встав на путь идеальной жизни.

В общем мы находим в аскетической поэзии Абу-ль-Атахии высокие наставления о том, на что должны быть направлены наши помыслы, но законом нашей жизни они стать не могут.

Литературная ценность аскетической поэзии. Аскетическая поэзия Абу-ль-Атахии обладает художественными и литературными достоинствами — художественной стороне произведений поэт уделяет столь же большое внимание, что и своим идеям и наставлениям, и если поэт допускает порой некоторые неправильные выражения, если он подчас и холоден, то это случается редко. В целом он сумел избежать сухости и безжизненности, свойственных дидактическим произведениям; он достиг этого благодаря своему художественному мастерству, благодаря ярким, оригинальным, прелестным образам. Художественная форма стихов Абу-ль-Атахии отличается плавностью, нежностью, гармоничностью и заставляет забыть подчас об их суровом и мрачном назидательном содержании.

Абу-ль-Атахия показал в своих *зухдийят* удивительную способность выражать абстрактное содержание в материальной форме, придающей ему убедительность и красоту.

Иногда, чтобы усилить впечатление, он старался сделать свои описания возможно более реалистичными, например тогда, когда он, остановив читателя перед могилой, рассказывал о гибели, о несчастях. Но и здесь он находил яркие образы и наиболее сильные и красноречивые приемы:

Рождайте для смерти, стройте — для разрушения,
Ведь все вы идете к своей гибели.
Для кого строить, если все мы уйдем в землю?
Ибо мы и появились из земли.
Аллаху принадлежит мир, в котором люди трудятся
И гуляют в садах порока и разложения,—
Пасутся, словно животные, жиром обрстая.
О, если б знали они, что причина их смерти в их ожирении!

Когда сердце Абу-ль-Атахии волновал вид человеческого несчастья, поэт выражал свои чувства в крике отчаяния и горя; величие души поэта сочетается в таких стихах с огромной силой убеждения.

Ты разбилаешь, о смерть, все надежды,
И ты учишь, о смерть, плакальщиц плакать.
Ты терзаешь нас, о смерть, безжалостно,
И ты приносишь нам, о смерть, горе и несчастье.
Неужели каждый день мы будем встречать похоронами,
И каждый день будем слышать твой призыв?!
Неужели каждый день мы будем проливать из-за тебя слезы
И каждый день будем приближаться к несчастью?!

Однако в целом аскетическая поэзия Абу-ль-Атахии больше взывает к уму, чем к чувствам и воображению, поэтому она приближается скорее к красноречивым проповедям, чем к высокой поэзии.

В этом ее отличие от *зухдийят* Абу Нуваса. *Зухдийят* Абу Нуваса — это мучительный крик души человека, потерявшего надежду и силу, души, которая ожидает гибели, смерти, души, которой коснулось отчаяние; они полны страсти, в них чувствуется биение жизни, и поэтому они производят глубокое впечатление. *Зухдийят* Абу-ль-Атахии — это размышления человека, презирающего жизнь, спокойно взирающего на нее глазами пессимиста, он перечисляет источники жизненных несчастий, растравляя свои раны. *Зухдийят* Абу Нуваса в целом порождены чувством, *зухдийят* Абу-ль-Атахии в подавляющем большинстве — порождение разума.

Абу-ль-Атахия прославился также тем, что собрал в своих *зухдийят* множество афоризмов. В нескольких словах лаконичных бейтов выражена вся общечеловеческая мудрость, что и даст им право считаться пословицами.

Среди наиболее знаменитых произведений Абу-ль-Атахии имеется также *урджуза*, известная под названием «Зат аль-амсаль», в старину ее считали превосходной и непревзойденной по величине, ибо, как говорили, она насчитывала до четырех тысяч изречений, однако до нас дошло из нее лишь около пятидесяти

бейтов, не связанных между собой; наряду с образцами высокой мудрости в них много тривиального.

АБУ-ЛЬ-АТАХИЯ — ПОЭТ-НОВАТОР

Новаторство в тематике его поэзии. В своем новаторстве Абу-ль-Атахия следовал литературному направлению своего века, направлению, во главе которого стояли Башшар и Абу Нувас, стремившиеся к тому, чтобы поэзия отражала эпоху и была понятна современникам. Следуя в этом за ними, Абу-ль-Атахия был новатором как в области содержания, так и в области стиля. Однако на его новаторстве, так же как и на новаторстве его предшественников, лежала печать его индивидуальности. Он обращался прежде всего к серьезным проблемам жизни своего времени, а Башшар и Абу Нувас отображали цинизм и распушенность века, потому что сами были по своей природе людьми циничными и распушенными.

Абу-ль-Атахия принадлежит в новаторстве большая заслуга потому, что, обратив поэзию к серьезным жизненным проблемам, он достиг в своем творчестве такого уровня, который позволил ему считаться одним из поэтов-реформаторов. Таким образом, он открыл новую славную страницу арабской поэзии, положил начало новому направлению, путь к которому медленно прокладывали и некоторые старые поэты, например Кус ибн Саида и Умейя ибн аби ас-Салт. Высокое содержание поэзии Абу-ль-Атахии, а также ее художественные достоинства помогли поэту заслужить расположение достойных и серьезных людей его времени.

Новаторство в художественных приемах. Абу-ль-Атахия не обладал высоким поэтическим даром гения и не вознесся в своем мышлении до уровня высокоинтеллектуальных умов, он не обладал богатой творческой фантазией, а чувства его не отличались ни особой глубиной, ни широтой, ни силой воздействия. Исключения составляют лишь отдельные произведения. Однако, хотя Абу-ль-Атахия и был поэтом среднего дарования, у него есть достоинства, которые позволяют ему подняться выше посредственности: естественность выражения, бистрота мысли, умение использовать легкую напевность и музыкальность — все это делает его стихи общедоступными. Следуя по пути поэтов-новаторов, он отрицал вычурную пышность, ненужную искусственность, стремился сделать поэзию достоянием широких масс. Вот почему его поэзия отличается такой естественностью; она — плод своеобразного поэтического дарования, которое повинует своей природе, ничем не связано и не силится достичь совершенства, оно не признает никаких сложностей в метрике и форме стиха и разбивает их оковы.

Абу-ль-Атахия говорил: «Если бы я захотел, я бы смог всегда говорить стихами». Его спросили: «Ты знаешь метрику?» Он ответил: «Я выше метрики» и доказал это, сочинив стихи, высмеива-

вающие судью, в новом поэтическом размере, не известном до сих пор арабам. Применяя впоследствии этот размер, его называли «колокольным звоном». Однако в такой естественности языка Абу-ль-Атахи были и отрицательные стороны, порой она вела к упрощению мыслей и образов, лишала стихи мастерства и совершенства, часто сближала их с рифмованной прозой.

Впечатление естественности поэзии Абу-ль-Атахи и ее близости к прозе усиливала легкость языка, отсутствие каких-либо непонятных выражений, архаизмов; все это было продиктовано стремлением поэта сделать свою поэзию понятной всем.

В отборе простых средств выражения поэт достиг высокого искусства, в их сочетании он добивался тонкой мелодичности и чарующей музыкальности, благодаря чему большинство его стихов необыкновенно красивы и очень напевны. Так же, как Башшар и Абу Нувас, он предпочитал короткие, легкие, танцевальные поэтические размеры и избегал всякого усложнения, которое мешало мелодичности, плавности и гармоничности стиха. Временами Абу-ль-Атахи поднимается в своей поэзии до уровня изящной литературы, глубокой и пленительной, мягкая музыкальность которой, однако, не лишена некоторого однообразия; прибегая к повторению некоторых выражений, он добивается впечатления плавности. Иногда он злоупотреблял такими повторениями, и результат получался не столь значительным, как он того ожидал.

Но несмотря даже на эти недостатки, произведения Абу-ль-Атахи в целом музыкальны, поэтичны, мелодичны; иногда их красоту портит излишняя монотонность, ограниченность содержания, почти полное отсутствие фантазии. В целом они представляют собой новое явление в области поэзии в отношении содержания и формы и с этой точки зрения имеют большую ценность.

Поэты Муслим ибн аль-Валид, аль-Аббас ибн аль-Ахнаф, аль-Хусейн ибн ад-Даххак

МУСЛИМ ИБН АЛЬ-ВАЛИД

Жизнь поэта (741—823) [130—206]

Муслим ибн аль-Валид родился и вырос в Куфе; умер он в Джурджане. Будучи приближенным правителей, он воспевал их и получал за это богатые дары; благодаря своим стихам, воспевающим халифа, он добился назначения на некоторые государственные должности. Поскольку он, по-видимому, был склонен к уединению, он не приобрел широкой известности. Увлекаясь описаниями развлечений и пирушек, он, однако, не переходил в этом умеренных границ, не в пример таким поэтам, как Абу Нувас.

Многие из его поэтических произведений утеряны, до нас дошло всего около двух тысяч его бейтов. В них поэт предстает перед нами в общем как подражатель; стихи его недостаточно оригинальны, недостаточно содержательны, но в то же время их автор — очень искусный мастер слова, любитель изящных выражений. В его понимании поэзия — ювелирная работа, требующая искусной отделки. Речь его медленна и полна украшательства; в его стихах сочетается ясность и солидность доисламской поэзии с ее строгостью и порой необычностью, тщательностью обработки, великолепием образов, традиционностью художественных средств. Но в большинстве случаев прекрасная форма прикрывает убогое содержание. Для того чтобы возместить этот недостаток, поэт прибегает к пышному изысканному украшательству, к метафорам, к многочисленным изящным выражениям. Таким образом, большинство его стихов отличается совершенной формой. Широко пользуясь различными художественно-изобразительными средствами, Муслим ибн аль-Валид почти достиг в них совершенства, хотя некоторые из них были использованы еще Башшаром. Он предложил для своего художественного метода название «бадиа» и пользовался им на всем протяжении своего творческого пути. Он прибегал к различным видам словесных украшений, использовал игру слов, сравнения, метафоры. Поэтому Муслима ибн аль-Валида можно назвать вождем и основоположником того течения художественного украшения, которое широко распространилось несколько позднее, став модой своего века, мерилем поэтического мастерства и таланта. Примеру Муслима ибн аль-Валида последовали многие поэты, наиболее известные из них — Абу Таммам, аль-Бухтури, Ибн аль-Мутаиз. Все они пользовались этим методом, но каждый из них придал ему черты своей индивидуальности и культуры.

АЛЬ-АББАС ИБН АЛЬ-АХНАФ (808) [192]

Абу-ль-Фадль аль-Аббас ибн аль-Ахнаф, араб-ханифит по происхождению, прожил всю свою жизнь в Багдаде. Ограничиваясь в своем творчестве воспеванием любви, он не создал ни панегириков, ни сатирических стихов; воспевая во всех стихах любовь, он, однако, никогда не прославлял распутства.

АЛЬ-ХУСЕЙН ИБН АД-ДАХХАК (779—864) [162—250]

Аль-Хусейн ибн ад-Даххак ибн Ясир, вольноотпущенник из племени Бахила, родился и вырос в Басре, умер в Багдаде. Он был приближенным и сотрапезником аль-Амина и воспевал его в своих панегириках. Когда власть захватил аль-Мамун, поэт испугался и уехал в Басру, но как только халифом стал Муатасим, аль-Хусейн вернулся и стал воспевать его и аль-Васика. Аль Хусейн ибн ад-Даххак был певцом распутства; его стихи о вине и любви отличались утонченностью.

Абдаллах ибн аль-Мукаффа (724—759) [106—142]

ЖИЗНЬ ПИСАТЕЛЯ

Происхождение. Абу Мухаммед Абдаллах Рузбех ибн Дадое, прозванный Ибн аль-Мукаффой, был по происхождению персом. Он родился в 724 [106] году в персидской деревне Джур, на месте которой в настоящее время стоит город Фирузабад. Молодость он провел в семье своего отца в Персии, где он воспитывался в традициях персидской культуры и зороастрийской религии. Затем он переехал в Басру, которая в то время была одним из самых крупных центров науки и культуры; здесь жило много писателей, поэтов и ораторов. Ибн аль-Мукаффа жил на положении вольноотпущенника знатного рода аль-Ахтам. Поддерживая тесные связи с арабами, он сумел нажить большое состояние за счет арабской казны. Уже в юном возрасте Ибн аль-Мукаффа отличался зрелым умом, обширными познаниями и прекрасным воспитанием; благодаря этим качествам он прославился и обратил на себя внимание литературных кругов. Молодым человеком заинтересовались во дворцах эмиров и наместников, которые хотели привлечь его в качестве должностного лица в свои диваны. Случаи, когда представители неарабских народов служили в арабских учреждениях, были в то время нередки.

Ибн аль-Мукаффа — писатель. Творческая деятельность Ибн аль-Мукаффы началась еще в эпоху Омейядов, когда ему было около двадцати лет; он составлял послания в диване Омара ибн Хубейра в Кермане. В то время когда Абду-ль-Хамид ибн Яхья был в Сирии и писал для Мервана ибн Мухаммеда — последнего халифа из рода Омейядов, Ибн аль-Мукаффа служил писцом Язида ибн Омара ибн Хубейра — наместника Мервана в Иране. Затем он служил у брата Язида — Дауда ибн Хубейра.

После прихода к власти Аббасидов Ибн аль-Мукаффа примкнул к Исе ибн Али (дяде ас-Саффаха и аль-Мансура), кото-

рый был назначен наместником Ахваза; при нем Ибн аль-Мукаффа принял ислам и затем стал писать для Исы. Кроме того, в обязанности Ибн аль-Мукаффы входило воспитание племянников наместника, обучение их наукам и литературе.

Смерть Ибн аль-Мукаффы. Ибн аль-Мукаффа продолжал оставаться на службе у Исы до самой смерти — его убил Суфьян ибн Муавия, наместник аль-Мансура в Басре. Существуют различные версии причин и обстоятельств этого убийства; большинство считает, что Ибн аль-Мукаффа был убит в наказание за то, что он составил и дал на подпись Абу Джаафару аль-Мансуру охранную грамоту для Абдаллаха ибн Али, дяди аль-Мансура. Ибн аль-Мукаффа принимал весьма активное участие в составлении этого документа и даже включил в грамоту пункт, гласящий, что, если аль-Мансур нарушит свое слово, его жены будут считаться с ним разведенными, и тогда их сможет купить каждый, кто захочет. Это разъярило аль-Мансура, и он воскликнул: «Неужели никто не избавит меня от него?!» Затем к власти пришел Суфьян ибн Муавия, который за многое был зол на Ибн аль-Мукаффу; воспользовавшись однажды моментом, он попросил выдать ему Ибн аль-Мукаффу и, когда его просьба была удовлетворена, велел разжечь печь, разрезал Ибн аль-Мукаффу на части и сжег.

ЛИЧНОСТЬ ИБН АЛЬ-МУКАФФЫ И ЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Вся жизнь Ибн аль-Мукаффы прошла в эпоху Омейядов, и только последние десять лет он жил при Аббасидах. Он был свидетелем жестокого угнетения арабами покоренных народов, так же, как все мазляны, испытал этот гнет на себе и поэтому был преисполнен ненависти к арабам. Как и другие мавляны, он примкнул к Аббасидам, хотя в душе был настроен против арабов; по своим склонностям и убеждениям он не был ни поклонником Аббасидов, ни арабом — по своим политическим убеждениям он был сторонником Али, а по своему характеру был прежде всего персом, и его дружеские чувства к Аббасидам были притворством. Кроме того, он исповедовал религию зороастризма, глубоко и искренне веря в нее. Известно, что ислам он принял лишь под давлением обстоятельств, желая приблизиться к своим благодетелям Аббасидам; поэтому если его обвиняли иногда в ереси (манихействе), то это обвинение было небезосновательным.

Ибн аль-Мукаффа — один из самых выдающихся представителей арабской литературы, человек высокой нравственности, большого ума, глубоких знаний, обладал необычайным даром слова. Он был «человек благородный и великодушный, проявлял заботу о нуждающихся и оказывал им помощь, твердо придерживался истины, строго относился и к себе, и к

сильным мира сего, горячо стремился улучшить взаимоотношения между властями и подчиненными; особенно он отличался изяществом, прекрасными манерами и верным представлением о том, что совместимо с понятием хорошего вкуса». Познания его были весьма глубоки и разнообразны; он впитал в себя, помимо персидской культуры, культуру арабскую, греческую и индийскую. ✓

✓ Ибн аль-Мукаффа был глубоко привязан к персидскому народу и постоянно стремился возродить славу своей родины, распространяя и пропагандируя литературу и историю Персии, восхваляя ее государственный строй. Он видел все пороки общественного строя своего времени и призывал устранить их, правильно используя принципы государственного строя персов. Он был весьма энергичен и ловок в своей реформаторской деятельности и в своем стремлении возродить культурное наследие своего народа. Он был очень благочестив и осторожен, всегда старался подчеркнуть свою лояльность по отношению к Аббасидам и арабам, скрывая за этим свои истинные чувства и цели.

ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЯ

✓ Хотя Ибн аль-Мукаффа был убит в расцвете сил, он оставил множество произведений, свидетельствующих о его таланте и о широте его познаний. Большинство его произведений были переводами с пехлеви, которые, казалось бы, могли свидетельствовать больше о его знаниях, чем о его уме, однако подбор переводов, глубокое знание текстов и их толкование говорят о его незаурядном уме. Об этом свидетельствуют также оставшиеся после него трактаты, в них ум Ибн аль-Мукаффы предстает перед нами во всей своей широте, глубине и блеске логики, свидетельствует об утонченности его вкуса.

✓ В своем творчестве Ибн аль-Мукаффа преследовал две цели: 1) воссоздать историю и литературу персов, осветить основные события их политической жизни; 2) усовершенствовать общественный строй аббасидского государства путем заимствования всего наиболее целесообразного из общественного строя персов. ✓

Теперь мы перечислим основные труды Ибн аль-Мукаффы.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

✓ Ибн аль-Мукаффа перевел с персидского языка книги по истории, в том числе: «Ходай-наме» — «Книгу владык», биографии персидских царей, которую Фирдоуси использовал как один из источников при создании «Шах-наме»; «Айин-наме» — «Уставную книгу», повествующую об обычаях персов и культуре; «Ат-Тадж» — биографию Ануширвана; «Ад-дурра аль-йатима ва аль-джавхара ас-самина» — о жизни праведников и, наконец, книгу «Маздак». ✓

Утверждают, что Ибн аль-Мукаффа перевел с персидского языка книги Аристотеля, которые являлись в свою очередь переводами с греческого: «Категории» и «Аналитики», где рассматривается понятие об аналогии. Однако некоторые ученые сомневаются в том, что эти философские книги перевел Ибн аль-Мукаффа.

ТРУДЫ В ОБЛАСТИ СОЦИОЛОГИИ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Ибн аль-Мукаффа создал ряд произведений больших и малых форм, а также перевел эпос «Калила и Димна».

Трактаты Ибн аль-Мукаффы. Ибн аль-Мукаффа написал несколько трактатов, посвященных вопросам политики государства, а также дружественных посланий, в которых он поздравлял или утешал кого-либо, как это водится между друзьями. Наибольшей известностью пользуется его «Трактат о сподвижниках».

«Трактат о сподвижниках». Этот трактат Ибн аль-Мукаффа написал для Абу Джаафара аль-Мансура; большинство считает, что он сочинил его сам, и если в этом послании встречаются некоторые шероховатости или сложные по построению фразы, заставляющие предполагать, что эти места являются буквальным переводом, это свидетельствует лишь о том, что Ибн аль-Мукаффа использовал при составлении этого послания персидские источники или применил персидский стиль. Этот трактат называется «Трактатом о сподвижниках» («Рисалат ас-Сахаба») потому, что в нем он обращается к ближайшим сподвижникам халифов и наместникам, к приближенным халифов, их друзьям по пирушкам, наперсникам их тайн и их советчикам. Это послание называют также «хашимидским» в честь рода Хашима, к которому принадлежат Аббасиды.

Этот трактат был включен в книгу Ибн Тейфура «Стихи и проза» («Аль-манзум ва аль-мансур»); впоследствии (в 1908 [1326] и 1918 [1331] годах) Махмуд Курд Али включил его вместе с другими трактатами Ибн аль-Мукаффы в сборник «Трактаты ораторов».

Содержание трактата. Это произведение представляет собой доклад, содержащий критику существующей государственной системы и излагающий пути ее усовершенствования; за образец автор берет систему и форму государственного устройства Персии. Начинает он с введения к теме, которым стремится подготовить разум и душу халифа к восприятию основного содержания; здесь автор прославляет халифа, говорит о том, с какой готовностью халиф выслушивает советы. Затем следуют отдельные главы, в которых рассматриваются те или иные недостатки системы управления и указываются пути их устранения.

Первая глава — «Войско» — занимает большую часть трактата; этому вопросу автор уделяет серьезное внимание, поскольку он очень важен для молодого государства со столь огромной территорией. В основном автор говорит о хорасанском войске, так как оно состоит из его соплеменников и, кроме того, является основной опорой халифа. Ибн аль-Мукаффа подробно останавливается на вопросах снаряжения и обучения войск, настаивает на издании закона, определяющего правила поведения и обязанности воинов. Затем он предлагал халифу отстранить войско от финансовых дел, поскольку «взимание хараджа разлагает воинов», ведет к угнетению подданных и к неповиновению войска высшей власти. Далее говорится о необходимости учитывать при назначении военачальников их организационные способности; потом — о воспитании воинов, об их культуре и моральном духе. Ибн аль-Мукаффа предлагает установить точные сроки выдачи войску содержания, поскольку в этом он видит залог спокойствия и порядка в армии. И, наконец, он указывает на то, что надо интересоваться положением воинов, знать их настроение и состояние духа и решительно уничтожать любое зло в среде воинов, пока оно еще не разрослось.

После этого Ибн аль-Мукаффа говорит о жителях Ирака; он рекомендует их повелителю правоверных с самой лучшей стороны, советует ему опираться на них во всех государственных делах и защищать их, ибо они были угнетены при Омейядах.

Далее он говорит о беспорядке в судах и объясняет его причины; он рассказывает о том, как одно и то же дело было по-разному решено двумя судьями и как ученым-богословам пришлось ломать над этой загадкой голову. Для устранения беспорядка он предлагает ввести единый закон, который действовал бы на всей территории халифата и в основу которого был бы положен принцип разума и справедливости.

Затем он говорит о Сирии и уговаривает халифа заботиться о ее жителях и проводить в отношении их справедливую политику, он характеризует ближайшее окружение халифа, критикует его и советует тщательнее выбирать своих приближенных, ибо приближенные «придают халифу великолепие, украшают его, выделяют его и представляют его подданных. Только они могут помочь подданным, только их руками осуществляются государственные дела». Ибн аль-Мукаффа относится к подбору придворных с точки зрения персидской знати, исходя из двух принципов: во-первых, придворные должны быть преданными и справедливыми и, во-вторых, должны принадлежать к знатному и благородному роду.

Следующий вопрос, на котором останавливается Ибн аль-Мукаффа, это вопрос о харадже — о поземельном налоге. Ибн аль-Мукаффа жалуется на беспорядок во взимании налогов, предлагает улучшить подбор людей, назначаемых на должность

сборщиков налога, усилить над ними контроль и в случае злоупотреблений с их стороны смещать их с должности.

Прежде чем закончить свое послание, Ибн аль-Мукаффа обращается к аль-Мансуру с советом обратить особое внимание на жителей Аравийского полуострова; заканчивается трактат словами о том, какое значение и влияние будет иметь самоусовершенствование халифа: общество не может совершенствоваться, если не совершенствуются избранные, а избранные не могут совершенствоваться, если не совершенствуется тот, кто стоит во главе их.

Ценность трактата. Этот трактат отличается тем, что реформы, предлагаемые в нем, опираются не на арабскую традицию и не на их религиозные принципы, а на историю персов, на их политические традиции и систему управления. Кроме того, Ибн аль-Мукаффа опирался в своих взглядах на достижения греческой культуры и римский свод законов Юстиниана.

Реформаторские предложения Ибн аль-Мукаффы были очень ценными; Ахмед Амин, комментируя предложения Ибн аль-Мукаффы о реформе суда и о введении единых официальных законов, говорит следующее: «Эти взгляды исключительно ценны и важны, поскольку они во многом совпадают с современными теориями законодательства, и если бы мусульмане воспользовались ими, они оказали бы большое влияние на общественную жизнь, особенно в области правовых вопросов».

К тому же Ибн аль-Мукаффа, излагая свои взгляды, не оставлял их без доказательств; каждое из положений он стремился подтвердить убедительным доводом или аргументом, поэтому его заключения были связаны между собой и логически вытекали одно из другого.

**„НАСТАВЛЕНИЕ ДЛЯ ВЕЛИКИХ ДЕЛ“ („АЛЬ-АДАБ АЛЬ-КАБИР“) И „НАСТАВЛЕНИЕ
ДЛЯ МАЛЫХ ДЕЛ“ („АЛЬ-АДАБ АС-САГИР“)**

Что представляют собой «Наставления»? Это две небольшие книги, в которых содержатся мудрые изречения по вопросам морали и поведения. Шероховатости стиля, сложность построения фраз и необычность композиции свидетельствуют о том, что книги эти являются в большинстве своем переводными. В предисловии к «Наставлению для малых дел» Ибн аль-Мукаффа пишет: «В этой книге приведены достоверные высказывания людей, проявляющих заботу о совершенствовании своей души, о ясности взглядов и живости мышления; в них указываются пути к свершению достойных поступков и благородных дел».

В предисловии к «Наставлению для великих дел» говорится: «Высшая наука ученого нашего времени состоит в том, чтобы заимствовать знания у них (то есть у древних), чтобы следовать

по их пути и совершенствовать наши благие поступки... Мы видим, что древние ничего не оставляют без внимания и самый искусный описатель не может найти темы для описания, которой бы не касались до него... Поэтому в данной книге я пишу лишь об основах их литературы, ибо все это необходимо людям». Обе книги являются целиком, или в большей своей части, переводными. Впервые книгу «Наставление для малых дел» опубликовал шейх Тахир аль-Джазаири в журнале «Аль-Муктабас»; затем в 1911 [1329] году ее опубликовал Ахмед Зеки-паша; в 1913 [1332] году ее напечатал в Египте Мухаммед Амин, и, наконец, в 1915 году она была переведена на немецкий язык. Книга «Наставление для великих дел», которая иногда издается под ошибочным названием «Ад-дурра аль-ятима» («Редкостная жемчужина»), неоднократно издавалась в Египте и Ливане; так, в 1897 году она была издана в Бейруте, а второе ее издание исправил, дополнил и снабдил комментариями Джирджи Аттыйя. В Каире она была издана с предисловием Амира Шауки Арслана.

✓ Содержание наставлений. Книга «Наставление для малых дел» посвящена вопросам общественных отношений и морали, содержит наставления на путь свершения благих дел. Ибн аль-Мукаффа указывает разумным людям на недостатки человеческой натуры и объясняет, что способно ее украсить, говорит о пороках, которых следует избегать, обогащает читателя познаниями, заставляет о многом задуматься, вселяет в людей твердость и решимость, призывает к богоугодным делам, ибо «вера — это самый великий дар, который Аллах преподнес своим тварям, дар, приносящий наибольшую пользу». Он советует поддерживать добрые отношения с друзьями и остерегаться врагов; как средство избавления от недостатков он предлагает самоконтроль и спор с самим собой. Он пишет: «Разумный человек должен спорить сам с собой, контролировать себя, быть судьей над своей душой и оценивать свои поступки, это поможет ему встать на путь истинный. Разумный человек обязан знать свои недостатки и проступки в области религии, морали, поведения, для чего он должен их сосчитать и запомнить или записать. Тогда он представит себе, сколько у него их, и должен будет заставить себя их исправить, назначив день, неделю или месяц, когда он избавится от одного или нескольких из недостатков. Каждый раз, когда какой-либо из недостатков будет исправлен, он вычеркнет его, каждый раз, когда посмотрит на вычеркнутое, — возрадуется, каждый раз, когда посмотрит на то, что не удалось исправить, — огорчится». Ибн аль-Мукаффа настаивает, чтобы в этом самоусовершенствовании разумный человек обращался за поддержкой к мысли о смерти: «Каждый день и каждую ночь по несколько раз мысль эта проникает в душу и терзает ее».

Некоторые из поучений предназначены специально для правителей и халифов, чтобы призвать их к выполнению своего долга по отношению к подданным и заставить их лучше подбирать визирей и вельмож. ✓

Книга «Наставление для великих дел» разделяется на две части; в первой говорится о сущности власти, а также о взаимоотношениях между властями и подчиненными; во второй части, которая называется «Друг», речь идет о взаимоотношениях между подданными. Обе части написаны прекрасным слогом. ✓ В первой Ибн аль-Мукаффа говорит о достоинствах властелинов и об опыте подданных. Советы правителям также подразделяются на две части. Первую составляют советы, относящиеся к личной жизни правителя, а также пожелания всем правителям лучше относиться к своим подданным. Ибн аль-Мукаффа рекомендует властелинам не сокращать время, отведенное для работы, а, наоборот, «увеличивать его за счет часов отдыха, праздности, забав, наслаждений и сна». Здесь же он рекомендует отказаться от страсти к самопрославлению и постараться укрепить свой авторитет другими средствами. Вторую часть составляют советы, касающиеся отношений между властью и подданными. Ибн аль-Мукаффа рекомендует халифу чаще общаться с подданными, не спешить в решении вопросов о наградах или наказаниях, так же как и в других делах. Советы Ибн аль-Мукаффы по вопросу об отношении подданных к властям сводятся к предостережению от лести и призыву к покорности и послушанию, которым не должно быть места в тех случаях, когда это противоречит вере, разуму, унижает человеческое достоинство и т. д.

Во второй части Ибн аль-Мукаффа собрал высказывания о правилах хорошего тона, а также о вежливости во взаимоотношениях между друзьями. Ибн аль-Мукаффа считал друзей опорой жизни и зеркалом души — только друзьям он считал возможным поверять самые сокровенные тайны и скрытые помыслы души. Поэтому он ставит для дружбы тяжелые условия и советует выбирать друзей с предельной тщательностью. Мудрый человек, он рекомендует воздерживаться от шуток, избегать излишней претенциозности, не подчинять душу страстям, воздерживаться от издевки и дает многие другие ценнейшие советы.

Ценность этих произведений. Книги «Наставление для малых дел» и «Наставление для великих дел» отличаются по своему построению; в первой отдельные мысли не связаны между собой и рассыпаны по всему тексту без всякой логической или структурной связи. Что же касается второй, то в ней мысли, как правило, логически связаны между собой в ходе изложения и в общем развиваются более подробно.

В обеих книгах чувствуется влияние персидской, индийской и греческой культуры. Персидское влияние чувствуется в мно-

гочисленных заимствованных изречениях, переведенных с персидского языка, в исторических примерах, относящихся к эпохе Сасанидов, и в некоторых советах, подказанных системой управления эпохи Ардешира (например, совет о порядке назначения наследника престола). В обоих произведениях ярко проявляется влияние персидской культуры или персидского образа мышления, которые оказали воздействие на политическую и общественную жизнь того времени. По мнению большинства исследователей, оба произведения являются наиболее полными источниками наших знаний о внутренней политике сасанидского государства. ✓

Во многом проявляется и греческое влияние, в частности в данном автором толковании различных наслаждений, в противопоставлении их друг другу, а также в подчеркивании необходимости оберегать свое здоровье и жизнь,— все это напоминает о философии Эпикура, а в тех местах, где автор говорит о том, что человек разумный должен отдавать предпочтение умственным и духовным удовольствиям перед плотскими наслаждениями, чувствуется влияние философии Аристотеля и Платона.

Индийское влияние проявляется в многочисленных изречениях, заимствованных (иногда дословно) из книги «Калила и Димна»; оно проявляется и в рассуждениях о душе, где также приводятся отрывки из «Калилы и Димны».

✓ При знакомстве с обеими книгами прежде всего бросается в глаза то, что автор при всех случаях взывает к разуму; очень редко он опирается на религиозные догмы. В его представлении человеческое существо отождествляется в первую очередь с разумом: разум различает хорошее и плохое в силу своей природы, а не в силу установленных норм или положений.

Оба произведения, являясь высшим образцом морали, уделяют значительное место вопросам религии, подчеркивая ее большую роль и глубокое к ней уважение. ✓

✓ В обеих книгах вызывает удивление пренебрежительное отношение автора к женщине, которым отмечены многие произведения аббасидской литературы. ✓ Также вызывает удивление то, что автор придает большое значение богатству: «Кто не имеет денег, тот ничего не имеет; бедность вызывает у человека отвращение к людям». Однако, определяя так значение денег, автор в то же время осуждает тех, кто гордится своим богатством. ✓ Просмотрев сборники стихов некоторых других поэтов, мы увидим, что они также придают исключительно большое значение деньгам, особенно это относится к аль-Мутанабби, который говорил:

Нет в мире славы тому, у кого мало денег,
И нет в мире денег у того, у кого мало славы.

Содержание книги *«Калила и Димна»* — это книга, в которой языком животных и птиц излагаются наставления нравственного и морального порядка, адресованные в первую очередь правителям. Книга называется по имени двух братьев-шакалов — Калилы и Димны; это название книга получила от одной из своих частей, поскольку история Калилы и Димны занимает лишь две главы: о льве и быке, а также главу о раследовании дела Димны.

Происхождение книги. Мнения историков по вопросу о происхождении книги расходятся. Некоторые считают, что Ибн аль-Мукаффа сочинил ее сам, а затем, чтобы снять с себя ответственность за наставления правителям, выдал ее за перевод. При этом ссылаются на высказывания древних ученых, в частности Ибн Хилликана, который писал в своей книге *«Вафаят аль-Ааян»* (*«Кончины вельмож»*): «Одни говорят, что книгу *«Калила и Димна»* сочинил Ибн аль-Мукаффа; другие — что он этой книги не сочинял, а перевел ее на арабский с персидского, но что вводная часть книги написана им самим». Аль-Джахиз говорит: «Мы не можем утверждать, что тексты, которыми мы располагаем, являются подлинно персидскими и что они древнего, а не недавнего происхождения, лишь на том основании, что такие люди, как Ибн аль-Мукаффа, Сахль ибн Харун, Абу Убейдалла, Абд аль-Хамид и другие, не могли сочинить таких текстов и создать таких рассказов». Отсюда следует, что аль-Джахиз почти не сомневался в том, что Ибн аль-Мукаффа являлся автором *«Калилы и Димны»*, но выдавал ее за переводную, чтобы снять с себя ответственность за содержание. Ученые подкрепляют свою точку зрения и другими аргументами, однако теперь, когда по этой книге проведена большая исследовательская работа, представившая неопровержимые доказательства тому, что Ибн аль-Мукаффа является переводчиком *«Калилы и Димны»*, их доводы потеряли свою убедительность.

Книга *«Калила и Димна»* индийского происхождения, она была написана на древнем индийском языке — санскрите. Доказательства ее происхождения содержатся в ней самой: в книге приводятся индийские имена, упоминается о буддийских обычаях, например о запрещении есть мясо и о других. Содержание рассказов выдержано в духе индийского образа мышления и морали, они написаны в индийском литературном стиле. Многие рассказы из *«Калилы и Димны»* были обнаружены учеными на санскрите в различных древних индийских книгах, в том числе в книге *«Панчатантра»* (*«Пять заповедей»*; «тантра» — «сокровищница благих мыслей»), состоявшей из введения и пяти глав, которые идентичны пяти первым главам *«Калилы и Димны»* (главам о льве и быке; о вороне и голубе; о сове и вороне; об обезьяне и черепахе; о благочестивце и ласке. В главу о льве и

быке был включен рассказ о страннике и золотильщике, который в книге «Калила и Димна» выделен в самостоятельную главу). В книге «Махабхарата» содержится три главы из «Калилы и Димны» (глава о кошке и крысе; глава о царе и птице Фанза; глава о льве и шакале-постнике). Ученые и исследователи доказали, что глава об Иладе, Шадираме и Ирахте, глава о всаднике, львице и шакале, глава о царевице и его товарищах содержат ясные указания на индийское происхождение.

Великому ученому Абу ар-Рейхани аль-Бируни было известно об индийском происхождении «Калилы и Димны»; в своей книге «Исследование индийских сказаний» он писал: «У них (у индийцев) существует множество различных наук и несметное количество книг; я не знаю их всех, но как я хотел бы перевести книгу «Панчатантра», которая известна у нас под заглавием «Калила и Димна»! Эту книгу с индийского перевели на персидский, а с персидского на арабский и многие другие языки, но по причине изменений, которые в нее внесли, этот перевод ненадежен. Так, Абдаллах ибн аль-Мукаффа, выполнивший эту работу, ввел туда главу о Барзуи. Сделал он это для того, чтобы посеять сомнение в людях неустойчивых в вопросах веры и склонить их к манихейству. А раз он добавил эту главу, то и прочие части, возможно, также подверглись «изменениям».

Следует также добавить, что в «Шах-наме» (ч. 2) и в «Августейшей книге» мы встречаем упоминание о передаче «Калилы и Димны» в сокровищницу Хосрова Ануширвана и об отправке Барзуи в Индию на поиски этой книги. Об этом же пишет ас-Саалиби в своей книге «Славные дела персидских царей».

Перевод книги на пехлевийский язык. В главе об отправке Барзуи рассказывается о том, что книга «Калила и Димна» была переведена с индийского на пехлевийский язык (язык древней Персии) в эпоху царя Хосрова Ануширвана (VI в.). Из книги ад-Динавари «Аль-Ахбар ат-тываль» также следует, что персам эпохи Хосрова и Бахрама была известна книга под названием «Калила и Димна». По всей вероятности, главы этой книги в своем первоначальном, индийском варианте не составляли какой-либо одной книги и не принадлежали перу одного автора, хотя ее и приписывают философу Бейдебе, который поспорил с индийским царем Дабшалимом по вопросам этики и поэтому сочинил для него эти рассказы.

К имеющемуся переводу на пехлеви персы добавили несколько глав, в том числе главу об отправке Барзуи на поиски книги и главу о мышинном царе; кроме того, они сократили часть рассказов и видоизменили их применительно к персидской традиции.

Перевод книги с пехлеви на арабский язык. Когда династия Омейядов пала, настал конец и всему злу и унижениям, которые персы терпели от арабов. Жизнь мавлянов текла в условиях нового строя спокойно, и они стали сопер-

ничать с арабами в культуре, стараясь перевести как можно больше книг с древнего пехлевийского языка и способствовать тем самым распространению древней персидской культуры. В этом им оказывали всяческую поддержку аббасидские халифы. Соперничество между арабами и персами проявлялось во всех областях жизни; арабы похвалялись перед персами своей религией, военными успехами и древней поэзией; персы в свою очередь оперировали науками, с которыми они познакомили арабов, и переводами на арабский язык наследия своих отцов. Ведущая роль среди персов принадлежала Ибн аль-Мукаффе, который перевел с пехлевийского на арабский язык книгу «Калила и Димна».

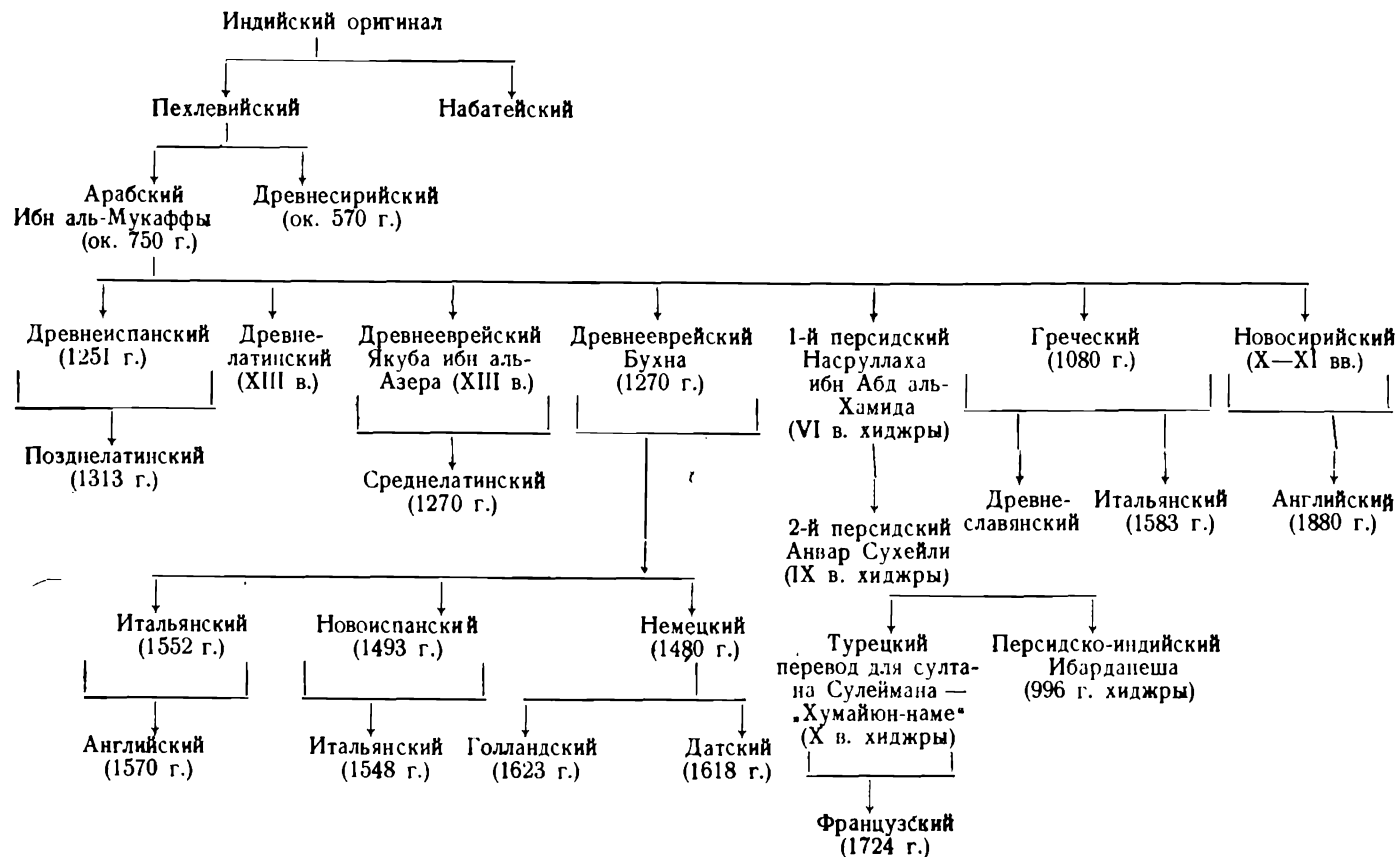
Переводя эту книгу на арабский язык, Ибн аль-Мукаффа преследовал цели реформаторского, воспитательного и социального характера, стремился познакомить арабов с памятником персидской старины, а также пытался прочесть наставления халифам в таком виде, в каком они не вызвали бы гнева Абу Джаафара аль-Мансура.

Некоторые исследователи считают, что книга «Калила и Димна» была переведена на арабский язык несколько раз; в подтверждение этой версии они приводят слова автора «Аль-Фихриста»¹, который, перечисляя названия индийских книг, содержавших легенды, басни и рассказы, говорит о «Калиле и Димне» следующее: «Книга «Калила и Димна» состоит из семнадцати, а некоторые считают, что из восемнадцати глав, и переводили ее Ибн аль-Мукаффа и другие». Ссылаются также на книгу «Откровение мысли» («Кяшф аз-зунун»), автор которой Хаджи Халифа говорит: «Затем в эпоху ислама ее перевел с персидского на арабский язык Ибн аль-Мукаффа, пиисец Абу Джаафара аль-Мансура, аббасидского халифа. Затем перевел ее с персидского на арабский язык Абдаллах ибн Хиляль аль-Ах-вази для Яхьи ибн аль-Халида Бармакида в царство халифа аль-Махди в году сто шестьдесят пятом (781 году н. э.)». Очевидно, и разница в числе глав, и разночтения в различных экземплярах идут от разных переводов.

Многие считают, что Ибн аль-Мукаффа не ограничился переводом, а добавил несколько глав от себя, в том числе и вводную главу к книге. Большинство также считает, что Ибн аль-Мукаффа не переводил книгу слово в слово — текст подвергся и изменениям и дополнениям; он делал это, желая применить книгу к новому мировоззрению и исламской этике арабов, чтобы она стала для халифов и их подданных тем, чем была для индийцев и персов.

Арабский текст книги неоднократно переиздавался, однако

¹ «Аль-Фихрист» — богатейший справочник по арабской литературе, составленный в X веке, произведение арабского исследователя литературы Абу-ль-Фараджа Мухаммеда ибн Аби Якуб аль-Варрака, по прозвищу ан-Надим. — *Прим. ред.*

большинство изданий содержит много искажений и потому не заслуживает внимания читателя и критика. Впервые книга была издана в Париже в 1816 году востоковедом Сильвестром де Саси; затем она издавалась в Египте и в Бейруте. Лучшим из этих изданий по языку является издание 1908 года, предпринятое шейхом Халилом Аль-Язиджи, однако и оно не лишено искажений. Наиболее полный и правильный текст книги «Калила и Димна», хотя в нем также встречаются ошибки, неточности и неудачно переведенные места, был издан Л. Шейхо; наконец, блестящее издание было осуществлено в 1941 году издательством «Дар аль-Маареф» в Египте.

Перевод книги с арабского на другие языки. Книга была переведена с пехлевийского на сирийский язык около 570 года; затем, в 780 году, Ибн аль-Мукаффа перевел ее на арабский язык. Следует отметить, что арабский перевод стал основой для перевода «Калилы и Димны» на другие языки мира, в том числе на персидский, ибо древний персидский оригинал был утерян, а сирийский перевод долгое время был неизвестен. На стр. 346 приводится схема переводов книги Калила и Димна, заимствованная из предисловия доктора Абдель Ваххаба Аззама к каирскому изданию в издательстве «Дар аль-Маареф».

Стихотворные варианты книги. Книга «Калила и Димна» была переложена на стихи несколькими поэтами. Первым из них был Абан аль-Лахики (750—815), который изложил книгу в четырнадцати тысячах бейтов и представил ее Яхье ибн Халиду Бармакиду. Впоследствии этот вариант был утерян, и до нас дошло лишь около восьмидесяти бейтов, сохранившихся в книге ас-Сули «Листы» («Аль-Аурак»).

Сахль ибн Наубахат также переложил «Калилу и Димну» на стихи и преподнес их Яхье ибн Халиду Бармакиду. Затем около 1100 года ее переложил на стихи Ибн аль-Хуббарий, назвав эту книгу «Результат искушения, или Стихотворное изложение «Калилы и Димны»; весь текст дошел до нас целиком. Другие поэты также излагали ее в стихах, однако в стихотворных вариантах большая часть той красоты и изыска, которыми отличается прозаический вариант, теряется.

Содержание книги. В книге «Калила и Димна» подробно излагаются обязанности правителей и подданных, а также нормы поведения для всех людей; она учит, что каждый человек должен быть дружелюбен, искренен в словах и поступках, гостеприимен и т. д.

Правила поведения для царей. Правителям в книге отводится наибольшее место, ибо для них она в первую очередь и предназначается, излагая во всех подробностях различные случаи, которые могут иметь место в их жизни. Книга давала полное представление о жизни правителей, об их дворцах, и благодаря этому любой султан или наместник мог найти

в ней для себя пример и извлечь из нее урок. В некоторых главах, например в главе о льве и шакале, мы находим полный свод правил поведения для правителей.

Правила поведения для царей, содержащиеся в поучениях «Калилы и Димны», требуют следующего: осведомленности о положении дел в стране; кротости и разумности; сдержанности в гневе; верности клятве и обещанию; милосердия и благодеяний; достойного поведения и, наконец, разумной внутренней политики, которая состоит в выборе надежных помощников и стражей, в отказе от принуждения при назначении должностных лиц и приближении к себе некоторых из них, в тщательном знакомстве с личными качествами и способностями должностных лиц и помощников, в назначении каждого на тот пост, который он способен занимать, в контроле за деятельностью и поступками должностных лиц, в наставлениях им, в сохранении тайны и в постоянной справедливости. Далее речь идет о правильной внешней политике, о преимуществах мира перед войной, о правильном подборе послов и т. д. Ниже мы приводим замечательные отрывки из книги, посвященные этим вопросам.

«Царям, да и другим надлежит оказывать добро тем, кто его достоин, поддерживать надежду у тех, кто заслуживает благодарности и похвалы, не взирая на приближенных знатных, ни на вельможных, богатых и сильных и не отстраняться от оказания добра слабым, бедным и ничтожным. Им надлежит выведывать и испытывать и малых и великих, насколько они признательны и насколько прочна привязанность их в минуты измены и неблагодарности, а потом поступать сообразно своим впечатлениям и мыслям»¹.

«Худший из царей тот, кого боятся невинные»².

«Царю надлежит не оставлять наблюдения за помощниками своими, но следить за ними и делами их; дабы не скрылись от него хорошие следствия добрых дел и дурные — злых»³.

Правила дружбы. Вопросу дружбы в книге отведено большое место; ему посвящена специальная глава о голубевых хире, где подробно разбираются и описываются все достоинства дружбы. Наставления о дружбе сводятся к следующему: дружба необходима, она приносит много пользы, и нет в мире радости для того, у кого нет в жизни друга. В книге излагаются основы дружбы, способы ее укрепления и приводится такое изречение: «Основа дружбы — доверие», — говорится, как прекрасна вера в друга и привязанность к нему. Книга рекомендует три способа укрепления дружбы: совместную трапезу, посещение дома, оказание благодеяний и уважение к семье друга.

¹ «Калила и Димна», перевод И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина, Academia, М., 1934, стр. 319—320; далее цитаты приводятся по этому же изданию.

² Там же, стр. 304.

³ Там же, стр. 307.

Дружба бывает двух видов: дружба на почве духовной близости и дружба на почве взаимной поддержки; первая чище и достойнее второй. В книге проводится различие между дружбой искренней и дружбой фальшивой; вероломство по отношению к друзьям — грех, ибо друг должен всегда оказывать предпочтение своему другу, как это сделал голубь-вахирь. По мнению автора книги, признак друга — выказывать дружбу к товарищу своего друга и вражду к его врагу.

Воспитание духа. В книге «Калила и Димна» говорится о необходимости и большом значении разума. Разум нужнее в жизни, чем сила, ибо дела решаются не силой, а разумом и хитрость может всегда победить силу. Умный человек может распоряжаться собой, своими делами, своим временем, а также и другими людьми. Поэтому ему надо искать совета у осторожных людей; в этой связи в книге говорится:

«И если даже принимающий совет совершеннее разумом советника своего, он еще более укрепится умом через разум того, как огонь разгорается сильнее от масла».

Книга проповедует такие качества, как отвага, великодушие, дружба, чувство долга, преданность, доверие, благочестие, воздержание в этом мире и готовность к переходу в мир иной, гостеприимство; книга осуждает качества, обратные этим, и предостерегает от злобы; в ней говорится: «Раны, нанесенные языком, не заживают; огонь ненависти не угасает».

Ценность книги. Факт, что книга «Калила и Димна» столь часто упоминается, столь широко известна и распространена, что она пользуется большим успехом среди людей различных классов и направлений, свидетельствует о ее огромной исторической, философской и литературно-художественной ценности.

Историческая ценность книги. Историческую ценность книги определяет то, что она содержит сведения об условиях жизни и образе мышления ее авторов, а также ее переводчиков с индийского на персидский и арабский. Она знакомит нас с жизнью индийцев, их мировоззрением и социальными взаимоотношениями, рассказывая, например, о вражде между брахманами и буддистами (глава об Иладе, Шадираме и Ирахте), об одеяниях брахманов, об обрядах посвящения в сан, жертвоприношении и других (предисловие Бахнуда ибн Сахвана); мы узнаем также из нее о запрещении есть мясо, которое следует заменять плодами (глава о всаднике, львице и шакале), о пренебрежительном отношении к женщинам (глава об обезьяне и черепахе и многие другие главы). Книга дает нам представление об образе мышления персов, об их благочестии и высоких идеалах; она рассказывает нам также о завоеваниях Александра, излагая посвященные ему восточные легенды, о жизни в царских дворцах в древности, о дворцовых интригах и заговорах (глава

о льве и быке); о внешней политике государств, о войнах между царями и народами (глава о сове и вороне). Наконец, она знакомит нас с положением арабских государств в эпоху Ибн аль-Мукаффы, свидетельствуя о том, насколько они нуждались в реформах.

Философская ценность. Философская ценность книги проявляется в ее нравственных поучениях. Шейх Ибрагим аль-Язиджи говорит по этому поводу: «В этой книге нет ни одной строчки, ни одного слова, которые не содержали бы в себе мудрости, направленной на обогащение разума, воспитание нравственности мышления, и поучений о земной и загробной жизни... она являет собой редкую сокровищницу не только восточной, но и общечеловеческой мудрости и, несмотря на свой небольшой объем, содержит больше мудрости, чем какая-либо другая книга». Мудрость книги — это духовная мудрость, основанная на милосердии, на стремлении к добру, ставящая себе целью воспитание достойных качеств и оказание помощи людям, украшение человеческой души и совершенствование людских добродетелей.

В книге отчетливо видно влияние греческой философии, а также индийской и персидской мудрости; они тесно переплетаются здесь. Греческий ум проявляется в четкости и логике изложения; индийский и персидский — в высоких идеалах, в благочестии и мистицизме.

Философию «Калилы и Димны» пронизывает мысль о судьбе и роке — это ее основа: «Нет ничего хорошего или дурного, что не было бы предопределено тому, кого оно постигнет в свой день и срок»¹.

Судьба неизвестна человеку, и от нее нельзя уберечься: «Разве пронизательность ограждает от скрытой судьбы, которая не видна и от которой не убережешься?»² От нее нет спасения, и потому человек не может отвечать за свои поступки. Вера в предопределение судьбы должна сочетаться с решительностью и силой воли (глава о царе и птице Фанза).

Философию «Калилы и Димны» характеризует пессимизм; он проявляется в преувеличении глупости царей, пренебрежительном отношении к людям, в частности к женщинам: «Золото узнается огнем, честность — займом и оплатой, сила животных — тяжелой ношей, а женщин не узнаешь ничем», «...им нельзя доверять, и на них нельзя полагаться» (глава об обезьяне и черепеке)³.

Бедность — основа всех несчастий: «Бедность — вершина всех несчастий, навлекающая на бедняка злобу людей. Вместе с тем ею же похищаются ум и доблесть и через нее же уходят

¹ Там же, стр. 193.

² Там же, стр. 209.

³ Там же, стр. 247.

знание и благовоспитанность»¹, «она — источник дурных мнений и собрание всех несчастий».

В книге имеется много ошибочных положений, однако она укрепляет разум и ставит его во всем на первое место.

Литературная ценность книги. Метод поучений «Калилы и Димны» состоит в следующем: еще в «Наставлении для малых дел» Ибн аль-Мукаффа писал: «Если речь принимает форму притчи, то логика речи становится более ясной, смысл ее более понятным, ее звучание более приятным и она более доступна современным людям. Именно по такому методу и написана книга «Калила и Димна». Она ввела в арабскую литературу метод подробного изложения рассказов языком животных, вкладывая в их уста мудрые изречения и проповеди и скрывая под этой забавной, шутилой формой разнообразные поучения. В таком виде поучения легче проникают в души людей, становятся понятными каждому, кто их читает, и доставляют удовольствие слушателю: «Мудрые предпочитают эти притчи из-за их мудрости, простаки — из-за их забавной формы».

В книге множество рассказов, связанных и переплетающихся друг с другом. В увлекательной форме беседы они излагают различные по содержанию мысли, которые логически вытекают одна из другой; каждый из рассказов связан с каким-либо конкретным случаем. Взаимосвязь между отдельными рассказами — одно из средств заставить читателя не останавливаться на одной из притчей, а прочесть и остальные, чтобы постичь смысл их всех в совокупности и таким образом обогатить наиболее легким и приятным путем свой разум, душу и сердце мудростью этих притчей.

Стиль «Калилы и Димны» значительно выигрывает от сочетания разговорного и повествовательного жанров: повествование придает изложению мягкость, а беседа оживляет текст. Однако временами диалог преобладает над повествованием и многочисленные аргументы, наслаиваясь друг на друга, затрудняют изложение: один аргумент следует за другим и уводит читателя от основной темы настолько далеко, что последовательность изложения полностью нарушается. Это происходит потому, что автор стремится привести в качестве доказательств как можно больше мудрых изречений. Следует отметить, что построение отдельных глав книги отличается некоторой монотонностью, ибо начала всех глав очень похожи друг на друга; так же однообразны переходы от одной главы к другой и порядок изложения вопроса, которому посвящается глава. Однако эта монотонность компенсируется целенаправленностью каждой главы, четкостью изложения темы и ясным определением морали каждой притчи.

Поскольку притча служит методом построения «Калилы и

¹ Там же, стр. 203.

Димны», а также художественным средством для изложения мудрых поучений, мы сочли нужным уделить ей особое место в нашем исследовании, тем более что притчи «Калилы и Димны» оказали большое влияние на другие всемирно известные образцы этого жанра.

Притчи в «Калиле и Димне». Исторически притча сложилась как небольшой рассказ, содержащий мудрые поучения и наставления, героями его обычно являются животные. В этом первоначально сложившемся виде притча просуществовала много веков, претерпевая постепенно различные изменения. Некоторые называли их «Поэмами о животных», а французский баснописец Лафонтен определил этот жанр как драматургию широкого плана, принимающую различные и многообразные формы. Притчи эти были у всех на языке — люди пользовались ими в беседе между собой, чтобы аргументировать мудрость своих слов или поступков.

✓ Притча — самый древний и самый распространенный жанр литературного творчества, впервые возникший на Востоке в силу врожденной склонности жителей Востока к афоризмам и аналогиям. Из восточных стран раньше всех, если не первая, познакомилась с этим жанром Индия; индийцы знали огромное количество легенд, афоризмов, и их литература стала неиссякаемым источником, питавшим всех сочинителей притч; одним из самых великих и самых древних источников была «Калила и Димна». Арабам также были известны притчи, вложенные в уста животных, однако они не получили большого распространения и пользовались успехом в узком кругу. Жанр притчи представлен в «Калиле и Димне» в различных видах и формах. Здесь встречаются притчи, похожие на басни греческого баснописца Эзопа и стихи римского поэта Овидия; они лишены всяких художественных красот и имеют лишь одну цель: донести свою мудрость в кратчайшей и наиболее доступной форме. Такая притча лишена динамики и драматического действия, ибо героиня ее — это лишь символы, вещающие мудрость, а не образы, отображающие жизнь в действии, они не вызывают к чувствам, и в них не слышно биения жизни. Притчи такого типа мы встречаем в большом количестве в главе о враче Барзуи.

Другой вид притчи — это небольшие сценки и увлекательные рассказы. Среди них есть длинные притчи, занимающие целые главы, например притча о льве и быке (в главе о льве и быке) или притча о сове и вороне (в главе о сове и вороне), но есть и короткие, являющиеся как бы отдельными частями длинных; они приводятся в качестве доказательства истины, подтверждения мудрости или объяснения какой-либо мысли. К таким притчам относятся притча об обезьяне и плотнике или притча о черепахе и о двух утках в главе о льве и быке, а также притча о льве, шакале и осле в главе об обезьяне и черепахе. Рассмотрением этих притч-сенок мы и займемся в нашем исследовании.

В притче-сценке сочетаются элементы драматического и басенного жанров. Основные ее элементы следующие: повествование, которое ведется от лица самого автора — он поясняет читателю происхождение притчи; характеристика героев, которая дается в речи людей и животных или же выводится на основании их поступков; само драматическое действие — герои его попадают все вместе в затруднительное положение, но в конце концов находят из него выход; здесь же дается описание места действия. Наконец, основной элемент притчи — мудрый афоризм, мораль, к которой ведет изложение всей притчи и которая придает всему произведению глубокий смысл.

Повествование содержится обычно в длинных притчах, где изложение течет медленно и величаво; автор вводит читателя в курс дела, рассказывает о времени и месте действия, связывает воедино мысль и действие, показывает, к каким последствиям приводят определенные слова и поступки, и объясняет их мотивы. Повествование замедляет и утяжеляет изложение, лишает действие живости, хотя и придает притче степенность и значительность.

«Бык (Матраба) призвал на него благословение, воздал ему хвалу и остался у него. Лев приблизил его и с почтением и лаской относился к нему. Испытав его и обнаружив в нем рассудительность и ум, он доверил ему тайны свои и советовался с ним о делах своих. И чем дольше жил у него бык, тем больше проникался лев к нему восхищением и любовью и приближал его так, что стал бык отличным у него по сану перед всеми друзьями» (глава о льве и быке) ¹.

В длинных притчах очень много отступлений от содержания, это позволяет автору усыпать текст мудрыми изречениями, ради которых в основном и создавалась книга «Калила и Димна».

В коротких притчах повествование отличается большей живостью. Вводная часть здесь гораздо короче; она просто знакомит нас с действующими лицами и местом действия и сообщает нам в нескольких словах все, что необходимо знать для правильного понимания притчи:

«Говорят, что жил лев в одной области, богатой растительностью и водой» (притча о льве и зайце из главы о льве и быке) ².

«Говорят, что лев жил в чаще и с ним вместе был шакал, питавшийся остатками его пищи. Постиг раз льва сильный недуг...» (притча о льве, шакале и осле из главы об обезьяне и черепахе) ³.

И как только кончается введение, начинается диалог:

«...и сказали (звери):

¹ Там же, стр. 115.

² Там же, стр. 124.

³ Там же, стр. 249.

— Ты захватываешь какое-нибудь животное из нас лишь после утомительного и изнурительного труда...» (притча о льве и зайце) ¹.

«И сказал ему шакал:

— Что с тобой, о господин зверей...» (притча о льве, шакале и осле) ².

После этого автор исчезает и появляется вновь лишь для того, чтобы собрать всех действующих лиц, которых он сам разделил, и перенести нас в другое место действия или же чтобы связать вопрос одного из персонажей с ответом другого.

Но и повествование в «Калиле и Димне» используется тоже для того, чтобы высказать мудрое изречение, а притчи, преследуя воспитательные цели, содержат поучения и излагают нормы морали. Подчиняясь этим целям, оно поэтому подразделяется иногда на отдельные части, которые переплетаются между собой, давая тем самым автору возможность цитировать многочисленные афоризмы. И хотя это ведет к отклонениям от темы и многословию, повествования в «Калиле и Димне» очень хороши, а благодаря разнообразию наблюдений, поучительности уроков и неожиданным заключениям они читаются с большим удовольствием.

В конце притч «Калилы и Димны», как правило, повторяется основная тема и истолковывается их смысл; заключение содержит также призыв к свершению столь же благих поступков, которые совершали действующие лица притчи, и к воздержанию от дурных поступков и пороков.

Характеры. В «Калиле и Димне» притчи излагаются устами животных и людей; герои этих рассказов действуют в соответствии со своими природными качествами, и мы находим в книге глубокий анализ этих качеств и характеров. Звери и птицы выступают в «Калиле и Димне» в двух обликах — в облики людей и облики животных. Автор весьма удачно сумел совместить оба этих момента: он наделил своих героев инстинктом и другими характерными чертами животных и в то же время качествами, присущими природе людей: склонностями, мыслями, разнообразными чертами характера, нетерпимостью к противоречиям как в личном, так и в общественном плане. Поэтому мы и видим, например, шакала то подлым и хитрым, то благочестивым, целомудренным и мудрым. Мы видим двух братьев-шакалов — Калилу и Димну, которые, как это часто бывает среди людей, совершенно непохожи друг на друга как по своим взглядам, так и по своим поступкам, а рядом с ними мы видим крысу, освобождающую из беды кошку, но предпочитающую дальнейшую дружбу лишь на расстоянии. Итак, мы не находим в «Калиле и Димне» точного описания зверей, их внеш-

¹ Там же, стр. 125.

² Там же, стр. 280.

ности и характерных черт, ибо автора интересует в первую очередь моральная сторона вопроса, все же остальное он оставляет домысливать читателю.

Люди говорят в притчах «Калилы и Димны» от своего имени и выступают героями рассказов: поступки их, как правило, дурны и свидетельствуют скорее об их пороках, чем о достоинствах. Это не должно нас удивлять — ведь автор поставил себе целью улучшить человеческую натуру и излечить болезни общества, поэтому он без стеснения показывает все людские пороки: низость, лживость, алчность, стремление подавлять и угнетать, стараясь таким образом заклеить и искоренить их. Притчи выражают также его пренебрежение к женщине, которую он редко изображает благородной и достойной уважения.

Критика в «Калиле и Димне» адресована людям и обществу вообще, но в частности она касается отношений между правителями и подданными. Автор «Калилы и Димны» выступает как критик общественных устоев в широком плане, причем это не критика ради критики, так как автор указывает средства избавления от пороков, к тому же в ней нет и тени издевки.

Действие. Притчи в «Калиле и Димне», как правило, представляют собой различные по величине отрывки. Длинные притчи, как, например, глава о сове и вороне, являются почти всегда чем-то средним между драматическим произведением и эпической поэмой. Такие притчи несколько напоминают поэмы Гомера, содержащие описание сражений, дышащие огнем битв. В них ярко показаны хитрость и интриги противников, которые стараются поставить друг друга в тяжелое и опасное положение; затем в медленном и величественном повествовании, прерываемом эпическими отклонениями, которые расширяют рамки рассказа, узел интриг постепенно распутывается. Некоторые притчи, как, например, притча в главе о льве и быке, напоминают трагедии Шекспира, их можно подразделить на акты и картины; для них характерны психоанализ и драматизм действия, волнующий и увлекающий читателя, они полны картин, рисующих страшные последствия битвы. Другие притчи, как, например, в главе о льве и шакале-постнике, представляют собой психологические драмы, где правда побеждает ложь, в частности эта притча поражает сценическим характером построения — это настоящая драма из пяти актов, четко подразделенных на явления и картины в соответствии со всеми требованиями театрального искусства. В коротких притчах действие менее запутанно и более просто, чем в длинных. Действующие лица всех притч — это живые характеры, они как бы живут на сцене; их поступки проходят стадии завязки, драматического действия, кульминационного пункта и затем естественной развязки — так, как это и бывает в жизни. Однако эти действующие лица не забывают, что основная задача притчи — извлечение морали и что все их поступки должны привести к этой морали. При всем этом

драматическое действие, так же как описание и анализ нравов, не является здесь только художественным методом.

Место действия. Место, где разворачивается действие притчи, как правило, место обитания животных — природа во всем ее разнообразии: то простая, то величественная и волшебная; огромные деревья с вороньими гнездами и смоковницы — обиталище обезьян, — растущие на берегах и простирающиеся над водой свою тень, тенистые заросли виноградников, где нежатся, предаваясь приятной беседе, четыре друга.

Автор не ставит себе в притчах целью описание природы и не стремится к описанию ради описания, поэтому мы не найдем в его книге отдельных картин места действия. Он исключительно сдержан; его описания укладываются в одно или несколько слов, рисующих лишь то, что необходимо для понимания рассказа или развития действия: «Говорят, что в одной земле, населенной слонами, случился ряд бездождных годов. Началась засуха, уменьшилась вода, и иссякли источники. Тогда охватила слонов сильная жажда...» (притча о зайце и царе слонов из главы о сове и вороне)¹.

Мудрые изречения в «Калиле и Димне» — это ее основа основ, цель, к которой автор стремится прежде всего. Все герои повествования наделены мудростью, и говорят и действуют они на протяжении всей притчи как мудрые существа, стремятся утвердить истинную мудрость и убедить в необходимости подчинять ей свои поступки. Мудрые афоризмы содержат не только мораль каждой притчи «Калилы и Димны», не только ее начало и конец — они рассыпаны по всему тексту и приводятся при каждом удобном случае. Этих афоризмов в книге так много, что читать ее порой становится утомительно; в одной и той же притче, по поводу одного и того же слова приводятся изречения, разные по форме и по содержанию, иногда лишь с единственной целью: дать их как можно больше. Все эти мудрые афоризмы несут печать восточного благочестия и праведности, хотя, как правило, в основе этой мудрости лежит не религия, а опыт, разум и мышление.

ИБН АЛЬ-МУКАФФА — СОЦИАЛЬНЫЙ РЕФОРМАТОР

Мотивы его реформаторской деятельности. Причина, побудившая Ибн аль-Мукаффу перевести «Калилу и Димну», «Наставление для великих дел» и «Наставление для малых дел», а также написать «Трактат о сподвижниках», одна — стремление выдвинуться. В эпоху Омейядов мавляны занимали в обществе самое презренное положение, поэтому, когда после победы Аббасидов жизнь потекла по новому руслу и в стране утвердились новые порядки, арабы ограничи́ли свое

¹ Там же, стр. 220.

сопротивление новым порядкам областью поэзии, где они могли похвалиться перед мавлянами; последние занялись переводами книг с древнепехлевийского языка и развили бурную деятельность по распространению древнеперсидской культуры. Таким образом, мавляны обрели в борьбе против арабов очень сильное оружие. Позднее они стали подвергать критике арабское общественное устройство и предлагать лечить его персидскими методами, пытаясь возродить персидское общество со всей его политической структурой, этикой и литературой.

✓ Ибн аль-Мукаффа был одним из вождей этого реформаторского движения персов; он был свидетелем переворота, лично знал Абу аль-Аббаса ас-Саффаха (750—754) и Абу Джаафара аль-Мансура, которые стремились укрепить свою власть с помощью террора и насилия. Абд аль-Лятыф Хамза писал: «Аль-Мансур — это политикан типа Макиавелли. Поистине жизнь этого халифа (мы имеем в виду его личную жизнь) является яркой иллюстрацией его нрава и исчерпывающим образом объясняет историкам, каким образом халифат превратился под властью Аббасидов в государство, где религия, семья и мораль играли такую ничтожную роль, а значение имели только чувственные наслаждения и политические страсти».

✓ Ибн аль-Мукаффе были известны пороки современного ему общества и его политики, и он отрицательно относился ко многим явлениям в жизни молодого государства. Он видел, что большинство пороков общества родилось по вине правителей, а также из-за того, что в государстве весьма ограничена политическая свобода. Он хотел быть для правителя тем, чем был Бейдеба для царя Дабшалима, и занять пост, который предоставил бы ему возможность давать советы, не подвергая себя угрозе смерти. Он написал «Трактат о сподвижниках», где критика перемежалась с восхвалениями халифа, которого он наделял огромной силой. Затем Ибн аль-Мукаффа занялся переводческой деятельностью и перевел ряд книг, с тем чтобы на основе истории персов дать аббасидскому государству и его политическим деятелям образцовые советы и поучения. Особое значение он придавал переводу книги «Калила и Димна»; он неустанно пропагандировал ее, разъяснял ее смысл и необходимость действовать в соответствии с ее указаниями, пытаясь тем самым осуществить свои реформаторские цели. ✓

Сущность реформаторской деятельности Ибн аль-Мукаффы. В настоящем исследовании мы перечислили те произведения Ибн аль-Мукаффы, где излагается сущность реформ, и показали те пороки, которые он находил в халифах, правителях, придворных, судьях, военных, сборщиках налога, а также в народе и которые он хотел искоренить. Короче говоря, Ибн аль-Мукаффа понимал, что источник пороков правителя — политика угнетения и порабощения подданных, а источник пороков подданных — их невежество. Чтобы избавить

народ от гнета и порабощения, он предлагал халифам тщательно подбирать себе помощников и советников, а также установить режим, основанный на разуме и справедливости. Для того чтобы подданные перестали быть невежественными, он предлагал им развивать разум и расширять знания путем собеседований и размышлений, прибегнув к помощи истинных друзей; им должен также помочь самоанализ и постоянная мысль о загробной жизни.

Характер реформаторской деятельности Ибн аль-Мукаффы. В своей деятельности, направленной на реформу аббасидского общества, Ибн аль-Мукаффа опирался на историческое прошлое персов, их законодательную систему и литературу. Он предлагал халифам руководствоваться в своей политической и общественной деятельности положениями, известными ему из истории персов, ибо в сасанидской Персии он видел высший идеал государства, основанного на разуме и справедливости. Он всячески старался убедить арабов точно скопировать эту государственную систему, и в успехе и пропаганде арабам этих идей ему очень помогло искусство писателя.

Ибн аль-Мукаффа был идеалистом, всегда стремившимся и в своем литературном творчестве и в своих мыслях к высшему идеалу. Если он писал о правителе, то изображал его таким, каким тот должен быть, то есть справедливым вождем своего народа. Вместе с тем писатель считал, что именно правитель должен обладать всей полнотой авторитета в сфере мышления, политики, нравов и поведения. Если же он писал о друге, он опять же описывал высший идеал, к которому должен стремиться друг.

ИБН АЛЬ-МУКАФФА КАК ПИСАТЕЛЬ

Ибн аль-Мукаффа — глава прозаиков. Ибн аль-Мукаффа был одним из руководителей определенного течения в письменной литературе, впервые появившегося в эпоху Аббасидов. Он также являлся одним из создателей арабской художественной прозы, которая пополнилась благодаря ему переводными работами и сборником трактатов. Ибн аль-Мукаффа, так же как и Абд аль-Хамид ибн Яхья, работал над совершенствованием прозаических жанров; он стремился разнообразить сюжеты прозаических произведений, сделать их более яркими, используя в прозе различные художественно-изобразительные средства.

Когда мы говорим о писательском искусстве Ибн аль-Мукаффы, проявляющемся в его книгах, нам невольно бросается в глаза существенная разница в стиле его «Наставлений», «Калилы и Димны» и других произведений. Причина этого в том, что текст «Калилы и Димны», который прошел в течение веков через множество рук, не раз подвергался искажениям; из него

были исключены все грубые и запутанные места, в результате чего изложение стало плавным и гладким. Однако старинные рукописные тексты книги убедительно показывают, что стиль Ибн аль-Мукаффы в данном произведении по существу ничем не отличается от его стиля в других произведениях. Вообще же говоря, в прозе Ибн аль-Мукаффы нет той равномерности, которая характерна, например, для прозы Абд аль-Хамида, и в этом нет ничего удивительного, ибо проза Ибн аль-Мукаффы предельно насыщена философским содержанием и мудростью, в то время как сам Ибн аль-Мукаффа не был ни философом, ни мудрецом. Он достиг всего этого благодаря огромным усилиям, и его произведения свидетельствуют о большом труде, вложенном в них. Кроме того, труд Ибн аль-Мукаффы в его «Наставлении для малых дел» не является вполне самостоятельным — это мысли, которые он записал со слов мудрых людей, не особенно заботясь об окончательной отшлифовке фраз; поэтому в данном произведении и встречается много запутанных, сложных для понимания мест.

Далее мы остановимся на некоторых особенностях художественного стиля Ибн аль-Мукаффы, которые мы смогли заметить, окинув беглым взором все его произведения.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СТИЛЬ ИБН АЛЬ-МУКАФФЫ

Ибн аль-Мукаффа — перс по происхождению — положил в основу своего художественного стиля традиционный арабский стиль, дополнив его элементами персидской, греческой и индийской культур. Его стиль явился новой формой проявления арабского духа, взявшего в нем верх над персидской основой; в стиле Ибн аль-Мукаффы сочетались арабская лаконичность и арабское ораторское искусство с персидской страстью к преувеличениям, с логикой греков и мудростью индийцев. В его стиле чувствуется мягкость бедуинской речи, которой он научился у рода аль-Ахтам, и одновременно персидская изнеженность; в нем отразились ученость греков и аристократизм индийцев, который нашел проявление в тщательном подборе слов.

Ибн аль-Мукаффа был в первую очередь мыслителем, в творчестве которого искусство подчинялось разуму; свои мысли он облакал в художественную форму, выбирая такой стиль, который придавал мысли наибольшую четкость и ясность. Творчество Ибн аль-Мукаффы отмечено также и ораторским искусством — изяществом языка, красноречием, риторическими приемами, однако писатель прибегает к этим средствам лишь тогда, когда в них возникает необходимость, — это наиболее характерная черта его произведений. Ибн аль-Мукаффа не уделяет большого внимания красоте и совершенству стиля — он заботится прежде всего о красоте содержания и поэтому редко прибегает

к рифмованной прозе или благозвучным сочетаниям, как это делает Абд аль-Хамид. В то же время в некоторых его сочинениях, как, например, во введении в книгу «Калила и Димна», мы встречаем некоторые рифмованные словосочетания и замечаем определенный ритм.

То, что Ибн аль-Мукаффа придавал огромное значение смыслу произведения, заставило его обратиться к разговорному стилю изложения; весь текст он разделил на отдельные части, которые в свою очередь подразделяются на отдельные предложения, прерываемые знаками препинания. Мысль его течет плавно, без напряжения; каждое из своих заключений он убедительно аргументирует. Предпочтение, отдаваемое им содержанию, ведет к удлинению предложений, к степенности и плавности изложения — оно льется с аристократической медлительностью, ничем не прерываясь, спокойно, никуда не отклоняясь, в одном и том же тоне; всего этого автор достигает с помощью разнообразных средств: использования предлогов, союзов и относительных местоимений. Длинноты в изложении иногда вызваны необходимостью, возникающей при переводе, когда отдельные предложения переплетаются настолько тесно, что их невозможно отделить друг от друга: «Что же до двух уток, вылетевших из-за твоей спины и опустившихся перед тобой, то это значит, что придет к тебе от царя Балха некто с двумя конями, подобных которым нет во всей земле, и станет перед тобой» (глава об Иладе, Ирахте и Шадираме) ¹.

Причина этих длиннот отнюдь не любовь автора к многословию — Ибн аль-Мукаффа был весьма сдержан в словах, хотя ничего в тексте и не пропускал. Он предпочитал лаконичность, однако это особая лаконичность, следуя которой он прежде всего подчинял изложение смыслу: он не прибегает к лаконичности в тех случаях, когда чувствует, что какая-либо мысль может быть неясна для рядового читателя, — в этом случае он повторяет свою мысль в других параллельных словосочетаниях. Иногда для более подробного пояснения какой-либо мысли он приводит притчу или даже целый рассказ, как это видно на примере его введения к книге «Калила и Димна».

Забота Ибн аль-Мукаффы о точной передаче смысла заставляет его тщательно подбирать выражения, чтобы донести свою мысль до читателя с абсолютной четкостью и ясностью, исключаяющей двусмысленность. Рассказывают, что Ибн аль-Мукаффа часто останавливался, когда писал, и если его спрашивали, почему он так делает, отвечал: «Слова теснятся в моей груди, и я жду, чтобы выбрать из них нужное».

Стремясь к ясности и следуя своей природной мягкости и искренности, он избегал неводержанности и излишеств в речи. Он говорил: «Прибегать к архаическим выражениям для укра-

¹ Там же, стр. 265.

шения речи — самый большой недостаток». Он также говорил: «Стремясь к легким словам, избегай слов низменных».

Ибн аль-Мукаффе абсолютно чужда художественная гиперболизация — будь то ради красоты звучания или ради красоты описания; отличительная черта его метода — отсутствие детализации в передаче воображаемых им картин, исключение составляет лишь «Калила и Димна», где это обусловлено характером оригинала. Если он прибегает к сравнениям, то они весьма просты и цель его при этом — пояснение мысли, а отнюдь не художественное украшательство.

Стремление Ибн аль-Мукаффы соблюсти при переводе точность и его верность оригиналу бывает иногда излишней и даже мешает ему. В его трудах встречаются тяжелые, запутанные конструкции, которые можно объяснить прежде всего нарушением правил употребления местоимений.

Его речь утяжеляется также потому, что он меняет порядок слов и опускает некоторые из них; то же самое относится и к отдельным предложениям; в некоторых случаях он заменяет главное предложение придаточным или наоборот; кроме того, он часто употребляет предложения с союзом «что», как, например, в «Наставлении для великих дел»: «Среди нравов, от которых тебе следует отказаться: если человек рассказывает тебе что-либо известное, ты не должен его перебивать, стеснять его, вмешиваться в его рассказ, чтобы у людей не создавалось впечатления, что ты знаешь то же, что знает он; также не следует расхваливать его за это и выделять его за это».

Однако все это не может умалять значения творчества Ибн аль-Мукаффы; его художественный метод остается образцом древней классической письменной литературы благодаря плавности речи, ее аристократической медлительности, гармоническому сочетанию выражений со стилем изложения, мягкости звучания речи, ее легкости и напевности. Поэтому не удивительно, что его метод называют «методом недоступной легкости», ибо невежда думает, что достичь этой легкости очень просто, но, попытавшись подражать ей, убеждается, что это невозможно.

Итак, нет ничего удивительного в том, что Ибн аль-Мукаффа оказал большое влияние на все дальнейшее развитие арабского общества; нет ничего удивительного и в том, что мысли, которые пропагандировал Ибн аль-Мукаффа, были неиссякаемым источником мудрости для всего Востока — они проникали в стихи поэтов, в мудрые строки философов и мыслителей, в труды по различным отраслям знаний и литературе.

ВЛИЯНИЕ ИБН АЛЬ-МУКАФФЫ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Ибн аль-Мукаффа и его творчество, особенно перевод книги «Калила и Димна», оказали огромное влияние на мышление Востока, на его общественный строй и его литературу.

Влияние Ибн аль-Мукаффы на философию и литературу. Поэты и писатели проявляли огромный интерес к творчеству Ибн аль-Мукаффы, некоторые поэты даже перекладывали его произведения на стихи, как это сделал Абан аль-Ляхики с «Калилой и Димной» и «Маздаком». Многие восприняли также его идеи и мировоззрение; с предельной ясностью свидетельствуют об этом стихи Кульсума ибн Амра, стихи Ибн Айюба, известного под именем аль-Аттаби, стихи аль-Мутанабби и др. Его отношение к женщинам, к богатству, к разуму, к храбрости — все это нашло отражение почти во всех произведениях аббасидской литературы.

Для писателей Ибн аль-Мукаффа открыл широкое поле деятельности. Они заимствовали у него методы художественного перевода, поняли необходимость широкого ознакомления арабов с культурой других народов, необходимость расширения границ знаний, заимствования науки и литератур других народов. Ибн аль-Мукаффа осветил им путь к глубокому анализу, к дискуссиям, к высоким образцам художественного творчества. Они пошли по его пути также в сборе высказываний ученых, философов и других деятелей культуры, что чем свидетельствуют такие труды, как «Уйюн аль-ахбар» Ибн Кутейбы, «Аль-Икд аль-фарид Ибн Абд Рабби, «Сирадж аль-мулюк» ат-Тартуши, «Калимат фи-ль-ахляк» Ибн Хазма, а также произведения других авторов, шедших по стопам Ибн аль-Мукаффы. Не ограничиваясь этим, они последовали примеру Ибн аль-Мукаффы в работе над книгами, подобными «Калиле и Димне». Сахль ибн Харун издал книгу «Суля ва Уфра», Ибн аль-Хаббария — книгу «Ас-Садих ва аль-Багим», Ибн Арбаша — книгу «Факихату-ль-хуляфа ва муназарат аз-зурафа», Абу-ль Ала аль-Марри — книгу «Аль-Каиф». Среди трактатов кружка «Братьев чистоты» есть трактат о людях и животных, в котором кое-что напоминает «Калилу и Димну»; это семнадцатый трактат из серии «Природные тела». Следует также добавить, что Ибн аль-Мукаффа ввел новый для арабов жанр рассказа, который ведется от лица животных, подразделив его на различные виды.

Влияние Ибн аль-Мукаффы вышло за пределы литературы и проникло в философию; это видно по трудам аль-Фараби, Ибн Сины и других философов, высказывания которых о политике, о существе власти, о дружбе и т. д. напоминают высказывания переводчика «Калилы и Димны». Кружок «Братья чистоты» заимствовал свое название из главы о вороне, голубе-вахире, крысе, черепахе и газели («Калила и Димна»), а вместе с названием и многие идеи, изложенные в книгах Ибн аль-Мукаффы. В четвертом трактате из серии «Наука о праве и законе» приводятся многие взгляды Ибн аль-Мукаффы о дружбе. Основываясь на них, «Братья чистоты» пишут: «Искренние друзья — это опора религии и всего мира... Если ты найдешь такого, привяжись к нему, ибо это зеница ока, благоденствие в этой

жизни и счастье в загробной жизни, ибо искренние друзья приносят победу в борьбе с врагами... Это столпы, на которых опираются в горе и беде. И если Аллах осчастливит тебя встречей с таким другом, отдай ему свою душу и все, что есть у тебя, защити его честь своей честью, расстели ему свою одежду, поведай ему свои тайны и советуйся с ним во всех делах твоих».

Влияние Ибн аль-Мукаффы на развитие общества. Ибн аль-Мукаффа призывал к реформе власти, суда, системы взимания хараджа и всего, что касалось политики правителя по отношению к его подданным. И действительно, халифы, царствовавшие после аль-Мансура, особенно ар-Рашид и аль-Мамун, заботились о выборе своих сподвижников и приближенных, отличались ученостью, трезвым умом и другими качествами, которые восхвалял в свое время Ибн аль-Мукаффа.

Не остались без внимания и призывы Ибн аль-Мукаффы к реформе суда: после его смерти предпринимаются попытки ввести твердые законы, которыми суды могли бы руководствоваться в своей деятельности. Однако эти попытки встретили упорное сопротивление ученых-богословов и потому не привели к успешным результатам.

Ибн аль-Мукаффа призывал к реформе хараджа, и халифы ответили на его призыв: ар-Рашид призвал ученого-богослова Абу Юсефа и поручил ему написать книгу о харадже.

Так же осуществлялись постепенно реформаторские идеи Ибн аль-Мукаффы в области администрации, суда, армии, порядка сбора хараджа и народного просвещения.

Итак, деятельность Ибн аль-Мукаффы оказалась весьма полезной и для арабской литературы и для арабского мировоззрения. Ибн аль-Мукаффа — достойнейший образец человека разносторонней культуры, глубокой мысли и высокой морали. ◡

Прозаики Ахмед ибн Юсеф, Сахль ибн Харун, Амр ибн Масада

АХМЕД ИБН ЮСЕФ (828) [213]

Абу Джаафар Ахмед ибн Юсеф ибн аль-Касим ибн Субейхи родился в одной из деревень, расположенных близ Куфы. От своего отца и деда он унаследовал любовь к литературе и поэзии. Он был поэтом, писателем и талантливым ученым в области права. Свой диван посланий он посвятил аль-Маамуну, который сделал его своим визирем после Ахмеда ибн аби Халида; Ибн Юсеф добросовестно относился к своим обязанностям и всегда помогал людям, обращавшимся к нему за помощью. Ахмед Ибн Юсеф был высоко образованным человеком и прекрасно владел словом.

Немногочисленные его стихи разбросаны в отдельных литературных трудах. В его посланиях чувствуется влияние Абд аль-Хамида. Он предпочитал стиль белого стиха (*мурсаль*) в его

чистом виде, избегал архаизмов и искусственности; что же касается рифмованной прозы, то к ней он прибегал лишь в редких случаях — в произведениях панегирического характера.

САХЛЬ ИБН ХАРУН (830) [215]

ЖИЗНЬ ПИСАТЕЛЯ

Сахль ибн Харун, перс по происхождению, родился в Дестемисане, между Басрой и Ахвазом. Затем он жил в Басре и Багдаде, где во время правления халифа Харуна ар-Рашида примкнул к Яхье ибн аль-Халиду Бармакиду. Позднее он перешел на службу к аль-Маамуну, которому угодил приверженностью к шуубизму, и в результате был поставлен во главе «Дома мудрости». Умер Сахль ибн Харун в 830 [215] году.

Сахль ибн Харун был шуубитом и отличался фанатическим патриотизмом. Он прославился своей мудростью, за что был прозван «Бузурджмихр¹ ислама». Принадлежа к литературной школе Абд аль-Хамида, он, как и все остальные ученики Абд аль-Хамида, продолжал насаждать в арабской литературе персидское влияние. И если заслугой Ибн аль-Мукаффы была его переводческая деятельность, то Сахль ибн Харун заслужил славу как сочинитель.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

Аль-Джахиз в своей книге «Аль-баян ва ат-табийн» и ан-Надим в «Аль-Фихристе» упоминают многие книги Сахля ибн Харуна, в том числе следующие: «Суля ва Уфра» (написанную в стиле и манере «Калилы и Димны»), «Аль-Ихван», «Аль-Махзуми ва аль-Хузалийя», «Надуд, Вадуд ва Лядуд», «Ад-Дарбейни», «Аль-Газалейни» и др. Им были написаны также трактаты, посвященные скупости, из которых до нас дошла лишь незначительная часть, носящая название «Трактат о скупцах»; ее цитирует аль-Джахиз в своей книге «Скупцы».

Это произведение Сахль посвятил своим двоюродным братьям из рода Рахиян, которые осуждали его мнение о скупости, но разделяли его мнение о наживе.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО ПИСАТЕЛЯ

В книгах Сахля ибн Харуна красота формы дополняется красотой содержания, которая лежит в основе всего его творчества. Красота содержания произведений Сахля ибн Харуна — результат его логического мышления, глубокого анализа и системы толкования явлений, при которой истина выясняется в споре.

¹ Бузурджмихр — легендарный визирь Хосрова Ануширвана, воплотивший в себе все черты идеальных царских советников. — *Прцм. ред.*

Красота формы его произведений основывается на тщательном подборе слов и удачном построении фраз, которые создают определенный ритм произведения. Для этого автор пользуется в большинстве случаев не рифмованной прозой, а своеобразным разделением текста на части и чередованием определенных звуков и пауз; в результате повествование обретает легкую напевность, а всякая напряженность пропадает. Текст изобилует множеством оборотов, созданных автором для рифмовки и гармоничности звучания слов.

Таким образом, в художественном методе Сахля сочетаются логика школы аль-Хамида с гармоничностью звучания и музыкальным ритмом, заимствованным у Ибн аль-Мукаффы, которого он в этом даже превзошел. Склонность к дискуссии, характер композиции, напевность речи и ее легкость значительно приближают Сахля к аль-Джахизу; он указал аль-Джахизу путь и метод, который вызвал впоследствии всеобщее восхищение и имел много подражателей. Следовательно, творчество Сахля ибн Харуна явилось как бы связующим звеном между литературными школами аль-Хамида и аль-Джахиза.

АМР ИБН МАСАДА (832) [217]

ЖИЗНЬ ПИСАТЕЛЯ

Абу-ль-Фадль Амр ибн Масада ибн Саид ибн Суль — двоюродный брат Ибрагима ибн аль-Аббаса ас-Суль. Их дед Суль был турок из знатного рода жителей Джурхана; он принял зороастризм, который проник и в Турцию, и во всем подражал персам. Амр был одним из четырех сыновей в семье и получил, как и его братья, прекрасное образование. К сожалению, о жизни его мы знаем очень мало, а о его детстве, юности и первых шагах на литературном поприще вообще нет никаких сведений. Однако известно, что он был человеком, в совершенстве владевшим своим искусством и пользовавшимся большой славой. Он писал для Джаафара ибн Яхьи Бармакида¹, а затем стал писцом аль-Маамуна и его визирем. Всю свою жизнь он посвятил заботам о государстве; он был в большом у всех почете; люди часто обращались к нему за помощью, и он был счастлив делать для них доброе дело. Он имел много сторонников, ибо не жалел подарков и хорошо обращался с теми, кто приходил к нему с просьбами.

¹ Сказал Амр ибн Масада: «Когда я служил писцом у Джаафара ибн Яхьи Бармакида, его слуги направили ему бумагу с просьбой повысить их в чине. Джаафар бросил ее мне и сказал: «Ответь!» И я написал: «Малое всегда лучше, чем кусок, отрезанный от большого». Джаафар похлопал меня по спине и сказал: «В тебе сидит визирь».

Со временем сбылись слова Джаафара, и он стал одним из доверенных визирей аль-Маамуна, который восхищался его лаконичностью и красноречием.

Амр ибн Масада погиб во время одного из набегов аль-Маамуна на византийский город Азна (ныне Адана) в 832 [217] году.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

У нас нет сведений, которые позволили бы нам твердо определить тематику творчества Ибн Масада. Государственные дела отвлекали его от сочинения книг и литературной деятельности, он занимался лишь изложением проблем, связанных с его службой при дворе халифа. Большая часть его сочинений утеряна, и до нас дошло лишь несколько его трактатов, почему и распространено мнение о том, что он создал очень мало произведений.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО ПИСАТЕЛЯ

О красноречии Амр ибн Масада свидетельствуют наиболее выдающиеся комментаторы его эпохи, в том числе и аль-Фадль ибн Сахль, который говорит: «Поистине это самый красноречивый человек. Тот, кто услышит его, подумает, что и он может писать, как Амр, но когда попытается это сделать, увидит, что ему далеко до него».

Произведения Ибн Масада отличались тщательным подбором слов, для выражения своих мыслей он пользовался лишь самыми необходимыми и простыми словами. Он писал белым стихом, и стиль его отличался спокойной последовательностью и четкостью мысли, а также лаконичностью в духе аль-Хамида и отсутствием тяжелых и сложных для понимания выражений.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
От автора	13

ВВЕДЕНИЕ

Арабский язык	
Колыбель арабского языка	15
Арабы — носители арабского языка	17
Происхождение арабского языка и его развитие	21
Арабская литература	27

ДОИСЛАМСКИЙ ПЕРИОД (475—622)

Доисламская эпоха и доисламская литература	45
Доисламская поэзия	51
Появление и становление доисламской поэзии	60
Аль-Мухальхиль и аш-Шанфара	60

Расцвет доисламской культуры. Авторы муаллак

Имру-ль-Кайс (500—540)	66
Арафа ибн аль-Абд (543—569)	82
Группа поэтов — Абид ибн аль-Абрас, аль-Харис ибн Хидлиза, Амр ибн Кульсум	93
Ан-Набига аз-Зубьяни (?—604)	101
Зухейр ибн абн Сульма (530—627)	121
Аштара ибн Шаддад аль-Абси (525—615)	132
Аль-Ааша (530—629)	144
Лябид Рабиа (560—661)	147

Другие поэтические жанры в период расцвета доисламской культуры

Введение	149
Поэтесса аль-Ханса — автор элегий (575—664 [44])	150
Аль-Хутайа — автор сатиры и панегириков (?—679 [59])	153

Проза доисламской эпохи

158

ПЕРИОД ПРАВЕДНЫХ ХАЛИФОВ И ОМЕЙЯДОВ (622—750) [1—132]

Переворот Мухаммеда и его влияние на жизнь и культуру арабов	165
Поэзия периода праведных халифов и Омейядов	172
Поэзия религиозной борьбы	
Кааб ибн Зухейр (?—662 [42])	176
Хассан ибн Сабит (?—674 [54])	181
Поэты Абу Зуайб аль-Хузали и ан-Набига аль-Джаади	187

Поэзия наслаждений

Бедуинская лирика. Джамиль ибн Маамар и Лейла аль-Ахьялийя	190

Лирика оседлых арабов

Омар ибн аби Рабиа, аль-Ахвас, аль-Валид ибн Язид 198

Политическая поэзия

Введение 207
Аль-Ахталь (640—710) [20—92] 210
Аль-Фараздак (641—732) [20—114] 220
Джарир (653—733) [33—114] 229
Убейдалла ибн Кайс ар-Рукайят, ат-Тыриммах ибн Хаким и аль-Кумейт аль-Асади 239

Особые поэтические жанры

242

Художественная проза

Прозанческие произведения малых форм 246
Прозанческие произведения больших форм 260

Наука и искусство в эпоху праведных халифов и Омейядов

Наука 266
Искусство 269

ПЕРИОД АББАСИДОВ. ПЕРИОД АББАСИДОВ НА ВОСТОКЕ (750—1258) [132—656]

Политический переворот и его влияние на общественную жизнь и культуру . 273

Литература при Аббасидах . 280

Литература движения обновления. Поэзия

Башшар ибн Бурд (714—784) [96—167] 287
Абу Нувас (762—813) [145—198] 301
Абу-ль-Атахия (748—825) [130—210] 322
Поэты Муслим ибн аль-Валид, аль-Аббас ибн аль-Ахнаф, аль-Хусейн ибн ад-Даххак . 332

Литература движения обновления. Проза

Абдаллах ибн аль-Мукаффа (724—759) [106—142] 334
Прозанки Ахмед ибн Юсеф, Сахль ибн Харун, Амр ибн Масада 362

Ханна аль-Фахури ИСТОРИЯ АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Редактор Э. А. НАМИТОВА.
Художник И. Д. Кричевский. Художественный редактор Б. И. Астафьев.
Технический редактор С. В. Клименко. Корректор И. Н. Гимошкова.

Сдано в производство 25/III 1959 г. Подписано к печати 3/X 1959 г. Бумага
60 × 92¹/₁₆ = 11,5 бум. л., 23 печ. л., уч.-изд. л. 22,8. Изд. № 13/3381. Цена 15 р. 20 к.
Зак. 258.

* * *

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Ново-Алексеевская, 62

* * *

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Московского городского совнархоза
Москва, Ж-54, Ваволая, 28.

Отпечатано в типографии ВИА им. В. В. Куйбышева. Зак. 1349